

От автора

Читатель! Я надеюсь, что вы благожелательно примете эту книгу!

И пожалуйста, не удивляйтесь столь откровенному «самознанию». Это продиктовано отнюдь не самоуверенностью. Нет. Теперь, когда написанного «не вырубись топором», меня беспокоит, что где-то недостаточно ясно высказана очень важная мысль, в другом месте и вовсе нет необходимого факта, а в третьем... Ну, уж ничем не поможешь.

И все-таки я надеюсь. Потому что предмет книги — Природа, а любовь к ней, я знаю, с каждым днем шире и мощней.

Люди всегда любили деревья, траву, цветы, зверье, птиц. Но раньше любовь как бы дремала, убаюканная сознанием неисчерпаемости окружающего богатства. Теперь же, когда рост городов все ощутимей притесняет леса, и мы, оказавшись однажды в этих лесах, напрасно мечтаем встретить медведя, волка, оленя, рысь и даже зайца, наша великая любовь к Природе проснулась. Она разбужена не менее сильным чувством — ответственностью. Ответственностью за то, чтобы жили и процветали звери и птицы, чтобы тучнели рыбы, чтобы трепетала листва на ветвях, чтобы цвели цветы.

Трудная задача стоит перед человечеством. И надо честно признаться: наш век, славный грандиозными достижениями цивилизации, оказался неподготовленным для ее решения. Люди, конечно, взялись за дело. Национальные парки, заповедники, заказники — все это уже есть. Проводится большая работа по акклиматизации и охране животных.

Но случается, например, и такое. В Калифорнии, в одном живописнейшем уголке возле красивого озера, всемогущие радетели природы для достижения полной гармонии радостей туризма уничтожили портившую пейзаж безвредную кошарку. Это была серьезная операция, с применением вертолетов и сильных отравляющих средств. И успешная. А следом за кошаркой исчезли скоро и рыба из озера, и птицы. В других краях истребили надоедливых муравьев. Результат — катастрофа леса. Теперь там лучший подарок для фермера — мешок с муравьями!

Таких примеров много. Они вокруг нас, мы все о них слышали и справедливо краснеем, потому что их причина — позорная необразованность. Это мы-то, люди XX века, создающие чудеса техники, на каждом шагу выказываем незнание простого механизма природы! Больше того, увлекшись своими чудесами, мы забыли даже названия многих зверей и птиц — названия народные и прежде само собой понятные. Скажем, сарыча с коршуном крестьяне и охотники прежде не путали, знали чеканов, плисок, варакушек, дербников, чепур, разных славок и пеночек, кутор, куниц лесных и каменных и пр., пр. А теперь многие ли из нас, не интересовавшиеся этим специально, знают, о ком идет речь?!

Древние говорили: «Nomina si nescis perit et cognitio rerum». Это значит (примерно): «Без названий нет знаний». В этой фразе глубинная мудрость. И очень отраднo, что она опять стала современной, и не только в применении к физике, химии, но и к биологии, ботанике, зоологии.

Я радуюсь (и печалюсь, конечно), когда слышу в книжном магазине, что опоздал купить недавно вышедшую книгу о животных, она уже разошлась вся, такой товар не залеживается! И как же не радоваться за тех неизвестных людей (их минимум сто тысяч — такой тираж у новинки), людей, которые устремились к тому, чтобы познать. А познав — помочь.

Эта книга — первая из задуманных пяти. Рассказ я решил начать с млекопитающих.

Звери, или млекопитающие, — класс животного царства (и типа позвоночных), который в высших своих эволюционных перипетиях произвел человека. Само название класса — млекопитающие — содержит в себе главную и, пожалуй, исчерпывающую характеристику основного качества, основного принципа непохожести на других в животном царстве.

Одетые в шерсть — другая популярная характеристика этого класса. Однако тут необходимы некоторые уточнения. Если нет зверей, не питающих своих младенцев молоком, то зверей, не одетых в шерсть, немало.

У китов, например, на теле — точнее, на морде — немного волосков: у гренландского кита их 250, у финвала 60, у дельфинов не больше восьми. Немного волос у слонов, носорогов, бегемотов, сирен. Есть даже грызуны, почти совершенно бесшерстные: африканская кротовая крыса фарум, или *Heterocephalus glaber*.

Но потеря шерсти — явление вторичное, первоначально все млекопитающие были достаточно богато опушены. Шерсть, укрывая тело, сохраняет тепло, которое вырабатывают особые физиологические механизмы. Эти внутренние «ТЭЦ», которыми эволюция наделила предков зверей и всех их потомков, оказались отличным приспособлением, надежной защитой от холода и капризов погоды, помогли выжить там, где гибли холоднокровные, зависимые от солнечного тепла пресмыкающиеся — прародители зверей. Однако возникла опасность излишнего перегрева изолированного от непогоды тела. Потребовались приспособления для охлаждения. У некоторых зверей методы теплоотдачи свои, особые. Например, у тюленей с толстым салом под кожей есть участки на теле, где слой сала тонок — своего рода отдушины для отвода лишнего тепла. У собаки, как известно, язык и полость рта — основная тепло-отводящая система. У выхухоли — хвост, у слонов и других животных — обильно снабжаемые горячей кровью уши. Но главный для большинства зверей и первоначально возникший в борьбе за существование механизм охлаждения — потовые железы.

Из потовых желез, как полагают, развились позднее и молочные железы — основное, что отличает всех зверей от незверей. Так что это их главное принципиальное свойство вытекает (исторически и логически) из частично потерянного некоторыми из них качества — одетого в шерсть тела.

Первые звери появились на планете приблизительно сто пятьдесят миллионов лет назад (по мнению некоторых исследователей, даже еще раньше). Но в ту эпоху всюду на Земле, в воде, в воздухе и на суше, господствовали рептилии, то есть пресмыкающиеся: разного рода динозавры, птеродактили, ихтиозавры и прочие зубастые, большие и малые страшилища из класса, к которому ныне принадлежат крокодилы, змеи и черепахи. Сами звери произошли от особой группы рептилий (птицы — тоже, но от другой группы).

Миллионов семьдесят лет назад случилось загадочное и быстрое вымирание целых кланов рептилий. Погибли тогда и все динозавры (по причинам скорее генетическим, чем внешним). Началось быстрое развитие млекопитающих. Новые формы жизни возникали всюду на планете. Эта эпоха расцвета новой жизни именуется третичным периодом кайнозойской эры. Кроме яйцекладущих и сумчатых зверей, появились и звери высшего порядка — плацентарные. У самок этих зверей во время беременности образуется в матке особый орган — плацента, — который обеспечивает надежную передаточную, так сказать, систему между плодом и вынашивающей его матерью. Через плаценту плод получает из крови матери нужный для дыхания кислород и питание и удаляет отходы жизнедеятельности.

Разделы, главы этой книги определяются классификацией, признающей в классе млекопитающих 19 отрядов, 122 семейства, 1017 родов и 4237 видов зверей. Хотелось бы рассказать о каждом виде, но это практически невозможно. Судите сами.

Грызунов, к примеру (о них разговор будет в другой книге), около 2000 видов. Даже если я просто перечислю их, указывая в скобках латинское наименование, это займет около 30 страниц. И весело же их будет читать! Имея в виду эту трудность, я пошел по пути обобщений, выборочное, хотя всеми силами стремлюсь сохранить за книгами значение их как справочной литературы.

Если же вы будете не удовлетворены предложенным мною объемом материала, рекомендую обратиться к авторам, чьими исследованиями пользовался и я:

Советские: С. И. Огнев, А. Н. Формозов, В. Г. Гептнер, А. Г. Банников, Н. П. Наумов, А. П. Кузякин, А. А. Насимович, Ю. А. Исаков, К. К. Флеров, Г. А. Новиков, В. Н. Скалон, М. А. Заболоцкий, И. И. Барбаш-Никифоров, С. В. Кириков, Н. К. Верещагин, А. А. Слудский, В. И. Цалкин, С. В. Мараков, В. В. Дежкин и др.

Иностранные: Б. Гржимек, Э. Трофтон, Г. Шаллер, Д. Моррис, И. Крумбигель, Н. Тинберген, У. Торп, Г. Петч, Д. Симпсон, С. Уолкер и др.

Вас, возможно, удивило, что в приведенном мною списке не значится имя Альфреда Брема, великого Брема, на книгах которого выросли и воспитались целые поколения ученых, охотников и натуралистов. Нет, я не отговариваю никого: читайте Брема, учитесь у него любить Природу. Но увы, многое в его книгах устарело, наука за последние двадцать лет сделала солидный шаг. Взять хотя бы вопрос о хищниках. Привыкли считать их свирепыми, вредными, но наука теперь доказала, что природа не может существовать без них, что они нуждаются в такой же охране, как и все безобидные звери. Или другое: полагали прежде, что приматы (обезьяны и человек) венчают своими совершенными формами развитие животного царства. Современная систематика, основы которой были разработаны в послевоенные годы американским биологом Д. Симп-соном, считает, что приматы совершенны лишь высоко развитым мозгом. Более прогрессивные с эволюционной точки зрения морфологические черты лучше выражены, однако, у парнокопытных зверей. Именно они (и среди них корова!) — высшая ветвь не только класса зверей, но и всего животного царства. Но если идти путем сравнения только психических и умственных способностей, тут, конечно, никакое парнокопытное не составит конкуренции не только человеку, но и любой обезьяне. Поэтому я решил сохранить за приматами их традиционное место на вершине древа жизни, завершив описанием отряда приматов вторую книгу о зверях.

Короче говоря, век у нас такой, что, кто знает, неожиданной реальностью завтра может стать и охрана... комара.

В заключение хочу выразить благодарность всем исследователям, чьими трудами я пользовался, всем, чей каждодневный скрупулезный труд, чье великое терпение приносят нам крупницы подлинных знаний, которые цементируются затем в глыбы — строительный материал здания науки.

Также приношу благодарность моему другу, писателю О. Кузнецову, за помощь в работе над некоторыми разделами книги: главы о волках, кошках и парнокопытных написаны нами совместно.

Яйцекладущие звери

Яйцекладущие звери

Клоачные, однопроходные, или птецеутробки, произошли, вероятно, от многобугорчатых древних зверей. Во всяком случае, об этом можно судить по строению их коренных зубов, которые есть только у эмбрионов птицеутробок. Рождают не живых детенышей, а откладывают яйца, которые ехидны вынашивают в особых, выводковых сумках на брюхе, снабженных опорной костью. Яйцеводы впадают в клоаку. Психические способности малоразвиты. Регуляция температуры тела еще очень несовершенна».

Доктор Инго Крумбигель

Химерический зверь с клювом

Мы не знаем, кто поймал первого утконоса, но, когда и где это случилось, известно точно: Хокесбери, Новый Южный Уэльс, ноябрь 1797 года. Когда шкуру невероятного создания (правда, очень плохо сохранившуюся) увидели английские

натуралисты, многие из них решили, что это подделка. Подумали, что к шкуре какого-то тропического зверюшки шутники пришили утиный клюв. Из Южной Азии не раз привозили такие штуки: то обезьяне приделают рыбий хвост и выдают ее за русалку, то петушину голову пришьют игуане — в Европе подобные монстры именовались василисками. Кунсткамеры тогда были модны и собирали всякую всячину.

Утконос

Прошел, кажется, год, прежде чем доктор Шоу, натуралист из Британского музея, рискнул исследовать шкуру утконового монстра. Рассмотрев ее внимательно, он не нашел никакой подделки: шкура, бесспорно, — создание природы, а не рук человеческих. Он назвал это диковинное создание *Platypus anatinus*, что в переводе с греко-латинского означает — плосконог утиный.

На шкуру небывалого зверя захотел посмотреть известный специалист по классификации животных, геттингенский профессор Блюменбах (похоже, он не очень-то поверил своему британскому коллеге). Шкуру утконоса послали в Германию. Но и Блюменбах не нашел подделок: и клюв на ней, и перепонки на лапах — все натуральное. Однако Блюменбах переименовал зверя в *Ornithorhynchus paradoxus* (парадоксальный птицеклюв).

Дело в том, что название «платипус» уже было присвоено одному маленькому жуку. Шоу об этом не знал. А по правилам зоологической классификации нельзя называть одинаково разных животных (чтобы не создать путаницы).

Но дать новому животному имя не самое сложное дело. Труднее определить его положение среди других созданий животного царства. Кто он, этот утконос? Зверь с птичьим клювом или птица со звериным, телом? Или ящер, покрытый шерстью?

Около ста лет длился спор, кто такой утконос. Блюменбах отнес его к классу млекопитающих, или зверей, на том законном основании, что шкура утконоса покрыта шерстью. Там бы ему и оставаться. Но тут из Австралии прислали в Англию двух заспиртованных зверюшек. Их исследовал известный анатом Эверард Хом и установил, что один из утконосов — самка. Но, как Хом ни искал, он не мог найти у нее... молочных сосков.

Сосков не сыскал, но обнаружил клоаку (общее выводное отверстие мочеполовых органов и кишечника, как у птиц или ящериц). У млекопитающих нет клоаки. Но утконоса нельзя назвать ни птицей, ни гадом: ведь кожа его одета не перьями и не чешуей, а шерстью! Как у зверей. Спереди и сзади этот путаник — птица, а посередине — зверь...

Не видя иного выхода, Хом предложил создать в системе зоологической классификации специально для утконоса особый отряд. Годом позже это и было сделано: французский биолог Этьен Жоффруа Сент-Илер дал новому отряду название однопроходных, или, иначе говоря, клоачных, животных.

Но и тут проблема не была полностью решена. Ведь по-прежнему неясно, к какому классу причислить этих однопроходных: к гадам или млекопитающим.

Ламарк говорил, что ни к тем, ни к другим, а к особому, новому классу первозверей. К тому времени у утконоса объявился родственник: в Австралии открыли еще одного зверя с птичьим клювом — ехидну, странное колючее создание, похожее и на ежа и на... кикимору.

Ехиднами греки называли гадюк. По-видимому, австралийская ехидна получила свое имя за странную и неприятную внешность, а возможно, причастна к этому и ядовитая шпора на ноге, которой природа наделила ее самцов. (Говоря, что у ехидны и утконоса птичий клюв, я имел в виду лишь внешнее сходство с роговым клювом птиц. Внутреннее его устройство совсем иное: если это клюв, то «звериный», не птичий.)

Итак, теперь их было двое, но кто они — вот задача.

Тут еще два новых сообщения, из Австралии и Германии, разделили зоологов Европы на три враждующих лагеря: сэр Джон Джемисон уверял, что утконос откладывает яйца, а немецкий анатом Меккель открыл у самки невероятного создания молочные

железы (правда, без сосков). Их не замечали прежде, потому что только к дню деторождения они увеличивают свои микроскопические размеры. Поистине чудны дела твои, Природа!

— Не может быть! — решили французы Сент-Илеры (Этьен и его сын Исидор) и немец Блюменбах. —

Если зверь откладывает яйца, то у него не может быть молочных желез. Так они полагали. Да и как новорожденные утконосики будут пить это молоко? С такими-то носами! Меккель, конечно, ошибся, приняв мускусные железы за молочные.

— Нет, — утверждал Меккель, — я не ошибся. А слухи о том, что утконос несет яйца, не больше чем легенда.

Жорж Кювье, его коллеги Бленвилль и Окен (все величайшие имена!) согласились с ним.

А два других больших знатока, Эверард Хом и Ричард Оуэн, проявив норманнскую мудрость, наполовину согласились и с теми и с другими: да, возможно, говорили они, утконос несет яйца, но не откладывает их — еще в яйцеводах их оболочки лопаются, и на свет рождаются живые утконосики, которых мамаша кормит потом молоком.

Победа! В 1829 году Этьен Жоффруа Сент-Илер, торжествуя, опубликовал письмо из Австралии, автор которого подробно описывал четыре найденных им яйца утконоса. К письму были приложены рисунки яиц. Такие подробные и хорошие, что знатоки, как только взглянули на них, сразу, без колебания решили: это яйца длинношеей черепахи. Итак, триумф Сент-Илера был недолгим.

А еще через два года новое письмо из Австралии принесло, казалось, триумф партии Меккеля и Кювье. Лейтенант Мол собственными глазами увидел, как из желез, открытых Меккелем на брюхе самки утконоса, вытекал не мускус, а молоко! Правда, один «незначительный» факт несколько омрачил радостное торжество: в норе утконоса Мол нашел скорлупки от яиц. Но, наверное, это были яйца не утконоса...

— Нет, утконоса! — заявили тотчас Сент-Илеры и Блюменбах.

Тридцать лет прошло в таких спорах. В сентябре 1864 года профессор Оуэн получил письмо из Австралии. Один рабочий, писали в письме, поймал утконоса и принес его скупщику золота. Зверька посадили в ящик из-под вина. Наутро в ящике нашли два белых, мягких на ощупь яйца.

Профессор Оуэн не хотел поверить, что самка утконоса разрешилась от бремени естественным путем: наверное, она была испугана и потому, нарушив придуманное им правило, снесла яйцо, вместо того чтобы родить живых детенышей.

Еще двадцать лет продолжался ученый спор.

В 1884 году, 2 сентября, в городе Монреале проходило собрание Британской научной ассоциации. И вот в президиум этого собрания принесли телеграмму. Прямо из Австралии. От Колдуэлла, члена ассоциации. Собственными глазами он увидел, как самка утконоса снесла яйцо!

Редкое совпадение: в тот же день в Австралии, в Аделаиде, другой исследователь, Вильгельм Гааке, показал собравшимся ученым яйцо «кузины» утконоса — ехидны. Он нашел его в выводковой сумке у нее на брюхе.

«Служитель, — рассказал Гааке, — держал передо мною ехидну-самку за заднюю ногу на весу, а я ощупывал брюхо животного. Здесь я нашел большой мешок, настолько широкий, что в него можно было положить мужские часы. Это была выводковая сумка, образующаяся перед откладыванием яйца для принятия его. Позднее, по мере роста детеныша, она расширяется, а когда он покинет сумку, снова сглаживается. Только зоолог поймет, как я был изумлен, когда вытащил из сумки яйцо. Первое отложенное яйцо млекопитающего, которое я мог показать ученому обществу. Эта неожиданная находка так сбила меня с толку, что я сделал глупость, сильно сжав яйцо между пальцами, и оно треснуло. Длина яйца равнялась приблизительно пятнадцати, а ширина — тринадцати миллиметрам. Скорлупа была жесткая, словно пергаментная, как у многих пресмыкающихся».

Итак, все были не правы: и Сент-Илеры (отец и сын), и

Блюменбах, и Кювье, и Оуэн. Утконос и ехидна, оказывается, одновременно и яйцекладущие и млекопитающие. В этом редком сочетании мы видим приметы той эпохи, когда наши дальние предки уже оделись в шерсть и стали кормить детей молоком, но не утратили совсем и некоторые черты прародителей своих — пресмыкающихся: по старой традиции продолжали нести яйца.

Прежде чем отложить яйца, самка утконоса роет нору длиной от пяти до двадцати метров. Роет у воды, но вход в нее делает не под, как часто пишут (например, у Брема), а над водой. В конце норы устраивает гнездо из сырых листьев (именно сырых, чтобы в гнезде было достаточно влаги и скорлупа яиц не подсыхала), травы, тростника и древесных ветвей, которые долго мнет и ломает своими беззубыми челюстями. И, подхватив все это хвостом (а не клювом!), переносит в нору.

Затем, действуя хвостом, как каменщик лопаточкой, утконосиха сооружает из земли и глины толстую стенку, которой, как барьером, отделяет комнату с гнездом от других помещений норы. Делает это, чтобы сохранить в гнезде нужную температуру и влажность. Замурованную в самодельном термоигростате самку труднее найти и врагам. Врагов у нее, правда, немного, но все-таки они есть: небольшой питон, местный варан и лисицы, завезенные из Европы, а в воде — хищная рыба, которую называют гигантским окунем.

Отгородившись от мира глиняной стеной, утконосиха откладывает в гнезде два тускло-белых яйца. Редко одно или три. Они мягкие: скорлупа гнется под пальцами. Свернувшись клубком, зверюшка прижимает своих потенциальных отпрысков к груди и согревает их теплом тела. Значит, не только клювом утконос напоминает птицу: как и птица, он высиживает яйца!

Температура тела у ехидны и утконосов невелика: всего около 25 градусов. Кроме того, в зависимости от различных условий она то падает, то повышается, иногда даже на 7—8 градусов. Почти у всех других млекопитающих животных нормальные суточные колебания температуры не превышают обычно одного градуса. Только у верблюда температура тела ночью опускается до 34, а в полуденный зной повышается до 40 градусов.

Возможно, что и тепло гниющих растений, из которых сложено гнездо, подогревает яйца. Но доктор Крумбигель говорит, что едва ли это так. Во-первых, подстилка из листьев слишком тонка для этого, а во-вторых, утконосики очень быстро вылупляются из яиц: листья не успевают за это время сгнить. Дней через десять-четырнадцать (а по некоторым наблюдениям — через семь-десять дней), прорвав скорлупу яйцевым зубом, молодые зверьки с клювами появляются на свет божий. Яйцевой зуб (он сидит на межчелюстных костях верхней челюсти) — своего рода «консервный нож», которым природа наделила детенышей, рождающихся из яиц со скорлупой: птенцов, новорожденных пресмыкающихся, ехидн с утконосами (даже многих пауков!). Единственное его назначение — вспороть скорлупу перед выходом из яйца. Выполнив эту несложную задачу, яйцевой зуб отваливается.

А молодые утконосики еще долго после того, как он отвалится (девять, одиннадцать или даже семнадцать недель!), лежат слепые и беспомощные на подстилке из листьев. Все это время мать кормит их молоком, в нем много белка и жира, но совсем нет сахара.

Сосков у нее нет, поэтому детеныши слизывают его прямо с шерсти. Утконосиха ложится на спину, молоко из молочных пор стекает в небольшую бороздку у нее на брюхе. Из этого, «корытца» детеныши его и вылизывают, пока не подрастут и не научатся сами ловить и есть улиток, червей и раков.

Утконосы живут в быстрых холодных горных ручьях и в теплых мутных реках равнины, в озерах и даже небольших заводях Тасмании и Восточной Австралии (к западу до реки Лейхгарда в Северном Квинсленде).

Крупный самец-утконос длиной сантиметров около семидесяти, самка поменьше. мех у этого зверя густой, бархатистый, бурый (с серебристым оттенком) сверху и серовато-белый снизу и пахнет рыбой, хотя зверек рыбу не ест. Клюв черный, широкий, но не ороговевший твердо, а довольно мягкий, кожистый. Он образован природой из того материала, который у других млекопитающих идет на нос и губы. Здесь в изобилии ветвятся осязательные нервы, и потому «клюв» утконоса, возможно, так же чувствителен ко всяким прикосновениям, как усы у кошки. Ушной раковины нет, но уши и глаза, когда зверек ныряет, плотно, закрывают мускулистые складки. Так что под водой утконос ориентируется главным образом с помощью осязания.

Перепонки его передних лап, широко растянутые между пальцами и простертые даже вперед за концы когтей, так удобно устроены, что, когда утконос плавает, они отлично гребут. Но когда он путешествует по берегу и копает нору, то подгибает их спереди назад под ладонь, и тогда они не мешают когтям делать свое дело. Перепонки задних лап коротки, вытянуты вперед только до основания когтей и потому как весла менее эффективны. (На это прошу обратить внимание: другие водные звери гребут ведь главным образом задними ногами!)

Хотя вид у утконоса явно «водяной», больше времени, однако, он проводит на суше, чем в воде. Под водой промышляет рачков, червей, улиток рано утром и поздно вечером. Беззвучно плавает и ныряет. Минуту копается под водой, перепахивая клювом ил: всякую съедобную мелочь прячет в защечные мешки, что покрупнее тащит сразу наверх. Там, на поверхности, благодушно урча, тоже около минуты «жует», что раздобыл под водой, — ломает и крошит панцири насекомых и раков более прочно ороговевшими краями клюва. Потом ныряет за новой порцией.

У взрослых утконосов совсем нет зубов, но у их детенышей есть молочные зубы, которые с возрастом исчезают. Формой своей они напоминают зубы древнейших млекопитающих. У ехидн не бывает даже и молочных зубов. Муравьев они «жуют» (вернее, давят о твердые борозды на небе) роговыми бугорками, которые сидят сверху на языке.

Голос утконоса похож на «сердитое ворчание щенка» (доктор Эллис Трофтон), «недовольное вквхтанье сердитой наседки» (Джеральд Даррелл).

Ест утконос много: за сутки почти столько, сколько сам весит. И все насекомых, рачков и головастиков. Приготовить их в достаточном изобилии нелегко, поэтому нелегко и утконосов держать в неволе. Но дело это, как убедились, возможное.

В июле 1922 года в Нью-Йоркский зоопарк привезли утконоса, живого и невинного, он прожил здесь сорок девять дней. Человека, которому утконос-эмигрант обязан был своим относительным комфортом в пути, звали Барреллом. Он сконструировал своего рода резиденцию для утконосов, именуемую платипусариумом. Большой, наполненный водой бак. Из воды вверх на сушу ведет лабиринт, имитирующий нору.

Но главное в этой конструкции то, что пол и стенки лабиринта обиты резиновой губкой. Протискиваясь в узкий ход, утконос отжимает мокрую шерсть о тесные стенки хода, губка впитывает влагу, и зверек до жилой камеры искусственной норы добирается уже почти сухим. Это очень важно, так как мокрый утконос может быстро простудиться и заболеть.

Позднее методы Баррелла усовершенствовал Дэвид Флей, один из самых известных сейчас натуралистов Австралии, основатель и директор заповедника на Золотом Берегу Квинсленда, в Баррен-Пайнзе. Он первым добился того, что в его платипусариумах утконосы стали размножаться. Многие ранее скрытые от наблюдателей детали биологии утконосов нам известны теперь благодаря его трудам.

«— Знаете, в Англии в войну ходил один странный слух. Кто-то рассказал мне, будто в Лондонский зоопарк был отправлен утконос. Вы случайно не знаете об этом?

— Вот именно — чистое сумасбродство, верно? В самый разгар войны Уинстон Черчилль вдруг решил, что ему нужен утконос. То ли он рассчитывал, что это хорошее средство поднять дух людей, то ли собирался как-то обыграть это в пропаганде, то ли просто решил получить утконоса — не знаю. Ну так вот, я поймал красивого молодого самца, готовил его полгода, потом решил, что можно его отправлять... И вот утконос вышел в плавание на «Порт Филиппе».

Представьте себе, утконос пересек весь Тихий океан, прошел Панамский канал, пересек Атлантику, и вдруг в двух днях пути от Ливерпуля — подводные лодки! Понятно, пришлось бросать глубинные бомбы. А утконосы страшно впечатлительны и очень восприимчивы к шумам. Разрывы глубинных бомб для нашего путешественника были последней каплей, и он испустил дух. В двух днях пути от Ливерпуля!» (Д. Даррелл спрашивает — Д. Флей отвечает).

Зоологи разделяют утконосов на три австралийских подвида и один тасманийский. Тасманийский подвид самый мелкий, и у него более узкий клюв.

Кузина его - ехидна

Кузина утконоса, ехидна, чтобы отложить и высидеть свое единственное яйцо, нору не роет. Мы уже знаем: она вынашивает его в сумке, такой же почти, как у кенгуру, но развернутой наоборот, отверстием назад.

Австралийская ехидна. От тасманийской её отличают более многочисленные и крупные иглы. Она немного меньше тасманийкой, но клюв у неё относительно длиннее.

Вот только непонятно пока, как это яйцо попадает в сумку. Раньше думали, что самка когтями или клювом закатывает его туда. Но когти и клюв для этого совсем не годятся. Думали, что, может быть, изгибаясь, самка откладывает яйцо прямо в сумку.

А сейчас считают, пишет Эллис Трофтон, известный знаток австралийских животных, что сумка вырастает у ехидны после того, как из яйца выведется детеныш (где-нибудь в укромном местечке). Когда он начнет сосать, прицепившись к шерсти у мамы на брюхе, сумка сразу быстро-быстро растет и закрывает его со всех сторон, и он, сам того не ведая, оказывается в люльке. Но тогда как же находка Гаака? Ведь Гаака в уже готовой и такой большой сумке, что в нее «можно было положить мужские часы», нашел яйцо, а не детеныша!

Зденек Веселовский, который наблюдал за ехидной в Пражском зоопарке, тоже пишет, что яйцо она снесла в готовую уже сумку. В одной последней работе о биологии размножения ехидны утверждается то же самое.

Поэтому скажем так: зоологи должны еще уточнить, как яйцо ехидны попадает в сумку.

Живут ехидны в лесах и кустарниках почти по всей Австралии и Тасмании. Их тут два вида — австралийский и тасманийский. И в Новой Гвинее живут австралийские ехидны, кроме того, еще три вида так называемых проехидн. Они крупнее, ноги и клювы (изогнутые чуть вниз) у них более длинные, чем у ехидн, но иглы короче и мех, растущий среди них, более густой.

Фирменное блюдо ехидн и проехидн — муравьи и термиты. Охотятся на них, как и муравьеды Америки, предлагая насекомым облепить свой длинный клейкий язык, а потом всю прилипшую компанию вместе с языком втягивают в узкий клюв.

Черноиговая новогвинейская проехидна. В лесах Новой Гвинее обитают ещё два вида проехидн. Они крупнее ехидн: весят до 10 килограммов, режут - до пуда.

У ехидн и проехидн клюв прорезан небольшой щелью лишь на самом конце, и поэтому открывать его широко, как утконос, они не могут. Хвост короткий. Австралийские и тасманийские ехидны зимой впадают в спячку. А весной, очнувшись от оцепенения, линяют, сбрасывая старые иглы и шерсть. Сырые, тенистые и гористые места они явно предпочитают сухим и низменным.

Как и наших ежей, иглы отлично защищают ехидн. Как и ежи, сворачиваются они в иглистый шар,

когда этого требует критическая ситуация. Или быстро роют землю мощными когтями и вмиг закапывают себя. У ехидн рост малый, а сила не по росту велика: оторвать их от земли, когда они в нее вцепятся всеми четырьмя когтистыми лапами, нелегко.

Один зоолог запер как-то на ночь ехидну в своей кухне. Наутро пришел и увидел: вся мебель кухонная — тяжелый буфет, стол, шкафы, стулья — сдвинута с места от стен к середине, словно поработал над ней не маленький клювоносый зверек, а медведь.

Лишь газовая плита, прочно прикрепленная трубами к стене, осталась на месте.

Немало времени ехидны проводят за туалетом. Природа наделила их особым гребнем. Второй палец, самый длинный, несет зазубренный коготь. Им зверьки чистят свою шкуру.

По-видимому, ехидны не ночные животные, как прежде думали, и даже не сумеречные. Добычу промышляют обычно после полудня. А когда вечерет, ищут уютное укрытие где-нибудь в расщелинах скал, меж камней, под пнями, в поваленных деревьях.

Впрочем, есть мнение, с этим несогласное: пропитание добывают рано утром и поздно вечером. Тогда их только будто бы и можно увидеть на лоне природы.

Обоняние (и осязание) у ехидн прекрасное, слышат тоже хорошо, но видят неважно: только то, что вблизи.

Неволю, не в пример утконосу, переносят легко. Едят почти все, что прилипнет к языку и без труда втягивается в клюв: мясной фарш, хлеб, размельченные крутые яйца. Любят молоко и пьют его поразительно много. Но особый деликатес — сырые яйца, которые ехидны вылизывают языком. При великой своей прожорливости голодать, однако, могут по месяцу.

Самцы ехидн и утконосов носят на задних ногах костяные шпоры. Они покрыты кожей, словно чехлом, но острые концы торчат наружу и могут больно уколоть. Мутная жидкость вытекает по каналу, пронзающему шпору насквозь. Она ядовита.

По-видимому, шпоры — отравленное оружие. Но до сих пор неизвестно, чтобы ехидна поранила кого-нибудь своей шпорой. (Правда, в борьбе за самку самцы ехидн пытаются иногда уколоть друг друга.) Утконос тоже сам не пускает ее в ход. Правда, некоторые люди и собаки, бесцеремонно обращаясь с безобидным зверьком, натыкались, случалось, на ядовитую шпору. Люди излечивались довольно быстро, но собаки (тоже довольно быстро) умирали. Умирали и кролики (через две минуты!) после того, как экспериментаторы впрыскивали им под кожу яд утконоса.

Ехидна и утконос — единственные на нашей планете ядовитые млекопитающие (если не считать некоторых насекомоядных).

В наши дни утконосы и ехидны уцелели только в Австралии и на некоторых близких к ней островах. Даже ископаемые их остатки найдены до сих пор лишь в позднекрейцеровских, плейстоценовых, отложениях пятого континента.

Звери сумчатые, или двуутробки

Почти у всех — выводковые сумки-колыбели (у многих с опорной костью), открываются вперед, как у кенгуру, или назад (пример — коала и сумчатый волк). У мурашееда нет сумки: детеныш цепляется за густые волосы на брюхе у матери. Детей рожают недоразвитых: они ползут в сумку, там присасываются к соскам и так висят несколько недель или месяцев, питаются молоком и растут, защищенные теплой стенкой материнской плоти от всех невзгод. У самок две матки, но плаценты и пуповины нет (только у бандикутов есть пуповина). Молочных зубов тоже не бывает.

Звери сумчатые, или двуутробки

Сумчатых — 8 разных семейств, 80 родов и 248 видов. Из них 72 обитают в Америке, а 176 — в Австралии и на ближайших к ней островах: Тасмания, Новая Гвинея, Тимор, Сулавеси, Молуккские. 120 миллионов лет назад сумчатые жили, по-видимому, на всей Земле, но позднее их сильно потеснили звери несумчатые (плацентарные). Лишь в немногих местах сохранились теперь сумчатые, и главным образом в Австралии и примыкающих к ней островах к северо-востоку до линии Уоллеса, которая незримо отделяет Сулавеси от Калимантана (где сумчатых уже нет) и островов Бали и Ломбок.

Кенгуру

Путешествие в сумку

Часто говорят и пишут, что одно из самых «эксцентричных» животных, кенгуру, было открыто и впервые описано капитаном Джеймсом Куком в 1770 году, когда знаменитый его корабль «Индевр» бросил якорь у берегов Восточной Австралии.

Но это неверно. За сто пятьдесят лет до Кука при обстоятельствах весьма трагических первое знакомство с кенгуру завел голландец Франс Пельсарт.

В 1629 году его корабль «Батавия» потерпел крушение у берегов Западной Австралии. Капитан Пельсарт отправился за помощью в настоящую Батавию (ныне Джакарта). А в это время некоторые матросы из оставшихся на берегу решили воплотить в жизнь давнюю мечту: захотели стать пиратами! Сговорились и перебили своих товарищей, мечтавших, по-видимому, о другом.

Когда Пельсарт вернулся с подкреплением из Батавии, ему удалось перехитрить пиратов-самоучек. Он захватил их в плен и всех казнил, кроме двух, которых оставил на берегу. Это были первые белые «поселенцы» в Австралии.

Кроме приключения с пиратами, Пельсарт и его товарищи пережили еще одно волнующее событие, которое имеет непосредственное отношение к теме

нашей книги. Они повстречали на равнинах Новой Голландии (так называли тогда Австралию) очень странное существо: оно прыгало, как кузнечик, на двух длинных-предлинных задних ногах. Короткие передние лапки животное прижимало к груди. Хвост у него был тоже «очень длинный, как у длиннохвостой обезьяны».

Полагают, что первый кенгуру, которого увидели европейцы, был небольшим кустарниковым валлаби-дама, или таммар-валлаби. Но известие о нем, об этом животном, дошло до Европы... лишь через двести лет. Вернее, дошло-то оно раньше, но затерялось в архивах, его отыскивали и вспомнили о нем лишь после того, как слово «кенгуру», привезенное Куком из Австралии, облетело уже весь мир.

Случилось это в 1770 году. «Индевр» получил повреждение на Большом Барьерном рифе у восточных берегов Австралии. Пока судно ремонтировали, Кук и Джозеф Бенкс, натуралист и меценат, отправились на берег поохотиться. Они много слышали о странных существах, которые здесь водятся: звери эти ростом будто бы с человека, голова у них оленья, хвост длинный, а прыгают, как лягушки! «Кроликов», которые прыгали, как лягушки, Кук уже видел, но больших зверей, ростом с человека, еще не встречал. Правда, нашли однажды помет неведомого животного, «которое питалось травой и ростом было не меньше оленя», — так заключили знатоки с «Индевра», изучив следы таинственного незнакомца.

Джозеф Бенкс взял с собой собаку грэйгаунда, или, иначе говоря, английскую борзую. Она и выследила в высокой траве четырех больших «тушканчиков», которые, спасаясь от нее, «скакали на двух ногах, вместо того чтобы бежать на четырех». Но и на двух ногах удирали так быстро, что собака не могла их догнать.

Гигантские рыжие кенгуру скачут упругими прыжками, словно парят.

Позднее Кук спросил местных охотников, как называют они зверей, которые скачут на двух ногах.

Говорят, он обратился к ним по-английски:

— Can you tell me... (Можете ли вы мне сказать...)

— Кэн тэлру? — ответили австралийцы, повторив на свой лад его вопрос, так как не расслышали его.

— Кэн-гу-ру? — переспросил Кук.

— Да-да, — они согласно закивали головами. Так будто бы по методу испорченного телефона из вежливой английской фразы «Кэн ю телл ми» и родилось на свет всем ныне хорошо известное слово «кенгуру».

Другие утверждают, что все было иначе. Кук, может быть, и спросил: «Кэн ю телл ми?», но ему в ответ пробурчали что-то похожее на «кенгуру», что означало на австралийском языке: «я не понимаю».

Наконец, третьи говорят, что все это не так. Слово «кенгуру» (вернее, «гангуру») действительно есть в лексиконе у местных племен, кочевавших вблизи Куктауна, как раз там, где Кук и повстречал этих самых «гангуру».

Каких именно кенгуру видели мореплаватели с «Индевра» (позднее они даже поймали нескольких из них), неизвестно. Думают, что скорее всего бичехвостых валлаби.

Не прошло и двадцати лет, как вслед за Куком к берегам Австралии прибыл первый британский флот во главе с генерал-губернатором всех новооткрытых здесь территорий. И с первыми же кораблями, которые отплыли в Англию, губернатор и его офицеры послали в дар королю Георгу III живого... кенгуру.

В Англии заморского оригинала ждала восторженная встреча. Тысячи лондонцев спешили посмотреть на него. Были напечатаны и расклеены по городу афиши, превозносившие действительные и мнимые достоинства кенгуру. Одна из них, например, была составлена в таких выражениях:

«Удивительный кенгуру

Единственный, который живым прибыл в Европу. Показывают ежедневно в Лицеуме на Стрэнде с восьми утра до восьми вечера.

Это поразительное, прекрасное и кроткое животное не похоже ни образом, ни сортом, ни симметрией тела НА ВСЕХ ДРУГИХ ЧЕТВЕРОНОГИХ! Его многочисленные и исключительные качества превосходят все, что может вообразить широкая публика. Созерцая его, она приходит в восторг и награждает необыкновенное животное аплодисментами». И так далее в том же роде. А в конце маленькая приписка: «Плата за вход — ОДИН ШИЛЛИНГ».

Но среди похвал, щедро расточаемых составителями афиш по адресу кенгуру, не было упомянуто одно самое редкое его качество. Не заметили его и капитан Кук и сопровождавшие его натуралисты — Солан-дер и Бенкс. Но старый морской волк Франс Пельсарт о нем знал!

«Снизу, на животе, самка носит сумку, в нее можно залезть рукой. Мы нашли в сумке детеныша, который висел на соске, вцепившись в него своим ртом. Мы видели несколько подобных «зародышей», они все были величиной с боб, так что, по-видимому, и вырастают здесь из сосков» (Франс Пельсарт).

Убеждение, что детеныши кенгуру не рождаются обычным путем, а отпочковываются от сосков, было очень широко распространено прежде. Да и сейчас еще многие фермеры в Австралии верят, что между яблоней и кенгуру есть некоторое сходство: плоды на ветвях и детеныши на сосках вырастают у них примерно одинаково. Эллис Трофтон описал однажды в австралийской газете, как кенгуру рожают своих детей. И получил письмо, в котором возмущенный читатель заявлял, что, несмотря на рассуждения всяких «трофтонов» и других умников «с Питт- и Джордж-стрит», он остается при своем мнении на предмет о том, как рождаются кенгуру.

Долго об этом «предмете» велись споры и среди натуралистов. Правда, немногие из них сомневались в том, что кенгуру размножается не вегетативно, как растения, а обычным для зверей путем. Но вот как новорожденные «эмбрионы» попадают к мамашам в сумки, чтобы закончить там свое развитие, — об этом спорили особенно много. И лишь сравнительно недавно истина окончательно была установлена.

Я сказал: окончательно установлена, хотя первые правильные наблюдения (а им не всегда верили) сделаны очень давно.

«...Мать тотчас после рождения, захватив губами, вкладывает его в сумку» (А. Брем, Жизнь животных).

Зоологи тогда думали, что своих новорожденных детенышей кенгуру и другие сумчатые переносят в сумки, захватив губами. Лапами в это время мамаша будто бы открывает сумку. Это мнение поддерживал и развивал известный английский биолог Ричард Оуэн. И даже когда в начале прошлого века его коллега профессор Бартон из Филадельфии своими глазами увидел, как новорожденные детеныши американского опоссума, похожие больше на червячков, чем на зверят, сами ползли по брюху матери в сумку, не поверил Бартону.

За три года до того, как Ричард Оуэн в 1833 году развил свою неверную, но «живучую» теорию о методе транспортировки новорожденных кенгурят в сумку, лондонский зоологический журнал опубликовал очень интересную статью военного врача Александра Колли. Статья имела непосредственное отношение к теории Оуэна, и очень жаль, что не привлекла его внимания.

«Он, как только родился, сразу пополз по шерсти на животе у матери к отверстию в сумке. А она, повернув голову к своему отпрыску, внимательно следила за его продвижением, не более быстрым, чем у улитки» (Александр Колли).

Она — мать-кенгуру, таммар-валлаби. Он — ее малючка детеныш, размером меньше мизинца. Она, полулежа на спине, довольно безучастно наблюдала за героическим маршем крошечного «эмбриона», слепого, глухого, но одержимого «великой идеей», одним неистребимым побуждением — ползти и ползти ко входу в сумку. И поскорее нырнуть в нее. А нырнув, найти там сосок и присосаться к нему. Еще до рождения в хромосомных шифрах его наследственности был запрограммирован великий инстинкт, который заставил теперь эмбриона-пилигрима отправиться в нелегкий путь через волосяные джунгли на брюхе породившего его зверя.

Когда детеныш дополз до соска и присосался, Колли отцепил его и положил на дно сумки. Через час пришел проверить, что делает... эмбрион? детеныш? личинка? (не знаешь, как и назвать его!). Он еще ползал «за пазухой» у матери: искал сосок. Через два часа нашел его и прочно присосался.

У некоторых кенгуру новорожденные детеныши весят всего 500—750 миллиграммов. В тридцать тысяч раз меньше, чем мать. У кенгуру ростом в 1,5 метра новорожденный детеныш — около двух сантиметров, вес его — не больше «пяти-шести булавоч!». Один грамм!

Чтобы добраться до сумки, микродетенышу кенгуру приходится проползать немалый путь. Как он находит дорогу? Почему не сбивается с пути? Ведь мать — это подтверждают все наблюдения — ничем ему не помогает. Полулежит себе на спине и равнодушно смотрит на него. Нигде не подтолкнет, не направит.

Впрочем, не совсем так, кое-чем все-таки помогает: вылизывает дорогу!

Перед самыми родами кенгуру-мать начинает лизать свой живот. Вылизывает старательно, но не всюду, а только узкую полоску — дорожку ко входу в сумку! Эта дорожка и стерильна (так как чисто вылизана) и хорошо размечена указателями (так как мокра). По мокрой шерсти детеныш и старается ползти. Если собьется в сторону и попадет на сухую шерсть, сейчас же поворачивает назад.

Однажды мать-кенгуру, предварительно вылизав свои «руки», помогала ими ползти своему детенышу. Но это был исключительный случай: детеныш родился в «рубашке», которая стесняла его движения. Бывало и так: пытаюсь помочь или случайно задев новорожденного микродетеныша, мать, увы, убивала его грубым прикосновением своих когтей.

Ползет он, работая передними лапками, словно веслами. Они у него, как у крота, сильные и толстые, с острыми коготками. А задние еще недоразвитые, на них и пальцев нет. (У взрослого же кенгуру совсем наоборот: передние лапы вроде бы недоразвитые!)

Ползет новорожденный кенгуру не быстрее улитки, а все-таки через полчаса добирается до сумки и исчезает в ней.

Пройдет еще немало времени, прежде чем у мамы в «кармане» найдет он сосок. А как найдет, крепко схватит и повиснет. Губы его прирастут к соску (к одному из четырех). Теперь он висит неподвижно, как плод на ветке. Даже молоко сам не сосет: сосок, сокращаясь, впрыскивает его в глотку двуутробкой «личинки».

«Мы установили (и наш фильм это может подтвердить), что мать (вопреки распространенным утверждениям) не облизывает шерсть, чтобы проложить дорожку для детеныша» (Джеральд Даррелл).

Поражает иногда, как все-таки плохо еще мы знаем многих даже самых обычных животных! Я уже говорил о загадочной проблеме с сумкой ехидны. С кенгуру, как видите, такая же история; наблюдения и утверждения знатоков не сходятся: вылизывает или не вылизывает мать указательную стезю в сумку?

Не был ли здесь, впрочем, какой-нибудь особый, патологический случай? Потому что наблюдения многих других исследователей с утверждением Даррелла не согласны. Оппосумы тоже вылизывают у себя на брюхе дорожку в сумку. Доктор Инго Крумбигель, один из крупнейших знатоков млекопитающих животных, полагает, что это в обычае у всех сумчатых.

Беременность у кенгуру в разных условиях и обстоятельствах очень разная: в среднем от 33 и до 130 дней. На соске новорожденный кенгуренок висит еще несколько недель (у иных месяца два!) — и вот, протиснувшись в щель сумки, покидает удобную «колыбель с центральным отоплением и встроенным молочным баром». Но не навсегда! Долго еще потом, почти целый год, когда вырастет и научится бегать, большой и длинноногий кенгуренок при каждой опасности (да и без нее) прячется у матери в сумке (даже если там висит на соске его младший брат!). Он уже не помещается в одной колыбели с молочным братом, ноги-ходули

торчат наружу, а прячется. Мускул на краю сумки сокращается и «автоматически» ее запирает.

Кенгуру-мать с детенышем «за пазухой» большими скачками удирает от погони. Но если враги ее настигают, часто выбрасывает живую ношу им на растерзание: тоже своего рода автотомия — самое древнее средство страхования жизни? Ящерица в критических ситуациях расплывается хвостом, кузнечик — ногой, осьминог — щупальцем, а кенгуру... кенгуренком, своим единственным.

Впрочем, не совсем ясно: жертва это или ответственный акт материнства, так как настоящие кенгуру и валлаби выбрасывают детенышей из сумки обычно либо в густой куст, либо около дуплистого гниющего на земле дерева, чтобы тот мог спрятаться. Потом, если уцелеют, сумчатые матери возвращаются к месту вынужденного расставания и подбирают своих детей.

Роды у кенгуру легкие — ни мук, ни хлопот. А плодовитость...

«Все равно что поточная линия на заводе Форда. Посмотришь — один детеныш развивается в чреве, второй висит на соске в сумке, а третий уже бегаёт, но еще сосет» (Джефф Шерман, австралийский биолог).

Бывает (правда, редко), рожают они и двух детенышей, а в сумке гигантского рыжего кенгуру нашли однажды сразу трех присосавшихся «эмбриончиков».

Деторождение у кенгуру — в любой сезон года, но обычно австралийской зимой.

Кенгуру всевозможные

В семействе кенгуровых, не считая уже истребленных и вымерших, около 50 видов. Самые мелких из них, тех, что ростом немного больше крысы, называют крысиными кенгуру, средних — валлаби, а самых крупных (у которых стопа задних ног длиннее 25 сантиметров) — настоящими кенгуру.

Большие кенгуру только на первый взгляд одинаковы. Их три разных вида. Серые лесные кенгуру: конец морды у них между ноздрями, да и вокруг них, порос шерстью, как у зайца, тело серо-бурое, брюхо грязно-белое, а конец хвоста темный. Рыжие степные: конец морды между ноздрями порос шерстью лишь до середины ноздрей, голова голубовато-серая, на щеках, ближе к ноздрям, по одной косой черной полосе, тело у самцов рыжее, у самок серое, но бывают и самцы все сплошь серые, а самки рыжие (у западного подвида), конец хвоста светлый. У матерых самцов в пору размножения грудь пурпурная — от особых выделений кожных желез. И третий вид — горные кенгуру, или воллару. Телом они более массивные, шерсть густая и грубая, конец морды между ноздрями бесшерстный, голый, как у оленя. Голова и тело у самцов темно-серые, но у некоторых рас бывают и рыже-бурыми. У самки светлее. Конец хвоста у самцов черный, у самок светлый.

Долго, почти целый год, пока вырастет и научится бегать, большой и длинноногий кенгуренок прячется у матери в сумке.

Серый, рыжий кенгуру и воллару почти одинаково велики и в равной мере заслуживают (хотя и несколько преувеличенного, но давно принятого) названия гигантских: так как из всех современных сумчатых рост у них самый импозантно высокий. Но рыжий кенгуру, пожалуй, немного крупнее других: длина от носа до кончика хвоста нередко 2,5—2,7 метра. Серый кенгуру и воллару в среднем чуть

меньше. Однако зарегистрирована длина шкуры старого самца серого кенгуру, поместному — бумера, около 3 метров. А про рыжих рассказывают: попадались в старые времена самцы длиной в три с четвертью метра. Может, так и было когда-нибудь давно, теперь таких кенгуру в Австралии нет.

Врагов, кроме человека, глистов и песчаных блох, которые, кусая в глаз, часто совсем ослепляют бедных животных, у гигантских «тушканчиков» немного: динго, лисы, завезенные из Европы, и клинохвостый орел. Но недруги эти обычно отваживаются нападать только на молодых и больных кенгуру-великанов. Здоровых и взрослых спасают ноги, знаменитые и резвостью и силой удара. На двух ногах скачут кенгуру со скоростью около пятидесяти километров в час, каждым прыжком покрывая дистанцию в шесть-семь метров. На косогорах, вниз по склону гигантский кенгуру может прыгнуть и на двенадцать метров, а для старого самца забор в два с половиной и даже в три метра высотой хоть и с трудом, но преодолит.

Сила удара задней ноги большого кенгуру так велика, что, были случаи, люди падали с проломленными черепами. Недавно в предместье Сиднея пострадал от этой ноги полицейский, который помогал вязать забежавшего сюда бешеного кенгуру. Эллис Трофтон говорит: не только гигантские кенгуру, но и крупные валлаби внезапно приходят в спонтанную ярость и бьют тогда крепко. Поэтому он не рекомендует позволять детям ласкать и кормить кенгуру в зоопарках.

Тут интересно упомянуть еще раз (об этом уже писали), что у кенгуру есть интересный прием защиты от охотничьих собак и динго. Когда те их слишком упорно преследуют, бегут наши «тушканчики» туда, где, знают, есть озерко или пруд. Заберутся по грудь в воду, собаки в безрассудной своей храбрости за ними. Тогда кенгуру, прочно упершись природным своим тренажером (двумя задними ногами и хвостом) в илистое дно, хватается собаку передними лапами и топит: держит ее голову под водой, пока собака не захлебнется. Бывало, если и не решался пес прыгнуть в воду, а таякал с берега, «удивительный кенгуру» выскакивал из воды, хватал его и тянул в воду.

Однажды, случилось это, впрочем, давно, молодой колонист, еще плохо знавший кенгуру, решил поохотиться на старого серого бумера. Кончилось дело финалом, нам известным. Кенгуру утопил собаку. Тогда взбешенный охотник, как потом он сам признался, «решил размозжить голову кенгуру прикладом ружья» и смело кинулся в пруд. Но кенгуру изловчился и окунул охотника и раз, и два, и три, и, если бы не подоспевшая вскоре помощь, тот наверняка захлебнулся бы. Вытащили его, во всяком случае, без сознания.

В неволе крупные кенгуру жили по десять лет. Очевидно, срок их естественного долголетия — около пятнадцати лет.

Самцы рыжего кенгуру ярко-винно-красного цвета или элегантно-дымчато-голубые, стремительные в упругих, словно парящих, прыжках, заслужили здесь прозвание «голубых птиц». Жизненное пространство у них обширнее, чем у других: почти весь континент, за исключением лишь крайних западных и восточных прибрежных областей да сырых тропических лесов на востоке и севере. Это равнинное, степное и пустынное животное. В Австралии рыжий кенгуру занимает, как говорят биологи, ту же экологическую нишу, что и степные антилопы Африки. Он кочует небольшими стадами (от десятка до сотни разновозрастных зверей) в поисках богатых травами угодий, которые скотоводы еще оставили в его распоряжении. Рыжий менее дик и зол на человека, чем два других гигантских кенгуру. А именно, серый и воллару. Серый гигантский — по преимуществу лесной. Живут эти кенгуру (немного их осталось!) на крайнем востоке и юго-западе Австралии, в Тасмании и на острове Кенгуру, тут же недалеко.

Воллару — самые злые, упорные и опасные в драке из всех четвероногих Австралии. Сложения они крепкого, пожалуй, даже коренастого, задние ноги у воллару покороче, чем у серого и рыжего кенгуру, но толще, и удар их очень силен. Защищаясь, воллару и зубы пускают в дело и когти. В неволе неуживчивы и колотят соседей безжалостно. Несколько подвидов воллару живут в предгорьях и скалистых горах на восточном, западном и северо-западном побережье, а один вид — в горных районах Центральной Австралии. Днем обычно прячутся в скалах, по которым лазают очень ловко, а ночью пасутся на плоскогорьях и лугах: едят траву, листья, побеги. Без воды живут долго. Когда жажда их томит, грызут кору молодых деревьев и кустарников.

По соседству с воллару живут кенгуру помельче — горные валлаби. Ступни их задних ног отлично приспособлены для жизни в горах: шероховатые и подбитые густой шерстью. На двух ногах, совсем не помогая себе передними лапами, скачут валлаби по таким отвесным кручам, что дух захватывает. Скалы местами до блеска отполированы их подошвами. Когда враг настигает, горные валлаби, не задумываясь, прыгают с разбегу на деревья, как можно выше на развилку или сук, и большими пальцами ног крепко охватывают их.

Когда вокруг все спокойно, они, любят часами греться на солнце, время от времени переговариваясь с родичами по беспроволочному телеграфу, такого же типа, как у кроликов и зайцев. Стучат лапами по земле, и это значит: «Как живешь?» Если кто-нибудь незванный вторгается в пределы их владений, валлаби теми же сигналами, только более громкими и тревожными, предупреждают соседей: «Будьте бдительны!»

Злейший недруг горных валлаби, кроме человека и его собаки, — небольшой питон, который живет там же, где и они.

В Австралии (ни в Тасмании, ни в Новой Гвинее их нет) десять видов больших горных валлаби и один малый. Валлаби, которые горам предпочли равнины, тоже сигнализируют об опасности ударами лап по земле. Они очень проворны, скачут быстро, трехметровыми прыжками, и, бывало, удирая от собак, легко перескакивали через головы охотников, пытавшихся преградить им путь. Пасутся обычно ночью, а днем многие спят, забившись в чащу кустов. Некоторые роют норы с двумя выходами и, как сурки, ныряют в них в испуге. Или прыгают с разгона в дупла деревьев. Особенно шилохвостые валлаби. На конце хвоста у них — роговой шип, похожий на ноготь. Из всех зверей только еще у одного сумчатого (длинноухого бандикута) и у льва есть нечто подобное. Зачем им

это странное украшение хвоста — непонятно. Возможно, — так некоторые уверяют — «ногтем» на хвосте валлаби сгребают в кучу ветки и листья, когда готовят себе грубое гнездо для ночлега.

Другая странность этих небольших, ростом с зайца, кенгуру — нелепая на вид манера, убегая, не прижимать к телу передние лапы, а крутить и болтать ими в воздухе. За это и прозвали их «шарманщиками». Самки шилохвостых валлаби, когда удирают, почти всегда выбрасывают из сумки детеныша, если он достаточно уже вырос, чтобы уметь прятаться. Обычно мать делает это, пробегая около какого-нибудь дупла в гниющем на земле дереве. Ее малолетний детеныш тут же ныряет в дупло и, притаившись, ждет, когда мать придет за ним, если, конечно, сумеет обмануть собак в лабиринтах кустарниковой чащи. Жива будет, никогда его не оставит и вернется за драгоценной своей ношей.

Валлаби — небольшие кенгуру, но они не овечки. Детей защищают храбро. Лисы, расплодившиеся в Австралии, и местные клинохвостые орлы, испытав на себе силу удара кенгуриных задних лап, отваживаются нападать только на детенышей валлаби. Тактика у них такая: схватить его внезапно и бежать (или лететь), чтобы мать не догнала. Если та рядом, отнять у нее дитя нелегко. Видели, как клинохвостый орел, долго маневрируя в ложных атаках, пытался нагнать страху на самку валлаби Грэя и отогнать ее от детеныша, который жался к ней. Добившись лишь частичного успеха в этом, орел решил, что успеет схватить чуть отбежавшего кенгуренка, и с метровой высоты упал на него. Но мать в виртуозном скачке перехватила его на полпути к цели и ударила задними лапами. Орел ретировался, решив, что с него хватит. А кенгуренок тут же забрался к маме в сумку.

Среди валлаби есть животные особого сорта — древесные кенгуру. Наскучило им скакать по земле, полной треволнений и врагов, и родным домом их стали деревья. Многие равнинные валлаби часто ищут спасения на деревьях, а эти и вовсе туда переселились. Случилось так, по-видимому, совсем недавно (конечно, в масштабах времени, которым измеряется эволюция, а не наши повседневные дела). Задние ноги у древесных валлаби за небольшой эволюционный срок успели укоротиться, а передние стали длиннее: с такими пропорциями конечностей лазать по деревьям удобнее. Стопы задних ног у них очень шероховатые, а когти на всех пальцах длинные и крючковатые, чтобы крепче цепляться за кору и ветки. Но хвост у них не цепкий. Он на конце с небольшой кисточкой, действует лишь как руль и балансир в прыжке и подпорка при лазанье. Передвигаясь по сукам, древесные кенгуру держат тело горизонтально, а не вертикально, как их наземные сородичи, а когда спят или стоически терпят низвергающиеся на них каскады тропического ливня, дугой изгибают спину и прячут голову между передними ногами. Эти новые повадки привели к тому, что естественный отбор заставил волосяную «макушку», из которой шерсть на спине радиально расходится во все стороны, переместиться так, что волосы на шее растут у них не от головы к хвосту, а наоборот. И теперь, когда кенгуру от дождя прячет голову между передними лапами, волосы на ее теле образуют как бы естественный скат для воды, которая, легко и беспрепятственно обтекая их по поверхности, под шерсть не проникает. По той же причине и у обезьян, имеющих привычку закрывать руками голову от дождя, волосяной ворс на предплечьях, которые в этой позе подняты вверх, направлен не от локтя к кисти, а в обратную сторону.

Родина древесных валлаби - Новая Гвинея: там их семь видов. В Австралии только два, которые переселились сюда из Новой Гвинеи сравнительно недавно. Это древесные валлаби Беннета, или, по-местному, тхарибина, и Лумгольца, или бунга-ри. Оба живут в горных тропических лесах на севере Австралии, всего в двух точках (на географической карте) — у восточного побережья полуострова Кейп-Йорк, Квинсленд. Оба темно-серо-бурые. Но у древесного валлаби Беннета в основании хвоста темно-рыжее пятно (и волосяная «макушка» на середине спины, а на лбу небольшой хохолок). У валлаби Лумгольца поперек лба светлая полоса и брюхо светлое (а «макушка» над плечами).

Повадками все виды древесных кенгуру похожи. Живут они небольшими группами: один взрослый самец и несколько самок с детенышами. Днем обычно

Черный древесный кенгуру из Новой Гвинеи.

Здесь обитают еще четыре-шесть видов древесных кенгуру, некоторые из них окрашены великолепно! Спина рыжая, с двумя яркими желтыми продольными полосами, морда, брюхо и ноги тоже ярко-желтые.

Спят на вершинах деревьев. Ночью кормятся листьями, побегами вьющихся растений, фруктами. Под прикрытием мрака спускаются (хвостом вперед!) на землю, чтобы полакомиться папоротниками. По деревьям лазают очень ловко и быстро, иногда скачут с одного на другое на манер обезьян и перелетают пространство в десять метров. В испуге с

огромной высоты прыгают с деревьев на землю — один валлаби Беннета скакнул с верхушки восемнадцатиметрового дерева! — и приземляются без увечий на все четыре упругих ноги, как кошки. Самцы их очень драчливы, и в зоопарках, бывает, сильные насмерть забивают слабых.

Австралийские аборигены охотятся на древесных валлаби с прирученными и соответственно дрессированными динго. Собаки по ночному следу находят дерево, на котором мирно дремлют бунгари, и вертятся здесь. Охотники подбегают и лезут на дерево. Если не успеют схватить за хвост сонного валлаби, то сгоняют его на землю, где собаки уже не зевают. Тут надо сказать, что жаркое из всех валлаби, не только древесных, очень ценится местными гурманами. Они утверждают, что оно вкуснее зайчатины.

Черный древесный кенгуру из Новой Гвинеи. Здесь обитают еще четыре-шесть видов древесных кенгуру, некоторые из них окрашены великолепно! Спина рыжая, с двумя яркими желтыми продольными полосами, морда, брюхо и ноги тоже ярко-желтые.

Чтобы закончить о кенгуру, надо сказать несколько слов о самых маленьких из них — о крысиных кенгуру (не путайте с кенгуровыми крысами, или американскими «тушканчиками», это совсем другие животные).

Девять видов крысиных кенгуру (некоторые из них почти полностью, а два вида, по-видимому, и полностью истреблены) обитают в Австралии и два вида в Тасмании. Ростом они с крысу или кролика.

У мускусного крысиного кенгуру хвост бесшерстный, как у крысы, и передвигается этот зверек на всех четырех лапах. Остальные скачут лишь на задних, и хвосты у них

вполне приличны на вид — не голые, а все в шерсти.

Трава, клубни, грибы (а у мускусного еще и насекомые) — таково меню этих мини-кенгуру. Многие пасутся по ночам и тогда часто и безбоязненно прыгают по окраинам поселков, подбирая разные отбросы на свалках и помойках.

Некоторые живут в норах, другие строят из травы и листьев незатейливые гнезда под кустами и в гуще трав. Строительный материал транспортируют очень забавно: подцепив его изогнутым вниз хвостом (как американский опоссум и утконос).

В прежние времена крысиные кенгуру процветали на Австралийском континенте, и было их столько, что фермерам приходилось постоянно думать, как защитить посевы и стога сена. Когда ввезенные из Европы лисы расплодились в Австралии, безмятежному житью-бытью крысиных кенгуру пришел конец, и всюду они стали быстро вымирать. Таков финал всякой непродуманной акклиматизации.

Коала, который никогда не пьёт

Кенгуру — символ Австралии, и коала — ее символ. Коала удивителен, трогателен, кроток. Зверек милый, игрушка природы, игрушка в руках судьбы, злым орудием своим избравшей алчность человека. Драгоценный раритет планеты, спасенный энтузиазмом благородных людей. Ответственность и долг перед будущим природы заставили их действовать быстро и решительно.

«Коала» — на языке аборигенов значит «не пьет». Он и правда никогда или почти никогда не пьет. Во всяком случае, пьет мало, довольствуясь влагой свежих листьев эвкалиптов. Его греко-латинское родовое имя фасколарктос (первые два слога греческие, два последних — латинские, как часто бывает в зоологической номенклатуре) означает «сумчатый медведь». Но коала не медведь, он слишком мал для этого и кроток (да и роду-племени другого). Но на маленького, игрушечного медвежонка очень похож.

Две мамы, коала с оседлавшими их детишками. Чада разных поколений: младшие сидят на спинах старших.

Шерсть густая, серебристо-серая, ушки оторочены длинной мягкой опушкой. Хвоста нет. На передних лапах пять пальцев, два из них, как наш большой, отгибаясь вбок, противопоставляются трем другим, чтобы удобнее было хвататься за ветки. На задних — один первый (он же единственный без когтя!), противопоставляя себя четырем другим (второй и третий срослись воедино). Сумка у «медведицы» открыта отверстием назад. В ней два соска.

Так кто же коала, если не медведь? Тут спор еще не решен. Есть у него черты и австралийских опоссумов и вомбатов. Скорее всего, полагает Эллис Трофтон, он все-таки вомбат, решивший жить не на земле, как его дальние предки, а на деревьях. И только на эвкалиптах, в основном медовом и точном (впрочем, еще двенадцать других видов

этих деревьев дают ему пропитание).

И вот какое поразительное открытие сделали биохимики, исследовав листья любимых коала эвкалиптов: в них к осени, особенно в молодых, очень много синильной кислоты! Яд страшный, и не раз, бывало, гибли овцы, поевши этих листьев. Так почему коала не погибает? Умирает тоже, если много съест. Но мудрый инстинкт заставляет его осенью менять диету: с медовых эвкалиптов, особенно богатых ядом, он перелезает на другие. А если таких поблизости нет, жует, увы, старые листья коварного дерева, в которых синильной кислоты мало. За сутки взрослый коала съедает около килограмма эвкалиптовых листьев.

Траву, корневища, да и вообще другие растения, кроме эвкалиптов, он, кажется, совсем не ест (однако в неволе охотно пьет молоко!).

Свадьбы коала справляют в сентябре, самое позднее — в январе. Через двадцать пять дней матери рожают одного (редко двух) крохотного детеныша, длиной около двух сантиметров и весом в пять с половиной граммов. Он ползет сам, как и кенгуренок-полуэмбрион, в сумку. В ней висит, присосавшись к соску, шесть-восемь месяцев. Семимесячный — длиной не более двадцати сантиметров. И примерно тогда мать с молочной диеты переводит его на свой странный эвкалиптовый суп или пюре, как вам будет угодно это назвать.

Кажется, раз в сутки, от двенадцати до двух часов после полудня, из отверстия, противоположного рту, самка выделяет зеленое пюре из слегка переработанных в ее желудке листьев. Детеныш высовывает мордочку из сумки и слизывает его. Открытая назад сумка облегчает ему эту задачу. Но все остальное время (кроме двух часов в сутки!) кишечник самки коала, опоражниваясь, выбрасывает не питательную смесь, а обычный помет.

Привыкнув к эвкалиптовой диете и научившись жевать листья, молодой коала покидает мамину сумку и перебазируется к ней на спину. Здесь носит она своего баловня, крепко вцепившегося в шерсть, еще около года. И бывает, что не одного, а трех сразу, мал мала меньше, чад разных возрастов (на спинах старших сидят младшие, а самый старший — на материнской спине) таскает мать по ветвям эвкалиптов.

Растут коала медленно, и только пятилетних можно назвать вполне взрослыми. Живут они до двадцати лет.

Когда-то эвкалиптовые леса Квинсленда, Виктории и Нового Южного Уэльса изобиловали коала. Но в конце прошлого и начале нашего века страшная эпидемия истребила миллионы этих безобидных созданий. Затем за дело взялись весьма деловые охотники за пушниной: ежегодно Австралия вывозила около 500 тысяч шкур коала.

А в 1924 году этот доходный промысел принял такой размах, что уже 2 миллиона шкур, снятых с убитых коала, экспортировали в восточные штаты континента. Через три года 10 тысяч охотников, имевших право убивать по лицензиям, завершили почти полное истребление этих беспомощных и удивительных зверьков, которые настолько наивны, простодушны или глупы, если хотите, что доверчиво и без страха смотрели на охотников, тут же рядом на ветвях убивавших их собратьев.

К счастью, австралийские зоологи сумели вовремя убедить правительство принять строгие меры по охране коала. Теперь этот вид можно считать спасенным. Местами (но только местами, под охраной закона) их расплодилось так много, что эвкалиптов для всех не хватает. Сотрудникам Управления природных ресурсов Австралии приходится ловить зверей там, где их много, и переселять туда, где их нет. Ловят весьма просто: длинным шестом с петлей на конце. Накинув петлю на голову зверьку, сбрасывают его с дерева на растянутый внизу брезент.

«Увы, в тот день у меня сложилось крайне невыгодное впечатление об интеллекте коала. Они как кинозвезды: на вид хороши, а в голове пусто. Мы начали с большого самца, который даже с петлей на шее продолжал нам улыбаться, явно не догадываясь о наших намерениях. Правда, когда петля натянулась, он покрепче ухватился за дерево своими кривыми когтями и даже хрипло зарычал, как тигр. Но веревка оказалась сильнее, и в конце концов он отпустил ствол и шлепнулся на брезент. После этого нас ожидала приятная работенка: надо было снять петлю с шеи пленника и поместить его в транспортную клетку...

Наш сумчатый медведь ворчал, рычал, отбивался острыми когтями и норовил укусить всякого, кто подходил близко.

...Мы привезли их на новое место. Здесь нас ожидал сюрприз: когда мы открыли клетки и вытряхнули коала на землю, они встали и замерли, глядя на нас. Пришлось буквально гнать их к деревьям. По гладким стволам эвкалиптов они легко забрались наверх, примостились на ветвях и вдруг дружно заголосили, точно обиженные младенцы...

Но как охотники за пушниной могли столь безжалостно уничтожать этих доверчивых, милых и безобидных животных — это выше моего разума!» (Джеральд Даррелл).

Ныне коала (один вид с тремя подвидами) обитает лишь в узкой полосе вдоль восточного побережья Австралии.

Посумы

«Я уныло стоял перед кустами, соображая, в какую сторону лучше направиться, чтобы найти лирохвостов, как вдруг тихо хрустнули ветки и появился толстый серый зверь ростом с крупного бульдога. Я сразу узнал вомбата.

На первый взгляд вомбат напоминает коала, но у него гораздо более плотное сложение, и он больше смахивает на медведя. У него сильные, короткие, слегка искривленные ноги, и косолапит он совсем по-медвежьи. Зато голова похожа на голову коала — круглые глаза-пуговицы, овальная плюшевая заплатка носа и бахромка по краям ушей.

Выйдя из кустов, вомбат на секунду остановился и с каким-то грустным видом громко чихнул. Потом встряхнулся и, уныло волоча ноги, зашагал прямо на меня — этакий игрушечный мишка, который знает, что дети его разлюбят. Совершенно убитый, ничего не видя перед собой, он продолжал приближаться ко мне, явно поглощенный какими-то мрачными мыслями. Я стоял абсолютно тихо, и вомбат только тогда меня заметил, когда его отделяли от моих ног каких-нибудь два-три метра. К моему удивлению, он не бросился наутек, даже не убавил шага, а подошел ко мне и с легким интересом во взоре принялся осматривать мои брюки и ботинки. Еще раз чихнул, потом горько вздохнул и, бесцеремонно оттолкнув меня, побрел дальше по тропе» (Джеральд Даррелл).

Похожи вомбаты на небольших медведей или даже на бесхвостых бобров, а живут, как барсуки. Роят (лежа на боку!) длинные норы — метров до тридцати, но обычно короче. Эти подземелья так широки, что ребенок, забравшись в нору, может доползти от входа до жилой камеры в глубине под землей.

Любят вомбаты, подобно суркам, греться на солнце у входа в норы. Отсюда расходятся во все концы протоптанные ими тропинки к излюбленным пастбищам. Едят вомбаты разные травы, кору деревьев и кустов, грибы и ягоды. И стебли разгрызают так, чтобы детишки без особого труда могли их съесть.

Живут небольшими сообществами. Довольно дружелюбные и мирные животные, только самки, защищая своих малолеток, отваживаются иногда нападать на людей. Лисы, фермеры и собаки грозят истребить всех вомбатов в Австралии. Мясо их вкусно, как баранина, хотя более жилистое и пахнет мускусом.

Вомбата можно назвать сумчатым барсуком. Эти довольно массивные зверьки (весом до 30—35 килограммов) роют глубокие и длинные норы. Вомбаты — единственные сумчатые с одной парой резцов (лишенных корней) в каждой челюсти.

Вомбатов два вида: широколобый, или, длинноухий, и голоносый, который, кроме Австралии, обитает в Тасмании.

Четыре (или два, по мнению других исследователей) вида вомбатов уцелели в немногих районах Австралии, Тасмании и на островах между этими странами.

В одном семействе с вомбатами числятся в табелях зоологической классификации существа совсем, казалось бы, на них непохожие — сумчатые летяги, кускусы и поссумы. Нередко всех довольно разношерстных членов этого семейства, за исключением вомбатов, называют поссумами. Еще первые исследователи Австралийского континента заметили их сходство с американскими опоссумами. Но увидели и то, что похожесть эта не полная. Поэтому капитан Кук в донесениях своих и дневниках, описывая этих животных, опускал обычно в слове «опоссум» начальную букву «о». С тех пор и повелось, чтобы подчеркнуть разницу между настоящими опоссумами и австралийскими, называть последних поссумами.

Живут поссумы на деревьях и высоких кустах. У всех длинный хвост, часто пушистый или даже перистый (как на птичьем пере, длинные волосы растут на нем в две противоположные стороны). Многие на манер некоторых обезьян хвостом, как рукой, хватаются за ветки — у таких хвост снизу, ближе к концу, обычно бесшерстный. Пальцы на лапах как у коала: противопоставляются друг другу, чтобы крепче обхватывать ветки. Сумка всегда открывается вперед, а в ней редко два (щеткохвостые поссумы), обычно четыре или шесть сосков (у одного карликового поссума). Едят насекомых, листья, иные сосут нектар цветов, либо и то, и другое, и третье. У некоторых, как у нашей белки-летяги, кожистая складка

растягивается между передними и задними лапами, и зверьки, прыгая с деревьев, парят, как живые ковры-самолеты, пролетая по воздуху иногда тридцать, а самые крупные и сто метров.

Поссум-медоед — странная и забавная на вид крошка (длиной 7—8 сантиметров) с рыльцем, удлинённым трубочкой. Этой трубочкой, всунув ее в цветок, сосет сумчатая малышка нектар и пыльцу. Но если в цветке ей в рот попадает и какое-нибудь мелкое насекомое, его тоже проглотит. Крупных мух и мотыльков берет в передние лапки и, аккуратно оборвав им крылья, ест с аппетитом.

Пропитание такого же сорта ищут на эвкалиптах и банксиях карликовые поссумы. Они так же малы, но без черных полос на спине и вытянутого трубочкой рыльца. Днём спят, свернувшись калачиком, в гнездах, построенных из свежей коры в развилках сучков, дуплах деревьев и даже в гнездах (снизу, в основании) некоторых птиц. Притом в гнездах, не брошенных птицами! За лыком для гнезд эти крошки путешествуют, если нет поблизости подходящего материала, иногда очень далеко — за полкилометра.

Ночью пробуждаются и, проголодавшись, скачут и лазают, цепляясь хвостом за ветки, по деревьям, исследуя крохотной мордочкой каждый цветок, и ищут, чтобы съесть, разных насекомых.

К зиме крохотное тельце и хвостик карликовых поссумов заметно полнеют, предусмотрительно запасая стратегические резервы жира. Холода придут, спят поссумы беспробудно в своих гнездах, как медведи в берлогах, шесть недель и больше. Пробуждаясь, не сразу, бывает, стряхнут с себя сонное оцепенение: повиснут, зацепившись хвостом за ветку и поджав лапки, и висят вниз головой часами в этой неудобной, на наш взгляд, позе.

Ушки, засыпая, сворачивают, как солдаты скатку, чтобы никакой шум не будил. Некоторые летучие мыши, сумчатые кунцицы и длинноухие язвицы так же, поджимая уши, оберегают свой покой.

Для людей, решивших его приручить, карликовый поссум совсем необременителен: он не капризничает, как утконос, ест почти все, что дают. Кузнечиков, мух, мотыльков, тараканов, мучных червей, личинок, даже пауков! А кроме того, овес, разные зерна, миндаль, мед, сахарную воду и молоко. Воду один такой невольник пил очень забавно: окунал в нее эвкалиптовые листья, а потом облизывал!

Некоторые исследователи думают, что примерно так же, как карликовые поссумы, выглядела гипотетическая модель прародителя всех сумчатых вообще. Позднее, эволюционируя, от этих древних всеядных крошек произошли и большие поссумы, и коала, и вомбаты, а возможно, даже и кенгуру.

Так же примитивен некоторыми чертами своей анатомии еще один сумчатый зверек Австралии — акробат, или карликовая перохвостая летяга.

Это самая крохотная из всех сумчатых летяг. Днём акробаты спят в шаровидных гнездах, сплетенных из листьев и ободранной с деревьев коры эвкалиптов. Ночью оживают и затевают нередко такие же веселые игры и гонки вокруг деревьев на «парашютах», как и наши летяги в таежных сумерках. Развлекаясь, попутно ловят термитов и муравьев и сосут в цветах напиток богов — нектар.

Еще четыре вида сумчатых летяг, планируя на природных своих коврах-самолетах, летают ночами в лесах на востоке и севере Австралии. Ростом они вдвое-втрое, а большая сумчатая летяга так и в пять раз крупнее перохвостого акробата-лилипута. Все, кроме большой летяги, листьями не питаются, едят только насекомых, фрукты и нектар.

При постройке гнезд летяги висят вниз головой,

уцепившись задними лапами на ветках, откусывают листья и, прижав их ворох к груди передними лапками, несут в гнездо. Иногда переносят и в кольцо поджатого вниз хвоста.

Одного четырех-пятидневного детеныша (размером с шиллинг!), отняв от соска сумчатой белки-летяги, которую задушила кошка, пытались кормить через соломинку. После двух капель молока малыш заметно раздулся и есть больше не захотел.

Так и кормили его, через час по две капли, а на пятый день приемыш уже сам пытался лакать молоко из чайной ложки и при этом благодушно попискивал, словно мышонок. Через два месяца молока ему стало мало, и он начал с поразительной ловкостью ловить и есть разных мух и моль. Особую слабость питал к личинкам ос, гнезда которых бесстрашно разорял. В четыре месяца спасенное человеком и подросшее дитя сумчатой белки было уже полной копией своей матери. И такой же, наверное, как она, чистюлей: зубами и когтями подолгу причесывал он свою серебристую шкурку.

Сумчатая летяга приземляется

А еще он любил, когда угощали печеньем и кексом и пускали поохотиться на сверчков и стрекоз. Приемыш разрывал их на куски и ел, выбросив лишь крылья. С оконной шторы планировал прямо на вазу с цветами, разыскивая там нектар. У воспитавшей его Флоренс Ирби этот забавный звереныш прожил десять лет.

Одно время казалось, что все сумчатые белки истреблены в Австралии кошками и охотниками за пушниной. Но потом нашли несколько мест, где они еще уцелели. Сейчас белок охраняет закон.

«— Кто это? — шепотом спросил я Боба.

— Большие сумчатые летяги...

Подойдя к стволу, Боб раз-другой сильно ударил по нему палкой. Животные заматались по ветке, испуганно вереща, словно две старые девы, обнаружившие под кроватью мужчину. Наконец одна из них с каким-то кошачьим мяуканьем оттолкнулась от ветки и прыгнула в воздух. При этом она вытянула все четыре лапы, кожные перепонки по бокам расправились и превратились в «крылья», а сам зверек стал почти прямоугольным, если не считать, что спереди торчала голова, а сзади длинный хвост. Поразительно ловко, словно искусный планерист, бесшумно делая сложные повороты, он пролетел над прогалиной и с легкостью бумажного голубя приземлился на другом стволе, метрах в двадцати пяти от первого» (Джеральд Даррелл).

То, что зверек в полете стал прямоугольным, возможно, только показалось в темноте: силуэт парящей большой летяги не похож на силуэты других летяг, он не прямоуголен, а треуголен. Перепонка между лап у этого зверька короткая: натянута не от лапки до лапки (то есть кисти и стопы), как у малых его собратьев, а

лишь от локтя до колена, и потому передний край растянутого «парашюта» значительно уже заднего.

В одном прыжке большие летяги пролетают нередко сто метров, а в нескольких быстро следующих друг за другом прыжках, «приземляясь» на попутные деревья лишь на миг, чтобы тут же оттолкнуться, — и больше пятисот метров! И все это за считанные секунды! Так что, по-видимому, за ночь сумчатые аэронавты улетают довольно далеко от дома. Эта редкая для обитателей древесных крон способность, а также, конечно, и то, что мех у больших летяг слишком мягкий и непрочный, помогли, по-видимому, им уберечься от быстрого истребления. Большие летяги еще довольно многочисленны в эвкалиптовых лесах всюду на востоке Австралии. По ночам оглашают округу пррнзительными, резкими криками, которые заканчивает серия странных булькающих звуков.

Балансируя длинным хвостом, большие летяги ловко бегают по веткам. За эту ловкость и дали им ученые родовое имя шоинобатов, что значит — «канатные плясуны».

Но, как ни ловки «канатоходцы», лисы, видно, еще ловчее, потому что нередко ловят больших летяг, хотя на землю те почти никогда не спускаются. Наверное, хватают их в прыжке, когда летяги планируют низко у земли. Другой ненавистный враг большой летяги — лесная сова.

Вкусов своих малых собратьев большие летуны не разделяют: едят не насекомых, а только побеги, цветы и листья эвкалиптов и других деревьев. Бывает, что объедают цветы и листья на яблонях, чем садоводы, понятно, весьма возмущены.

Днем спят в гнездах, сплетенных из лыка, содранного с эвкалиптов, и выложенных внутри эвкалиптовыми же листьями. Заготовки для гнезда таскают, подцепив их хвостом.

Хоть сосков и два, но детеныш один (в июле — августе). Прожив безмятежно у мамы «за пазухой» четыре месяца, малыш перебазировается к ней на спину и верхом на родительнице путешествует по ночному лесу (однако, кажется, с дитятею на спине мать летать не отваживается, а только лазает по ветвям).

Пять видов сумчатых летяг видом своим и «парашютами» похожи, однако не все они близкие родственники. Разные роды летяг произошли от разных корней: наши «канатные плясуны», например, от каких-то древних кольцехвостых поссумов, которые летали не лучше черепахи.

Мех кольцехвостых поссумов тоже невысоко ценится, поэтому они еще довольно многочисленны в лесах Австралии по северному, восточному и юго-восточному побережью. Один вид обитает и в крайнем юго-западном углу этого континента (единственный, который иногда живет в норах!), один — на Тасмании и еще восемь других — в Новой Гвинее,

Кольцехвостыми их прозвали потому, что конец хвоста этих поссумов почти всегда свернут в кольцо, даже если и не обхватывает ветку. Но обычно они крепко держатся хвостом за сук и ветки, будто боятся упасть, выпустив опору. Все очень похоже и видом и образом жизни. Едят по ночам листья и почки. Днем спят в больших куполообразных гнездах, сплетенных в развилке сучков из листьев, папоротников и обрывков коры. Доверчивы и нередко поселяются в садах и парках на окраинах больших городов. В садах объедают плоды и цветы (в частности, розы!).

Могут быть и быстрыми, но обычно медлительны. Увидев человека, замирают в сомнамбулическом безразличии, устремив на него отсутствующий взгляд. Потом медленно лезут, орудуя хвостом, как цепкой рукой, куда-нибудь в гущу листвы. С дерева на дерево обычно не прыгают, а как бы

переползают: дойдут до конца ветки, та под тяжестью зверька согнется, а он, уцепившись за нее хвостом и повиснув вниз головой, ищет передними лапами опору. Найдя, переползает на нее. По земле бегает довольно быстро, но совсем не грациозно, поскольку короткие ноги и чересчур длинный хвост, загнутый кольцом вниз, для такого дела малопригодны.

Драчливы. Самки, более агрессивные, чем самцы, никого из представителей сильного пола около себя не терпят. Гонят прочь, если те приблизятся. Но драки не смертельны, потому что самцы у кольцехвостых поссумов рыцарственны: всегда уступают дамам и после небольшой ссоры ретируются.

По ночам люди часто слышат в Австралии приятные, будто птичьи, крики — вокальные упражнения кольцехвостых поссумов: трудно поверить, что так кричат звери. Когда дерутся — зло ворчат. Когда напуганы — верещат, как наши белки. А если детеныша отнимают от матери или он потеряет ее, то пронзительно щебечет, как некоторые летучие мыши. Так что язык звуков у поссумов богатый.

В первые месяцы года самки на время забывают о своей непримиримой вражде к «сильному полу», и в конце апреля две маленькие, но полные копии матери покидают тесную уже теперь для них сумку и забираются к ней на спину, крепко оплетя ее тело хвостиками. Хотя сосков в сумке четыре, только два из них способны выкормить крохотных младенцев. Рождает самка их иногда и шесть, но все лишние, не успевшие, опередив других, добраться до полноценных сосков, погибают.

Поссумы еще нескольких разновидностей своей беготней и криками оживляют ночами леса Австралии. Самые крупные (с кошку) и самые известные людям хотя бы потому, что нередко поселяются, под крышами домов, на чердаках и по ночам не дают спать возней и ссорами, — лисохвостые поссумы, или кузулисы. мех у них красивый, серебристо-серый (желтоватый на брюшке), густой, плотный и довольно дорогой. В пушной торговле именуют его (без всякого, впрочем, основания) то бобром, то опоссумом, то скунсом, а то и аделаид-ской шиншилой. В 1904 году Австралия экспортировала в Лондон и Нью-Йорк четыре миллиона шкур кузулисов! И в последующие десятилетия избиение лисохвостых сумчатых продолжалось: в 1920 году с июня по сентябрь, когда была разрешена охота, пали под выстрелами сто тысяч, а за зимний сезон 1931/32 года — больше миллиона лисохвостых.

Теперь кузулисы почти повсюду под охраной закона, и охота на них разрешена лишь в определенные сезоны. Их два вида в Австралии и один в Тасмании, очень схожих. Острая мордочка, лисьи ушки и хвост пушистый. Лапки как у всех древесных сумчатых: с цепкими когтистыми пальцами, ловко хватающими; хвост снизу у конца голый, чтобы удобнее держаться за ветки; и сумка на животе. Так что лиса, да не та...

Редкое животное так мало щепетильно в выборе жилища и его окружения, как кузулис. И кроны стометровых эвкалиптов ему годятся, и низкорослые кусты, и густые тропические леса, и редкие рощи по долинам рек, и расщелины в голых скалах, и дыры в обрывах рек, и кроличьи норы в открытой степи, и даже чердаки. Оттого что в Центральной Австралии самцы-кузулисы часто поселяются в кроличьих норах, родилась абсурдная легенда. Фермеры уверяют — такой выбор жилья сделан старыми греховодниками неспроста: будто бы состоят они в преступном мезальянсе с кроличьями. И будто бы помеси от их сожительства видели. Но это миф.

А вот рассказы о странной беспомощности кузулисов в роковой для них встрече с хищным вараном гоанной, похоже, правда.

Аборигены уверяют: когда варан, цепляясь длинными когтями, лезет на дерево с кровожадными намерениями, кузулисы, услышав скрежет его когтей по коре, вместо того чтобы скорее бежать, сидят и кричат от страха. Чернокожие охотники, учтя эту их непонятную слабость, имитируют, царапая палкой о кору, шорох ползущего по стволу варана, и обманутые зверьки не разбегаются, а лишь в ужасе жмутся друг к другу.

Два других ненавистных врага кузулисов — клинохвостый орел и динго. Дикие собаки раскапывают тех, что прячутся в кроличьих норах, в дырах по обрывам рек и между корнями деревьев.

Пропитание кузулисы ищут и находят на деревьях и кустах, опустошают временами и сады. Разоряют птичьи гнезда, едят и мертвых птиц, возможно, и кроликов (тоже скорее всего мертвых) — в их желудках находили клочья кроличьей шерсти.

В 1858 году обычного кузулиса, а позднее и тасманийского завезли в Новую Зеландию. Многие новозеландцы считают, что посумы теперь бич новозеландских садов, лесов и... линий электропередачи. Заберутся на телеграфные столбы и, устроив короткое замыкание, сами погибнут и целый город оставят без света. Потому приходится новозеландцам обивать столбы жестью, чтобы кузулисы залезть не могли. В Новой Зеландии нравы лисохвостых переселенцев стали определенно более хищными: немало птичьих гнезд разоряют они на новой родине, не найдя, по-видимому, излюбленных своих вегетарианских лакомств.

Кузулисы очень беспокойные соседи. Они нередко поселяются в парках, около домов или даже на чердаках, и их громкие крики «ка-ка-ка!» не дают людям спать по ночам. Когда кузулисов пытаются прогнать, они только усиливают свои пронзительные вопли, в которых слышится и скрежет металла, и визгливый хохот.

Размножаются кузулисы в мае — июне. В сентябре единственный, как правило, детеныш уже покидает мамину сумку. В октябре — декабре живет один, а в январе окраской и телосложением он вполне взрослый.

Рассказ о поссумах закончим знакомством с кускусом.

Кускусов семь-восемь видов. Родина их, по-видимому, Новая Гвинея с прилегающими островами. Отсюда они переселились в Австралию, но лишь на крайний ее север — в тропические леса полуострова Кейп-Йорк. Зверьки довольно крупные, с большую кошку, ушки у них маленькие, едва заметны в гуще меха, у самцов (наиболее обычного вида) — светлые пятна, неопределенным мраморным рисунком разбросанные по спине. Но хвост наполовину (ближайшую к концу) голый, бесшерстный и порос жесткими чешуями.

Кускусы — первые из древесных сумчатых, которые попали в руки зоологов (в 1780 году), и потому все семейство поссумов обозначают их родовым именем — фалангериды. Часто фалангерами (родовое научное имя кускусов) называют всех поссумов вообще. Но лучше, говорит Эллис Трофтон, сохранить за ними старое прозвание поссумов.

Кускусы днем спят, свернувшись, в развилке ветвей. Ночью медленно, тихо, на манер американских ленивцев или азиатских толстых лори, переползают с ветки на ветку, страхуя свои неторопливые передвижения цепко хватающимся за сучья хвостом. Едят листья (и довольно много), но если поймут сонную ящерицу или найдут гнездо с птенцами, без смущения отправят их в свой всеядный желудок. Из всех поссумов кускусы наиболее плотоядные.

Беременность у кускусов — всего каких-то тринадцать дней (лишь у малой сумчатой куницы на два дня меньше, у всех других больше). Спешащие разрешиться от бремени кускусихи рожают двух, реже четырех, крошечных «недоносков».

Около семи видов кускусов обитают в лесах и густых кустарниках на крайнем северо-востоке Австралии, в Новой Гвинее, на Сулавеси, архипелаге Бисмарка, Соломоновых и некоторых ближайших островах. Это пятнистый кускус, родина его — Австралия и Новая Гвинея.

Еще три вида поссумов населяют леса Австралии (и шесть видов — Новой Гвинеи), но они мало изучены и ничем, насколько известно, не замечательны. Поэтому беды большой не будет, если знакомство наше с ними не состоится.

Бандикуты, которые не бандикуты

«Впереди в кустах что-то еле слышно шуршало. Боб стоял неподвижно, только светил во все стороны, точно маяк. По-прежнему слышался шорох, но никто не показывался, и тут внезапно луч фонарика выхватил из мрака одного из самых причудливых зверьков, каких мне когда-либо доводилось видеть. Он был величиной с кролика, с длинным посапывающим носиком, яркими бусинками глаз и заостренными, как у чертика, ушками. Шерстка грубая, коричневая с желтым отливом, хвост совсем крысиный. Зверек брел по опавшей листве и усиленно что-то вынюхивал; время от времени он останавливался, чтобы поскрести землю своей аккуратной лапкой, — видимо, искал насекомых.

— Кто это? — прошептала Джеки.

— Это длинноносый бандикут, — шепнул я в ответ.

— Не остри, — прошептала она. — Ответь толком.

— Я не виноват, что их так называют, — рассердился я.

А длинноносый бандикут, не подозревая, что моя жена не верит в его существование, между тем вспахивал носом кучу листьев, словно бульдозер какой-нибудь диковинной конструкции. Внезапно он сел и с минуту чрезвычайно энергично и сосредоточенно чесался. Отведя душу, он еще несколько секунд посидел как бы в забытьи, вдруг сильно чихнул и, продолжая вспахивать листья, скрылся в кустах» (Джеральд Даррелл).

Несуразное название остроносого зверька, которое смутило жену Даррелла, не только странно звучит, оно еще неточно и двусмысленно.

Бандикут, строго говоря, совсем не бандикут. Называют его, правда, еще язвицей и сумчатой землеройкой за некоторое сходство во внешности и повадках с этим обычным у нас зверьком. Но если это землеройка, то очень большая: с крупную крысу, даже с кролика. Конечно, полного и истинного соответствия тут нет, даже если, приложив слово «сумчатая», внесем некоторую поправку.

Бандикут — тоже нехорошо, потому что имя это уже, как говорят зоологи, преокупировано, то есть занято другим животным: так называют больших «свинных» крыс Южной Индии и Цейлона.

Итак, русское язвица, пожалуй, нам лучше всего подойдет.

Язвиц (или бандикутов, как вам будет угодно) двадцать видов. Днем спят они в гуще трав и кустов в гнездах, сложенных из обрывков стеблей, листьев, иногда вперемешку с землей. Нор для жилья не роют.

Таковы нравы коротконосых и длинноносых бандикутов. Длинноухие язвицы, или билби, из Центральной Австралии и некоторых западных, юго-восточных и южных районов, напротив, роют норы, и довольно глубокие и сложные: глубиной метра полтора и больше, без запасного выхода. Ход норы, уходя в глубину, постоянно изгибается спирально или под крутыми углами. В норах спят днем (некоторые у входа в нору, в полуметре от него) и тогда нередко затыкают вход землей или песком.

Чтобы шум не будил, засыпая, уши ушами же закрывают: уложат их плотно вдоль шеи назад, потом изогнут вперед, так что концы ушей прикрывают теперь глаза. Да и длинноносуя голову свою, опустив вниз, прячут между передними лапами, а сами сидят на корточках на длинных задних лапах, подогнув хвост под брюхо. Пушистый шарик получается. Иногда, прислушиваясь, одно ухо поднимут торчком, а второе спит, сложенное пополам на голове.

Это у билби, длинноухих язвиц, на конце хвоста коготь, как у льва и ногтехвостого валлаби. Возможно, такой хвост помогает лапам копать нору или сгребать листья и стебли для гнезда. С точностью неизвестно.

С сумерками язвицы пробуждаются, и тогда их обуревают такая жажда деятельности, словно до рассвета должны они успеть переделать массу всяких дел. То вприпрыжку, то рысцой бегут, смешно выгибая спинки. Суетятся, суют свою острую мордочку в каждый закоулок под кустом и камнем, вынюхивают, скребут, копают землю тут и там. Ищут в земле и на земле червей, насекомых, ящериц, мышей, разные клубни и коренья. В садах и огородах, бывает, губят язвицы немало картофеля, перекопав грядки коническими ямками. Но этот малый вред вполне компенсируют уничтожением множества личинок жуков и мышей.

Поймав мыш (или червя), язвица забавно скребет ее лапами, долго мнет и катает по земле, пока добыча не превратится в бесформенный ком. А потом, обнюхав внимательно, съест или бросит, смотря по настроению. Но если решит съесть, тщательно очистит от грязи и мусора, ловко орудуя длинными пальцами передних лап.

Драчливы и в тесном помещении не терпят себе подобных. Дерутся, насканивая и царапая лапами, задними и передними. Кусаются в крайнем случае. Когти у язвиц острые, и, царапаясь, они сильно раздражают друг друга кожу.

Один бандикут, оставленный на ночь с другим в клетке, буквально «ощипал» своего соседа, с которым что-то не поделил.

Размножаются одни в мае — июне, другие в любое время года. В сумке, которая, как у коала и хищных сумчатых, открывается назад, шесть или восемь сосков, но детенышей один, два или четыре.

Аборигены и фермеры охотятся на язвиц, считая мясо их вкусным, как кроличье. Австралийцы, например, ловят этих длинноносых «кроликов» таким забавным приемом. Выследив (одним им ведомым способом), где в густой траве спит в гнезде (или у норы) умаявшийся за ночь бандикут, подкрадываются поближе и вдруг падают, растопырив руки, на гнездо.

Прежде Австралия изобиловала бандикутами, теперь их все меньше и меньше: на глазах вымирают, исчезая в алчных желудках людей, собак, кошек, лисиц.

Два сумчатых оригинала - мурашеед и крот

Мурашеед, по-местному именуемый нумбатом, — один из самых зубастых зверей. Пятьдесят два зуба, сами понимаете, не шутка! Правда, зубки-то небольшие и вроде бы недоразвитые. Но столь исключительная многозубость говорит о многом. В частности, о том (так думали до недавнего совсем времени), что мурашеед живой и, как ни странно, прямой потомок мезозойских трехбугорчатых насекомоядных сумчатых — родоначальников всех сумчатых зверей вообще. Если так, то зверь этот, пожалуй, самый древний на Земле. Даже более древний, чем утконосы и ехидны, которые хоть и очень примитивны и происходят от еще более примитивной ветви млекопитающих с многобугорчатыми зубами, однако же приобрели, эволюционируя, ряд специализированных и новых черт и потому достаточно полной копией своих предков считаться не могут.

Иное дело мурашеед. Возможно, вполне так, как он, и выглядели некоторые его трехбугорчатые мезозойские предки. Но вот, увы, новый взгляд на его многозубость эту гипотезу (или иллюзию) опровергает. Скорее всего, полагают некоторые специалисты, обилие крохотных зубов, наполнивших рот мурашееда монотонным однообразием, признак не первичный, а вторичный: результат приспособления к своеобразной и однообразной диете, перемалыванию хрупких панцирей термитов и муравьев (впрочем, только крупных, мелких он глотает целиком!).

Другая мурашеедова оригинальность — это сумчатый без сумки! Нет ее совсем. Детишки, рождаясь, ползут к ничем не покрытым, кроме курчавой шерсти, соскам на брюхе у матери и, присосавшись, висят на них. Позднее, когда станут потяжелее, цепляются еще и за шерсть, укрывающую их со всех сторон густой порослью. Нечто подобное наблюдаем мы на другой стороне Тихого океана у некоторых южноамериканских опоссумов. А по эту сторону, в Австралии и поблизости от нее, больше ни у кого.

Нумбат — зверек небольшой, с белку, и хвост у него похож на беличий, особенно когда он в излюбленной своей манере несет его слегка закинутым на спину, как часто делают и наши белки. Довольно жесткий мех окрашен изысканно красиво: орехово-красновато-бурый, более темный к крестцу и с шестью яркими белыми

полосами поперек спины. По бокам морды — от носа, через глаза и дальше к ушам, — как завершающий красочный штрих довольного своей работой художника, изящно кинута темная продольная полоса.

Живут нумбаты в полном одиночестве в кустарниках и сухих лесах, где много гниющих на земле эвкалиптов. Нор не роют, высоко на деревья тоже обычно не залезают. Ночью спят в гнездах, сплетенных из сухих листьев, в дупле поваленного ветром или старостью дерева. Копаясь в земле ради термитов, мурашееды взрыхляют ее неглубоко, сантиметров на пять. С той же гастрономической целью крошат крепкими когтями гнилые стволы, а потом суют узкую мордочку во все закоулки трухлявой древесины и, быстро-быстро выбрасывая и втягивая клейкий язык, слизывают и глотают прилипших к нему термитов и муравьев.

О нравах и повадках нумбатов мы знаем немного. Дэвид Флей, один из самых деятельных австралийских натуралистов, два месяца наблюдая за полуручным мурашеедом, добавил к нашим скудным познаниям о нем кое-какие интересные подробности.

Его воспитанник, вернее, воспитанница — «маленькая мисс Нумбат», засыпая в сумерках, проводила ночи в полной оцепенелости, поражая своей редкой даже для сумчатых неподвижностью. Порой беспокоились, проснется ли она живая. Но она просыпалась и, словно желая возместить потерянные в бездействии часы, бегала без устали то скачками, то мелкой рысцой, забавно вереща «тут-тут-тут», заглядывая в разные углы и разрубленные чурбаны, где, знала, ждали ее вкусные термиты. Но странно: обычно до полудня к ним не прикасалась. Appetit приходил поздно — ленч был ее первым завтраком. Ей предлагали разную еду на выбор: термитов, муравьев, мучных червей, жуков, дождевых червей, сырые яйца, молоко, хлеб, но «маленькая мисс Нумбат» предпочитала то, что труднее всего было добыть в нужном для нее количестве, — термитов. Appetit на этих насекомых был у нее неиссякаемый. Она без особого труда забиралась даже на довольно высокие термитники. Поев, любила греться на солнце, блаженно распластав все четыре лапы и высунув язык.

Это кроткое создание не царапалось и не кусалось, даже если против ее воли брали ее на руки. Увы, малышка скоро умерла, укушенная ядовитым пауком.

Два вида мурашеедов живут только в Австралии и больше нигде. Обычный, о котором была речь, — на крайнем юго-западе пятого континента. И рыжий нумбат (у него шерсть на спине ярко-рыжая, особенно на крестце и передних лапах, которые прямо-таки красные) уцелел еще кое-где в Южной Австралии на очень небольшой территории.

И того и другого редкостного зверька лисы, невольные иммигранты из Европы, грозят быстро извести. Ночью, как лисицам в общем-то и подобает, без особого труда находят они этих возможных выходцев из эры динозавров, не приспособленных к нашим динамичным дням, и с хрустом без смущения пожирают.

Второй австралийский оригинал сумчатый крот («оорквасмата» на языке аборигенов), когда его впервые поймали в 1888 году, произвел не меньший переполох, чем в свое время утконос.

Второй австралийский оригинал сумчатый крот («оорквасмата» на языке аборигенов), когда его впервые поймали в 1888 году, произвел не меньший переполох, чем в свое время утконос.

В самом деле, вначале его готовы были признать даже и не сумчатым, а родичем африканского златокрота, на которого он очень похож. Но потом сумку у кротов женского пола все-таки заметили — открывается она назад. По этому, а также и по зубам решили, что происхождением своим сумчатый крот близок к бандикутам.

Внешне это самый настоящий крот, со всеми подобающими атрибутами. Телосложение такое же, все четыре лапы — роющие лопаты, как у кротов (передние скорее заступы: на каждой по два больших острых когтя). Глаза и не ищите — их снаружи не видно, а внутри, под кожей, они есть, но дегенеративные, почти полностью атрофированные, не только ничего не видят, но даже свет от тьмы не отличат.

И наружного уха нет. Лишь едва приметная дырочка под шерстью.

Шелковистая, нежная шерсть не темная, как у нашего крота, а кремово-белая или золотисто-желто-красная. Она опалесцирует, как драгоценный камень. И еще в отличие от нашего сумчатый крот нор-туннелей не роет. Живет он в почве песчаной, быстро осыпающейся, копается неглубоко — лишь сантиметрах в семи от поверхности. Естественно, сыпучий песок сразу же за его голым и коротким хвостом наполняет вырытую нору. Чтобы подышать, должен этот крот, пройдя несколько метров под землей, выбираться на поверхность. Проползет немного, извиваясь червем, и снова сует острую мордочку, прикрытую на носу ороговевшим щитком, в песок, лапами рыть помогает и вмиг исчезает, словно ныряя в сыпучие пески.

Удивительно, хотя определенной биологической зависимости, по-видимому, тут и нет, что у многих землероющих, похожих на кротов животных шерсть с золотистым или серебристым блеском! У африканских златокротов и их разновидности — медных кротов, у американских мешчатых крыс, гоферов и африканской кротовой крысы мех тоже с серебристым или золотистым глянцем.

В ноябре самки сумчатых кротов роют довольно глубокие норы в подходящей для этого почве и там, в глубине, рожают и выкармливают двух крохотных детенышей.

Два вида сумчатых кротов в Австралии — один живет в Южной Австралии, второй, более короткомордый и мелкий, без ложнокоренных зубов в нижней челюсти, — в тысяче миль к северо-западу от первого.

Хищники пятого континента

— Сэр, мы поймали его.

— Кого?

— А тигра или гиену, как хотите, так и называйте. Гаррис вскочил, бросив свои расчеты.

— Гиену? — закричал он. — Тигра?

— Да, гиену или тигра, — спокойно отвечал траппер, теребя шляпу в красных руках. — Она там — попала в капкан. Мы убили кенгуру и положили мясо вокруг. Ну, гиена и пришла. Попалась...

— Так идем же скорей!

— Как будет угодно.

И они зашагали по узкой тропинке. Она вела в горы, в самые джунгли.

«Гиена или тигр» метнулась от них, но железные челюсти капкана удержали ее. Тогда она закричала странным каким-то криком, похожим на сиплый гортанный кашель. Жалобно закричала. И притаилась. Ее ясные карие глаза смотрели на людей без злобы, бесстрастно, словно не видели их. У нее была голова волка с огромной пастью, которая открывалась очень широко. «Как у крокодила», — вспомнил Гаррис рассказы охотников. Шерсть серо-бурая, тоже вроде бы собачья, но с полосами. Шестнадцать темно-шоколадных полос, и все поперек спины, самые широкие и длинные у хвоста.

Гаррис — он работал в Тасмании топографом — был неплохим натуралистом, но такого зверя еще не встречал, хотя и много слышал о нем: разные слухи ходили о гиенах и тиграх среди местных пастухов и охотников. Ученые же об этом звере ничего не знали.

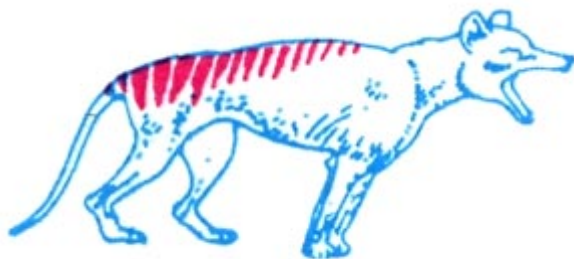
Гаррис как умел зарисовал тасманийского «тигра» и в 1808 году описал его в научном журнале под названием *Thylacynus cynocephalus*, что означает в переводе на русский язык: «сумчатая собака с собачьей головой». Теперь этого зверя называют обычно сумчатым волком, или тилацином.

Сумчатый волк немного похож на обычного. Правда, полосатый, да и задние ноги чересчур «подлыжеватые», как говорят собаководы: плюсна стоит не отвесно, а косо, подогнута вперед, отчего сумчатый волк, когда ходит, часто опирается на пятку (скакательный сустав). Он и пальцеходящ, как почти все звери, и стопеходящ, как медведь или барсук. Поэтому и следы у него не по росту крупны. Кроме того, у тилацина не шесть резцов, как у собак и волков, а восемь, а в костном небе черепа слишком большая щель. Есть у него и немало других отличий от настоящих волков, и главное из них — сумка на брюхе, в которой полосатые волчицы вынашивают своих волчат. Сумка открывается не вперед, как у кенгуру, а назад. В ней две пары сосков: это значит, что щенков у тасманийского волка может быть только четыре или меньше. Но не больше, потому что каждый, как рождается (обычно в декабре) и доберется до сумки, сейчас же хватает сосок и висит на нем, не отрываясь, пока не подрастет.

Прежде, в доисторические времена (а возможно, и несколько сот лет назад), сумчатые волки водились в Австралии, а еще раньше, по-видимому, и в Южной Америке: ископаемые кости похожих на них животных нашли в Патагонии. Теперь же сохранились (сохранились ли?) только в Тасмании. Днем они прячутся в недоступных горах — в норах и пещерах. Охотятся ночью парами или в одиночку. Кенгуру, валлаби, крысы, птицы, даже ящерицы и ехидны — их добыча. Бегают не очень быстро, но чутье у них отличное. Часами, говорят, скачут мелким галопом (кентером) по следу, загоняют свою жертву до полного изнеможения и тогда хватают ее.

Однажды видели, как кенгуру в большом смятении промчался мимо людей, а минут через десять по его следу проскакал сумчатый волк, «уткнувшись носом в землю и вынюхивая кенгуру». А потом, еще через четверть часа, по тем же следам пробежали два молодых волчонка. Животные были так заняты друг другом, что на людей совсем не обратили внимания.

Рассказывают, будто сумчатый волк, спасаясь от погони и потеряв надежду убежать обычным путем, поднимается вдруг на задние ноги и скачет, как кенгуру. Не очень-то это похоже на правду, но Эллис Трофтон говорит, задние ноги сумчатого волка устроены так, что он, пожалуй, и в самом деле может скакать на манер кенгуру, хотя, по-видимому, и недолго.

Говорят также, что в драке сумчатый волк побеждал любую собаку, отбивался будто бы даже и от целой своры. Нападал ли он на людей? Раньше, когда волков этих было побольше, такое иногда случалось. Правда, очень редко. Лет семьдесят назад некая мисс Мёрри стирала белье на опушке леса. Вдруг из кустов выскочил волк-тилацин и

схватил ее зубами за руку. Она уперлась в него другой рукой. Отбиваясь, дотянулась до лежавшей поблизости мотыги, наступила на длинный волчий хвост и пустила в ход свое оружие. Зверь испугался и убежал. Он был слепой на один глаз и очень старый. Наверное, волк-агрессор не мог уже ловить зверей и птиц, и голод толкнул его на этот отчаянный поступок.

Белые поселенцы в Тасмании невзлюбили «гиен», убивали их при каждом случае. Убивали за то, что те нападают на овец, которых здесь разводят. Правительство Тасмании выдавало премии за каждого убитого сумчатого волка. И вот тилацины к началу нашего века уцелели только в самых глухих горных лесах острова. А после войны их вообще никто здесь не встречал: последнего сумчатого волка застрелили в 1930 году. Следы же тилацинов видели еще в 1948 и 1957 годах. Многие зоологи считают, что все сумчатые волки уже вымерли. А жаль, это очень интересные звери! В зоопарках тоже не осталось ни одного сумчатого волка. Впрочем, в 1961 году на западе Тасмании один сумчатый волк попал будто бы в капкан. Его не видели, он убежал, но клочья шерсти, которые остались в капкане, убедили знатоков, что это был именно тилацин. Клочки такой же шерсти нашли пятью годами позже в заброшенной печи.

Все сумчатые, о которых до сих пор шел рассказ, не хищники. Правда, многие из них при случае и съедят кое-кого в перьях или в шерсти, не очень крупного. Но это у них, как у свиней, скорее всеядность, чем истинная плотоядность. Сумчатый волк и два племени близких его родичей — дело совсем другое. Они хищники, и настоящие, как кошки или собаки, нам всем хорошо знакомые.

Впрочем, не два, а три, если с сумчатыми волками, куницами и дьяволами по вполне законным причинам родства соединить и сумчатых мышей.

Итак, сумчатые куницы и дьяволы. Первые действительно похожи на куниц, но пятнисты, как леопарды (пятна, правда, не черные, а белые на желто-буром или сером фоне), и живут, в общем, на деревьях. Сумчатые дьяволы напоминают скорее небольших медведей и по деревьям не лазают.

Сумчатых куниц шесть видов. Местами их еще немало, даже вокруг крупных городов на востоке Австралии: в предместьях и садах. Одна недавно забралась на автомобиль, и там ее поймали.

Сумчатая куница. Кроме завезенных людьми диких собак динго, сумчатые куницы единственные «коипные»

Сумчатые куницы, или «туземные коты», бесстрашны и хищны: ящерицы, насекомые, мыши, крысы, кролики, птицы и даже мелкие валлаби постоянно опасаются острых зубов этих проворных зверьков. Таскают они и кур из курятников, но фермеры на них теперь в меньшей обиде, сообразив, как много вредоносных мышей уничтожают австралийские куницы. Днем обычно они спят в расщелинах, между камнями или в дуплах (свернув уши, чтобы шум не мешал). Охотятся ночью, но бывает, и при свете дня. Одни предпочитают рыскать по земле, другие — по

деревьям.

Пока кунице не пришло время рожать, сумки у нее нет. А когда такая пора приближается (обычно в мае), тогда появляется и сумка, готовая принять шестерых (столько у матери сосков) детенышей. Но рожают их куницы, бывает, и вчетверо больше, чем могут выкормить, — 24! Все вовремя не добравшиеся до сосков погибают. Беременность, несмотря на такое обилие зародышей, тем не менее самая короткая в мире зверей: у малой куницы, например, лишь одиннадцать дней. Ручные куницы очень послушны, привязчивы и проказливы. Фермеры, приручив их, держат в доме вместо обленившихся кошек, которые ловят мышей хуже проворных сумчатых хищниц.

Сумчатый дьявол совсем другого нрава: он не только просто хищный, как плотоядному зверю и положено, он действительно зол и бешен, как дьявол. И рев у него воющий, с хриплым кашлем в вокальном финале, неприятный и даже жуткий. Зверь черный, с белыми пятнами на груди, боках и огузке. Плотный, коренастый, коротконогий, а пасть у него прямо-таки несоразмерно велика — очень внушительная пасть, и челюсти сильные. Защищается сей дьявол во плоти отчаянно, так что не всякая собака его одолеет, хоть росту он и не очень большого: около метра вместе с хвостом, а в хвосте почти треть всей его длины.

Тасмании с хищниками повезло больше: здесь, кроме сумчатого волка, обитают сумчатые дьяволы. Ростом они с небольшую собаку и весят некоторые до девяти килограммов.

Ест всех, кого поймает: ящериц, крыс, валлаби, попугаев, лягушек, раков. Любят эти звери бродить по берегу и подбирать дары моря. Немало курятников они разорили и овец загрызли, за что фермеры, чрезвычайно невзлюбив, истребляли этих зверей. Сумчатых дьяволов тогда было много: рассказывают про одно пастбище, где собирали ежедневную дань сразу около ста пятидесяти сумчатых разбойников. Ныне дьяволов стало меньше, уцелели они в достаточном для продления рода числе лишь в горах Тасмании. Но было время, и сравнительно недавно, водились сумчатые дьяволы и в Австралии: о том говорят ископаемые их кости. Правда, в 1912 году одного поймали в шестидесяти милях от Мельбурна. Но полагают, он скорее всего бежал из зверинца. Однако, говорит Эллис Трофтон, очень уж свежие, не ископаемые, кости этих зверей часто находят среди кухонных отходов австралийских аборигенов. Так что, возможно, живут они еще где-нибудь в глухих местах и на материке и не спешат попасть в руки ученых для решения вопроса, есть ли в Австралии сумчатые дьяволы.

Умываются эти звери очень забавно: почти по-человечески — не как кошки, одной лапой, а сразу двумя, сложив их лодочкой.

Четырех дьяволят сумчатые мамы рожают в мае. В сентябре из сумки, обращенной назад, торчит хвост уже подросткового дьяволенка. Мать в ту пору (часто это видели) спешит куда-нибудь в глухое место с пучком сухой травы в пасти — готовит гнездо для сосунков. Скоро они вылезут из сумки и будут жить в гнезде. Молодые сумчатые дьяволы зверьки живые и ловкие, легко лазают по деревьям, чего грузные взрослые уже не могут.

В одно семейство австралийских хищников вместе с сумчатым волком, дьяволом и куницами зоологи зачислили и самых крошечных из сумчатых созданий — мышевидок. На мышей они лишь внешне похожи, а хищными нравами и

повадками ближе к нашим землеройкам, чем к мышам. Да и резцов у них слишком много для грызуна: восемь в верхней челюсти и шесть в нижней.

Мышевидок, или сумчатых мышей, как их обычно называют в Австралии, 39 видов. Телосложение у них разное: одни похожи больше на миниатюрных кенгуру или тушканчиков и так же скачут на двух длинных задних ногах, другие — на землероек, мышей, крыс; у одних хвосты крысиного образца — голые, у других очень даже пушистые, с роскошной кистью на конце, у третьих, жирохвостых, вздуты по причине запасенного здесь жира.

Познакомимся поближе с одним таким жирохвостиком — сминтописисом толстохвостым. Живет он в кустах и траве на юго-востоке и юго-западе Австралии. Ростом с мышью, но мордочка остренькая, как у землеройки. Да и повадками скорее землеройка: очень подвижен, энергичен, не по росту прожорлив. Мышей, которые бывают и побольше его, убивает без труда. За ночь один сминтописис съел пять личинок майского жука и трех небольших ящериц (этих вместе с костями, кожей и хвостом!), которые все вместе весили на четверть больше, чем их алчный пожиратель.

Гнезда плетет меж камнями, в кустах, в дуплистых пнях.

В июле шесть, а то и десять крошечных потомков жирохвостой сумчатой мыши, как только вылезут из сумки, забираются к маме на спину и висят, крепко уцепившись, на ее боках. Она их носит. Если погнаться за ней, всех с себя скинет — крошки спрячутся где успеют. А мать, обманув погоню, вернется за ними. Попискивает — сзывает милых чад. Они пищат в ответ и резво бегут к ней. Оседлают, как прежде, и караван из одного «верблюда» и десяти седоков трогается в путь.

Кистехвостая мышевидка, или тафа, цветом серая, а ростом с белку. Живет на деревьях и нравом похожа на горностаю или ласку. Хищна и ловка. Называют ее еще «сумчатым вампиром» за то, что, задушив курицу, сосет и лижет ее кровь.

Многие сумчатые звери пятого континента повадками и даже видом своим (вплоть до характерных пятен на морде, груди или хвосте) очень напоминают некоторых несумчатых животных Старого и Нового Света, хотя совсем и не сродни им, а произошли от разных предков. Есть в Австралии и свои белки-летяги, куницы, кроты, землеройки, муравьеды, волки и тому подобные более или менее похожие копии заморских «оригиналов».

Но нет в Австралии двойников кошек, ни мелких, ни крупных: сумчатых, например, рысей, леопардов, тигров...

Поэтому, говорят некоторые зоологи, если тигров в Австралии и нет, то им следовало там быть.

И молва утверждает: тигры в Австралии встречаются кое-где. На полуострове Кейп-Йорк, например.

Весьма пассивная самооборона

С австралийскими сумчатыми на этом и покончим, но есть еще американские двуутробки. И немало: 65 видов опоссумов и 7 видов сумчатых крыс. Все живут в Центральной и Южной Америке, кроме обычного опоссума, который нередок еще в восточной половине США (к северу до Великих озер) и кое-где на западном побережье этой страны.

Обыкновенный опоссум — единственное сумчатое Северной Америки, но обитает он и в Южной Америке.

Вообще-то родина обыкновенного опоссума, как и всех сумчатых Нового Света, Южная Америка. Но в минувшие тысячелетия опоссумы ринулись в наступление на Северо-Американский континент, и поход их продолжается: в последние годы опоссумы расселяются по Соединенным Штатам все дальше и дальше к северу. Негустые леса и кустарники, даже вокруг ферм и среди полей, вполне их устраивают. Днем спят они где-нибудь в дупле, на ветке или среди камней. Листья и траву для гнезда носят, подцепив их гибким, голым хвостом. Когда вечерняя заря гаснет, выходят опоссумы на промысел. Зверьки не капризны: едят все, что попадется, — и дикий виноград, и сливы, и сочные листья, и кукурузу на полях. Жука по дороге схватят и съедят, ящерицу поймают или мышь — и туда же, в желудок. Раки и крабы — лакомство для опоссумов. Птичьи яйца тоже очень любят и не ленятся высоко за ними лазать (хотя в общем-то довольно ленивы). Если ветка, на которой свито гнездо, слишком тонка и по ней подобраться к нему невозможно, опоссум умудряется ограбить птицу способом, прямо сказать, акробатическим. Подползет по суку, что растет над гнездом, уцепится хвостом, повиснет вниз головой и передними лапами яйца из гнезда ворует.

А лапы у опоссума почти как руки: с пятью ловкими длинными пальцами. Передние и задние одинаково хваткие. Большой палец на задних лапах (он без когтя) противопоставляется, как на нашей ладони, всем другим.

Плотно покушав (опоссумы очень прожорливы), любят двуутробки, зацепившись задней ногой и хвостом (или одним хвостом) за сук, висеть вниз головой и покачиваться, блаженно переваривая обед.

В Америке говорят «играть в опоссума», то есть притворяться. На такие штучки опоссум большой мастер. Актер, каких мало. Когда он чувствует, что попал в скверную историю, сильный враг готов его схватить (или уже схватил), а бежать некуда, то притворяется мертвым. Даже с дерева трупом падает и лежит как дохлый, закатив остекленелые глаза и раскинув будто окоченевшие лапы. А то и язык высунет, войдя в роль! Лежит долго — столько, сколько надо, чтобы обмануть человека или хищника, который не ест дохлятины. «Мертвеца» можно отбросить ногой или схватить за хвост и кинуть подальше, он не выдаст себя «даже дрожанием век». Как только потенциальная смерть на двух или четырех ногах удалится, опоссум сейчас же вскочит и скорее бежать в кусты.

О том, что притворство часто спасает жизнь, много говорить не нужно. Животные, у которых есть такой инстинкт, выходят без вреда из очень опасных ситуаций. Каталепсия, или аки-наза, — это мнимая смерть в интересах самообороны, вернее, неподвижность, имитирующая смерть. Пауки и жуки, цепенея в каталепсии, как и опоссум, наверное, не раз разыгрывали перед вами акнетические пантомимы.

К зиме североамериканские опоссумы сильно жиреют. А когда холода придут, много спят. Но это не настоящая зимняя спячка, просто долгий и глубокий сон. А если денек потеплее, то и опоссум, бывает, проснется и скачет по липкому снегу в надежде кое-кого съесть.

Опоссумы убежденные индивидуалисты, живут в одиночестве. Но когда придет время подумать о продлении рода (кажется, случается это дважды в году), самец и самка, снизойдя друг до друга, на время забывают о своей необщительности, дни и ночи проводят вместе. Беременность так же коротка, как супружество: двенадцать с половиной дней. Опос-сумчики рождаются меньше пчелы. Весит каждый по два грамма. Но ползут, умудренные инстинктом, путаясь в волосах у мамы на брюхе, спешат — кто скорее! — в сумку забраться. Этот трудный кросс по пересеченной шерстью местности решает их судьбу. Рождается их нередко двадцать, а сосков у матери только 12—13, и кто опоздает ухватиться — погибнет.

Через месяц счастливики, повисшие на сосках, ростом уже с мышь. Еще через три недели — с крысу. И тогда, впервые растянув глазные щели, таращат свои глазки, хотя там, где они живут, темно, как в пещере. Дней через семьдесят навсегда бросают соски и выскакивают из сумки порезвиться на воле и поесть: мать делит с ними свою добычу. Больше не сосут молоко, но тут же ныряют в сумку при каждом подозрительном шорохе и испуге. Дней через сто после рождения мать своих чад больше в сумку не пускает. Зверята виснут у нее на спине, и перегруженная потомством опоссумиха, стараясь его не растерять, осторожно путешествует в зелени ветвей.

Прежде североамериканского опоссума (под названием виргинского) считали особым видом. Сейчас полагают, что виргинский опоссум лишь разновидность очень похожего на него южноамериканского. У обоих цвет меха изменчив — черный, серый или почти белый. Подшерсток мягкий, а ость очень длинная, редкая, далеко торчит из подшерстка светлыми вроде бы щетинками. Морда у северного опоссума почти белая, у южного — темная, иногда черная.

Хоть опоссум, уничтожая вредных грызунов, оказывает людям большущие услуги, его всюду преследуют — из-за мяса, но главное — ради меха. Шубы из

опоссума получают красивые (особенно если длинная светлая ость на них не щипана) и стали модны. Так что плохо теперь придется опоссумам: к тому миллиону, что их убивали ежегодно, наверное, прибавится еще не один.

Шерстистый опоссум — наиболее известный из южноамериканских сумчатых средних размеров; голый наполовину хвост (в основании он пушистый) длиной у него в полметра. Около того или чуть короче и все тело с головой. мех пушистый, густой (что для тропического жителя довольно необычно), золотисто-коричневый сверху и желто-бурый на брюхе. Глаза большие, выпуклые, но днем видят плохо. Однако для шерстистого опоссума это не так уж и важно, поскольку, пока светло, он спит беспробудно в уютном гнезде на вершине полюбившегося ему дерева. Привязанность к обжитому дереву у него как у кошки к дому: по два-три месяца не покидает и, лишь когда опустошит окрестности, меняет местожительство. Поскольку главное и лакомое блюдо шерстистого опоссума весьма обильно в тропиках (даже на одном дереве!) — насекомые, немного фруктов и молодых листьев и для разнообразия всякого рода падаль, — часто менять свои владения ему не приходится.

У самки выводковой сумки нет и не будет, даже когда рождаются недоразвитые отпрыски. Пока они еще ростом с пчелу, висят на сосках, почти срастаясь с ними. Подрастая, цепляются хвостиками и лапками за мамкину шерсть и, облепив ее всю сплошь многоголовым пушистым комом, предоставляют породившему их зверю все заботы о передвижении.

Есть в Южной Америке опоссумы, которые носят детишек, разместившихся на их спинах и ухвативших своими хвостиками изогнутый над ними хвост матери, словно некую подвесную опору.

Южноамериканский шерстистый опоссум: самоотверженная мать, обремененная детишками. Ухватившись хвостом за ветку, любят опоссумы висеть вниз головой.

У родительниц мышиноного опоссума сумок-колыбелей для новорожденных тоже нет: лишь на сосках, ничем, кроме шерсти, не прикрытых, висят полуграммовые детишки. Как только им исполнится месяц от роду и откроются глаза, перебазируются малыши на мамину золотисто-бурюю спину и на ней разъезжают.

Мышиные опоссумы с подкрашенными кровью голыми ушами и хвостами скачут ночами по банановым плантациям и опушкам тропических лесов в Центральной и Южной Америке (от Мексики до Бразилии). Сверчки и другие насекомые, фрукты — желанная цель их полуночного «подвижничества». Светлым днем цепенеют в глубоком сне в темных дуплах или переделанных на свой вкус птичьих гнездах.

Самый страшный враг этих малышей — коати-но-суха, из енотов. Но и ей не сдаются без боя. Ощетинившись, грозя острозубой пастью, отчаянно верещат, кусаются, и бывает, их безудержная ярость побеждает силу.

В семействе американских опоссумов есть зверек, который повадками вполне копирует выдру. Это плавун, или япок. Прежде, когда плохо его знали, числился япок в зоологической классификации рядом с выдрами. Теперь ясно, что он водяной опоссум, а не выдра.

Живет плавун по берегам небольших рек и ручьев от Гватемалы до Бразилии, всюду довольно редок. У него плавательные перепонки между пальцами, шерсть пепельно-серая с черным ремнем вдоль хребта и широкими полосами поперек тела. Хвост голый и лишь у самого корня волосатый. Япок роет норы в обрывах рек и плавает много, и днем и ночью: ловит рыб и раков. Мелких собирает в защечные мешки. Когда поймает большую рыбу, которую в этих карманах не спрячешь, вылезает на берег и там ест ее.

Плавуны очень скрытны, и о их жизни мало что известно.

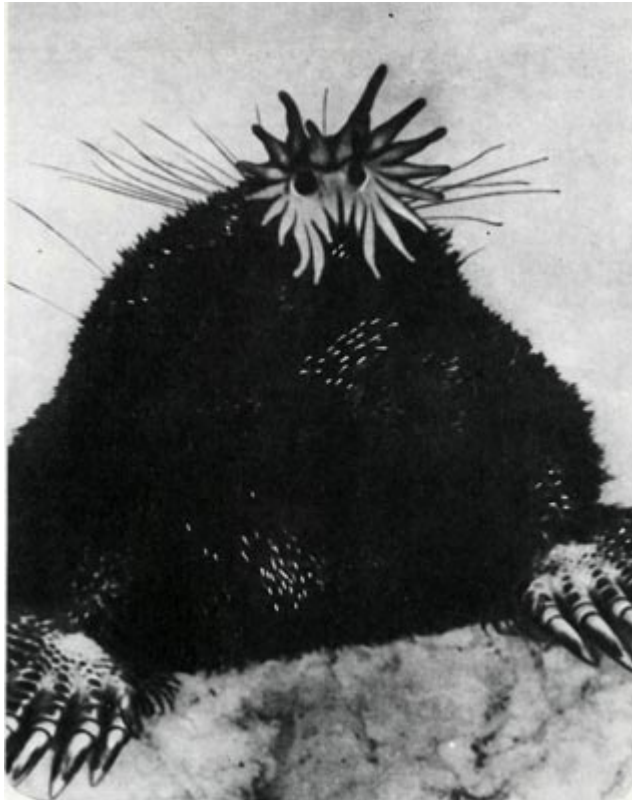
Насекомоядные

Их восемь семейств и 374 вида. Живут насекомоядные в общем-то там, где сумчатых нет: на всех континентах и многих островах, кроме Австралии, Тасмании, Новой Гвинеи, Новой Зеландии и Южной Америки (за исключением небольших ее областей в северо-западном углу этого материка). В Заполярье насекомоядные тоже не водятся.

Насекомоядные

Насекомоядные — зверьки маленькие, но зоологическая история у них большая. Сто миллионов лет назад, в меловом периоде, когда еще динозавры сокрушали хвощи невиданной с тех пор мощью своих подошв, насекомоядные уже жили в истоптанной зелени под ногами у ящеров-исполинов. От тех древних юрких зверьков произошли все звери: кошки и собаки, олени и зайцы, полуобезьяны и обезьяны, а от обезьян — и человек. Только сумчатые ведут свой род от генетически близкого, но иного корня— сумчатых трехбугорчатых, тоже насекомоядных, если судить по их обычному пропитанию. Прародителями насекомоядных наших дней были трикодонты. Так что пути развития клоачных сумчатых и несумчатых высших зверей разошлись очень давно, наверное 150 миллионов лет назад.

И сейчас еще у насекомоядных зубы почти такие же, как были давно, — бугорчатые, один на другой похожие: клыков, резцов и коренных у них, можно сказать, и нет. Мозг тоже примитивный — без извилин, гладкий. Большие полушария невелики: не покрывают мозжечок.

Самое маленькое на Земле млекопитающее, землеройка (белозубка-малютка ростом с мизинец, длина ее тела 34—48 миллиметров плюс 22—31 миллиметр хвостик) — насекомоядное. Еж — гроза гадюк, подземный житель крот, выхухоль, плавающая в дорогой шубке, — тоже насекомоядные. На Мадагаскаре живут танреки «ежи» без колючек. В Вест-Индии — солено-донты, или щелезубы, на них похожие. В Индонезии — тупайи-древозлазы. О них ученые давно спорят: насекомоядные ту-пайи или полуобезьяны. Здесь мы последуем за теми, кто считает их все-таки полуобезьянами, и потому о тупайях разговор будет позже. На суше и в воде, под землей и на деревьях живут насекомоядные и всюду к тому, что их окружает, приспособились совсем неплохо.

Тайны за иглами

«Еж собирает на зиму пропитание. Он катается на яблоках, упавших на землю. Наколет их на свои иглы и еще одно возьмет а рот и несет в дупло дерева» (Плиний Старший).

Века прошли, Плиний давно умер и многими забыт, но рассказанная им легенда живет. Во многих странах от берегов Англии до Кавказских гор по сей день крестьяне, охотники, поэты, писатели, в немалом числе и натуралисты (среди них Ч. Дарвин!) рассказывают эту странную историю о еже, ворующем яблоки, как о факте само собой разумеющемся, не задумываясь о несуразности, по мнению современных биологов, и очевидной ненужности для ежа такого занятия. Из уст в уста, от поколения к поколению с рядом других традиционных представлений переходит эта молва.

Еж с яблоками. Может быть, эта фотография документально удостоверяет легенду о еже и яблоках?

В некоторых рыцарских и дворянских гербах в геральдической условности на века запечатлен еж с яблоками на спине. В Линкольншире, в Англии, жива еще старая поговорка: «Он выгнул спину, как еж, отправившийся за яблоками». Говорят так о человеке ершистого и вздорного нрава.

Загадал еж людям загадку. Те зоологи, что ежей хорошо знают (или полагают, что знают), говорят: яблоки ежу ни к чему, ведь он их не ест! Он насекомоядный: жуки, черви, улитки, лягушки (даже жабы), ящерицы, яйца, птенцы (в разоренных гнездах) и мышата, гадюки, наконец, его прельщают. А яблоки-то зачем?

Но другие люди, не зная всех этих тонкостей (или не придавая им большого значения), уверяют часто, что своими глазами видели, как катается еж на опавших дичках, как, наколов их на иглы, несет куда-то. Даже фотографии такие есть. Однако в наш век технического всемогущества сфотографировать можно что угодно. Так что фото — это не доказательство. Но и отрицание типа «это невозможно, потому что невозможно» — тоже не доказательство.

Животные нередко такое проделывают, чего от них, априорно полагая, ожидать никак нельзя. Может быть, в этой странной ежиной повадке и есть какой-нибудь нам пока неведомый смысл.

На чем построено научное отрицание легенды? Первое — еж насекомоядный, растения не ест. Второе — на зиму никакое пропитание ему не требуется, в это время он спит, как медведь или барсук. Третье, наконец, — спинная, стягивающая ежа в шар мышца устроена так, что кататься шаром на спине еж не может. И если распрямит спину и не шаром, а плашмя ляжет на землю, то эта мышца потеряет свою упругость. Лишенные прочной, фиксирующей их опоры, иглы на спине не способны будут тогда проткнуть что-либо более или менее твердое.

А каковы контрдоводы? Так ли уж ограничивает себя еж насекомоядной и плотоядной диетой? Сто лет назад в британском зоологическом журнале вопрос этот оживленно обсуждался в нескольких номерах подряд. Были статьи, которые утверждали, что иногда еж не прочь поглотить и яблоки, и другие плоды. Особенно будто бы на это горазды молодые ежи. В неволе вкусы ежа определенно меняются и от некоторых вегетарианских угощений он не отказывается (от вареного картофеля, например, риса, груш, слив, орехов, семечек подсолнечника, даже от сладкого пудинга и шоколада!). Теперь доказано, что и на воле ежи едят «сочные плоды растений».

Я люблю ежей, и у меня они часто жили. Однажды видел я, как еж, прижав сырую морковь к стене, пытался наколоть ее на иглы своего насуспенного капюшона на лбу. Провозился он недолго, морковь наколол и бродил с ней из угла в угол явно с какой-то непонятной целью. Чего-то в комнате не хватало, чтобы цель эту привести в исполнение. Съел ли он морковь? Нет, даже и не погрыз.

И тут возможно приемлемое, кажется, даже для самых непримиримых противников легенды объяснение загадочных манипуляций ежей с кислыми яблоками, о которых повествует молва.

Замечена определенная склонность ежей к разного рода кислым едким продуктам и веществам. Ежи любят натывать на иглы, например, недокурные сигареты, пытаются водрузить на себя и зерна кофе. Дым табака, запахи духов и опять-таки кофе им приятен: во всяком случае, ежи в атмосфере таких запахов, взьерошив иглы, будто бы дезинфицируют себя. В этом, возможно, и разгадка тайны!

Многие птицы «купаются» в муравейниках, взьерошив перья и раскинув крылья. Даже, захватив клювом, давят муравьев о свое оперение. Любят дезинфицировать себя и другими едкими веществами и ароматами на манер ежа. И в том и в другом случае делается это скорее всего для уничтожения паразитов, которые нашли приют у птиц под перьями (а у ежа под колючками).

Итак, видимо, еж накалывает на иглы яблоки не для того, чтобы потом съесть (хотя и такое, конечно, возможно), а чтобы кислый их сок (яблоки он ворует обычно дикие) отравил недосыгаемых для его когтей паразитов.

А паразитов у ежей на коже много: очень их мучают, поселяясь главным образом на шее, особые ежиные блохи (и иных блох немало), разные клещи, другие паразиты даже в волосяной луковице под кожей устраиваются. И оттуда их ничем, кроме химии, не выгонишь.

Всевозможных ежей на нашей планете 19 видов. Из них четыре, увы, без колючек (Южная Азия). Остальные более или менее колючие (Европа, Азия, Африка). В СССР четыре вида ежей.

Обыкновенный, или европейский, еж встречается в Европе, Передней Азии, Северо-Восточном Китае и Корее, у нас — от северных берегов Ладожского озера до Крыма и Кавказа, от западных границ до Оби на востоке. Кроме того, в Приамурье и Приморском крае. Даурский еж отличается от обыкновенного тем, что на темени у него нет продольной полоски голой кожи (без волос и игл). И нравы у него иные: живет в степи (Забайкалье и Монголия), прячется в норах сусликов и сурков. Не дожидаясь сумерек, на охоту выходит еще засветло.

У темноглазого (или лысого) и ушастого ежей большие уши (если их отогнуть вперед, они закроют глаза) и мягкая шерсть на брюхе (у европейского и даурского

ежей она жесткая). Лысый еж более темный, и на темени у него такая же голая полоска кожи, как у ежа европейского. У ушастого ее нет. Лысый еж обитает в песчаных и глинистых пустынях, а также в предгорьях и горах Северной Африки, Аравии, Ирана, Афганистана, Индии, у нас — только на крайнем юге Средней Азии и у восточного берега Каспийского моря.

Ушастый еж живет в степях Юго-Восточной Европы, Передней и Центральной Азии, на юг до Египта и Индии. У нас западнее Ростовской области, восточнее Тувинской АССР и севернее Камышина не встречается. Нет его и в Крыму и западных районах Кавказа, но равнины и предгорья Казахстана и Средней Азии им обжиты. Днем прячется в норах (нередко довольно глубоких — до полутора метров), которые роет сам или переделывает чужие.

Все ли обыкновенные ежи, населяющие Европу и Азию, одного вида, ученые еще окончательно не решили. Во всяком случае, пятнадцать их подвидов, описанных до сих пор, довольно отчетливо можно разделить на две группы: темно-грудых, или западных, ежей (у них череп короче и шире) и , светлогрудых, или восточных. Первые обычны на западе Европы, а у нас — в северных областях, не южнее Оки. Вторые — в Восточной и Юго-Восточной Европе и Малой Азии.

Наши западносибирские и особенно амурские ежи светлые. У амурского — почти треть колючек на спине без темных колец, беловатые. Но еще светлее так называемый белый, или алжирский, еж, и шерсть и иголки у него почти белые (глаза часто красные). Белый еж и в Европе живет: в Испании и на юге Франции.

Разные ежи — разные привычки. Одни в лесах живут, все больше в еловых да сосновых. (Сыроности ежи не любят. В дождь, как, наверное, заметили, сидят дома, не бегают. Потому болот лесных не любят. Сухие поляны и опушки им милее.) Другие — в степях, полях, в живых изгородях и кустах. Третьи — нравами альпинисты, предпочитают дышать горным воздухом, поселяются в нагорьях, до двух тысяч метров над уровнем моря.

А есть и такие, которым нравится жить с людьми по соседству: на скотных дворах, в садах, сараях. Эти очень доверчивы. Особенно людей не боятся. Но на всякий случай, пытаясь свернувшись комом (не очень плотным), страхуют себя иглами. И в неволе и на воле очень любят ежи молоко. Бывает, где-нибудь в углу коровника ждут, не брызнет ли у доярки струйка молока мимо ведра. Для ежа это праздничное угощение. Люди, застав ежа за таким пиршеством, случалось, думали, что он сам себе надоил. Вот местами и родилось поверье, будто ежи доят коров.

И еще про ежей слава ходит: хорошие они мышеловы. Если завелись мыши в погребе, надо туда ежа пустить. Он их всех переловит. Лучше кошки.

Тоже едва ли. Дохлых мышей еж иногда ест (хотя и не очень охотно). Это верно. Но живую мышь в большой комнате ему, тихоходу, трудно поймать. Да и в клетке, когда мышь к нему пускали, еж долго скромничал, не трогал ее, а часто и просто ее не замечал, пока буквально носом в нее не уперся. Тогда попытался схватить ее, но мышь без особого, впрочем, страха и труда вырвалась и отскочила. Еж после этого вроде бы совсем забыл о ней. Мыши довольно долго живут обычно в клетке с ежами. Даже едят из чашки, поставленной для ежей. Бывает, что, удачно загнав в угол, еж поймает и съест мышь. Но все в его поведении говорит, что дичь такая для него не самая обычная и желанная.

Зато стоит посмотреть, как он расправляется со змеями! Даже гадюку ядовитую не боится. Увидит ее, потихонечку, незаметно подобрется, потом — быстрый бросок, и, прикрываясь иглами, хватает змею острыми зубами, за что успеет схватить. Извивается гадюка, кусает ежа. Но куда ни укусит — всюду наткнется на колючий барьер. А еж атакует раз за разом и норовит укусить все в одно место. Когда перегрызет позвоночник, ест змею оттуда к голове. Бь'вают, конечно, и неудачи: изловчится гадюка и укусит колючего в нос. Вот тут беда. Хорошо, если нос, чуть распухнув, поболит немного и заживет. Но может еж и умереть от змеиного укуса. Не сразу, несколько дней мучается. опыты доказали, что еж раз в сорок легче переносит змеиные укусы, чем, например, морская свинка, которая уже через две-три минуты умирает от дозы яда, несмертельной для ежа. Но все-таки он не абсолютно к яду нечувствителен, как думали раньше.

Змею еж ест всю целиком и часто вместе с головой и ядовитыми железами. Это очень удивительно! Мало того, ест он (и в немалом числе) и других ядовитых животных: шпанских мушек (жуков из рода *Lytta*) и жуков маек, в крови которых очень сильный яд кантаридин, и потому никто из насекомых, кроме ежа, их, кажется, не трогает. Разоряет гнезда шмелей, ос, пчел и пожирает этих жалоносцев бее страха. Жалят они его: одного ежа сразу 52 пчелы укусили, а он не умер и не заболел.

В лабораториях, пытаюсь понять, отчего так, травил ежей разными ядами: мышьяком, сулемой, опиумом, хлороформом. Слишком большие дозы убивали, но все-таки, оказалось, все испытанные яды ежи переносят лучше, чем даже человек, хоть еж весом и во много раз меньше.

Все на его вкус съедобное; что в зубы попадает, ест еж, себя не ограничивая. Один, в изобилии наделенный мучными червями, за десять дней уничтожил около двух килограммов! И «поправился» за эти же дни санаторного питания на 466 граммов: в начале опыта весил 689, в конце — 1155 граммов.

Немалый труд для колючего пропитать себя. Всю ночь он топает и вынюхивает, где что съесть. Днем спит под кустом, валежником, меж корней, иногда в норе. У нее обычно два выхода: один из них, самый ветреный, заткнут сухими листьями. В подобных же местах и зимовать еж устраивается в октябре — ноябре. Натаскает

тогда (во рту главным образом) побольше разной листвы, мха, рыхлым комом все уложит, внутрь заберется и, свернувшись, спит до весны, до апреля. В этой спячке тело его остывает, но в любой мороз температура его не меньше 5—6 градусов. Когда еж зимой спит, он, естественно, ничего не ест, дышит очень редко, все процессы обмена идут малым темпом. Но, когда проснется, даже, бывает, и в сильную оттепель, очень хочет есть, и если ничего не найдет (так обычно и случается), то остаток зимы, опять в сон погрузившись, может и недозимовать, умрет, но не от холода, а от голода. Таких погибших зимой ежей (чаще молодых) нередко находят по весне.

Пробудившись весной, первым делом ежи хотят есть. Потом сытых уже самцов неудержимо начинает тянуть к самкам. Каждую ночь ищут их и вокруг одной собираются по несколько. Она поначалу совсем нелюбезна с ними. Фыркает на кавалеров, насакивает даже. Но они всюду за ней топают. Между собой, однако, недружелюбны, ссорятся без конца, грубят, отпихивая соперников, и тут же требуют сатисфакции, дают и получают ее — не на пистолетах, а на иглах. Фехтуют, нанося удары противнику колючками наползающего на лоб капюшона. Потом, заметив с тревогой, что причина их ссоры далеко уже ушла на коротких своих ногах, спешат за ней, заключив временное перемирие. И так много ночей подряд. И не только в апреле, а периодами все лето до августа. Потому что самки ежей не все в одно время готовы к зачатию и деторождению, а иные, родив в начале лета, и второй раз, в конце его, рожают. В общем, от мая до сентября можно найти в лесу новорожденных ежат, но чаще всего в июне — августе.

Беременность у ежихи пять-шесть недель, а новорожденных два-десять (в среднем семь). Как ни малы ежата, по сравнению с младенцем даже трехметрового кенгуру они великаны: вес 12—25 граммов, а длина 5—9 сантиметров. Слепы, глухи, беззубы, утыканы редкими мягкими белыми иглами, как плохо ошипанные цыплята. Хоть иглы и мягки, но природой все-таки, чтобы роженицу не поранить, приняты меры предосторожности: иголки рождающихся ежат втянуты в разбухшую от обилия в ней воды кожу. А как родятся, иголки у них сразу топорщатся, а через двое суток уже начинают расти новые, более темные и острые. Через две недели ими уже густо поросла вся спина малыша, а «молочные» белые иглы все выпали. Тогда же и глаза у ежат открываются, а еще через неделю или две прорежутся острые зубки. На одиннадцатый день ежата уже умеют шаром сворачиваться.

Отец их живет с матерью, пока они не родятся, а потом удаляется и больше к потомству своему не возвращается, предоставив матери все заботы о нем. Первый день она ни на минуту от ежат не отходит. Кормит молоком. Ежата еще слепые и глухие, но уже дерутся из-за соска, в котором больше молока. Не кусаются, не царапаются, а боксируют. Кожа с иглками, которая у ежей наползает на лоб, очень подвижная. Ежата ее быстро вперед выдвигают и, как боксер кулаком, бьют

этим колючим капюшоном противника. Слабенький ежонок, как от хорошего нокаута, летит от такого удара в сторону.

Мать-ежиха в драки не вмешивается — эта возня им вместо гимнастики. Сильнее будут.

Уходя из гнезда, мать закутывает ежат травой и листьями. Лежат такие маленькие пакетики в гнезде. Их и не видно, и тепло им в упаковке. Если место, где ежата родились, с точки зрения безопасности ненадежно, бывает, одного за другим перетасит их. всех во рту на новое, надежное.

Пока глаза закрыты, из гнезда колючие никуда не уходят. Но как только мир раскроет перед ними все свое зримое многообразие, разве не пойдешь посмотреть, что делается вокруг? И они уходят. Жмутся поближе друг к другу, и от матери им надо не отстать. А если кто отстанет и заблудится — пищит, словно свистит, жалобно: «Ах, подождите!» И мать бежит назад, ищет, где он, отставший. Найдет и носом, носом подгоняет: «Не отставай!»

Она учит своих чад, где улиток искать, каких жуков можно есть, а каких пока лучше не трогать. Без ее разрешения ежата ничего в рот не берут. Месяц-полтора обучает ежиха колючую компанию премудростям жизни (и все это время подкармливает молоком). А потом ежата подрастут и разбегутся кто куда. На следующее лето у них у самих дети будут.

Еж, отгороженный от всех колючим барьером, немногих врагов страшится. Однако нашлись такие, кто прорывается через его оборону без труда. Филин — самый опасный. И другие хищные птицы с длинными когтями и роговой броней на лапах (крупные совы и ястребы), смяв колючки, пронзают ежа своим бесчувственным к уколам оружием. Тут все ясно.

Но вот как лиса умудряется ежей есть, пожалуй, еще загадка. Она его, говорят, шаром свернувшегося, в воду катит, и там он волей-неволей должен развернуться — тогда и хватает рыжая колючего за морду.

Рассказывают еще так, лиса, чтобы развернуть иглистый шар, прыскает на него, простите, своей мочой. Так ли, нет ли — ученые пока не проверили.

Зато проверено другое: ежи, которых нелюбезная к ним молва представляет довольно тупыми тварями, в экспериментах ведут себя очень даже сообразительно. Они легко обучаются разным штукам. Например, по команде «развернись», «свернись» делают, что приказано. Как и обезьяны в подобных ситуациях, умеют, схватив зубами кончик палочки, втянуть ее всю через прутья решетки к себе в клетку, если, конечно, на другом конце привязано недостижимое из-за расстояния и решетки лакомство — скажем, майский жук.

Их можно научить открывать (носом и лапами) одну из многих похожих дверей, но именно ту, за которой, еж по опыту знает, спрятано угощение. Он обучается открывать дверку не только, скажем, крайнюю правую или левую, либо там третью по счету от края, но даже и окрашенную по-иному, в тот цвет, на который его выдрессировали. А странно это вот почему: считается, будто звери, кроме человека и обезьян, не различают цвета и краски. Бесполезно, уверяют биологи, дразнить быка красной тряпкой: для него что красное, что серое, что черное — все равно. Свиньи, овцы, лошади, собаки о цветах понятия тоже не имеют. Они для них лишь разные оттенки серого (так доказывают опыты). Только человек и обезьяны (но не полуобезьяны, для которых тоже все вокруг серо) наслаждаются созерцанием разноцветной планеты. Кроме них, еще раки, насекомые, осьминоги, рыбы, ящерицы, змеи, птицы (за исключением, возможно, ночных — сов и козодоев).

За что природа, раздавая глаза, так обидела зверей, пощадив обезьян и человека, не ясно. Но вот для ежа (а также ленивца и, возможно, кошки), оказывается, тоже сделано исключение: игра красок для него не серая гамма разных тонов. Может быть, будущее покажет, и другие звери не абсолютные дальтоники, может быть, опыты, доказавшие их цветовую слепоту, были недостаточно совершенны?

Открытая в недавнее время субординация, так называемая иерархия звериных и птичьих стай и сообществ, есть и у ежей. Но странно: строится она, кажется, не по плану подчинения слабого сильному, а по каким-то иным категориям. Профессор Конрад Гертер, написавший отличную книжку про ежей, думает, что яркая индивидуальность и психическая одаренность играют тут главную роль.

Четыре ежа жили вместе в одной клетке. Всеми командовала, кусала их безнаказанно и колола одна самка, отнюдь не самая большая и сильная. Вторая подчинялась только ей, но двух ежей, самцов, третировала как хотела. Из этих на последнем месте в иерархии был самый крупный и на вид сильный самец. Другой, из четырех ежей самый маленький, гонял его и кусал без страха, но двух самок боялся.

Это странное соподчинение, проведенное весьма строго снизу доверху, которое заметили сначала у обезьян, проходит дисциплинарной нитью, по-видимому, через все животное царство. Когда пытались исследовать его детальнее, выяснилось, что иерархия и ранги (иначе и назвать нельзя!) есть почти у всех животных: у кур, волков, оленей, коров, мышей, шмелей, сверчков, у трески...

В каждой стае (и не только в стае) есть животные номер 1, 2, 3 и так дальше. Соподчинение

устанавливают между собой и самцы и самки. А иногда даже и детеныши (например, цыплята). Бывает иерархия прямая (соподчинение последовательное, в порядке, так сказать, номеров), но бывает и запутанная, когда, скажем, номер четвертый номера первого и третьего боится, а номера второго нет. Бывает коллективная, когда несколько самцов объединенными силами побеждают одного, который их всех по отдельности может отколотить. Бывает и межвидовая (например, в смешанных стаях синиц все большие синицы рангом выше лазоревок, а лазоревки — черноголовых гаичек) и т. д. Но это все детали (и часто спорные). Важен сам факт, который теперь твердо установлен: у животных есть ранги.

А зачем они?

Наверное, чтобы порядка было больше, а лишних драк меньше. Однажды силами померялись (и духовными тоже, как пример ежей подсказывает), и все знают, кто кого сильнее. Без драки знают и уступают сильному, и мир царит (насколько он возможен) в ежином, мышинном и прочих царствах.

Но вернемся к колючим, которые живут с нами бок о бок и о которых мы, оказывается, так мало знаем. Есть еще одна загадочная странность в повадках ежей: встретив какой-нибудь предмет с резким запахом, скажем корешок книги, пахнущий клеем и типографской краской, еж его обнюхивает, потом долго лижет. Полизав, голову поворачивает назад и, сколько может дотянуться, лижет иглы, оставляя на них пленки пенистой слюны. И так несколько раз.

Если предмет, прельстивший его, небольшой, еж берет его в рот, мусолит и пытается жевать. Затем смазка игл продолжается. Изжеванную вещь всегда выплевывает.

С этой непонятной целью прельщают ежей мыло, клей, сигареты, вата с валерьянкой или духами, некоторые цветы, газетная бумага, корешки книг, жабы (!) или, когда всего этого нет, шерсть других ежей.

В чем смысл подобных манипуляций? Об одном возможном объяснении я уже упомянул, рассказывая о пристрастии ежей (мнимом или реальном) к кислым яблокам. Вторая, недоказанная впрочем, догадка: может быть, пахучей отдушкой еж хочет заглушить свой собственный, довольно резкий запах, чтобы враги его не нашли? Но у него и врагов, которые сильным обонянием вооружены, почти нет. Лисица если только. Антисептика и дезинфекция, пожалуй, более вероятные цели этой загадочной ежиной привычки.

Какая польза человеку от ежа? — вопрос, который часто задают о любом звере, не явно пушистом или общеизвестно вкусном. И на него, считается, нужно ответить.

Ни в пушной торговле, ни в гастрономической еж значения не имеет, совсем не ценится. Правда, некоторые европейцы ежей едят, запекая их в сырой глине. Иглы его использует в небольшом числе препа-рационная техника для манипуляций с мелкими объектами. Римляне, содрав с ежей колючую шкуру, делали из нее разные чесальные устройства на своих суконных фабриках. И по сей день еще крестьяне,

привязав на нос теленку, иглами наружу, содранную с ежа колючую шкуру, отучают таким способом телка от его инфантильной слабости к коровьему вымени. Он полезет сосать, иглами уколет вымя, корова его лягнет, боднет, в общем сосать не даст. Вот и вся польза от ежа в крестьянском хозяйстве. Казалось бы...

Но нет, польза его внушительнее, и совсем она в другом: охрана садов и полей. Ибо ежи, удовлетворяя ненасытные свои аппетиты, уничтожают массу всяких вредных насекомых и слизней (и змей, не забудьте!). Хоть охотники за взрослыми мышами они и неважные, однако и мышей много губят, разоряя их гнезда.

Разоряют, к сожаленью, и птички. И зайчат крохотных, и лягушек, и жаб, и ящериц тоже не щадят. Так что есть от ежей и некоторый вред в человеческом лесном и полевом хозяйстве. Но по сравнению с пользой он невелик. Потому берегите ежей! С ними, кроме всего прочего, не соскучишься: сколько интересных загадок таится за иглами!

Неколючие ежи

Не все ежи колючие, есть и без иголок. Четыре их вида — в Южной Азии (один — только на Филиппинах, два — кроме материковой Азии, на Калимантане и Суматре). У всех крысиные хвосты и 40 зубов (у наших ежей их 36). Самый внушительный из шерстистых ежей — большой гимнур, пожалуй, и самый крупный насекомоядный зверь вообще: длина его от носа до корня хвоста 40 сантиметров, да еще хвост в половину того. Известно, что у гимнура под хвостом (у основания) мускусные, резко пахучие железы, что днем прячется он в расщелинах скал и в дуплах поверженных ветром деревьев, ест фрукты и насекомых. Больше, кажется, ничего не известно.

Сведений о нравах и жизни щелезубов у науки больше. Щелезубы похожи повадками, немного даже и внешне, на шерстистых ежей, но кое-что в их анатомии отличается. Поэтому систематики учредили для них свое, особое семейство щелезубов. Это странное название получили зверьки за то, что второй резец на их челюстях прорезан с внутренней стороны довольно глубокой щелью. Вообще, зубы у них для насекомоядных не совсем обычные. Например, пара верхних резцов чересчур велика в сравнении с другими, а положенного числа ложнокоренных зубов нет, меньше их, чем у образцового насекомоядного.

Кубинский щелезуб. Животное уникальное во многих отношениях. Слюна у него, по-видимому, ядовитая!

Зверьки и раньше-то нечасто на глаза попадались, а после того, как расплодилось на Кубе собаки, кошки и, главное, мангусты, определенно стали вымирать. Мангуст привезли из-за моря, чтобы они ловили и ели бесчисленных тут змей. Но иммигранты распорядились по-своему и больше промышляют редкостных щелезубов (а людям очень хотелось бы их сохранить!), даже поросят и ягнят, а гремучих змей, которые проворнее привычных мангустам кобр и гадюк, предпочитают оставлять в покое.

Прежде щелезубы жили и на материке, в Северной Америке, теперь уцелели лишь на Кубе и Гаити (на каждом из этих островов свой особый вид щелезубов).

Кубинский щелезуб ростом с крысу. Глазки у него крохотные, а морда узкая и длинная: прямо гротескно вытянута вперед тонкой морковкой! Естественно, таким длинным носом, во все щели вхожим, очень удобно вынюхивать слизней, опавшие фрукты, муравьев и насекомых. Он это и проделывает по ночам, следуя в поисках

соблазнительных запахов зигзагами и вспахивая землю носом, как поросенок. Роет и длинными когтями, когда нужно.

Мускусные, с резким запахом железа разместились у щелезуба под мышками и на крестце, а соски у самок, трудно поверить, на... ягодицах (дело небывалое!).

Гаитянский щелезуб. Этот ядовит без всяких «по-видимому». Железа, вырабатывающая ядовитую слюну, выводит свою токсическую продукцию в рот зверька у основания второго резца нижней челюсти. У щелезубов нет иммунитета к собственному яду; случалось, их самцы умирали после драки друг с другом, хотя ранения были невелики.

И еще у щелезуба слюна, по-видимому, ядовитая: в борьбе с врагами и на охоте это, наверное, помогает.

Щелезубы совсем не плодовиты: дважды в году рожают их самки одного или трех детенышей. Такая безответственность в делах размножения совсем не способствует, особенно под натиском мангуст, процветанию рода.

Танреки, или щетинистые мадагаскарские «ежи», родством ближе всех зверей к щелезубам, хотя и зачислены в иное семейство. У них тоже ложнокоренных зубов недостатка. Зато у некоторых нижние клыки очень велики. Танреков тридцать видов, и все проживают только на Мадагаскаре!

Танреков, или тенреков, около тридцати разных видов, и все проживают только на Мадагаскаре. Одни похожи на ежей, другие без игл, лишь щетинисты, у некоторых только шерсть. Большой, или бесхвостый, танрек, изображенный здесь, и иглист, и щетинист, и шерстист.

Одни лишь шерстистые, другие — щетинистые, у третьих — на спине и щетина, и простые волосы, и даже иглы. Одни об ежиной круговой обороне понятия не имеют, другие сворачиваются в шар не хуже его. У иных хвост невероятно длинный, крысиный (в 2,5 раза длиннее тела — мировой рекорд!), у других совсем короткий обрубок, а то и вовсе отсутствует. Некоторые в сухую зиму спят беспробудно, а некоторые нет.

Ежиный танрек. Ростом с маленького ежа. У него забавная походка: задние ноги, когда идет, выбрасывает в стороны под прямым углом, к телу.

Многие танреки живут, как ежи, промышляя того же сорта добычу на земле, другие, как кроты, в земле и норах копаются. Есть и по деревьям лазающие, в воде плавающие — словом, очень разные.

Одно у них, кажется, неперемениво: плодовитость немалая. Семьи многодетные: 10—20 наследников каждый год. А бесхвостый танрек, конкурируя в этом с песцом, побил многие рекорды многодетности в мире зверей: двадцать одного детеныша родят нередко его самки!

Полосатый танрек. Черная щетина местами контрастно оттеняет его желтые иглы. Беременность у этих танреков всего 50 дней, детишек в одном помете — от одного до одиннадцати, Развиваются они поразительно быстро: в первый же день, появившись на свет, следуют за матерью, на пятый — сами едят червей и мать молоком их уже не кормит.

Землеройки ложные и истинные

Землероек три разные группы: выдровые, слоновые (или африканские прыгунчики) и обыкновенные. Впрочем, первые и вторые совсем и не землеройки, просто их так, за неимением лучшего, называют.

Выдровые землеройки, которые анатомически ближе к ще-лезубам и танрекам, а не землеройкам как таковым, живут в Африке, в Центральной и Западной. Их три вида. Внешне они действительно очень похожи на выдру, только помельче: чуть больше полуметра (с хвостом).

Хвост сильный, у корня толстый, дальше, с боков, сжатый — отличный и руль и весло. Выдровые землеройки, плавая, больше на его силу полагаются, чем на слабенькие лапки, которые у них, говорят, даже без перепонки, что для водного животного странно. Высмотрев с берега рыбу, ныряют за ней. Поймают и на берег лезут есть.

Слоновые землеройки, или прыгунчики, видом скорее тушканчики, потому что скачут, подобно им, на длинных задних ногах. И глаза у них такие же большие (для насекомоядных редкость!). Слоновыми назвали их за тонкую, удлинённую на конце наподобие хоботка мордочку. Их 21 вид, почти все рыже-бурые, но есть и пятнистые, и все живут в Африке в сухих степях и каменистых предгорьях (один вид на Занзибаре). Попрыгивая, не спеша ищут себе насекомых в нежаркие утренние часы. В полуденную жару прячутся в норах. Некоторые ростом с крысу, другие — побольше, от носа до конца длинного хвоста примерно полметра. Снизу на хвосте у прыгунчиков мускусные железы. Касаясь на бегу хвостом земли, оставляют пахучий след — путеводную нить для тех собратьев, которым наскучило одиночество.

Когда в череде месяцев приближается сентябрь, самкам прыгунчиков приходит пора рожать. Они не плодовиты: один-два детеныша, но зато очень крупных, уже зрячих и с рыжеватым мехом на спинках. Младенцы виснут на сосках, и мать с ними прыгает по степи.

Африканские прыгунчики похожи на тушканчиков, но происхождением, не грызуны, а насекомоядные. Землеройки, ежи и кроты — их близкие родичи, '

Землеройки истинные бесчисленно разнообразны — 265 видов. Один лишь род белозубок, преимущественно африканский (хотя и в Азии совсем не редок), более обилён видами, чем весь подотряд обезьян, —144! Впрочем, когда белозубок лучше изучат, число это, наверное, очень поубавится. Некоторые из землероек ростом с крысу, многие с мышью, а иные и меньше.

Европа, Азия, Африка, Северная и Центральная Америка (и небольшой северный кусочек Южной) — вот жизненное пространство глобального масштаба, обжитое землеройками. К той роли, которая отведена им на планете судьбой, они очень подготовлены. В горах, лесах, полях, садах стран умеренного климата, даже в тундре и тропиках отлично приспособились. Умеют жить и передвигаться (и летом и зимой) в густой траве, в опавшей листве, в рыхлой земле, между корней, в узких

норах, хорошо плавают, а иные и вовсе, как выдры, живут в воде. Многие животные беспомощны — ни пролезть, ни удачно охотиться за разной насекомой мелочью не могут на пограничной полосе между воздухом и землей, где землеройкам обеспечивает удачу их юркое маленькое тельце, большая сила и отвага, несравнимые с ним, необыкновенное проворство и неутомимая выносливость. Вытянутое, обтекаемое рыльце легко раздвигает такие преграды на пути, как густые травы, мхи и рыхлую землю. А чтобы отважными крошками, кто посылнее (а таких необозримое множество!) не очень-то объедался, природа наделила землероек мускусными железами с неприятным запахом. Только аисты, гадюки и некоторые хищные птицы ими не брезгают. А звери, например лисы, у которых очень тонкое обоняние, духа землеройкиного не переносят. Не едят их. А если случится, схватит лиса землеройку, по ошибке приняв за мышь, тут же, с отвращением поджав губу, выплюнет. Но соболь ест землероек, и довольно охотно!

Аппетиты у землероек рекордные: за сутки съедают они больше, чем весят сами. Едят почти всех насекомых, а также червей, слизней, многоножек и даже мышей, которых побеждают в единоборстве. Возможно, победу над мелкими врагами им обеспечивает редкое свойство слюны, которое мы уже заметили у щелезуба: ядовитость. Слюна землероек нейротоксична, то есть губительно действует на нервы (у куторы, во всяком случае). Но не ясно еще, вредна ли она для человека. Ядовитость у зверей — редчайшее свойство! Только еще у ехидны и утконоса, как пока известно, есть ядоносные железы. Долю свою в дележе пропитания землеройки отстаивают отчаянно. Видели, как с воинственным писком дралась землеройка с ящерицей из-за какого-то насекомого.

И между собой дерутся часто и яростно: кусаются, катаются, сцепившись комом. Отдохнут немного, и новый раунд начинается. И так до полной победы одного из борцов или полного истощения обоих. У каждой землеройки свой охотничий участок — несколько десятков метров вдоль и поперек, — и чужаков на него не пускают.

В СССР 21 вид землероек и пять разных их родов: бурозубки, белозубки, белозубки-малютки, куторы, или водяные землеройки, и потораки.

Обыкновенная бурозубка сырые места любит больше сухих, и чтоб тень была. Если долго ее продержать на солнце, может умереть. Она похожа на мышь, только острое длинное рыльце выдает ее насекомоядность. Ростом тоже с мышь — от носа до корня хвоста 6—8 сантиметров. Цветом в общем бурая (западные бурозубки почти черные). Хвостик, на конце которого едва приметна кисточка из удлиненных волос, двухцветный: сверху темнее, снизу светлее. Живет эта землеройка у нас по всей стране, а кроме того, в Западной Европе и Китае. Поймы рек и окрестности ручьев для нее желаннее всех других мест. Для разнообразия ест иногда и семена растений.

Срок жизни обыкновенным бурозубкам положен очень короткий, всего 15 месяцев, по некоторым наблюдениям. Оттого, по-видимому, и темпы размножения рекордно быстрые. Судите сами: в три-четыре месяца от роду молодые бурозубки обзаводятся семьей, беременность коротка, как у сумчатых, — двадцать дней; детеныши (которых обычно пять) в гнезде подрастают, набираясь сил, всего лишь три недели: на семнадцатый день уже вылезают из него с целью ближней разведки окрестностей, а на двадцать второй совсем покидают детский приют, обретая почти полную самостоятельность. А еще через три дня их мать снова готова к зачатию и продолжению рода.

Когда придет пора рожать (случиться это может в любое время с марта по сентябрь), бурозубка плетет из всякой растительной мелочи гнездо-шар где-нибудь в укромном месте меж корней и кочек или в чужой, заброшенной норе. Подростки детишек мать первое время водит за собой в кильватерной колонне. В гуще трав, опавшей листве и переплетениях корней крошечным зверькам легко потеряться. Поэтому, когда идут они караваном за мамкой, цепляются зубками друг дружке за хвостики (не за кончики, а ближе к основанию), а первый держится за мамин.

Землеройка (белобрюхая белозубка) угрожает!

Так же почти всюду в нашей стране, но в местах болотистых, по берегам рек, озер и ручьев, живет кутора, или водяная землеройка. (Не путайте ее с выдровой, африканской: то совсем другой зверь, хотя и тоже насекомоядный, роду-племени иного и ростом много больше.) А кутора невелика, немного покрупнее наших землероек, но все-таки не больше указательного пальца — ее тельце 76—86 миллиметров. Короткий мех куторы черный или черно-бурый сверху. Снизу — белый, серо-белый, охристый, белый с оранжевым оттенком или даже бурый. Когда кутора плавает, то граница черного и белого цвета на ее боках служит как бы ватерлинией. Хвост у куторы снизу с килем из удлиненных волос и лапки с такой же щетинистой оторочкой. Все это чтобы лучше плавать. Кутора зимой и летом охотится в воде: на жуков-плавунцов, стрекозиных личинок, моллюсков, червей, рыбу икру, мальков (да и на самих рыб весом до килограмма!). Эта крошка даже на водяных крыс, которые втрое больше ее, нападает. (Впрочем, не забудьте, что слюна у куторы ядовита.)

«Бег у куторы быстрый, причем она движется, вытянувшись и характерно загибая кверху свою длинную мордочку, которой водит из стороны в сторону. С большой быстротой бросилась кутора на одну лягушку, прыгавшую от нее из всех сил. Поймав лягушку, хищник начинает кусать ее за голову. Если лягушка велика и сильна, то часто старается спастись от своего мучителя, и тогда можно видеть, как кутора буквально едет на своей жертве, ухватив ее за голову... Весьма интересно отметить, что в большинстве случаев, как только кутора настигает лягушку и слегка к ней прикасается, с последней делается настоящий столбняк: лягушка мгновенно вытягивается, как мертвая, характерно закрывая передними лапами голову» (профессор С. И. Огне в).

Притворство это или паралич от страха? Во всяком случае, независимо от психических ее причин «игра в опоссума» и лягушке, как видно, спасает жизнь.

Путорак, или пустынная землеройка, нарядом на своих собратьев тоже не похожа. Рыльце у путорака короткое, а масть пегая: на животе и боках белая, на спине серая, но с большим белым пятном посередине. Живет путорак в песках Средней Азии и Заволжье, на охоту уходит порой далеко от дома, за семь-восемь километров. Когда не очень спешит, за минуту пробежит 40—50 метров. Когда спешит — вдвое больше. Предмет его гастрономических вожделений — насекомые и, главное, ящерицы. Вожделения велики: одна пегая самка съела за ночь 12 ящериц (малых круглоголовок) и 25 черных тараканов! И от такого обжорства не умерла, а, напротив, повеселела.

От жары прячутся путораки в норах, чужих и своих, не жалея сил, роют их иногда длиной метра в три. В глубине норы —

поместительная жилая камера. Рожают трижды в году. По пять или около того детенышей.

Нравы норкопателей

Крот, который с рождения и до смерти живет под землей и света белого почти не видит, как землекоп не знает себе равных. Все в нем для рытья наилучшим образом приспособлено: и тело вальковатое, чтобы удобнее под землей передвигаться, и мех короткий, гладкий, чтобы за землю не цеплять (но он быстро вытирается, а потому крот линяет три раза в год!). Ушной раковины нет (тоже чтобы не мешала под землей ползать), а лишь складочка кожи — она ухо закрывает, потому земля и песок кроту в уши не сыплются. Глазки крохотные («с зернышко маковое!»), веки их плотно закрывают, когда надо. А у некоторых наших кротов глаза и вовсе заросли кожей: совсем слепой такой крот, да ведь под землей все равно ничего не видно.

Передние лапы у крота — настоящие лопаты, когти на них плоские, а кисть вывернута так, чтобы удобнее было рыть землю перед собой и кидать ее назад мордой на маленького зайчонка, притаившегося в полной неподвижности, пока мать его удалась подкормиться, без жалости его съест.

Кроты к соседям нелюбезны и в своих норах никаких жильцов и других кротов не терпят. А если их посадить вместе в тесный ящик, сильный слабого убьет и съест. Потому и говорят: если бы ростом крот был со льва, не нашлось бы зверя равной ему свирепости! Только когда время размножаться, обычно в марте — мае, сожительствуют недолго самец и самка. Возможно, что самец остается с детьми, пока они не подрастут, и даже будто бы приносит им червей и другое пропитание. А если половодьем зальет, помогает матери перетащить детишек в сухие отнорки. Но так ли это на самом деле, с точностью еще неизвестно.

Беременность у кротов 30—40 дней. Обычно в мае (иногда в конце лета) роды: 3—9, в среднем 5 сосунков. Мать кормит их молоком три недели и очень к ним привязана. Если гнездо раскопают, забыв о своей безопасности, хватает одного за другим зубами и тащит в нетронутые норы или прячет в кучу, в рыхлую землю — куда угодно, лишь бы поскорее унести из гиблого места.

Зимой кроты не спят, как ежи, а копаются под снегом, только зарываться им теперь приходится глубже. Нередко выбрасывают землю на поверхность, прямо на снег, и под ним по обледенелой земле путешествуют. Пропитания зимой меньше, чем летом, и, чтобы не голодать, кроты запасают на зиму «консервы» из червей: откусят им головы и замуровывают в стенах своих нор, иногда сотнями штук сразу. Без голов черви далеко уползти не могут, но и не умирают, а потому не портятся.

Ареал обычного, или европейского, крота — обширные пространства лесов, полей, лугов и лесостепей от Испании на западе до Западной Сибири (а возможно, и дальше) на востоке, от берегов Белого моря до степей Украины, Нижнего Поволжья и Казахстана (где его уже нет). Кроме того, в СССР обитают еще пять видов кротов. У четырех из них глаза закрыты кожей и снаружи не видны. Дальневосточный крот, могоера, охристо-серый, все другие черные или черно-бурые (молодые сероватые), но попадаются, очень редко, желтые и белые.

Кроты из семейства тальпид, достойный представитель которого и наш обычный крот, обитают только в Европе, Азии и Северной Америке. Их девятнадцать видов. Некоторые не ограничивают себя чересчур строго жизнью в подземельях, часто и

довольно быстро бегают по земле. Многие, впрочем, как и наш крот, неплохо плавают. И уж совсем отлично плавает и ныряет североамериканский крот-звездорыл. Это поразительное создание: на конце носа

Крот копается неутомимо и быстро: за день в среднем прорывает двадцать метров новых подземных ходов.

Один исследователь раскопал и измерил лишь некоторые ходы одного крота. Когда общая длина их приблизилась к 158 метрам, он бросил эту работу. Вооружившись затем карандашом, зоолог подсчитал, что крот соорудил под землей вентиляционную и дренажную систему (весьма необходимую для плодородия почв!) с рабочей поверхностью в 28,5 квадратного метра. И это только малая часть того, что один тот крот сделал. Подземные лабиринты иных кротов простираются по прямой (а не теми сложными извилами, как они прорыты) и на четыре километра!

Молодой окольцованный крот уже через двадцать часов снова попался в ловушку, но в семистах метрах (по прямой) от того места, где его выпустили. А другой через шесть дней — уже в двух километрах.

Земля под нашими ногами там, где много кротов, по-видимому, сплошь пронизана запутанной сетью кротовых нор. Наши зоологи подсчитали однажды на двухстах гектарах общую протяженность всех кротовых тоннелей и объем выброшенной ими на поверхность земли. И цифры получились весьма впечатляющие: все ходы, сложенные вместе, протянулись на 87 километров, а земли кроты выкопали 204 тонны!

Ходы у крота двух сортов: гнездовые, в которых он отдыхает, когда сыт, что случается редко, ибо аппетит велик, и кормовые: эти обычно неглубоко от поверхности. Чуткое обоняние указывает кроту, в каком направлении копать, чтобы скорее добраться до дождевого червя, медведки или личинки майского жука. Но если в нору к нему заползут мышь, землеройка, ящерица, медянка, уж, лягушка, он их не упустит, а с проворством, просто поразительным для полуслеплого и косолапого, загрызет и съест. Даже если и не заползут, а просто по неведению приблизятся к подземелью, в котором он случайно окажется, крот, под землей почуяв добычу, выскочит, схватит прохожего и под землю утащит. Видели кротов, задом пятившихся и тащивших в нору лягушек (и даже будто бы змей!). Один крот снизу тайно подвел подкоп под птичье гнездо, пробил дно (самого гнезда с места не сдвинув!), сцапал птенца и уволок под землю. Другой будто бы из-под земли учуял какое-то насекомое, сидевшее невысоко на стебельке, и таким же хитрым маневром, пробив рядом землю, овладел добычей.

Все это свидетельства, как говорится, очевидцев, но можно ли им доверять? Тут пусть каждый решит, наблюдая за кротами, способны ли они на такие трюки. Я ничего не утверждаю: просто привожу рассказы о кротах, на мой взгляд, не самые невероятные.

Порой охотится крот и на земле, шаря носом в опавших листьях и во мху. И тут (это, кажется, точно бывает), наткнувшись подслеповатой, но чуткой мордой на

маленького зайчонка, притаившегося в полной неподвижности, пока мать его удалилась подкормиться, без жалости его съест.

Кроты к соседям нелюбезны и в своих норах никаких жильцов и других кротов не терпят. А если их посадить вместе в тесный ящик, сильный слабого убьет и съест. Потому и говорят: если бы ростом крот был со льва, не нашлось бы зверя равной ему свирепости! Только когда время размножаться, обычно в марте — мае, сожительствуют недолго самец и самка. Возможно, что самец остается с детьми, пока они не подрастут, и даже будто бы приносит им червей и другое пропитание. А если половодьем зальет, помогает матери перетащить детисек в сухие отнор-ки. Но так ли это на самом деле, с точностью еще неизвестно.

Беременность у кротов 30—40 дней. Обычно в мае (иногда в конце лета) роды: 3—9, в среднем 5 сосунков. Мать кормит их молоком три недели и очень к ним привязана. Если гнездо раскопают, забыв о своей безопасности, хватает одного за другим зубами и тащит в нетронутые норы или прячет в кучу, в рыхлую землю — куда угодно, лишь бы поскорее унести из гиблого места.

Зимой кроты не спят, как ежи, а копаются под снегом, только зарываться им теперь приходится глубже. Нередко выбрасывают землю на поверхность, прямо на снег, и под ним по обледенелой земле путешествуют. Пропитания зимой меньше, чем летом, и, чтобы не голодать, кроты запасают на зиму «консервы» из червей: откусят им головы и замуровывают в стенах своих нор, иногда сотнями штук сразу. Без голов черви далеко уползти не могут, но и не умирают, а потому не портятся.

Ареал обычного, или европейского, крота — обширные пространства лесов, полей, лугов и лесостепей от Испании на западе до Западной Сибири (а возможно, и дальше) на востоке, от берегов Белого моря до степей Украины, Нижнего Поволжья и Казахстана (где его уже нет). Кроме того, в СССР обитают еще пять видов кротов. У четырех из них глаза закрыты кожей и снаружи не видны. Дальневосточный крот, мопера, охристо-серый, все другие черные или черно-бурые (молодые сероватые), но попадают, очень редко, желтые и белые.

Кроты из семейства тальпид, достойный представитель которого и наш обычный крот, обитают только в Европе, Азии и Северной Америке. Их девятнадцать видов. Некоторые не ограничивают себя чересчур строго жизнью в подземельях, часто и довольно быстро бегают по земле. Многие, впрочем, как и наш крот, неплохо плавают. И уж совсем отлично плавают и ныряют североамериканский крот-звездорыл. Это поразительное создание: на конце носа

у него словно красная хризантема растет! Двадцать два длинных подвижных розовых щупальца! Роясь под землей, он ими, как нежными пальцами, что нужно ощупывает.

Живет этот удивительный крот (там, где сыро, у воды) на северо-востоке США и юго-востоке Канады. Он черный или темно-бурый, зрячий, небольшой (сантиметров двенадцать, да хвост еще сантиметров семь). А хвост у него особенный: толстый посередине, у корня и конца уже. В толстом своем хвосте звездорыл на зиму запасает жир.

Американские кроты как землекопы не менее работоспособны, чем наши. После дождя ночью один из них прорыл под землей свежий стометровый ход.

«Оценить обширность этой работы мы можем только из сравнения. Для выполнения соответствующей задачи человеку пришлось бы в одну ночь прорыть тоннель в шестьдесят километров и ширины, достаточной для его тела» (доктор Гарт Мерриан).

Из кротовых шкурок шьют шубы. Хоть и не пышен их мех, но довольно красив. Но известно ли, что крота забивают на пушнину, пожалуй, больше, чем любого другого зверя (кроме водяной крысы), — 20 миллионов штук во всем мире ежегодно!

Недавно еще в Америке ондатры добывали 20 миллионов, теперь и там и у нас вместе — немногим больше 10 миллионов. Белки — около того. Но водяная крыса, пожалуй, все-таки впереди крота: лишь в СССР в 1958 году было «закуплено почти 22 миллиона» ее шкурок (В. В. Дежкини С. В. Мараков).

В Африке обычных кротов нет, но есть к югу от Конго и Великих озер златокроты (15 видов). Наши кроты по происхождению близки к землеройкам и выхухолям, а

златокроты — скорее к ежам. Золотыми названы они за металлический блеск своей золотисто-зеленой шерсти (у некоторых видов с медным оттенком). У них не все пальцы преобразованы эволюцией в роющее устройство, а лишь один, средний. Коготь на нем широкий, острый на конце и действует как заступ, так же как у сумчатого крота (у которого, впрочем, два таких когтя). Золотые и медные кроты не любят богатых перегноем почв, а роются преимущественно в песчаных. Чтобы песок в глаза не попадал, они у златокрота наглухо затянуты кожей, а ушная пора крохотная и плотно закрыта шерстью. У наших кротов есть небольшие хвостики, у златокротов их совсем нет, зато на носу большой хрящевой щиток, чтобы нос в кровь о песок не истереть.

В песке сухих саванн и пустынь ищут златокроты червей и насекомых.

Выхухоль — водяной крот

Выхухолей, или хохулей, называют иногда водяными кротами: происхождением они близки к кротам. Некоторые исследователи объединяют выхухолей в одно семейство с кротами. Другие, однако, полагают, что выхухоли должны числиться все-таки в своем особом семействе.

Прежде выхухоли жили по всей Европе (даже в Англии в доисторическое время). Теперь их лишь два вида — пиренейская выхухоль и русская. Первая мельче нашей, хвост у нее не сжат с боков, как у русской, а оттенок меха не серебристый, а скорее бронзовый. Живет она в горных речках Испании и на юго-западе Франции.

Русская выхухоль уцелела кое-где лишь в бассейне рек Волги, Дона и Урала. Завезли, правда, выхухолей в Мордовию, Башкирию, Смоленскую область и за Урал — в пойму Оби. Местами она там прижилась.

Выхухоль, как крот к подземельям, очень приспособлена к водной стихии. Это видно сразу: тело обтекаемое, ушки маленькие — тоже для обтекаемости. Мех плотный, густой, теплый, не намокает, потому что хорошо смазан жиром. Остевые волосы вверху шире, чем в основании, — как бы сами себя заклинивают и потому не рассыпаются рыхло. Подпушь извитая. Для тех, кто живет в воде, это очень важно: много воздуха между такой шерстью уносит с собой в воду зверек, когда ныряет. Так и легче плавать и теплее в воде, потому что воздух — отличный изолятор. На брюхе у выхухоли волосы растут даже чуть гуще, чем на спине. У сухопутных зверей — наоборот. В воде ведь со всех сторон холодно, поэтому важно, чтобы живот был так же хорошо одет в мех, как и спина. Да и на берегу, у воды, выхухоль не по сухому бегаёт: ножки короткие, оттого живот всегда к сырой земле близок. Густая шерсть тут очень кстати.

Ну, а если лето пришло и жарко стало, чтобы тепловой удар не погубил (с водяными зверьками это случается), что выхухоль предпринимает? На хвост обратите внимание — он не только превосходный руль, весьма нужный для пловца, но еще и «излучатель»! Голый, шерстью не одет, и лишнее тепло, которое приносит в него кровь из перегретого, изолированного мехом тела, быстро отдает в пространство и охлаждает «водяного крота», как радиатор автомобильный двигатель.

Перепончатые задние лапы, отороченные щетинистой бахромой, гребной «винт» выхухоли. Передние лапки тоже перепончатые, но маленькие и потому от гребли освобождены; когда зверек плавает, он их поджимает.

Рыльце у выхухоли вытянутое, и ноздри на самом его конце: чтобы дышать, из воды особенно не высовываясь. Неплохо бы еще и есть в воде не захлебываясь. Идея хорошая, и мы видим, как, «конструируя» выхухоль, эволюция ее осуществила: дыхательное горло плотно запирают особые мускулы нёба и глотки, и вода в него не попадает, даже если выхухоль ест, не всплывая на поверхность.

Сердце у водных животных обычно (в относительной пропорции) не так объемно, как у сухопутных: плавать легче, чем по суше бегать, потому и работы у кровяного насоса меньше. Но правая его сторона у них толще и массивнее, чем у сухопутных зверей. Под водой правому желудочку сердца труднее протолкнуть кровь в легкие: вода плотнее воздуха и сильнее сжимает грудную клетку. Чтобы преодолеть это

давление на легкие, мышцы правого желудочка усилены мощью дополнительных волокон.

Выхухоль в воде чувствует себя почти как рыба. По 10—12 минут на поверхность не всплывает, чтобы подышать. И не мерзнет и не захлебывается, даже когда мнет и крошит своими бугорчатыми зубами водяных жуков, улиток, стрекозиных и комариных личинок, пиявок (особенно их любит!), червей, раков, рыб, лягушек, головастика, икру, камыш, тростник, стрелолист, кубышки, кувшинки и пр. и пр. Меню весьма разнообразное: около ста всевозможных животных и растительных блюд.

Когда выхухоль промышляет разную живность у дна, то копается в иле острым рыльцем и передними лапками, как бы идет на них по дну вниз головой, подняв зад вверх (и утконос примерно в такой же позе дно рек бороздит).

Выхухоль, или, иначе говоря, хухоля, охотится в сумерках и по ночам. Днем, в норе скрывшись, таится. Она у нее достаточно глубокая, иногда многоярусная, если уровень реки часто меняется. (Нора пахнет, говорят, мускусом, у выхухолей под хвостом соответствующие железы.) Вход в нору всегда под водой. В ней же, в норе, приносит выхухоль (после 40—50 дней беременности) одного или пять, но чаще три-четыре сосунка. Случается такое в самое неопределенное время: обычно в апреле — мае или же в августе — сентябре, но и в октябре может быть и в любой другой месяц, даже зимой. От чего зависит эта неопределенность сроков деторождения, пока не ясно. »

Другая странность выхухоли — фанатическая ее привязанность к пойменным водоемам, старицам, заводям и берегам рек с тихим течением. Почему не живет она в озерах и степных прудах, непонятно.

Выхухоль, как известно, ценный пушной зверь. Но лет сто — сто пятьдесят назад, пишут В. В. Дежкин и С. В. Маракон, на нее не охотились. Не модна была выхухоль. В начале XX века, к несчастью для себя, стала модной, и это чуть было ее не погубило. Перед первой мировой войной продавали в России по сто тысяч выхухолевых шкурок в год. Потом прибыльное дело сильно пошло на убыль. «Самые большие заготовки выхухоли в советское время были в 1954 году — 23,3 тысячи шкурок». Если не забывать, что выдры наши охотники последнее время добывают не больше 8—9 тысяч в год, то и такой промысел, с точки зрения пушной торговли, совсем неплох.

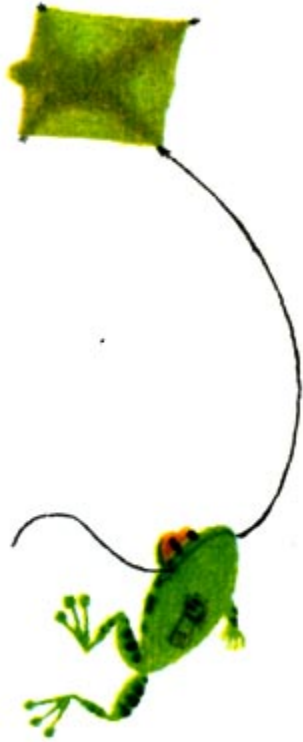
Кагуан - существо непонятное

Одни знатоки уверяют, что кагуан, или шерстокрыл (ростом он с кошку), насекомоядный зверь, нечто вроде летающей землеройки. Другие не согласны: он лемур (летающий, конечно). Наконец, третьи доказывают: кагуан ни то и ни другое, а особое, в единственном лице представляющее целый отряд существо. Головой и мордой кагуан, или колуго, и правда похож на лемура, но зубы у него насекомоядного типа.

Самое же поразительное его морфологическое свойство — летательная перепонка, проще говоря, парашют. Она гораздо более обширная, чем у любого летающего или планирующего зверя. Кожистая, поросшая шерстью (не голая, как у летучих мышей) и натянута от самого подбородка к концам пальцев на всех четырех лапах (когти на которых, странное дело, втяжные, как у кошек!) и дальше — к концу короткого хвоста. Полностью растянув свой парашют, кагуан парит как бумажный змей в очертаниях почти идеальный прямоугольник, без нарушающих чистую геометрию выступов и впадин. Пролетает в одном прыжке с дерева метров семьдесят (Альфред Уоллес, весьма уважаемый исследователь, эту дистанцию измерил собственными шагами, и потому сомневаться не приходится).

Бывает, что слезает кагуан на землю, но долго на ней не задерживается, спешит, неуклюже галопируя а-ля дракон, взобраться поскорее по стволу вверх. И снова парит и парит.

Днем кагуан спит в дуплах или повиснув на суку всеми четырьмя лапами и укрывшись своим парашютом. Шкура у него серо-охристая, с мраморными разводами, очень похожа по цвету на лишайники, которыми обрастают деревья в

тропиках. Дополнительный камуфляж обеспечивают особые пудреницы на его коже: из них в изобилии сыплется зеленовато-желтый порошок, и потому шкура кагуана всегда припудрена в тон с корой и листвой. Если притронуться к нему, то пальцы пожелтеют.

Очнувшись с заходом солнца от дремоты, кагуан, побуждаемый к тому всемогущим аппетитом, рвет листья и плоды и при этом висит в той же позе, в которой провел часы, заполненные сновидениями, вниз спиной. Ест долго, потому что пища его малокалорийна.

Увы, лишь одного потомка столь удивительного рода рождают его женственные представительницы. Пока мал и гол (и без парашюта), цепляется сей единственный отпрыск (летающих лемуров? землероек?) к маминому животу и висит на нем, головокружением не страдая, когда она парит над лесом. Впрочем, и подрастая и почти сравнявшись с ней весом, все равно висит на матери и летает посредством ее аэродинамических сил. Но иногда, оставив дитя на суке, парит мать и одна.

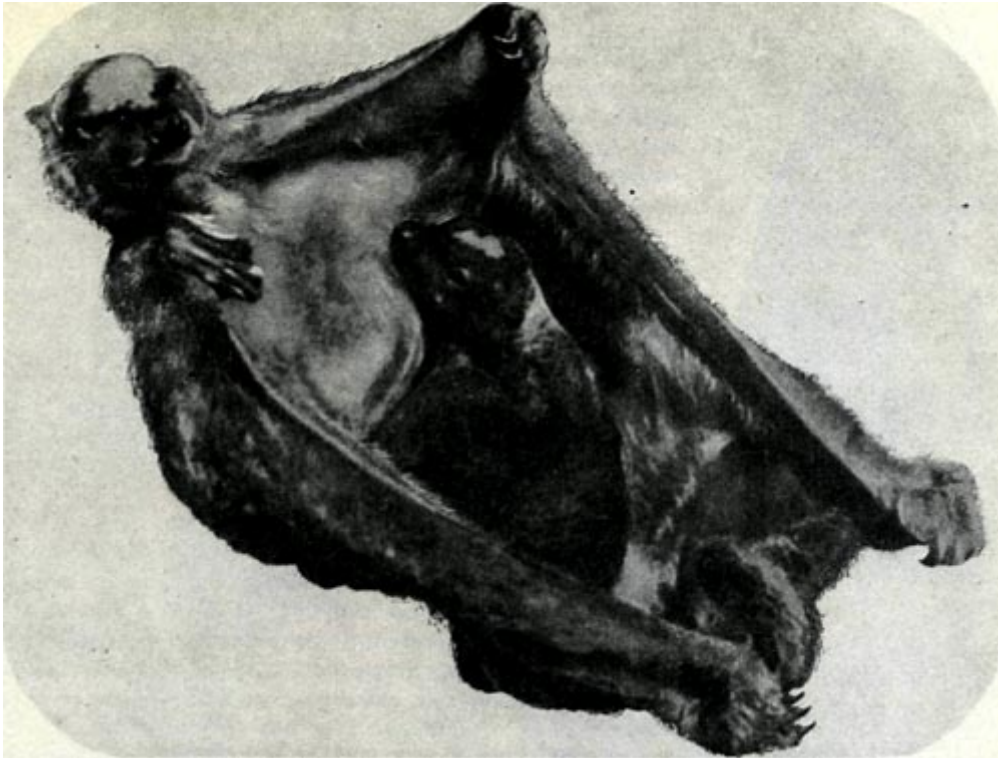
Представляя кагуана, нельзя не упомянуть о его универсальных зубах. Резцы у кагуана сильно выдвинуты вершинами вперед и зазубрены. Он резцами скоблит не только мякоть плодов, но и...

причесывается, как гребешком.

Когда к вечеру кагуан оживает, первым делом приводит к порядок свою смятую во сне, напудренную шерсть. Причесывается, чистится — и все зубами. За сумерки и за ночь кагуан прихорашивается так часто, что его «гребень» быстро забивают обрывки волос. Однако на этот случай предусмотрены специальные щеточки для чистки самого гребня. На конце языка кагуана многочисленные бугорки. Быстро-быстро проводя языком по зубам, он очищает их от волос.

Природа сберегла для науки два вида кагуанов: филиппинского и малайского, который живет в горных лесах Индокитая и на островах Ява, Суматра и Калимантан.

Малайский кагуан нередко ночует и кормится не только в глухих тропических лесах, но и на плантациях кокосовых пальм в довольно обжитых долинах Малайи. Как утверждают, он большой любитель цветов кокосовой пальмы и наносит немалый вред ее плантациям.

Шерстокрыл, или кагуан, летает, планируя сверху вниз на растянутой между лапами перепонке. Мать носит на брюхе нелегкий груз — вцепившегося в ее шерсть (и когтями, и зубами!) детеныша. Современные систематики выделяют кагуанов в особый отряд.

Заканчивая рассказ о кагуане, интересно вспомнить, какие другие животные научились, подобно ему, парить над землей. Птицы, летучие мыши и насекомые (а также некоторые летучие рыбы), обзаведясь машущими крыльями (рыбы — плавниками), летают иначе. А кто парит?

Пять видов сумчатых летяг. Кроме того, тридцать семь видов очень похожих на них белок-летяг, не сумчатых, а из отряда грызунов. Почти все они водятся в Азии, лишь два вида в Северной Америке и один в Северо-Восточной Европе. В Африке тоже есть свои белки-летяги — шилохвостые, восемь видов. Они из другого семейства, чем наши белки-летяги, но летательный аппарат у них такой же: натянутая между лапами складка кожи, своего рода парашют.

Три вида африканских обезьян из рода колобус, прыгая с сука на сук, немного парят в воздухе, их поддерживают на лету гирлянды длинных волос на боках и очень пышное опахало на конце хвоста.

Приобретая в эволюции летательные устройства подобного же рода, устремились в воздух и рептилии, опровергая фактом своего существования известное изречение о том, будто рожденный ползать летать не может. Это одна ящерица с Зондских островов — летающий дракон (ее парашют растягивают не лапы, а ребра, растопыренные в стороны), сосед ее — летающая лягушка (парашют — обширные перепонки между длинными пальцами) и древесная змея из Южной Азии. Эта, вытягиваясь палкой, прыгает с сука вниз и парит на коже, растянутой между раздвинутыми в стороны ребрами.

Ну, а над морем планируют, как известно, летучие рыбы и летающие кальмары.

Звери хищные

Несумчатые хищные звери обитают во всех странах мира. Только в Новой Зеландии и Австралии их никогда прежде не было. Но собак, кошек, лис люди завезли и туда. На Земле, по последним подсчетам, 252 вида хищных зверей. Многие из них разнообразят свою плотоядную диету плодами и даже травой, а некоторые (большая панда) и вовсе, кажется, вегетарианцы.

Звери хищные

Прежде на всех хищников человек смотрел как на злейших своих врагов и истреблял их без жалости. Но наука доказала, что хищники в жизни природы не только полезны, а просто необходимы: как санитары и селекционеры, совершенствующие племя нехищных зверей, ибо уничтожают хищники в первую очередь больных и слабых, плохо приспособленных, несущих в себе разные наследственные пороки и дефекты. Поэтому теперь во многих странах от чрезмерного истребления хищников охраняет закон. Но старые традиции и предубеждения против хищного зверья еще живы среди людей. Судьба волков особенно трагична: почти всюду их добивают — без жалости, без угрызений совести и с наивным сознанием полезности этого вредного дела.

О волке и волках

Засады, облавы — пешком и на машинах, вертолетах и самолетах...

И кроме того, у каждого охотника, вооружившегося на зайцев, найдутся два патрона, начиненные картечью или жаканом. Попробуй, разбойник, сунься!

Но картечь разнесет в куски подброшенную в воздух бутылку, а жакан паразит ствол сосны, вызвав в нем искривление годовых колец, очень странное для исследователя, если таковой займется когда-нибудь этим деревом. Волк же вряд ли повстречается охотникам. Он не повстречается им даже не потому, что хитер и осторожен. Просто волк сейчас чрезвычайно редкий зверь. Многие его даже в глаза не видели.

Значит, уместно рассказать, каков он.

Художники, как правило, изображают волка слишком свирепым, слишком кряжистым, слишком неди-намичным. Фотография может дать лишь некоторое представление, абрис волка. Волк в зоопарке — печальное животное, над всеми движениями которого довлеет примиренность с необоримой силой плена. В жизни, то есть в лесу, в поле или тундре, волк производит совершенно особое впечатление. Оно, если исключить простительный страх, может быть определено как торжество и благоговение перед таинством соприкосновения с могучей силой дикой природы.

Он, как известно, сер. Но тут, вероятно, слово «серый» надо понимать относительно. В серо-коричневой тундре волк серо-бурый; на серебристом снегу и шерсть его серебрится, на фоне березовых стволов (черных с белым) он теряется, струясь, и шкура его рябит, как кора. Маскировка рассчитана на скорость, ее эффект состоит в том, что уже через минуту наблюдатель теряет представление о расстоянии до волка. Однако при всем своем стремлении к камуфляжу волки большие модники. Если один носит сдержанно-аристократический серый костюм, то другой разобразит его серебристым воротником или светлой манишкой на груди. Иному очень идет черный или коричневый чепрак на спине — это уж дело вкуса. Даже светлые тундровые волки, которых еще и бессонное солнце полярного дня выбеливает до блеклости (уши у них нередко рыжие!), даже они умудряются сохранить элегантный вид.

Однако шуба есть шуба. Зимой она должна греть, а летом, если уж нельзя ее снять, пусть станет полегче. Так у волков и бывает. К холодам они запасаются подшерстком, очень плотным, ветры и морозы в пятьдесят градусов выдерживает! Весной же линяют. Европейские, азиатские и американские волки, отличаясь лишь тем, что попадает им на обед, по всем остальным статьям схожи. И все-таки двух во всем подобных волков не бывает. Волк растет быстро и уже к первому году набирает 40—45 килограммов. А с третьего года он матереет и приобретает не только еще больший вес (иногда до 70 килограммов!), но и свою, свойственную только ему осанку. Это как телосложение у человека, у каждого свое. И опытный волчатник, увидев волка, с которым ему уже приходилось встречаться, обязательно его узнает. Правда, обычно люди, встретив волка, норовят спутать его с собакой. Он, конечно, больше собаки (малолеток пока трогать не будем — это такая инфантильная публика!). Кроме того, если увидите в лесу «собачку», обратите внимание на ее хвост. Он никогда не закручен, а либо приспущен вниз, либо красива струится по горизонтали (это когда у волка хорошее настроение). Затем морда. Пасть волк никогда широко не разевает. (Оказывается, выражение «волчий аппетит» неверно. Волк ест медленно: слишком узкие челюсти. Если же приходится торопиться, он мучительно давится и стонет.)

Но зато зубы! Про медведя говорят: «задрал». Про волка — «зарезал». Ему ничего не стоит располосовать наполовину, до позвоночника, шею оленя или прокусить ему бок до печени! Эти же зубы способны проделывать удивительно тонкую операцию. Лоис Крейслер рассказывает, как прирученная волчица зубами осторожно (было ощущение слабого покалывания иглками) открывала ей веки. Представляете, что за инструмент эти зубы? Ювелирный!

И наконец, лапы. Особого внимания заслуживают задние, они на удивление мощны. На них волк может подпрыгнуть вверх свечкой, и довольно высоко. Это так называемый «наблюдательный прыжок». Следы ступней тоже никак не спутаешь с собачьими. Для них характерны собранные вместе пальцы. Но главное — величина: у молодого волка как у крупной собаки, у матерого — 14 сантиметров длина, 8 ширина.

Волчьи следы... В тундре на традиционных путях миграции северных оленей вы всегда найдете их. А если пойдете этими путями, то увидите на них печальные вехи: трупы оленей. Волки не в силах съесть всей добычи, и она достается воронам, сорокам, песцам, рососомам.

Таковы эти звери. Люди им вынесли смертный приговор, местами уже приведенный в исполнение. В приговоре четыре пункта обвинения:

1. Уничтожение диких животных.
2. Уничтожение домашних животных.
3. Распространение опасных болезней, в частности бешенства.
4. Нападение на человека.

Я, продолжая рассказ, в котором собираюсь поставить под сомнение все эти пункты, вначале отмечаю последний. Написано множество небылиц о таких нападениях. Особенно богата ими художественная литература. Что интересно: чем меньше становится волков, тем охотнее печатаются книжки об их людоедских подвигах. Вот передо мной одна такая — детская. Волками загублен почтальон: его сын геройски продолжает дело отца.

Вглядываешься в строчки (и между строчек) и убеждаешься: фактом здесь не пахнет, да и воображением тоже, потому что воображение вещь хотя и свободная, но подчинена логике и требует жизненных посылок. В рассказе события просто названы, а это верный признак эпигонства. Но какого эпигонства? У большинства писателей-реалистов волки не нападают на людей; это уж сколько ни ищите. Но есть примеры противоположные. Полистайте Пришвина. Он рассказал забавный случай: беременную женщину окружила стая волков. Но они не то чтобы не тронули ее... они оставили свои метки, так что дальше ей пришлось идти с мокрыми ногами. Надо полагать, волки сделали это из чистого одобрения, уважили материнство.

Конечно, писатель может писать о чем угодно, создавая свой собственный мир, в котором волки глотают бабушку и Красную Шапочку, но зачем же небылицы выдавать за правду? Ведь писатель, «растерзавший» в погоне за катарсисом беднягу почтальона, свалил трагедию на голову волкам не книжным, а живым.

Владимир Иванович Даль, великий знаток русского языка, в своем словаре на слово «волк» собрал полторы нонпарельных колонки пословиц и поговорок. Из всех этих, так сказать, концентратов народной мудрости вырисовывается весьма неприглядный образ серого хищника, но ничего такого, как нападение волка на людей, в них не оказалось. Зато есть пословица о том, как пастух, сбывая овец, что называется, «налево», сваливает вину на волка.

Вы когда-нибудь задумывались над тем, почему старые волчатники, как правило, весьма храбрый народ? Есть молодцы, которые, отправляясь за выводком волчат, вооружаются одним лишь... мешком. Идет по деревне этот человек, помахивает своим «оружием», и на лице у него скрытая усмешечка. В окнах испуганные лица, «ахам» и «охам» конца нет, а усмешечка та обозначает некое знание. А именно: матерая не тронет! Ведь иной охотник и пять лет подряд у одной и той же волчицы забирает всех волчат (они в «Заготсырье» оплачиваются по тридцать рублей за штуку). Такое, понимаете, деликатное дело: навредить можно с ружьем.

Они не только «храбры», но и жестоки: там, где за малых волчат платят меньше, чем за взрослых и прибылых волков, иные волчатники, найдя логово, не забирают волчат, а перекрутив проволокой их ноги так, чтобы ходить не могли, оставляют мучиться до осени. Бедные, искалеченные таким подлецом звери далеко от логова не уползут, но и матерые их не бросят, выкормят. Осенью придет изобретательный варвар, найдет в известном ему месте подросших калек, одного за другим дубиной убьет, и глядишь: несколько лишних десятков у него в кармане.

Было давно, нападали волки на людей, пеших и всанях. Но давно и зимой, когда еще собирались большими стаями. И стай таких было много.

У нас остается еще три обвинения волку, но я подожду говорить о них. Сначала давайте попробуем заглянуть туда, куда мало кто заглядывал, — в логово.

Среди валежин, меж корнями,
Отрывши яму для жилья,
Росла волчиная семья...

Так хоть и в стихах, но точно описал волчьи повадки старейший воронежский волчатник Георгий Васильевич Кольцов. И он отлично знает, о чем говорит. Действительно, волки роют жилье среди корней, ведь корни — каркас, способный предотвратить обвал. Место по возможности выбирается глухое — это часто залитые в половодье крепи. У волка тундры такие же требования (укромность, водопой неподалеку и тому подобное). Водопой очень важен: волки много пьют. И если нет поблизости воды, ходят по ночам пить даже к деревенским прудам! Так было, например, рассказывает Г. В. Кольцов, под Воронежем, в селе Старое Животинное: двух матерых, переярка и шесть прибылых водила старая волчица к пруду у села, где и домашний скот днем поили и где собаки, чуя волков, надрывались лаем.

Устроиться на логове волки стараются с комфортом. Правда, комфорт никогда не вытесняет заботу о безопасности, так что иной раз им приходится справлять новоселье дважды и трижды: если человек на старом месте их потревожит. Волки весьма предусмотрительно заранее ищут и, убедившись в их пригодности, хорошо запоминают несколько таких запасных мест для логова. И когда там, где волчата родились, стало вдруг небезопасно, сейчас же унесут оттуда детей. Но запасные логова совсем не рядом (иначе смысла бы в них не было), и потому волчат транспортируют поэтапно: сначала перетасят по одному в какое-нибудь укромное место на полпути, сложат кучкой под куст, а потом так же по одному переносят до следующего перевалочного пункта.

У волков есть свои роковые и непонятные странности. Даже курица защищает цыплят! А волки человека и собак, напавших на логово, не трогают. Убегают, прячутся. Волчата, защищаясь, грызутся с собаками, но родители на помощь никогда не придут. Это удивительно! Удивительно и то, что, если гончие с заливистым лаем идут по волчьему следу, звери никогда не обернутся, не прогонят и не загрызут их, и будут бежать и бежать, и гончие рано или поздно выгонят их под выстрелы. А ведь деревенских собак волки таскают без страха. Из-под крыльца, бывает, вытащат отчаянно визжащего пса, ту же гончую. Ее и в лесу могут схватить прямо с гона (и нередко это случается, особенно если голосок у гонца дворна-коватый — незаливистый). Да, но с гона по зайцу или лисе, а не тогда, когда гонит собака самих волков (особенно если так азартно лает, что «аж легкие рвет!»).

Г. В. Кольцов рассказывает: до темноты (и в темноте несколько часов) гоняли в смычке выжлец и выжловка прибылых, а потом и подваливших к ним пару здоровенных матерых волков. И со слуха ушел далеко гон: матерые увели в соседние угодья. Так засветло и не дозвались собак и совсем уж было простились с ними, потому что решили, наверняка их ночью волки порвут. Но не тронули тех собачек серые: пришли псы домой в деревню, правда очень напуганные, тесно прижавшись друг к другу (прямо как слились!). Понимали, опасно молчком по темному лесу ходить среди волков, когда след волчий брошен и людей поблизости нет.

И вот откуда-нибудь из закрытого мрачной тенью логова начинается жизненный путь волка через круги всеобщей ненависти к той неотвратимой огненной вспышке, которая настигает его рано или поздно.

Волчица приносит от двух до восьми волчат.

Растут вначале на чистом волчьем молоке. Затем появляется мясо, и волчата встречают его с восторгом. Родители носят им добычу весьма оригинальным способом. Они глотают куски мяса и

затем отпрыгивают их перед волчатами. Что замечательно: мясо появляется из недр волчьего брюха совсем свежее, по-видимому, волки умеют задерживать на это время пищеварение.

Соблюдать режим дня волчатам удастся не всегда. Конечно, это хорошо, если завтрак приспел вовремя, к восходу солнца, но иногда папаша возвращается из ночного похода лишь к полудню (ему, кстати сказать, приходится пробежать 50, а то и 150 километров за одну охоту). В таком случае мать выводит волчат на прогулку, где кормит легким молочным завтраком и разрешает вволю порезвиться.

Забавы суматошны, проказливы. Вот что увидел канадский зоолог Шарли Моуэт, когда жил в тундре бок о бок с волками.

«Двое волчат пытались оторвать материнский хвост, они рвали и драли его с такой яростью, что шерсть летела клочьями; двое других делали все, что только могли, чтобы оставить мать без уха.

Около часа Ангелина (так называл он волчицу) героически терпела пытку, затем, взерошенная, попробовала защищаться: села на собственный хвост и спрятала истерзанную голову между лапами. Но где там — волчата накинулись на ее ноги, по одному на каждую. Моим глазам предстало жалостное зрелище: Ангелина, словно шаман, отгоняющий злых духов, изо всех сил пыталась одновременно прикрыть лапы, хвост и голову. Наконец волчица не выдержала. Она отпрыгнула в сторону от своих мучителей и убежала на высокую песчаную гряду за логовищем».

Знаете, не всякая мать обладает таким поистине ангельским терпением!

Возвращается отец. Тут бы призвать шалунов к порядку, но и папаша мягкосердечен. Он устал, хочет спать, но не будет ему покоя! Приходится, хочешь не хочешь, развлекать своих чад.

Вообще, отношение волков к малышам, даже к чужим, заслуживает не только похвалы — подражания! Если погибнут родители, а другой волк найдет волчат, он вскормит их, вспоит и научит жить. Были случаи, голодных щенков приносили в логово волки, чтобы их накормить.

А волчата взрослых волков просто обожают! Лоис Крайслер видела и рассказала, как волчата ласкались к взрослому волку. Стоило им лишь коснуться его, и они дрожали от нежного возбуждения. Они его обнимали, они его целовали, лизали. Конечно, от таких ласк растаешь и отдашь кусок мяса, который предполагалось оставить у себя в желудке. Обласканный кормилец, забыв, что собирался лечь спать, вновь мчится на охоту. Таково следствие атмосферы любви, царящей в волчьем царстве, — она активизирует старших.

Остервенелых драк среди волчат почти не бывает. Это удивительно миролюбивые дети. Хотя, правды ради, надо признать, что причины, возбуждающие всех дерущихся мира сего, — чувство собственности, обида, ревность — эти причины ссорят нередко и волчат. Но если в остальном мире их самое легкое

следствие — разбитый нос, то в диком волчьем логове вооруженный конфликт быстро умеют обратить в игру и веселую шутку.

Настанет день, когда тесной будет истоптанная лужайка перед домом и в лобастых головах возникнут разные «географические» вопросы: кто прячется за тем валуном? Нельзя ли понюхать солнце? И вот отправились в путешествие. Одни. И запаслись в дорогу только легкомыслием — груз, как известно, самый необременительный и приятный.

Миновали валун (или там вековую ель, упорно закрывавшую горизонты). Нечто странное, красное, ожившее в порыве ветра возникло перед носом заводилы-направляющего. Исследователи шарахаются в испуге. (Мы-то знаем — обыкновенный цветок.)

Однако благородная любознательность побеждает. А ведь «оно» годится для игры,

догадываются волчата. И начинаются восторги, посмотреть на которые — смех! Цветок осторожно обнюхивается, затем исследуется на прочность (дети ведь!). И наконец, смятый, падает вниз, ловится всей компанией. Всеобщая потасовка, в которой все начисто забывают про цветок. Повозиться — это, конечно, удовольствие высшее.

Идут дальше. Мягкая проплешина на земле, отдадут и ей должное. Птица на ветке — послушают птицу. Палка какая-то — поиграют и с палкой. Умение черпать радость в самых простых предметах природы — качество, живущее у волков в крови. Ликовать, когда оттаит первый клочок земли, оттого, что на деревьях листочки распустились, волки умеют, как и мы. Кто жил с ними рядом, знает об этом.

Но вдруг! Ужасный! Большой! Ушастый! Заяц! Испугались волчата, дезертируют. Но простим их: у них еще будут возможности реабилитировать себя. Тем более что сейчас превратности путешествия поставили их в положение, вызывающее сочувствие. Они, кажется, заблудились.

Это происходит в лесу, в тундре или в степи (какая разница для маленьких, пушистых, беззащитных комочков, для которых даже не слишком высокая трава — нелегкое препятствие!). Шли бы по своему следу и наверняка вернулись к маме: она пришла с охоты и беспокойно бегает вокруг логовища. Но нет — волчата, описав широкое полукружие, приближаются к дому с обратной стороны. У них в голове некое приспособление для ориентировки — оно и сработало, не дав потеряться. Так что мы зря волновались.

Всыпать бы за самовольную отлучку! Но нет! Такой воспитательный метод волками почти не употребляется. (Да и как их будешь наказывать, ласкающихся?) Волк очень легко травмируется обидой или страхом: быть может, поэтому не просто приручить его человеку, существу весьма непостоянному и непоследовательному. Такое приручение — редкость и удается людям сдержанным, добрым, о которых говорят: человек хороший.

В следующий раз кто-нибудь из родителей сам возглавит прогулку. Скажем, отец. Он тронет каждого из волчат носом, и они беспрекословно за ним последуют (послушные дети!). Конечно, прогулка будет теперь назидательной. Кого надо бояться, кого — нет, кого надо попробовать догнать, кого просто припугнуть, показать, что ты волк. Между прочим, некоторые исследователи заметили такую черту у волка — припугнуть, притвориться сердитым, когда на деле он в самом благодушном настроении. Невольно подумаешь: волк сознает свое положение в глазах окружающих.

Волки — звери сообщества. Но их щедрость, необходимая в товариществе, простирается не только на своего брата. Волк не тронет песка, воруящего припрятанную им добычу. Видели: он добр к ворону, вороне, сороке, лисе. Он способен исторгнуть из своего желудка кусок мяса и для собаки.

Горе собрата их трогает. Бегали прибылые (волки до года) по лесу, нашли ежа. Один исколол морду в кровь. Другие поглядывают на раненого и тихонько скулят, выражая сочувствие.

Перед молодой ручной волчицей собаки эскимосов затеяли грызню. Шерсть клочьями летит. Что сделала волчица? Она, безошибочно определив главного задирку, за хвост вытащила его из свалки. Действие, весьма похожее на миротворство.

Случилось горе. Переярок (опять охотничья терминология — молодой волк от одного до двух лет) не вернулся с прогулки. Нет его день, другой. Похоже, погиб. Вы ошибетесь, если решите, что его сестренка возрадуется: теперь с харчем легче станет, одним ртом меньше. Нет, она аппетит

потеряет. И будет плакать. И ее плач — «у-о-оу» — растревожит вам душу, как причитания опытной вопленицы.

Учитель Н. рассказывал: однажды, возвращаясь с охоты, он повстречался с волками. Куда они бежали, конечно, осталось неизвестным. То, что Н. не рискнул стрелять, факт. То, что волки едва обратили на него внимание, тоже факт, хотя, конечно, удивительно, с чего взялась у них уверенность, что он стрелять не будет. Но тут не об этом разговор. Волчья стая, которая протекла в двадцати шагах от учителя, произвела на него впечатление злобной рычащей массы. Беспреданно то тот, то этот волк выбегал из строя и цапал кого-нибудь за шею. Они запомнились ему как вырвавшийся из ада поток яростного возмездия. Н. после такого видения долго не решался ходить в лес в одиночестве.

Но он ошибся. Н., хотя человек очень знающий и культурный, принял обычную волчью забаву, их игру за ужасное зверство. Дело было скорее всего так. Отправившись куда-то на охоту, волки, не желая терять даром времени, решили в дороге поиграть. Они вообще дня не могут прожить без игры, веселые звери.

Цапанье друг друга за загривок у волков — проявление не вражды, а симпатии.

Как встарь шла деревенская молодежь за околицу водить хороводы, так выходят на игрища и волки. Это опять охотничье слово, обозначает поляну, широкую дорогу, лысый бугор, а то и убранное поле. Расшалившись, раскидают снопы, истопчут пыльную дорогу, и незаметно, что по ней когда-нибудь ездили. В большом почете прыжки. Прыгают вертикально вверх — свечкой, один перепрыгивает другого; чехарда, да и только! Играют в кошки-мышки. А какая радость, разогнавшись, тормозить перед мордой приятеля всей силой расплюснутых ступней!

На игрища, бывает, сходятся волки разных семей. На этих общественных собраниях несоблюдение этикета наказуемо. Тут, если ты молод, будь внимателен со старшими, выкажи им положенную почтительность. Бурное изъяснение чувств при первой встрече — дурной тон. Надо быть сдержанным и учтивым. Приветствуй матерого, припадая к земле, и не забудь подставить прямо под его зубы шею в знак покорности. И тогда он слабого не тронет. Впрочем, в разных странах волчий этикет не всегда един. Как и у людей.

Вы не смеетесь, но волки и улыбаться умеют! Улыбка разная: нежная, общительно-веселая, хитроватая, откровенная, застенчивая. В общем волчья улыбка. Все, кто изучал волков вблизи, поражаются: ведь улыбка — уже выражение лица, признак богатства эмоций и ума.

В конце июня, в начале июля ранние выводки начинают выть. Торжественное и грустное явление. Та жуть, тот мороз по коже, который продирает дальнего слушателя, ничто по сравнению с необоримо-роковой ролью воя в жизни самого волка. И в его смерти. Он, осторожный и умный, он, умеющий быстро бегать, он, умеющий лучше других прятаться в самые непроходимые чащи, выдает себя с головой. На «вабу» (подражание вою) мало-мальски умелого охотника ответит вся стая. И место открыто. Готовьте гончих, заряжайте ружья, охота будет удачной!

Они начинают вить, когда на небе заря, утренняя или вечерняя. Что это — хоровой концерт, задушевный разговор, а может быть, мольба в тоске?

Вой стаи — слаженный ансамбль, где партии оригинальны и виртуозны. Они никогда не звучат в унисон. Они сплетаются в сложнейшие построения, которые лишь равнодушному и невнимательному, лишь тому, кто слушает в наушниках страха и предубеждения, покажутся набором заунывных воплей. Но так же, как открытому сердцу близок необъятный мир чувства и разума, заключенный в музыке Бетховена, так человеку, чуткому к звукам природы, доступно понимание великолепной гармонии волчьего воя.

В нем, этом вое, — любовный и дружеский призыв, накал охотничьей страсти, траур по товарищу, радость общения. Голос у волка чист, как у итальянского тенора, но, если в нем звучат хрипловатые ноты, знайте — это вопль отчаянья и одиночества.

И все же едва ли стоит утверждать, что в вое волка есть какое-то определенное смысловое значение.

Реабилитированный «серый разбойник». Кажется, приближается время, когда волков, прежде почти всюду безжалостно истребленных, придется кое-где специально разводить для пользы той самой дичи, ради спасения которой их уничтожали.

ние. Он скорее всего — настроение, интуиция. Вот сравнить его с музыкой, я полагаю, дело более перспективное.

Итак, представим: волки — меломаны.

Тогда можно объяснить многие странности в их безрассудной приверженности вою. Например. Старая, умная волчица ответила на «вабу», к ужасу и удивлению молодого охотника, впервые попробовавшего себя в искусстве подражания. Почему ответила? Разве она никогда настоящего воя не слышала? Но представьте себе: просто она заинтересовалась новым исполнением. Она допускает, что незнакомый волк может вить и так и эдак — иначе говоря, он имеет право создавать вариации на заданную тему. И... ответила. И это стоило жизни выводку. Волчице же повезло, осталась жива. Окрыленный успехом охотник на следующий год «вабит» уже самоуверенно. Но теперь, лишь заслышав его, волчица уводит волчат (и завывать им не даст!). Теперь ей знаком этот голос!

Отнюдь не басни, что волки отвечают на музыку, на пение, на охотничий рог. Рассказывают даже такую историю (не знаю только, как проверить ее достоверность): стая завывала, откликаясь на паровозный гудок! Но столь легкомысленные музыкальные увлечения, безусловно, на совести легковесной молодежи, которая вечно не ту музыку обожает. Да, впрочем, что ее упрекать, если почтенные отцы и матери волчьих семейств и сами иной раз не могут себя сдержать? Только очень опытная, бывалая волчица, услышав незнакомый вой, прежде чем завывать в ответ, не поленится сделать круг в несколько километров, чтобы, зайдя с тыла, проверить, кому тут пришла охота музицировать.

Вой — акт торжественный и многозначительный. В повседневном обиходе у волков иной «язык звуков»: рычанье, ворчанье, завыванье, хныканье, тявканье, лай, повизгиванье, откровенный визг. Похоже, что этот обширный вокальный репертуар прекрасно служит им для общения. Волк повизгивает, подзывая волчат. Те бегут — поняли! Он прохаживается у логова, поджидая волчицу, чтобы вместе отправиться в охотничий рейд. Она, как водится, замешкалась. Он тявкает. Тут, понятно, выражено нетерпение. Он рад вашему обществу и хочет рассказать об этом; «глядит вам прямо в глаза и долго, самозабвенно-косноязычно бормочет и повизгивает почти на одной ноте». У некоторых волков, заметила Л. Крайслер, есть забавный жест

приветствия и благоволения — откинута в сторону передняя лапа. Откровенный зевок — признак хорошего настроения. Задние лапы, скребущие землю, — презрение. Вообще «язык» телодвижений и звуков у них эмоционален и богат, и об этом в последнее время много писали.

Волки умеют быстро понимать (и перенимать!) человеческие интонации и действия: например, отодвигать задвижки на дверях или питать слабость к духам и... собакам. Есть у них склонность и к преждевременным обобщениям: один человек поступил плохо, и подобное зло волки уже ждут от других людей. Но и добро одного быстро располагает их к другим. В общем, характер волка (в отношении его несходства с собачьим) так определяют те, кто хорошо знает волков: у собаки жизненный принцип — зависимость, у волка — ответственность, у собаки — честолюбие и самомнение, у волка — престиж и власть.

Характер волков, как и всяких других существ, проще понять, когда наблюдатель концентрирует внимание на их жизненных апогеях. У волков это не только игры, вой, охота, но и любовь. Не посчитайте, что это святое слово здесь слишком сильно.

Организация некоторых звериных семейств более сложная, чем привыкли обычно представлять себе люди. У волков так называемая «большая семья», смысл ее порядков биологи разгадали только недавно.

Мужая, сильные молодые волки (двухлетки и трехлетки), выбрав по вкусу подругу (часто на всю жизнь), уходят весной из стаи и заводят свою семью. Слабые же их сверстники менее счастливы, своим домом обычно не живут, супружества не знают (если в округе есть волки сильные). Они «нанимаются», что называется, в няньки к своим братьям. Такова их волчья доля.

Реабилитированный «серый разбойник». Кажется, приближается время, когда волков, прежде почти всюду безжалостно истребленных, придется кое-где специально разводить для пользы той самой дичи, ради спасения которой их уничтожали.

Матерые разрешают молодым поселиться где-нибудь поблизости, километрах в двух-трех. Это с их стороны весьма любезно: обычно от логова до логова самое ближнее семь километров.

И начинается семейная жизнь. Собственно, начинается она, пожалуй, раньше, за год до этого. Партнеры избирают друг друга, когда они еще числятся прибылыми: довольно нескладными, смешными, но, как полагается, симпатичными «юношами» и «девушками».

Целый год (надо же!) взаимного ухаживания. У волков, как говорят в науке, «лицевая ориентация». От морды к морде получают они информацию о том, что намерены сделать, и готова ли, в частности, волчица стать матерью, а волк отцом. И только тогда происходит спаривание. А до этого и попутно с тем веер улыбок, акробатические прыжки, разные резвые затеи — все для милой или для милого. Кстати сказать, у волков не слишком заметно разделение на «слабый» и «сильный» пол в том смысле, что один должен всю стараться, а другой лишь жеманно принимать ухаживания.

Возникновение «треугольника» очень часто кончается трагедией. Схватка, быстрый рывок страшных зубов, и один из соперников (или соперниц) повержен. И это те самые звери, которые редко дерутся, чьи ссоры — редкость. Но тут уж действуют суровые законы естественного отбора.

Когда волчата родятся, мать первые недели лежит с ними в логове. Потом, принявшись, осторожно выползает из норы, но далеко не уходит, лишь метров на сто-двести. Куда-нибудь сюда члены «большой семьи» приносят ей добычу: все, что поймали. Позже она и сама рыщет по округе. И вот тогда няньки — «тетки», «дядьки», «кузены» — нянчат волчат. Они с ними играют, кормят проглоченным на охоте мясом и, конечно, несут бдительный караул. Волк-отец тоже долг свой не забывает. Он всегда рядом (если не ушел с волчицей). А осенью, когда детишки подрастут, волчья «большая семья» охотится стаей, и молодые учатся у старых законам джунглей.

Но пора вернуться к трем оставшимся пунктам обвинения. Пункт второй — уничтожение дикой фауны.

...Аляска, тундра. Тысячи мигрирующих оленей. И волки недалеко. Двое кинулись за стадом — напрямик, весьма резвым аллюром. Стадо не дремлет, на ходу перестраивается, но не меняет направления, растягивается. Громче стучат копыта, и волнение пробегает по чаще оленьих рогов. Нет, волкам их не догнать. Даже тонконогие, хрупкие оленята бегут быстрее. Удостоверившись в бесполезности погони, волки быстро отстают — зачем зря тратить силы?

Но вот еще группа оленей. Опять стремительный волчий рейд, опять та же реакция преследуемых — и вдруг... Текучая масса стада будто выжимает из себя каплю — прихрамывающего, махающего головой самца. Его товарищи быстро уходят вперед, а он что-то мешкает, и волки настигают его. Следует эпизод, который не для слабонервных...

Совершенно, очевидно, злодейское преступление. Но если мы возьмем на себя функции медицинских властей и произведем экспертизу, обнаружим следующее: переднее копыто у оленя отсутствует: вместо него лохмотья; легкие поражены ленточным глистом и уже наполовину уничтожены; кишечник изъеден фенолом и индолом, ядами кишечных микробов; сердце.

Можно и не продолжать. Любой из этих болезней достаточно, чтобы считать оленя обреченным.

Допустим, остался бы больной олень жить: он ходячий рассадник заразы. Он найдет себе самку, и вот родился у них олененок с нестойкой к болезням наследственностью. Он вырастет и тоже

принесет болезненного олененка... Так вымирают стада оленей, а ученые раньше разводили руками: почему так? Теперь многим ясно почему.

На Аляске, в Нельчинском заповеднике, перебили всех волков. Четыре тысячи оленей обрели спокойствие, и через десять лет их стало 42 тысячи. И... огромное стадо, съев и вытоптав весь лишайник на пастбищах, стало катастрофически быстро вымирать. Пришлось призывать на помощь волков, из положения «вне закона» их перевели под его защиту.

Волк — главный куратор леса, тундры, степи. Если нет крупных животных, он ест мелких грызунов — вредителей сельского хозяйства. Опять польза от волка! Он ловит щук весной в протоках, а иногда вынужден есть даже ягоды и... насекомых. Нетребовательный зверь.

Хищники, можно сказать, оздоравливают обстановку в лесу. Поэтому сейчас во многих странах Африки леопард, а местами и крокодил взяты под защиту закона. Леопард полезен тем, что истребляет диких свиней и обезьян, разоряющих поля, а крокодил — полудохлых рыб, разносящих заразу, вредных насекомых и ракообразных. «Но, к сожалению, — пишут африканские зоологи, — крокодилы порой нападают также и на людей».

Я с трепетом перехожу к третьему обвинению: «уничтожение домашних животных». И не потому, что, задавшись целью вырядить волка в овечью шкуру, пасую перед обилием несомненных преступлений. Мне кажется, что именно под этим обвинением скрывается корень волконенавистничества. Рассказни о зарезанных людях (в них, как правило, фигурируют сапоги с недоеденными ногами) — это истеричное утрирование, исходящее из приверженности человека к своему добру. Это месть, превышающая причину.

Сельское хозяйство — основа любого общества. Веками оно было мелким. Отнять у крестьянина овцу, корову и лошадь — значит поставить его перед лицом голодной смерти. Вот так волк становится убийцей человека. Убил, а как? — все равно. Фантазеры для наглядности и остроты рассказа сжимали утомительное время, и волк оказывался в непосредственной близости от пострадавшего.

Та ситуация безвозвратно ушла в прошлое. Волки же по-прежнему нападают на домашних животных и бывают жестоки: вместо одной овцы, которую могут унести, гонят и на бегу режут десяток. Некоторые объясняют это нервозностью волка, вызванной присутствием человека. Некоторые — его характером: он просто не может удержаться от истребления слабого. Но дело проще: люди всех растерянных по лесу зарезанных овец не соберут, а волки их и под снегом потом найдут и сыты будут долго.

В наше время большое животноводческое хозяйство почти гарантировано от нападения волков, даже если они есть поблизости.

«Если исследовать рацион нескольких койотов, окажется, что они убили домашней птицы и скота на сумму в 500 долларов. В остальном же пища их состояла преимущественно из мышей и крыс, которые, если бы они не были съедены волками, уничтожили бы зерна на 700 долларов. Вывод, кажется, ясен: благодаря нескольким волкам мы получили 200 долларов прибыли» (доктор П. Т. Б о у д).

Многие исследователи заявляют сейчас, что неправильно делить диких животных, как героев классической драмы, на хороших и плохих, на полезных и вредных.

В природе между различными видами животных и растений за миллионы лет их совместного существования установилось естественное равновесие. Безрассудное уничтожение разных зверей и птиц может нарушить это равновесие, и тогда начнут гибнуть и другие животные и даже растения, расплодятся вредители и сорняки. Одним словом, последствия могут быть очень плохие.

Теперь о болезнях, которые переносит волк.

Их много, наверное, столько же, сколько у больных животных, им уничтожаемых.

В волчьем кале — яйца исключительно опасного паразита, вдохни — и «из них разовьются мельчайшие личинки, которые попадут в мозг и инцистируются обычно с роковым исходом, как для себя, так и для человека».

Разнообразные глисты, всевозможные бактерии — чего только не носит в себе волк! Но разве мы не преклоняемся перед врачом, высасывающим из горла ребенка дифтерийные пленки? Перед теми, кто прививает себе опасную болезнь, чтобы, исследовав ее, избавить от нее человечество? Волк грудью принимает болезни, посланные природой нам.

Почему мы не уничтожаем корову? Она переносчик бруцеллеза. Кошка, обыкновенная кошка, мы ее гладим, а ведь она начинена целой обоймой заболеваний! Увы, и о других животных можно сказать так же.

Одно из самых страшных преступлений волка — бешенство. В свалявшейся шубе, с опущенным хвостом, мутноглазый, ок бродит, не разбирая дороги, ослабшими челюстями пытается кого-то укусить, сеет страх.

Но ведь и собаки бывают бешеными, и лисицы, и кошки, и овцы, и летучие мыши... По-видимому, все млекопитающие восприимчивы к вирусу бешенства. Значит, следуя и этому пункту обвинения, нужно бороться не с волком как таковым, а с бешеным волком и бешенством вообще.

Я приближаюсь к концу рассказа и в последний раз хочу обратить ваше внимание на книгу Лоис Крайслер «Тропами карибу» — самое лучшее из того, что я когда-либо читал о волках. Эта книга — героическое исследование в пользу волка, и она многих вдохновила.

Я попытался соединить в одном портрете повадки американских и наших волков. Они нигде не вошли в противоречие. Я так же, как и другие люди, озабоченный судьбой дикой природы, хочу, чтобы волкам сохранили жизнь. Чтобы не всех их перебили. Думаю, что в скором времени на убийство волка будет нужна лицензия. А пока, если повстречаю волка, я не буду стрелять.

Серые волки, североамериканские, европейские и азиатские — одного вида. Когда-то огромная территория, вся нео- и палеарктика с прилегающими на юге странами вплоть до Израиля, Ирана и Индии, изобиловала волками. Много скота, да

и людей немало гибло под их зубами. Города, села и целые племена порой объединялись вместе, устраивая облавы на волков, в которых принимали участие тысячи загонщиков, копейщиков, арбалетчиков.

Кантоны Швейцарии и поныне содержат, конечно, теперь уже лишь традиционные и бесполезные, общества охотников на волков. А в Англии, кажется, еще есть (или до недавнего времени была) должность главного королевского начальника волчьих облав, хотя последний волк был убит в Великобритании в 1680 году неким Камероном Локиелем. Последний волк Франции пал у границ Швейцарии, под городом Морестелем, сравнительно недавно (волки в эту страну, по-видимому, временами забегают с Пиренейских и Апеннинских гор). На морестельского волка, на территории в 50 квадратных километров, была устроена грандиозная, прямо-таки императорская облава: две тысячи загонщиков, тысяча охотников, три самолета и 60 жандармов с радиоаппаратурой! «Будьте осторожны, — предупреждал охотников жандармский шеф, — это вам не фазанчик!» И волк, много раз простреленный, погиб. И такой был составлен не поделившими его шкуру нотариально заверенный «некролог»: «...Движимые духом братской солидарности и желанием обеспечить для потомства редкий охотничий трофей... мы договорились о том, что волк должен стать неделимой собственностью жителей Виньи, Сермерье и Васлена. Морестель же должен хранить его и заботиться о его сохранности, в связи с чем уплачивать за него страховые взносы в сумме 200 000 франков...» В ознаменование сей исторической даты — убиения во Франции последнего волка — семь веков красовавшуюся в древнем гербе Морестеля собаку, подретушировав, переделали в волка.

Итак, во Франции волков не стало. Уцелели они в Западной Европе лишь в Испании, в Апеннинах, Сицилии, Скандинавии, ГДР и ФРГ, а дальше—всюду на востоке до Чукотки, Сахалина и острова Кунашир в Курильском архипелаге. А в направлении меридиана — от берегов Ледовитого океана до Крыма и Кавказа включительно. В Индии волки встречаются еще, но, по-видимому, только в Гималайских предгорьях и горах. В Северной Америке серые волки живут в Канаде, Аляске, Гренландии и в некоторых пограничных с Канадой районах США. Правда, на юге этой страны, в штатах Техас, Луизиана, Арканзас и Миссури, попадаются черные волки того же рода, но иного вида, чем волки серые, и мельче их.

О шакалах и лисах

Шакал — как бы уменьшенная до 6—14 килограммов копия волка. Много волчьего в его повадках, но много и непохожего. Шакал — животное определенно южное, у нас он нашел подходящее местожительство лишь в Предкавказье, в Грузии, Дагестане, местами в Закавказье, а также в Туркмении, Таджикистане и в долинах рек Сырдарья и Амударья. Забегают шакалы с Балкан и в Молдавию, но не часто. К жилью человеческому шакалы привыкли и часто селятся от него невдалеке, по ночам мешая людям спать своим действующим на нервы воем. Шакал растительной пищей не брезгует: на бахчах грызет арбузы, дыни, на виноградниках — виноград, на полях — кукурузу. Но и про курятники не забывает, кур таскает. Падаль ест и всякие отбросы на помойках, лягушек, насекомых, ящериц, рыб, грызунов, птиц.

Любит камыши в поймах рек и берега озер, пустыни ему меньше по душе и высокие горы тоже. Весной где-нибудь в густых кустах, под корнями дерева, в норе барсука, лисы или дикобраза рождает шакалья самка от трех до девяти щенят. Живут они с матерью до осени, а на следующий год — уже и сами родители.

Римляне называли шакалов «золотыми волками», оттого слово «золотой» и фигурирует в их латинском видовом названии. Но иначе и по-разному, конечно, зовут шакалов в тех странах, где они есть, — в Индии и на Цейлоне, в Бирме и Турции, на Балканах в Европе, в Северной и Восточной Африке. В Африке

еще три вида шакалов составляют им компанию (и конкуренцию). Самый обычный и нарядный — чепрачный шакал. Спина у него как бы покрыта черным, чуть оттененным серебром чепраком. А бока и лапы красивого желтого или оранжево-бурого тона. Африканские шакалы менее общительны друг с другом, чем золотые, родина которых, бесспорно, Азия. Небольшими стаями собираются не часто: обычно лишь когда почуют, что лев задрал антилопу и всю не съел. Подбирать объедки за львами у них в обычае. Но если такая удача не предвидится, сами промышляют ящериц, мышей, птиц, юных и малых антилоп. Чепрачные шакалы даже на плотно пообедавшего питона отваживаются сообща нападать, если, конечно, он не очень большой и так объелся, что отяжелел и вял. Но если питон голоден, роли часто меняются: тогда шакал из охотника превращается в дичь. Еще леопарды не прочь при случае закусить шакалом. И люди шакалов невзлюбили за воровство: тащат и кур и все, что съедобного попадет в деревнях. Шкуры чепрачных шакалов красивы, из них шьют ковры и покрывала.

Полосатый шакал чуть, пожалуй, покрупнее чепрачного, но не так нахален и храбр. Абиссинский еще крупнее, но очень редок, и о жизни его почти ничего не известно.

Африканский чепрачный шакал. Спина у него темная, словно накинута на шакала черный чепрак. Весь год живут и охотятся эти шакалы обычно парами.

Вот и все шакалы Старого Света. Но в Новом, на западе Канады, США (к востоку до Великих озер, а южнее — только до восточного Техаса) и в Мексике, живет зверь, близкий к шакалам. Зовут его койотом, или луговым волком. У шакала хвост короткий, у койота — длинный и пушистый, почти как у лисы (но на конце черный, а у лисы белый). Жить в опасном соседстве с человеком койоты приспособились не хуже шакалов. Рассказывают, что даже железные дороги используют с выгодой: кормятся на откосах всякими отбросами, которые люди кидают из окон вагонов. Местами, услышав шум поезда, бегут койоты из прерий и полей, где охотились на мышей, птиц и насекомых, к железнодорожному пути и, наострив уши, сидят, бывает, неподалеку, ждут, не выбросит ли какой проезжий американец что-нибудь съедобное.

У лисиц, как у кошек, зрачок вертикальный, продолговатый (у волков, шакалов и собак круглый). И то еще в их характере есть кошачье, что никогда стаями не живут и не охотятся, а все в одиночку. Правда, собираются иногда и лисицы по нескольку штук, чтобы новорожденного косуленка отбить у матери или раненую косулю заест, но то не стая, а скорее случайно образовавшаяся компания: каждая пришла за долей для себя, и так получилось, что собрались к поживе вместе.

Лисиц лишь рода *Vulpes*, к которому причислена и наша красная лиса, девять видов: в Европе, Азии, Африке и Северной Америке. В СССР — три вида: красная, или обычная, лиса, афганская и корсак. Корсак — миниатюрная лисичка (с темным, а не белым концом хвоста!), живет в степях и пустынях Средней и Центральной Азии, на юго-западе Украины, в Поволжье (к северу до Саратова), в Предкавказье и Забайкалье. Афганская лиса еще меньше корсака, светлая, сероватая, хвост с темным кончиком. У нас (в Туркмении) очень редкий зверь.

Полосатый шакал. От других шакалов отличают его белый конец хвоста (как у лисы!), а также темные и светлые полосы на боках.

Красная лиса, как и волк, заселила очень большую территорию — всю Европу, почти всю Азию, включая Китай и Японию, Северную Африку и Северную Америку (впрочем, эту североамериканскую разновидность некоторые считают хоть и очень близким, но иным видом). Кроме того, завезли люди красную лисицу в Австралию, Новую Зеландию и на другие острова.

Про нее я много говорить не буду: не потому, что лиса — зверь неинтересный, просто знают ее все, и довольно хорошо. Как известно, лисы бывают не только рыжие, но и черно-бурые (особенно нередки они на Чукотке), а на американском севере — и серебристо-черные. А также крестовки (с черным крестом на плечах и темно-бурым брюхом), сиводушки (более светлые, с бурым или ржаво-бурым крестом на плечах и темно-бурым брюхом), замарашки (с темными пятнами, в частности на морде) и прочие — это даже не подвиды, а просто генетические формы (с разными генами окраски в наследственности), рождающиеся нередко и в одном помете. А кроме того, еще десятки разных подвидов лисиц разнообразной окраски. В общем, лисы северо-востока более крупные и яркие, в степях и пустынях — мельче и цветом бледнее.

Мимика лисьей морды очень выразительна.

Весной обычно в заброшенной барсучьей норе (реже самой вырытой), а иногда и в одной норе с ним, но в разных отнорках подземного лабиринта, рождается у лисицы 4—6, а то и 12 бурых лисят. Люди, найдя их, иногда думают, что это волчата. На неопытный взгляд они и в самом деле похожи немного на волчат, но отличить их можно по белому кончику хвоста: у волчат он весь темный. Месяц и две недели

кормит лисица молоком. Потом потихонечку ее чада на разведку из норы выходят. Но еще месяца три-четыре прячутся в ней. К осени разбредаются кто куда. А следующей весной у подросших лисят уже дети. Говорят, что барсук, выживая лису из своей норы, все норовит закопать ее. Лиса же портит ему жизнь тем, что пакостит у него под носом. Такого свинства в доме этот чистюля совсем не выносит и, потеряв надежду перевоспитать (или заживо зарыть) сожителя, бросает свой дом и роет новую нору. А лисе только этого и надо. Но боюсь, что такая интерпретация их взаимоотношений — всего лишь не лишенный, впрочем, выдумки охотничий рассказ.

Но вот другая старая охотничья басня о том, что у лисицы хвост фиалками пахнет, — чистая правда. Хотя, рассказывает Пришвин, случается, что охотники, желая в этом удостовериться, «не там нюхают».

Фиалковая железа, которая особенно велика и душиста в пору размножения, помещается не под хвостом, а на хвосте, сверху, почти у самого корня (в сантиметре от него). Назначение ее в жизни лисиц еще не вполне ясно. Но, во всяком случае, она не для того дана природой лисе (как раньше, бывало, охотники уверяли), чтобы, если ранена и силы ее на исходе, обернувшись назад, вдохнуть фиалковые ароматы, а вместе с ними и бодрость. Сердце будто бы сильнее тогда бьется, и набирается лиса от этой парфюмерии новых сил. Скорее всего распространяет фиалковая железа путеводные нити запахов, чтобы легче было рыжему жениху найти невесту в дебрях леса или в степных просторах.

Бывает, рассказывают, спасаясь от гончих собак или просто желая в безопасности поспать, залезает лиса на... деревья. И не только полуповаленные, наклонные, что не так уж удивительно, а будто бы даже и на прямостоящие ели. Если только, правда, разлапистые суки у елки растут низко над землей, чтобы могла лисица прыгнуть на них и, повиснув лапами, удержаться и перелезть повыше. Говорят, еще и «в опоссума играть» умеет лиса, притворяясь мертвой не хуже его, и тоже глазом не моргнет, если даже за хвост ее поднять и положить в мешок.

Впрочем, еще более удивительные вещи рассказывают про лису. Будто возьмет в пасть клочок овечьей шерсти или сена и в какое-нибудь озерко или заводь потихоньку заходит. Блохи, которые купаться не любят, ища местечка посуше, переползают будто бы с ног (по мере погружения) на брюхо, оттуда на спину, со спины на голову. А с головы — на сено (или шерсть). Тогда великий стратег блошиной войны бросает перегруженный блохами ковчег. (И больше к нему не приближается!)

А еще про лис слава ходит, будто хвостом они рыбу ловят.

Можно ли всему этому верить?

Насчет дерева — пожалуй, правда. Насчет притворства — тоже, возможно, правда: потому что енотовидная собака из того же, что и лиса, звериного племени (семейства псовых) определенно так поступает. Когда собаки и охотники ее окружают, притихнет, лежит, будто умирает, и жизнь в ней еле теплится. А заметив, что враги отошли немного в сторону, вскочит и

побежит. Но выдержки опоссума у нее нет, потому обычно выдает себя раньше времени, и ее тут же догонят и добьют.

Насчет блох — похоже, сказки. О рыболовстве с помощью хвоста судить не буду, ибо хочется мне в это поверить, да нельзя: не доказано наукой.

Волки, лисы и собаки особого рода

В семействе псовых, или собачьих, кроме родов *Canis* и *Vulpes*, то есть настоящих волков, собак, шакалов и лисиц, есть звери других родов. Происхождением и некоторыми чертами своей анатомии близкие к волкам, шакалам и лисам, но кое-чем и не похожие.

Начнем знакомство с этими нетипичными «псами» с енотовидной собаки. Жила прежде енотовидная собака, пышными бакенбардами и окраской похожая на американского енота, лишь в Китае, Корее, Японии, Северном Вьетнаме, а у нас — на Дальнем Востоке: Амур, Уссури. Но, решив, что этот зверь пушистым мехом полезен (что вполне справедливо) и не очень для птичьего населения новых земель будет вреден (что совсем несправедливо, как утверждают теперь многие охотоведы), решили зоологи ту уссурийскую собаку акклиматизировать по всей стране. Почти всюду она отлично прижилась, а под Москвой, например, этот фальшивый енот — очень обычный теперь зверь. С 1927 по 1957 год около десяти тысяч енотовидных собак привезли и выпустили в 76 разных областях, краях и автономных республиках Советского Союза. Вот и живет сейчас енотовидная собака почти везде в европейской России (и даже заходит в тундру у Баренцева моря!), в Прибалтике, на Украине, в Крыму и на Кавказе. В Западной Сибири, Казахстане, на Алтае и в Забайкалье ее меньше, но тоже есть.

Уже в 1935 году объявилась енотовидная собака в Финляндии, а еще через десять лет — в Швеции, затем — в Польше, Чехословакии, еще через 8 лет — в Румынии. В Германии, в Вестфалии, первых енотовидных собак увидели и застрелили в 1962 году, однако не ясно, переселились ли они сюда с востока или убежали с местных звероводческих ферм (как это случилось и в Финляндии).

Итак, двинулась енотовидная собака в наступление на запад! Успех акклиматизации зависел во многом от ее собственных способностей. Она в принципе бродяга, к одному месту мало привязана, не спеша, но неумоимо проходит большие расстояния. Любит поймы, кусты у озер и перелески в степи и среди лугов. Таежные дебри ее не прельщают. Плодовита, иногда 19 щенят приносит сразу (но обычно все-таки 7—10). Ест разное: лягушек (а их везде немало!), мышей, ящериц, насекомых, моллюсков, рыбу, птиц, птенцов и яйца, ягоды, фрукты, а когда голодна, то и овес, конский навоз, всякие отбросы. Она (и это тоже очень важно) зимой, с ноября по март или февраль, как медведь или барсук, накопив за лето жир, спит где-нибудь в норе или под выворотом ели. Для собаки повадка небывалая! Но в оттепели часто пробуждается и бродит по лесу, оставляя на снегу довольно разлапистые (в сравнении с лисьими) следы. На юге, где тепло, может зимой и не спать, а голодные, не накопившие жира «еноты», бывает, что и на севере бродят все морозные месяцы, одержимые одной заботой: что бы такое съесть.

В старой барсучьей или лисьей норе, под выворотом среди корней (на родине, в дальневосточном Приморье, и сама норы роет), обзаводится енотовидная сука многодетной семьей. Самцы из-за самок,

говорят, у них не дерутся. Дети рождаются, и законный отец их не бросает, а когда щенки подрастут, приносит им разную добычу.

Песец — самая, пожалуй, короткоухая лиса, а фенек — самая длинноухая. Песец — житель Заполярья, фенек — знойной Сахары и Аравии. Оба — лисы особых родов. И песец ростом невелик, но фенек — совсем крошка, с котенка, а вес его — полкилограмма. (И крик у него не звериный, а какая-то лягушачья сухая трескотня.)

Енотовидная собака. Родина ее — Дальний Восток, но и в европейской России во многих местах это теперь обычный зверь. В Японии мясо енотовидных собак очень ценят гурманы, а кости — народная медицина.

В горячих песках Сахары фенек, пожалуй, самое обычное млекопитающее. К жаре привык, но и его она порой донимает. Потому днем прячутся фенеки в глубоких и прохладных норах, которые для большего комфорта выстилают сухой травой, перьями и шерстью. К вечеру дружно, как по команде, внезапно вдруг вылезают из-под земли и, чутко прислушиваясь огромными своими ушами ко всем шорохам вокруг, сидят у нор, пока жара совсем не спадет. Если солнце чересчур припечет, приляжет фенек и голову, как зонтом, прикроет пыльным хвостом. Чуть звук какой, насторожившись и ушки к нему повернув, рысцой подбирается фенек туда, где услышал совершенно неувидимый для нас шелест ящерицы по песку или скачок саранчи в траве. Шелохнется во сне пустынный жаворонок или рябок — фенек услышит и вот уже крадет-ся словно тень, глазенки его блестят, нос и уши напряженно приноживаются, прислушиваются. Ведут его точно: замер крохотный зверек, словно в стойке легавый пес, прыжок — и птица у него в зубах.

Там, где хоть немного есть воды, собираются на водопой, повизгивая в радостном предвкушении, много фенек из близких и далеких нор. Фенек долго может жить и без воды, питаясь соками съеденных животных, ягод и плодов.

Ранней африканской весной рождаются в норе у миниатюрной большеухой лисицы совсем крохотные лисята. Тут же организуется промысел: кочевые арабы, раскопав норы, малых фенек собирают в корзины и везут продавать в оазисы. Там фенек откармливают, по праздникам жарят и едят.

Фенек — самая крохотная и самая большеухая лиса. При длине тела и головы не больше сорока сантиметров (и весе всего полтора килограмма) уши у фенека феноменально велики — 15 сантиметров. Фенек, прячась, так быстро роет землю, что про него говорят: "Он погружается в песок".

В ту же пору, когда фенек в Сахаре изнывает от жары, песцу весьма прохладно. Ведь живут песцы в тундрах Европы, Азии и Америки, а местами — на горных хребтах Якутии, на Командорских, Курильских и некоторых полярных островах. Иногда заходят далеко во льды Арктики (до 85-го градуса северной широты) и следуют часто за белыми медведями, как шакалы за львами: объедками их пиршества кормятся в голодную пору. Зимой уходят песцы на юг — в тайгу, иногда верст за тысячу, порой до

Ленинграда и Калининской области. Летом почти все снова возвращаются в тундру, некоторые, впрочем, остаются в сибирской тайге и на лето.

Общеизвестно, что зимой песец белый, как снег. Многие, по воротникам судя, знают также, что есть и голубые песцы: зимой они голубовато-серые, но чаще палево-дымчатые, бурые или даже черные. Эти на меховых рынках стоят дороже. Летом песец, именуемый крестоватиком, бурый сверху и желтовато-грязно-белый снизу. Живут песцы в норах (зимой — часто в снежных), из года в год их подновляя и дополняя. Превращаются тогда их жилища в подземные лабиринты с множеством входов и выходов (иногда их до шестидесяти!). Бывает, что и в расщелине, а иногда и просто между кочками рождает песцовая самка многочисленное свое потомство (7—10, а то и 25 щенков).

Длинным летним полярным днем и короткими сумерками рыщут песцы по тундре. Едят все, что съедобного найдут или поймают, — леммингов, мышей, куропаток, зайцев, рыбу, трупы тюленей и китов. Ягоды тоже. Когда добычи больше, чем песец может съесть, он ее в землю закопает и мордой так сверху умнет и сровняет, что и не видно, где рыл.

Два весьма выдающейся внешности существа собачьего племени охотятся в прериях и лесах Южной Америки. Одно чрезвычайно коротконогое; на вид — как такса; второе — весьма даже длинноногое. Первое, кустарниковая собака, ловко на коротких ногах снует в густых зарослях тропических лесов Центральной и Южной Америки. Второе, гривистый волк, на длинных конечностях, которым любой скакун может позавидовать, скачет

по степным равнинам Боливии, Парагвая, Аргентины и Южной Бразилии.

О жизни тропической таксовидной собаки мало что известно, хотя в Бразилии она и не так уж редка. Там ее иногда приручают — она к людям привыкает быстро и, говорят, довольно умна, послушна. Мимика у нее выразительна и необычна: хозяина приветствует не виляньем хвоста, а странным дрожанием приоткрытых углов губ, которые у конца морды в то же время плотно сжаты.

Вид у кустарниковой собаки прямо-таки странный: тело массивное и длинное (вместе с головой — 60 сантиметров), а ножки короткие, словно рахитичные, так что, когда стоит, в холке она не выше фута, а фут, как известно, 30 сантиметров. Хвост толстый и тоже короткий (15 сантиметров), словно обрублен. Собака темно-бурая, а брюхо у нее иногда темнее спины. В окраске зверей это отклонение от нормы очень редкое и говорит о том, что кустарниковые собаки большую часть жизни проводят в тени и полумраке.

Ведь природа наложила более темные тона на спины своих детей (даже полосатых и пятнистых), чтобы скрыть и затушевать естественную разницу в освещении верхней, обращенной к солнцу, и нижней, затененной, поверхности тела. Если бы этого не было, то нижние контуры животного, подчеркнутые тенью, рельефно выделялись бы на любом фоне. Потеряв рельеф и став на вид плоским, зверь, если его окраска соответствует микрорайону, в котором он живет, легче сольется с местностью. Если у животного спина светлее брюха, значит, подобно некоторым странным созданиям (рыбе синодону, гусенице глазчатого бражника или ленивцу), большую часть жизни оно проводит, плавая или вися на ветке вниз спиной. Если и спина и живот окрашены почти одинаково — значит, живут их обладатели в тенистых, сумеречных местах или совсем без света — в пещерах и глубинах океана.

Но вернемся к забытой на время кустарниковой собаке. Как в том убеждают чисто теоретические рассуждения о ее необычайной окраске, живет она действительно в тени густых кустов, у корней гигантских деревьев и по берегам рек и озер. Большую часть дня спит в норе, а ночью стаи коротконогих псов охотятся. Пака, похожий на морскую свинку южноамериканский грызун, — предмет его особых вожделений. Там, где этих грызунов много, и кустарниковых собак немало.

За теми же пака, дикими морскими свинками, за птицами, насекомыми, а иногда и за овцами весьма резво скачет на своих длинных ногах и гривистый волк. Это, пожалуй, самый длинноногий зверь на Земле: у него ноги в пропорции к длине туловища — 90—97, а то и все 100 процентов. Они черные, а сам зверь рыже-бурый, с гривой из длинных волос на шее, которые топорщатся, когда он злится. Уши большие. Хвост пушистый, с белым концом.

Щенки у гривистого волка совсем черные. Чтобы откопать какого-нибудь грызуна, роет этот волк землю не передними лапами, как собаки, а только зубами. Ест он и фрукты и сахарный тростник.

Гривистый волк после настоящих северных волков самый большой (вернее, высокий, но едва ли самый сильный) зверь в семействе собачьих, которое в Америке представлено еще двенадцатью видами, кроме уже упомянутых: серого, черного и гривистого волков, койота, песца, красной лисы и кустарниковой собаки. Два вида лисиц — в Северной Америке и десять видов полулисиц-полушакалов — в Южной.

Серая американская лиса (США, Мексика) действительно сверху серая, с рыжей отделкой на боках и шее. Она меньше красной и знаменита тем, что неплохо наловчилась залезать на деревья. Охотится в одиночку в лесах, кустах и на болотах. Серая островная лиса похожа на нее, но живет не на континенте, а лишь на некоторых североамериканских островах.

Дикая кустарниковая собака. Внешность у нее, как видите, очень странная и странные для собак повадки: она любит нырять и плавать под водой!

Из южноамериканских лис 6—8 видов объединены зоологами в род *Dusicyon*. Из них азаровы лисицы, серые, больше-ухие и пышнохвостые, живут обычно поодиночке или парами в кустарниках, избегая густых лесов. Ягуар для них что лев для шакалов: подбирают за ним объедки, идя по его следам.

Майконг, зверь иного рода — *Cerdosyon*, зубами похож на лисицу, а круглыми зрачками и повадками на шакала. Рыже-серые и довольно длинноногие майконги охотятся стаями, преимущественно в густых лесах.

В семействе псовых есть еще три зверя, о которых нельзя умолчать. Для предстоящего с ними знакомства из Южной Америки последуем сначала в Африку, потом в Азию.

Фенеков в Южной Африке нет; там другой зверь удивляет своими несоразмерно большими ушами всех, кто увидит его впервые. Это большеухая собака, или драаишакал, — скромный житель степных нагорий от Сомали до южных провинций континента. Рыже-буро-серый, тонконогий, тонкокостный, меньше обычной лисы. Но вот уши... уши, вместе сложенные, пожалуй, покроют всю его голову. Уши не остренские на концах, как у фенека, а округлые — как ложки.

Гривистый волк — самый высокий зверь в семействе псовых: 75 сантиметров в плечах, но не самый тяжелый — 23 килограмма. По ночам гривистые волки кричат как-то необычно и жутковато. Но на людей никогда не нападают.

Зубами это большеухое создание меньше всех своих родичей похоже на собак: мелкие, бугорчатые клыки недоразвиты. Да и не в том даже дело — слишком много зубов! Сорок восемь и даже пятьдесят, тогда как у самого «зубастого» из псовых их не больше сорока двух. Если зубов слишком много, они мелкие и бугорчатые, то первое, что решит знающий зоолог, — такой зверь кормится в основном насекомыми. К ушастой собаке это правило вполне приложимо: в ночном ее

рационе (охотится она по ночам) больше всего термитов, саранчи и других насекомых. Встречаются, впрочем, и мыши, птичьи яйца, фрукты.

Гиеновая собака — волк Африки! Не видом, а повадками, умом, организацией облавных охот, и дисциплиной стай (в которых бывает и сорок и шестьдесят псов), и той селективной ролью, которую гиеновые собаки волею судьбы выполняют в саваннах.

Гиеновая собака — волк Африки.

Но внешне, особенно тупой мордой и большими округлыми ушами, похожи эти собаки на гиен. Но только внешне: нрав у них невероятно живой, возбудимый, они очень резвы, игривы, постоянно в движении; энергии явный избыток.

А вот пальцев на лапах не хватает: не пять на передних, как и у всех в семье собачьих, а четыре. Наверное, чтобы быстрее бегать. Ведь чем меньше пальцев на ногах, тем резвее звери.

Ноги у трехколерных черно-бело-желтых гиеновых псов резвые чрезвычайно. Загнать любую зебру, антилопу — это для них нетрудное и приятное удовольствие. Облаву организуют по всем правилам: сначала окружают стадо гну или газелей, затем кидаются все разом. Если

цепь свирепых загонщиков прорвана, с лаем, визгом, воем пускаются они в погоню. Шум, гам, пыль — мчатся с ликующими воплями дикие псы! Но бегут не как попало, а со смыслом: одни прямо за стадом, другие наперерез. Уставших сменяют те, которые берегли силы. Редко кто в саванне спасется от них бегством: обязательно, загнав, свалят, разорвут тут же на куски, в минуту от антилопы останутся лишь кости, и тех немного. В ужасе, в дикой панике иные антилопы пытались найти убежище в деревьях, в поле среди людей. Но «волков» Африки нелегко испугать: люди кричат, бросают в них камни, а те тут же рядом рвут загнанного зверя на части.

В полуденную жару они обычно не охотятся, спят, играют, но вечером, когда попрохладнее, а чаще ранним утром трусят рысцой, опустив тупые морды к земле, наострив уши, вынюхивают, прислушиваются чутко. Тут лучше не попадаться ни малой газели, ни большой антилопе, будь то даже канна с острыми и длинными рогами, на которую не всякий лев отважится напасть. Да и сам лев, если псы очень голодны, предпочитает уйти с их пути, а то разорвут, особенно если стар или слишком молод.

Недавно два очень компетентных зоолога, Берн-гард Гржимек и Джордж Шаллер, вернулись из Африки и привезли много любопытных сведений о гиеновых собаках.

«Странные, зловещие создания эти гиеновые собаки с огромными ушами... не побоялись как-то напасть даже на бегемота, они прыгали гиганту на грудь, и тот в явной растерянности был рад-радешенек, когда наблюдавший эту сцену человек отвлек разбойников выстрелом. Сразу вслед за этим отчаянная свора окружила двух слонов, и те боязливо попятнулись, подняв вверх хоботы» (Бернгард Гржимек).

Каковы собачки! Таких бы храбрецов приручить на пользу человеку. Кстати, приручаются они легко, хозяина любят, прыгают как безумные, когда увидят, и «щебечут» — иначе, говорят, и не назовешь их приветственное ворчанье. Но и ручные не могут устоять перед искушением разорвать курицу и цапнуть соседа либо гостя за ногу. Да и пахнет от них невыносимо! Оказывается, вонь, говорит Б. Гржимек, «тоже хорошее средство сохранить свою свободу!».

Он видел в Серенгети, как стая гиеновых собак — 14 взрослых и 9 молодых — трусила по степи. «Внезапно оба вожака стаи остановились как вкопанные и уставились на стадо из 40 гну, которое паслось на расстоянии примерно 800 метров». Вожаки вышли вперед и не спеша, с видом безразличным побрели к стаду. Стая так же не спеша тронулась за ними. Тут здоровенная и, наверное, глупая гиена чуть было не испортила им все удовольствие от охоты. Она выскочила откуда-то сбоку и изо всех сил старалась удрать подальше. «Но удрать ей, конечно, не удалось»: один вожак быстро ее догнал, схватил за заднюю ногу и опрокинул. Гиена завизжала, как испуганный поросенок, но не огрызалась, пес укусил ее раза два в назидание за глупость и опять потрусил к стаду ничего не подозревавших пока гну.

Два возглавивших охотничью операцию пса подошли к антилопам метров на четыреста и тут вдруг в стремительном беге кинулись прямо к ним. Гну их заметили и «бросились врассыпную». Густая пыль закрыла на время сцену действия. Когда она рассеялась, то глазам людей предстала неожиданная картина — гну не убежали, а «разделились на четыре небольшие группы и стояли плотными кругами, рогами наружу, защищая сбившийся посередине молодняк. Гиеновые собаки тоже разделились. Но каждая их попытка прорвать сомкнутый круг терпела неудачу — всюду их встречали низко опущенные острые рога. Мы ждали».

И увидели тут убедительный пример того, что каждый звериный детеныш должен знать твердо: непослушание, когда кругом столько врагов, равноценно самоубийству. Какой-то капризный и беспокойный теленок выскочил из плотного кольца обороняющихся рогов. И тут же, в одно мгновение собаки кинулись к нему и разорвали. Получив свою дань, они больше антилопами не интересовались, и те разбрелись по степи.

И хотя эта дань, которую гиеновые собаки берут со всего живого, порой и велика, хотя завывания и тьяканье рыщущих псов повергают в панику и поспешное бегство всех копытных, а грифы и стервятники, уверенные в успехе охоты, заранее кружат над местом действия трагедии, польза, которую «волки саванны» приносят ее копытному населению, немалая. Гиеновые собаки, уничтожая в первую очередь больных, слабых (глупых и капризных от рождения), так или иначе наследственно дефективных животных, играют важную роль в равновесии сил природы, в балансировании ее ресурсов и отборе самых приспособленных. Поэтому в Национальном парке Серенгети разрабатываются меры по охране гиеновых собак от чрезмерного уничтожения, которое им грозит.

Джордж Шаллер узнал много нового, интересного и неожиданного о жизни и нравах горилл, месяцами следуя за ними по пятам. Тем же методом изучал он позднее львов и гиеновых собак.

Сообщества последних очень сложные. В их стаях царят строгая иерархия и дисциплина. И даже разделение труда! Одни охотятся, другие караулят щенят. После удачного загона охотники спешат к щенкам, и малые вылезают из нор. И тогда большие псы, склонив к ним головы, исторгают из глоток мясо, которое принесли в желудках. Узнаете знакомые повадки?

Для няnek всегда оставлена недоеденная туша загнанного зверя. И те, сдав дежурство, сейчас же спешат к ней, пока грифы все не разворовали. Отряды охотников и сторожей у нор через определенное время меняются.

Между собой эти свирепые для врагов псы живут мирно. (Каждая стая бродит по просторам, как показали последние наблюдения, очень обширным — до 1500 квадратных миль!)

Когда в дикой саванне встретятся два разных и, казалось бы, конкурирующих охотничьих отряда, дружелюбию их нет предела — прыгают, нюхают друг друга, играют, смешавшись в общем радостном веселье. И без ссор и грызни расстаются. Больше того, «однажды у горы Меру, — рассказывает Б. Гржи-мек, — свора охотничьих собак повстречалась со стайей диких гиеновых, все обошлось так же мирно и спокойно».

Если кто из этих псов на охоте отстанет и потеряется, друзья его не оставят. Тут же, услышав тревожный зов, «вся остальная братия» без промедления мчится к заблудившемуся товарищу.

Колсун, красный волк, или по-индийски дхоле, в той же примерно роли, как и гиеновые собаки в Африке, выступает в джунглях Азии. Только арена эта не степи, а леса, преимущественно горные. А сам деятель похож на некрупного волка, красновато-бурый или рыже-красный, уши хоть и больше волчьих, но, однако же, не такие без меры разлапистые, как у гиеновой собаки.

Именно этих волков как всепокрушающую грозную лавину, атаковавшую джунгли, изобразил Киплинг в своем «Маугли».

Эта невинная на вид собачка — прославленный Киплингом красный волк, или колсун. Даже тигры боятся этих волков! Но не зарегистрировано еще ни одного случая, кроме загадочного происшествия на Яве, нападения красных волков на людей.

В этом смысле против истины он погрешил немного: красные волки, объединившись несколькими семьями, довольно быстро опустошают округу, в которой недолго проживут. Потому они постоянно в движении и покрывают в охотничьих походах огромные расстояния по лесам и горам Тибета, Индии, Суматры, Явы и других мест, где еще встречаются их стаи. Козлы, бараны, олени, даже дикие и бесстрашные быки гауры и бантенги, которых и тигры без особой нужды избегают беспокоить, бегут от них в панике. Быки обороняются от красных волков, встав кругом, как гну. А волки норовят отбить от стада самых слабых, больных и юных, которым рвут сухожилия ног, брюхо, горло. Говорят, и тигру плохо придется, если встретит он стаю красных волков (или собак: и так их называют) там, где нет поблизости пологого дерева, на которое он успел бы быстро залезть. Псы отважны, рвут полосатого с разных сторон. Истекая кровью, теряя силы, гибнет в их беспощадных зубах всеильный в джунглях тигр. А медведь гималайский, который и тигра может неплохо отколотить, как почует, поведя носом по ветру, — дhole пахнет! — спешит, не думая о престиже, уйти подальше. А если дух слишком силен и близок, скорее на дерево. Нет зверя, кроме слона, который бы сумел в одиночку долго устоять под яростным натиском красных волков.

В СССР красные волки редко, но встречаются на Восточном Памире, Тянь-Шане, Алтае, в Саянах, в горах южного Предбай-калья и Забайкалья. На южных склонах Станового и Яблонового хребтов их больше.

Семь медведей и большая панда

Что гималайский медведь может иногда и тигра отколотить, я не сам придумал, так считает Джим Корбетт. Он родился и прожил в Индии семьдесят лет и перестрелял много всяких медведей, тигров и леопардов. Повадки животных он знает хорошо, а его книги «Кумаонские людоеды», «Леопард из Рудрапраяга» — лучшее, что я читал о зверях Индии.

Как-то, выслеживая одного из леопардов-людоедов, Джим Корбетт увидел огромного гималайского медведя. «Он шествовал так важно, словно для него совершенно не имело значения, сколько времени придется идти, чтобы попасть из одного места в другое». Вдруг остановился, покрутил носом, пригнувшись, посмотрел на склон холма и лег плашмя на землю.

Поднял голову, еще раз понюхал, чем там пахнет впереди, и, крадучись, полез туда, где что-то унюхал. Прямо стелился по земле, полз «бесшумно, как змея». Подполз к краю ямы, а там тигр пировал, к разным бродячим медведям вовсе равнодушный. Медведь медленно-медленно поднял голову над ямой и заглянул вниз. Так же медленно ее опустил. Лапы под себя подобрал и вдруг с громким ревом ринулся вниз.

Медведь хотел испугать тигра, но тигр был не из робких. Рыком своим давясь от ярости, бросился на медведя, и такая драка началась, что шерсть клочьями летела. Минуты три дрались, а может, и больше. Но вдруг тигр, решив, что с него хватит медвежьих объятий... струсил. Галопом понесся по открытому месту, а за ним по пятам медведь. С ревом, «как ураган», перескочил овраг. Но тигр летел еще быстрее: здорово всыпал ему медведь!

Таков финал этой драки и таково решение вопроса, который задают часто, особенно дети: кто сильнее,

тигр или медведь?

Однако решение это не единственное, бывают и иные финалы. Некоторые наши зоологи говорят: боятся, и здорово, косолапые тигров. Лишь почует медведь запах полосатой кошки — и скорее бежать или на дерево. А тигр, бывает, еще и ждет, прохаживаясь под деревом или укрывшись в засаде, когда тому надоест сидеть на суку.

Советский зоолог Л. Г. Капланов (к сожалению, безвременно погибший) изучал жизнь тигров на воле, в уссурийской тайге, методами, которые Джейн Гудолл, Джордж Шаллер и многие другие этологи применяют сейчас и которые помогли узнать в последнее время столько нового и неожиданного о нравах и повадках диких животных.

Несмотря на свой небольшой для медведя рост и вес (до восьми пудов), гималайский медведь отважен и агрессивен: он порой нападает и на тигров, которых бурые, более крупные, медведи боятся.

Л. Г. Капланов шел зимой на лыжах по следам тигров. Один по безлюдному краю. Ночевал, как и зверь, там, где его заставала ночь. А утром снова в путь. Так прошел он 1232 километра!

Однажды он нашел разоренную медвежьей берлогу. По следам понял, что случилось. Тигрица шла по лесу и учуяла медведя метров за пятьдесят. Она сразу свернула с тропы и пошла к берлоге. Подкопала берлогу сзади. Там лежала медведица с медвежатами. Тигрица изловчилась и подцепила ее когтями за переднюю лапу, которой медведица, наверное, отбивалась. Одной лапой тигрица вытащила шестипудового медведя и загрызла!

Видно, у нас на Дальнем Востоке тигры особенные: очень сильные (так, впрочем, и есть). Или в Индии медведи отважнее наших? Может, и отважнее, но не сильнее. Ведь в Индии медведи черные, гималайские. У нас тоже такие есть, но ведь тигры, как рассказывают, обижают бурых. А бурые медведи крупнее черных.

Ну, так кто же все-таки сильнее, тигр или медведь?

В царстве зверей такие вопросы просто не решаются. Тигр и медведь силой почти равны. (Даже если и льва в это соперничество включить, равновесие треугольника сил не изменится.) Победит тот, кто храбрее, кто старше и злее, кто весит больше. Молодые и тигры и медведи дерутся, конечно, хуже матерых, полных сил и отваги самцов. Важно также, кто первый напал, кто сыт и кто голоден: сытый зверь не так дерзок и зол, как голодный. Важно, на чьей земле встретились бойцы: кто из них ближе к дому, тот обычно яростней дерется. А ярость часто сильнее силы.

Причин всяких много, решить нелегко, почему у нас медведи тигров боятся, а в Индии нет. Повадки животных люди по-настоящему еще только начинают узнавать. Раньше зверей изучали все больше по шкурам и костям. Теперь многие ученые с биноклями и кинокамерами в руках наблюдают, как ведут себя живые звери на воле. Подождем, что нового они увидят и расскажут о тигре и медведе.

Там, где тигр с медведем встретились и, унаследовав древнюю вражду от кошек и собак, живут не мирно, еще одна «кошечка» претендует на первенство в дикости, силе и отваге — леопард. И опять вопрос из серии детских: кто сильнее, леопард или медведь?

Ответы тоже разные: Джим Корбетт говорит, что сам не раз видел, как уверенно и бесстрашно прогоняли гималайские медведи леопардов в самый ответственный

момент, когда те устраивались плотно пообедать. Прогнав, уносили «обед», чтобы съесть.

Но другой известный в Индии охотник, Кеннет Андерсон, иное рассказывает: одно медвежье семейство — мать, отец и медвежонок — решило поселиться в пещере. А в пещере той уже жил леопард. Когда он вернулся, медвежонок первым, конечно, удра. Мать и отец попробовали отстоять уютный дом, но натиск пантеры был так свиреп, что медведи решили отступить, и немедленно. «Глава семьи удирал с такой поспешностью, что сорвался со скалы и сломал себе передние лапы».

Одни говорят, что гималайский медведь смел, другие — что отнюдь нет. Он лишь возбудим, раздражителен и часто по малому поводу или без повода приходит в бешенство. На людей нападает, лишь когда все пути к бегству отрезаны (или ему так кажется). И тогда больше от страха, чем с отвагой, атакует и бьет в лицо тупыми, но длинными, «восьмидюймовыми» когтями.

На совести этого медведя больше, чем у любого другого зверя Индии, искалеченных и обезображенных людей. Медведь любит поспать и спит на земле в какой-нибудь яме, в густой траве, да так крепко, как никакой, пожалуй, дикий зверь (еще и громко храпит!). Ни треск веток, ни шумный разговор его не будят. Охотники, крестьяне, собирая хворост, часто буквально наступают на спящего медведя. Тогда он вскакивает как чумовой и от испуга бьет человека лапами в лицо. (Зденек Веселовский, директор Пражского зоопарка, пишет, что так поступает медведь-губач. Но Д. Корбетт и К. Андерсон, описывая подобные случаи, определенно говорят о гималайском медведе.)

В принципе гималайский медведь — вегетарианец: желуди, орехи, плоды, ягоды, молодые побеги ест он и на земле и на деревьях, забираясь на них очень ловко. Но и насекомые для него не последнее лакомство, и падалью не брезгует, даже такой, которую ни тигр, ни леопард есть не стали бы.

Забавно он изгибается, извивается, принимая самые причудливые позы, когда разрывает термитов или добывает разные корни из земли. «Чем-то это похоже на клоунаду». Ворчит от натуги и удовольствия, гудит, как самолет, жужжит, как пчела, пыхтит, как кузнечные мехи, «причем последнее служит как бы аккомпанементом».

Там, где зимой холодно, гималайские медведи к осени сильно жиреют (сала на иных процентов сорок). Найдя дуплистое дерево, старый тополь или липу, дупло в нем выскоблят когтями и очистят от гнилья, расширив для себя просторное помещение. В дупле, иногда в пяти метрах от земли и выше, спят всю зиму, с ноября по март. Спят сидя. Редко, но бывает, что не один, а несколько черных медведей зимуют в одном дупле. В своей жизни эти медведи очень зависят от больших дуплистых деревьев. Правда, когда их всем не хватает, некоторые где-нибудь и под корягой, в расщелине между камней ложатся на зиму. Но такое дело им не по душе.

В январе — феврале черные медведицы, сидя в дуплах, рожают одного-трех слепых и крохотных медвежат, каждый с крысу средних размеров. Были бы больше, больше бы и ели. А так как мать сама в эту пору голодает, то прокормить прожорливых сосунков ей нелегко, даже и с весьма обильным запасом жира под кожей. Потому природа и распорядилась: всем медведицам рожать зимой в берлогах (куда как уютно!), но для пользы их самих и детей только очень маленьких медвежат, с пропорциональным росту аппетитом. Мать кормит их молоком — из сосков на груди, а не на брюхе — три месяца и до следующей осени с ними не расстается.

Если мысленно последуем из страны в страну, где живут гималайские медведи, дойдем и до нашего Дальнего Востока. Тут в лесах Приморья, Уссури и Нижнего Амура живут бок о бок с ними медведи всем нам лучше знакомые, бурые. Они ростом выше и грузнее — 160—320 килограммов, а то и полтонны! Гималайский не всякий, даже и матерый, самец потянет на 160 килограммов. Цветом шерсти разнотонные: с рыжиной, сединой, чернотой всяких тонов, редко попадаются и совсем светлые, кремовые. У гималайского медведя мех черный, а на груди большое полукруглое белое пятно (реже оно желтое). У бурого этого пятна нет, либо оно чуть приметно, а уши короче и морда тупее.

Гималайский медведь обитает только в Азии (у нас лишь на Дальнем Востоке): в Китае (и на Тайване тоже), Японии, Индии, Восточном Иране. Крайний юг его ареала ограничен Индокитаем. Бурый медведь распространен шире — в Европе, Азии и Северной Америке. В Западной Европе уцелели медведи лишь в Пиренейских горах, Скандинавии, на Балканах, в Карпатах. (В Румынии медведей больше, чем любой стране, кроме СССР, — две-три тысячи.) Когда-то в Англии было так много медведей, что римляне вполне удовлетворяли британскими медведями спрос своего народа если не на хлеб, то на зрелища.

На восток, начиная с Чехословакии, простирается ареал бурого медведя через всю Россию до Аляски, а если считать, как некоторые систематики, что гризли не особый вид, а лишь подвид бурого медведя, то и дальше — до Западной Канады и Скалистых гор США. Живет бурый медведь также в Японии и Китае, в горах Центральной, Средней и Передней Азии. Жил когда-то даже в Африке, но только на севере, в Атласских горах. Теперь тут, кажется, истреблен.

В СССР широкой полосой с запада на восток тянутся обитаемые медведями леса. На севере ограничена эта полоса тундрой, на юге — еще достаточно густыми борами на севере Белоруссии, Рязанской области, Мордовской АССР, юго-западе Татарской АССР. Затем, перевалив вытянутым к югу языком через Уральский хребет, спускается южная граница обитаемых бурым медведем мест к Алтаю и уходит в Китай. Южнее таежных лесов, минуя степные и пустынные края, вновь живут медведи в горных лесах Кавказа, Копетдага, Тянь-Шаня и Памира, а на Дальнем Востоке — на островах Курильских, Шантарских, Карагинском и Сахалине.

«Какими именами только не величают медведя в Забайкалье!» — говорит А. А. Черкасов, горный инженер, натуралист, большой охотник и большой писатель. Он-то знал очень хорошо этого «косматого черта», «хозяина», «Топтыгина», «черную немочь», «чалдона»! И рассказал нам, пожалуй лучше всех, почти все о медведе, хоть написана была книга А. А. Черкасова сто лет назад. Рассказал великолепно, речью краткой, но необыкновенно выразительной и яркой, как мало кто мог сделать.

Весна еще ранняя, апрель. Снегу в лесу по ельникам, борам, буеракам много. Сырой, крупяной, плотно не лежит, глубоко медведь вязнет в нем. Вылез из берлоги, не терпится ему. Как запахи весны почуял, проломил «небо» у спальной своей ямы, выбрался на свет. И свет в глаза ему ударил яркостью необычайной после тьмы берлоги. Дух от сырой земли, от почек набухших, от снега талого, от сосен, щедро источающих смолу, носом чутким потянул медведь и лег, шурясь, тут же, поверх берлоги. Лежал в дремоте еще крепкой, ворочался, принюхивался дня три, никуда не уходил.

Но вот пошел, рухнув сразу в сугроб, что метель за зиму намела у выворота, под которым пролежал зверь все холода. Шуршит бор иглами, шумит ветром в ветвях. Из крепи выбрался медведь в чернолесье. Здесь снег совсем почти сошел. Земля под солнцем парным теплом туманилась.

Не без дела шел, всюду хозяйничал: корягу вывернет, камни какие, плиты перевернет. Сила велика у зверя. Ветровал дерево наземь уронил, медведь обошел его, понюхал под стволом, чем там земля пахнет. Вдруг в охапку сосну ухватил и сдвинул с места, как бревнышко. Сейчас же к той пролежине сунулся носом, когтями землю заскреб: может, мелочь какая живая есть, чтобы съесть. Похудел за зиму, голодный зверь, все жует и гложет, что зелено, что живое суетится по весне. Да и падаль найдет — попирует. Буковые орешки прошлогодние, желуди собирает, разрывая листву. Бурундуков грабит. Бурундуки запасливы: с осени под камнями спрятали кедровые орехи. Так медведь, те камни своротив, кладовые земляной «белки» мигом опустошит. Самого собирателя, если поймает, тоже съест.

Муравейник — находка особенно приятная. Весь разроет, раскидает далеко вокруг. Лапы, говорят, полижет и «кладет их на муравьище». Насекомые суетятся,

на медвежьи лапы черными толпами лезут. Он их слижет и съест. И за новой порцией тянется когтистой лапицей.

Вышел зверь на косогор — место солнечное, деревья не густо растут. Тоже не сразу вышел: из кустов с краю поляны оглядел всю ее внимательно и дальше, сколько было видно, проверил, нет ли кого или чего опасного и нет ли зверя неопасного, съедобного, чтобы тайком подобраться.

Видно, что-то все-таки привлекательное усмотрел: резво так поскакал, косолапя, на полянку. Цветочек-прострел голубел в своей же непышной зелени, он к нему. Сжевал, съел весь, ворча от радости. Любит медведь эти цветочки, ест их во множестве и бегаёт за ними во весь дух, где только завидит. Еще любит и ищет старательно на увалах, под плитами и камнями «медвежий корень» — луковицу. «Человек ее находит большей частью только в объедках от медведя... Поевши этой луковицы, медведь тотчас очищается от всего». Это ему вместо касторки, чтобы желудок прочистить. (Медведи вообще всякий лук любят, как кошки валерьянку. Трут им морду, мусолят, валяются на луковице. Слезы из глаз текут, но косолапый с луковицей расстаться не желает.)

Наевшись этого корня, идет в молодые осинники. Обдирает зубами (с величайшим аппетитом!) набухшие почки, захватя осинку в охапку.

Когда с моховых болот сойдет снег, клюкву медведь на них собирает. А на озимях, где они есть и зеленеют, пасутся весной медведи часами, как коровы. Щуки на разливы пойдут метать икру, и медведь туда же. Высмотрит косматый с берега какую побольше и всеми лапами, как лиса на мышку, прыгнет на рыбину с шумным плеском.

В таких делах весна и проходит. Уж лето. В эту пору бродят медведи по болотам, речкам, камышам у озер с недобрый помыслом — молодых уток ловить. Гоняется здоровенный зверь за малыми утятами часами и не одну ночь: «ищет их, как собака, ползает, скачет за молодыми, так что брызги летят во все стороны и шлепотня поднимается страшная». Мокрый, грязный выходит из озера. Но довольный. Спит потом, на солнышке подсыхая.

В часы полуденные бродит мало. Прячется в чаще, у родников, бочажин, «избегая солнечных лучей и страшного овода». Ночь, зори, вечерняя и утренняя, — его время: «тут он совершает все свои похождения, все проделки».

Оттуда, где спит, туда, где кормится, ходит медведь обычно одной тропой, к которой привык. А там, где медведей много, тропы эти — лучшие и единственные дороги в тайге. Ведут они к самым удобным перевалам, к самым рыбным и ягодным местам. Вся Камчатка, рассказывают, пересечена такими дорогами.

Как заведено природой, у каждого зверя, и у медведя тоже, свои уголья, своя «охотничья территория». Около 500—800, по другим данным, даже 2000 гектаров — обычный медвежий «надел» в равнинных лесах. Пределы его обозначены пахучими и зримыми пограничными «столбами»: вековые на деревьях метки, высоко их стволы ободраны когтями. Чем выше над землей заскребы, тем, значит, крепче силой и «свирепой могучестью» хозяин охраняет тут свои владения. Но одной лохмотьями содранной коры медведю мало: вываливается он в моче, встает потом спиной к дереву, вытягивается вверх, сколько может, на задних лапах и трется и трется спиной, загривком и головой о кору. Это предупреждение другим медведям, которые послабее, чтобы сюда не совались: «Плохо будет, коли поймаю!»

Нет зверя в тайге, кроме тигра в Приамурье, где бурый с полосатым встречаются, да еще, может быть, большого лося и кабана-секача, который бы медведя не боялся и которого при случае медведь не заломал бы. Лось и кабан, впрочем, тоже от медвежьих когтей не застрахованы. Однако больших секачей косолапый все-таки остерегается. Но матку с поросятами если увидит, своего не упустит. Оглянется, нет ли кабана поблизости, подползет тогда без шума по круче и начнет кидать, катить на них с горы камни, коряги — что потяжелее. Иной раз и придавит какого поросенка. Не всегда, конечно, удача ему бывает, а с одним медведем вот какое даже несчастье случилось, когда он малым поросятам готовил гибель.

Подобрался тот медведь по крутой скале к свиные с поросятами, которая рыла землю внизу под утесом. Подполз к самому краю, заглянул вниз на лакомую добычу. Долго смотрел, вероятно избирая удобную минуту. Потом, решив, что время действовать пришло, схватил коряжину и бросил на свиные, но коряга суком подхватила медведя под заднюю ногу и бросила самого под утес.

Ко всякому зверю и птице, если вздумал медведь их поймать, подползает тихо, как кошка, иногда на брюхе. Совсем ведь не маленький, и спрятаться ему вроде бы особенно и не за что, но, бывает, так незаметно и близко подползет, что даже рябчиков и глухарей успевает схватить раньше, чем те улетят. Быстрота, с какой этот грузный зверь наскокивает, поразительна: «часто медведь при неверном выстреле, с окончанием его звука, является уже у ног изумленного охотника».

«Медведь вообще плохо «хозяйничает» в лесу, особенно осенью; лучшие урожайные рябины он валит на землю или раздирает стволы пополам, пригибая плодоносные ветви к земле. В тайге он обламывает ветви кедров, на Кавказе крушит вершины самых лучших деревьев дикой груши и алычи» (профессор А. Н. Формозов).

болезнь».

В том, что болезнь такая не охотничья сказка, я и сам однажды убедился. Было дело на Курилах, на Итурупе. Медведей там много. А заросли в сопках дремучие: бамбук сначала, через который не продерешься, потом, выше, кедровый стланик, но такой густой, что ходить сквозь него можно только медвежьими тропами. Была со мной собака, венгерская легавая. Как она на остров попала, не знаю. Бездомный был пес и со мной пошел, делать ему нечего. Очень крупный кобель, и отваги у него, как я заметил, хватило бы на многих собак. Мне приходилось бывать судьей

на испытаниях лаек по медведю привязанному. Так далеко не каждая кидалась на него смело и как надо. Многие и близко боялись подойти, а иные как глянут на зверя — только их и видели. А этот кобель, когда в кедрачах почуял медведя, взъерошился весь, шерсть на загривке дыбом, туда-сюда забегал по тропе. Носом потянул воздух: видно, близко зверя почуял и, не раздумывая, прыгнул к нему прямо в чашу кедровника, с трудом продираясь через нее. А медведь спал, наверное, и совсем рядом. Выскочил с треском на тропу и в упор меня увидел. Тут с ним это самое дело и случилось, проносило его. Лапы у него разъехались, как на льду. Но не до престижа ему было, не до пристойности, он не честь, а жизнь спасал и резвой ланью сразу метнулся опять в чашу. Кобель выскочил и за ним, но где там — не догнал, вернулся злой и решительный. По всему видно, так бы и заел этого пакостника.

Говорят, что когда от неожиданного шума, испуга случится с медведем кровавый понос, то будто бы зверь «скоро после этого пропадет», умрет. Не знаю, верить ли в это.

Одна странность водится за медведями — сибиряки говорят: медведь «хлипок на зад». Чуть заденет за что задом — за сук какой, об камень стукнется, так больно ему, что ревет «страшным образом».

Еще любит косолапый забавы. Когда сыт, здоров, играет даже и сам с собой. Камни, например, с круч бросает и «уморительно заглядывает на них, как они летят и подпрыгивают».

Забавляется и так: разбитое бурей дерево, у которого расщеплен ствол, «находка для медведя, а еще больше для медведицы, когда она с детьми». Ухватится лапой резвящийся Топтыгин за дранощепину, отогнет ее вниз и отпустит. Ударит она с маху по расколотому стволу, дребезжит, гудит ствол, вибрируя. А косматый богатырь не унимается: еще и еще, отводя и отпуская щепу, пронзительно музицирует. Сам голову то туда, то сюда набок склоняет, прислушивается, как далеко громогласное эхо разносит по ущельям и горам произведенный им грохот.

Купаться тоже любят с плеском, шумом. Колотят лапами по воде. А плавают просто отлично: «во всевозможных положениях, даже стоя, как это делают хорошие пловцы».

Забавы забавами, но и забот у медведя немало. Особенно у медведицы с медвежатами. Хорошо еще, пестуны помогают, что бы она без них делала? Медвежата, рожденные в этом году, прозываются муравейниками, прошлогодние — лончаками. Но тех лончаков, что медведица оставляет при себе и которые помогают ей смотреть, ухаживать — пестовать малюток-муравейников, именуют пестунами. Обычно она выбирает одного пестуна. И обычно этот пестун — маточка. Самцов очень редко медведица оставляет в

пестунах. Гонит их осенью всех прочь от себя. Редко даже и маточка-пестун бывает двухлетней на третьем году, как говорят в Сибири, третьяком. Но бывает.

Медвежья семья шествует обычно так: впереди медведица, за ней муравейники, а тыл замыкает пестун. «Обязанность пестунов — ухаживать за молодыми медвежатами, как нянька за детьми». И они ухаживают всегда с большой охотой, но иногда капризничают. Тогда медведица дает пестуну шлепок-другой, чтобы напомнить, для чего, собственно, он при ней оставлен. Однажды случилось так: переходила медвежья матка с малолетками и пестуном речку. Одного малыша, ухватив за загривок, перенес через быструю воду пестун, другого она сама, медведица. За третьим пестун на ту сторону реки не пошел, и мать дала ему пару увесистых шлепков. Тогда он, осознав вину, потопал за братишкой по камням через речку.

Медведица новорожденных детей, еще берложных, спасая свою личную жизнь, нередко бросает без защиты, но тех, которые постарше, охраняет, страха не зная, «грудью идет на все, что только произвело испуг». Муравейники и пестун обычно для большей безопасности лезут тогда на дерево и там сидят, вереща.

Причина испуга устранена, и медвежата слезают с дерева, воркотней себя подбадривая. Лезут задом вперед, но бывает — А. А. Черкасов это сам видел — и головой вниз! И взрослые, не очень грузные медведи на такое иногда способны.

«Течка, или, выражаясь по-сибирски, гоньба, медведей бывает в самые летние жары, именно около петрова дня (в июне — июле)... Обыкновенно за самкой ухаживает один самец, и беда, если явится другой поклонник: страшная, остервенелая драка между ними продолжается до тех пор, пока один не останется победителем. Во время побоища нередко шерсть летит клочьями, кровь льется, страшный рев оглушает окрестности... Сколько реву и шуму при медвежьей течке! Сколько они вытопчут мест и сомнут травы с цветами и кустами! Гоньба их обыкновенно происходит в местах глухих и «крытых, но по большей части около лесных ключей и горных речек, в прохладе. Дети тут не присутствуют, а ходят с пестуном, иначе они будут растерзаны медведем...

Многие здешние промышленники утверждают, что медведица гонится не каждый год, а будто бы через год, почему они таких медведей и зовут яловыми. Не знаю, насколько, это справедливо, передаю, что слышал» (А. А. Черкасов).

Слышал правильно: только если дети погибли, медведица, может случиться, понесет новый плод в чреве в тот же год. И носит его семь месяцев. Рожает зимой в берлоге (в январе—феврале) одного-двух, реже четырех и даже шестерых медвежат. Крохотных совсем, с рукавичку — полкилограмма в каждом, не больше. Они слепые (до месяца), шерсть на них редкая, растут, пока в берлоге, медленно. И дрожат, холодно им. Мать греет сосунков, укрыв лапами, и дышит на них, чтобы теплее было. Если медведица в этом году яловая, то берет с собой в берлогу детей. Каждый спит на своей постели.

А постель готовят из мха и надранной с деревьев коры. Перед тем как залечь на зиму, жиреют. Там, где растут кедры, объедаются косолапые их орехами. Наберут кедровых шишек побольше, прижимая лапой к груди, потом

на ровном месте или камне катают их, мнут, орехи высыпаются из шишки.

Некоторые медведи, где не очень холодно, ложатся зимовать прямо среди молодых елей, только согнут над собой их вершинки, и спят в таком импровизированном шалаше, который снегом скоро занесет, прикроет. Но в Сибири роют яму для берлоги где-нибудь недалеко у воды, на болоте, под искарью — корнем упавшего дерева. Иные яму накрывают хворостом, ветками, мхом. У такой берлоги, как говорят, есть «небо». «Челом» берложным называют дыру в ней — отдушину. Есть еще такое у медвежатников слово — «втулок»: естественным путем образовавшаяся затычка, пробка в том месте, которым оканчивается кишечник. Сибиряки говорят, что втулком медведь «запирает в себе жар и тепло на всю зиму». Без втулка ему «будто бы не перезимовать: замерзнет». Теория весьма остроумная, но дело, конечно, не в этом, а в простом естестве желудочно-кишечных процессов: надолго прекратившаяся деятельность завершается таким финалом.

И еще рассказывают, будто медведь зимой лапу сосет. Может, и сосут некоторые, как думают, оттого, что кожа на подошвах линяет и чешется. Но, говорит А. А. Черкасов, не слышал он от промысловиков, чтобы добывали медведя на берлогах с обсосанными лапами, у всех они сухие, грязные еще с осени, в пыли и с присохшей землей.

Но вот что верно: хоть и чутко спит медведь в берлоге и слышит разные лесные звуки, даже и отдаленные, но того, что под боком у него творится, не замечает. Профессор А. Н. Формозов говорит: «Лесные полевки, собирая материал для своих гнезд, подбираются к спящему зверю и «выстригают» целые дорожки в его шерсти». Факт любопытный.

Прежде чем лечь в берлогу, путает медведь свои следы, как заяц: петляет по бурелому, моховым болотам, по воде, скачет вбок со следа и через валежины, одним следом туда-сюда не раз пройдет. Только тогда ляжет, успокоенный, что след хорошо запутал.

Если лето было малокормное, то некоторые, особенно худые, медведи и вовсе в берлоге не лежат, всю зиму бродят голодные. Такие шатуны опасны человеку и всякой скотине и зверю, даже медведю сонному. Был случай, рассказывает А. Н. Формозов, в Горьковской области: небольшая медведица-шатун раскопала берлогу медведя, который был здоровее ее, загрызла его и съела. Впрочем, и летом бывает, что медведь медведя заест.

Шатунам зимой туго приходится: и есть нечего, и охотники их бьют, и волки рвут там, где они еще есть.

Медведь — умнейший зверь. Числится с обезьяной, слоном, собакой и дельфином в первой пятерке самых способных к дрессировке животных. Кто из них способнее, решить трудно, потому что у каждого свои вековые инстинкты и привычное уменье. Поэтому не всех можно одинаково обучить разным штукам. Если методы исследования их способностей — тесты — разные, то и результаты получают несравнимые: в одних опытах собака лучше всех решит поставленную задачу, в других — медведь, в третьих, может, и дельфин. Стоит только посмотреть, что вытворяют медведи з цирках (а прежде у цыган),

не останется никакого сомнения в их редкой понятливости. И на велосипедах, и на мотоциклах они ездят, и на коньках в хоккее играют, способны обучиться и многим другим трюкам.

Чем восточнее живут медведи, тем крупнее они. В Старом Свете, Азии и Европе, самые большие медведи — камчатские. Но если последуем по путям древнего расселения медведей, через Берингов пролив в Америку, то найдем здесь, на Аляске и некоторых близких к ней островах, медведей еще более огромных. Это бурый медведь кодыак и знаменитый гризли, которого считают сейчас лишь особой расой бурого медведя. Медведь кодыак — чемпион-тяжеловес среди всех хищников на Земле (достойный его конкурент лишь белый медведь, который нередко бывает так же массивен и тяжел: до 700 килограммов!). Когда стоит этот зверь, опираясь на все четыре лапы, то в холке высота его 150 сантиметров (у европейского бурого медведя — в среднем метр).

Гризли, или серый медведь, почти так же велик, но окрашен светлее, однако лапы и брюхо у многих гризли Аляски темные. Еще недавно американские систематики разделяли серых медведей на много разных видов, теперь склонны всех их свести в один вид бурых медведей.

В Северной Америке есть черные медведи, или барибалы. Они мельче гризли и бурых (около 90 сантиметров в холке) и весят самые крупные около десяти пудов. Те, что живут на востоке Канады и США (у Великих озер и в Аппалачских горах), действительно черные, но на западе Канады и США (в Скалистых горах) среди них много бурых. Морда у тех и других всегда желто-бурая, а на груди небольшое белое пятно. Знаменитые медвежьи шапки британских гвардейцев шьют из шкур именно этих медведей, которых еще немало в Америке.

Медведя-губача, ростом он примерно с гималайского, эволюция наградила странной губастой и подвижной мордой, облегчив тем самым заботы о пропитании: пасть его и губы отлично действуют как насос, когда, разрушив термитник, медведь втягивает в рот с громким шумом (который слышен почти за двести метров) переполошившихся насекомых.

Давным-давно, еще во времена доисторические, несколько миллионов лет назад, из Северной Америки в Южную вместе с оленями, кошками, хомяками и свиньями переселились, когда образовался отсутствовавший прежде Панамский перешеек, и медведи. На новой родине их потомки изменились так, что получился новый вид очковых медведей. Ростом они даже меньше барибалов (около 70 сантиметров в холке), черные, но вся морда и широкие кольца вокруг глаз, как оправа очков, охватывающие черные пятна с глазом в середине, грязно-желтовато-белые. Очковый медведь очень редкое, пугливое животное. Кажется, еще никто из европейцев не видел его на воле. О жизни его в горах северного Чили, Перу, Колумбии и Боливии почти ничего не известно. По-видимому, этот медведь более убежденный вегетарианец, чем все, о которых было рассказано. В зоопарках, куда очковые медведи попадали не раз и даже размножались здесь, мясо они едят менее охотно, чем другие медведи.

Еще два вида медведей живут в тропиках: губач (Южная Индия, Цейлон) и малайский медведь (Ассам, Бирма, Малайя, Суматра и Калимантан) Губач, или медведь-ленивец, ростом примерно с барибала, но более лохматый, шерсть длинная, черная, местами курчавая, даже уши его обильно поросли. Вид у него нечесаный и неопрятный из-за этого. Желтовато-белым, большим, в форме полумесяца пятном на груди напоминает он черного гималайского медведя, но длинным и толстым, мясистым губастым рылом своим ни на кого не похож. Ноздри на широком его носу так устроены, что, когда надо, их плотно закрывают особые мускулы.

Некоторые малайские медведи, содержащиеся в неволе, отличались поразительной для зверя сообразительностью. Один быстро научился, всунув коготь в замочную скважину, открывать буфет и воровать сахар. Второй, рассыпая около клетки рис из своей чашки, приманивал и ловил цыплят. Малайский медведь, хотя и не ложится на зиму спать в берлогу, однако при каждом удобном случае с явным удовольствием и большим шумом сосет свою лапу.

А «надо» это часто: всякий раз, когда, разорив гнездо пчел или термитов, губач с сопеньем и шумом всасывает в свою пасть, как в пылесос, этих любимых им насекомых. Если бы ноздри в столь ответственный момент не были плотно закрыты, насекомые набились бы и в нос, что, конечно, если учесть их жалящие свойства, не очень-то приятно.

Это всасывание облегчено еще тем, что центральных резцов в верхней челюсти у губастого медведя нет, так что получается сквозное отверстие для беспрепятственного прохода насекомых прямо в рот. Когти у губача очень длинные, серповидные. Ни один самый прочный термитник не устоит под их напором.

Немало разных фруктов и орехов, мелких зверьков уничтожают губачи в лесах Индии. Почти весь день спят

они в ямах и пещерах. Ночью часто парами и целыми семьями бродят, сопят, пыхтят, копаясь в земле и термитниках. Движения их вялые, словно ленивые. Но лазают умело и, когда напуганы, удирают резво. Один или три медвежонка, пока малы, ездят у матери на спине, вцепившись в длинную шерсть.

Малайского медведя называют еще бруангом (иногда би-руангом) и солнечным медведем за полулунной формы желтое пятно на груди, которое часто фигурирует в местных легендах как символ восходящего солнца. Бруанг — черный, только тупая, толстая и губастая морда желто-бурая. Из всех медведей он самый маленький: от носа до корня короткого хвоста около 120 сантиметров, а весит только три пуда. Но совсем не безобиден, взрослые медведи довольно свирепы. Я помню страшный случай: один такой медведь отгрыз в зоопарке руку маль-

Очковый, или южноамериканский, медведь зверь очень редкий.

Обитает он в горных лесах, но нередко спускается в заросли кустарников у подножья гор. Ростом он с гималайского медведя. Хорошо знал и к которому, казалось, вполне привык. Мальчик хотел через решетку погладить медведя.

Очковый, или южноамериканский, медведь зверь очень редкий. Обитает он в горных лесах, но нередко спускается в заросли кустарников у подножья гор. Ростом он с гималайского медведя.

По деревьям бруанг лазает лучше всех медведей. Здесь, высоко над землей, и проводит большую часть жизни в поисках ящериц, птичьих и пчелиных гнезд и фруктов.

Остался у нас еще один медведь — седьмой, если считать по видам, — белый, полярный, или ошкуй (и если не считать загадочного гобийского медведя, которого будто бы недавно поймали, но о котором с уверенностью не берусь утверждать, кто он — вид, подвид или просто миф). Родина ошкуя и постоянное местожительство — полярные страны, острова, берега Северного Ледовитого океана, как американские, так и азиатско-европейские (кроме побережья Баренцева и Карского морей). Впрочем, на берегах белые медведи живут только в узкой приморской полосе, дальше чем на один-два километра в глубь материков обычно не заходят. Дрейфующие льды — вот их стихия. Вместе с ними и по ним постоянно путешествуют эти медведи. Летом забираются почти на самый полюс — до 88-го градуса северной широты. Плавают и ныряют великолепно. Далеко в открытом море (за 80 и 100 километров от льдов и суши) не раз видели белых медведей, даже медведиц с медвежатами. Плывут себе, не беспокоясь, что ни земли, ни льдов даже и на горизонте не видно. Если скорость этих пловцов, как утверждают, А—5 километров в час, то не раньше чем через много часов доплывут они до суши.

В море ловит белый медведь рыбу, на льдинах (да и в воде тоже) — тюленей, на берегу — песцов, пеструшек, северных оленей. Когда голоден, ест и падаль, водоросли, мхи. Рассказывают, что, подползая по снегу к лежбищу тюленей, не забывает ошкуй свой нос все время прикрывать лапами, чтобы не выдал. Потому что только нос у него "черный, весь мех, которым густо поросли даже подошвы лап, белый и зимой и летом.

Зиму медведицы спят в берлогах (но не во льдах, а на берегу), где-нибудь под обрывом, заметенным снегом. Подсчитали примерно, что на острове Врангеля каждый год устраиваются зимовать 150—200 белых полярных «дам». Яловые, не беременные, медведицы спят месяца четыре. Беременные — 170 дней. Самцы вовсе не спят, а всю зиму бродят. Впрочем, по некоторым наблюдениям, и они тоже спят будто бы, но недолго — месяца два.

В берлогах (в январе—феврале) медведицы рожают: молодые — обычно только одного медвежонка, старые — двух, реже трех-четырех. Медвежата так же малы, как у всех, медведей. Чтобы не мерзли, мать держит их между лапами, чаще задними, и дышит на них, согревая. Молоком кормит год и больше, водит их за собой два года. Интересно, как медведицы переносят медвежат: не за загривок, как собаки, а взяв в пасть всю голову медвежонка! Это когда он совсем мал. Л постарше станут медвежата и пойдут с матерью купаться, и вдруг беда там' какая случится, хватают ее зубами за уши, и она их буксирует туда, где безопаснее.

Белые медведи, похоже, исчезают. Причины тому — и потепление Арктики и приход людей с ружьями в ее пределы. Считают, что на необозримых просторах нашего Заполярья уцелело лишь 5— 8 тысяч белых медведей. У нас их охраняет закон: убивать без надобности не разрешают. Но в США,

Канаде и Норвегии пока еще, кажется, такого закона нет.

Другой «белый медведь», зверь еще более редкостный, чем полярный ошкуй, надежно прячется от человеческих глаз в густых бамбуковых джунглях Центрального Китая. Открыли этого неуловимого зверя еще в 1869 году, а живым поймали лишь через 68 лет. Одно время казалось, что большие панды, или бейшунги, по-китайски — белые медведи, все вымерли. Проходили годы, а охотники и натуралисты, мечтавшие поймать хоть одну большую панду, возвращались из Китая с пустыми руками.

Средний вес белых медведей 300—400, а рекордный — 720 килограммов!

Почти сто лет ученые решают заданную природой головоломку, пытаются установить происхождение большой панды. Обладая признаками медведей, енотов, кошек и куниц, она не принадлежит, возможно, ни к тем, ни к другим.

Исследовав первые четыре шкуры бей-шунгов, добытые в Китае еще в конце прошлого века, ученые решили было, что большая панда — это особая разновидность растительноядных медведей. Зверь получил название бамбукового медведя. Одно время бей-шунга считали даже древнейшим представителем медвежьего рода, чуть ли не предком современных медведей.

Но в 1936 году американский специалист по сравнительной анатомии животных профессор Вильям Грегори после тщательных исследований пришел к выводу, что большая панда не медведь, а гигантский енот. Он нашел у

нее много анатомических признаков, свойственных американским енотам-полоскунам.

Миллионы лет назад предки енотов переселились из Северной Америки в Азию. Звери прошли по перешейку, который в те времена соединял Аляску и Чукотку. Расселяясь далее по лесам Азии и Европы, некоторые древние еноты проникли даже в Англию. Позднее они здесь вымерли, но в горах Тибета и в Гималаях два близких к енотам вида животных дожили до наших дней. Это большая и малая панды.

До сего времени лишь около двадцати живых бей-шунгов, или больших панд, привезли из Китая в разные зоопарки мира. И лишь однажды удалось получить здесь от них потомство.

Слово «панда» происходит от местного названия этого зверя — «ньяла-понча», что значит «пожиратель бамбука». Хотя обе панды по происхождению хищные животные, едят они растения, в основном молодые ростки бамбука. Сначала непонятно было, как большая панда, на вид неуклюжий медведь, управляет с тонкими стеблями бамбука своими толстыми лапами. И управляет ловко: держит их в лапах и обкусывает. Для этого дела дан ей природой как бы шестой палец — одна кость запястья удлинилась и функционирует как большой палец на нашей руке, противостоящий всем другим. Поэтому панда может крепко держать в лапах даже самые тонкие стебли бамбука.

Малая панда и её родственники в Америке

Малая панда живет в лесах на восточных склонах Гималаев и ближайших гор Западного Китая. Зверек небольшой, с хвостом длиной около метра, шерсть густо-пушистая, оттого кажется малая панда крупнее истинных своих размеров. Наряд у нее очень даже красочный. Днем спит в дупле или в развилке дерева, в сумерках пробуждается, прохаживаясь вперевалочку, ищет желуди, коренья, лишайники и главное — побеги бамбука, сочные и молодые. При каждой, даже мимолетной,

тревоге спасается на деревьях. А если пути к отступлению отрезаны, защищается отчаянно, отбиваясь лапами с острыми полувтяжными когтями. Методы обороны похожи на медвежьи, но когти скорее кошачьи. Живут малые панды часто парами или семьями, стаями — никогда. Крик их — громкое, какое-то птичье верещанье.

Кроме двух панд, иных енотов в Старом Свете нет. Но в Америке их 16 видов. Еноты стопоходящи, как медведи, некоторые полустопоходящи, когти у них полувтяжные или невтяжные. Чем-то напоминают они некрупных медведей, но чем-то и куниц, хотя в общем это звери особого семейства.

Самый известный из енотов (особенно тем, кто часто заходит в магазины, торгующие шубами) полоскун, или вашбер, как называют его меховщики и немцы. Полоскуном же прозвали его за странную повадку — «мыть» в воде, когда она есть поблизости, всякую свою пищу и разные несъедобные предметы. Полощет, трет, опускает, снова ловит передними лапами все, что хочет съесть, так тщательно и долго, что случайной блажью это не назовешь. Но какой в том биологический смысл — непонятно. Некоторые еноты в неволе даже детенышей своих новорожденных моют, и так бессмысленно усердно, что те, случалось, умирали после «стирки».

Родина этого енота — США, южные провинции Канады, Мексики и Центральная Америка (к югу до Панамы). Ростом он с лисицу, буро-серый, на морде «маска» — черные полосы. Хвост с четырьмя-шестью темными кольцами. Когти невтяжные.

Именно на полоскуна похожа наша енотовидная собака, а сам он повадками напоминает соседа своего — опоссума: так же всеяден, так же нередко таскает кур, так же ловко прыгает и лазает по деревьям. Иной раз даже, как ленивец, ползет спиной вниз по тонкому суку, лапами его перебирая. Неплохо и в опоссума играет, притворяясь мертвым, когда пути к бегству отрезаны. И так же, как опоссум или, скажем, медведь, спит зимой в дуплах там, где зимы холодные. Веселый, живой, игривый, любопытный и незлобный зверь. Ночами деятелен, днем спит на дереве, режет — в барсучьей норе. Плавает хорошо, и в отлив далеко путешествуют еноты за отступившим морем — ловят крабов и рыб в небольших лагунах и впадинах, наполненных водой.

Детенышей — два-восемь. У нас рождаются они в апреле — начале мая. Наши зоологи довольно удачно акклиматизировали американских енотов во многих местах страны: в Гомельской области, в Краснодарском и Ставропольском краях, Дагестане, Азербайджане, Узбекистане, Киргизии и Приморском крае. Впрочем, «в последнем районе, — пишет Г. А. Новиков, — акклиматизация протекает неудовлетворительно».

Малая панда, вместе с большой пандой, — единственные представители семейства енотов в Старом Свете. Обитает она в горных лесах некоторых районов Китая, Бирмы, Сиккима и Непала.

Кроме того, акклиматизировались еноты, сбежавшие из звероводческих ферм, в Германии: в Гессене, Вестфалии и Нижней Саксонии. На площади в 50 тысяч квадратных километров живет здесь на воле около тысячи енотов. И еще примерно полтысячи — к востоку от Берлина. Американцы завезли енотов на Аляску и Багамские острова. На этих и некоторых других островах (Гваделупа, Барбадос, Лас-Трес-Марияс) обитают, как считают американские специалисты, пять близких к полоскуну, но особых видов енотов. По-видимому, все-таки это лишь разновидности: подвиды или расы полоскуна. Только южноамериканский енот-крабод хоть и принадлежит к роду полоскунов и повадки у него такие же, но вид это особый. Если снять с полоскуна (и с хвоста тоже) пушистую шубу и одеть его в мех негустой и короткий, то получим зверя, похожего на крабодо. Потому и шкуры крабодов меховщиками не ценятся и нет их среди миллиона тех енотовых шкурок, которые каждый год в одних лишь США продают на рынках пушнины.

В Северной Америке еноты-крабоды не водятся, но живет тут, в южных штатах, еще один очень симпатичный зверек той же породы — кэкомисл, «кошачья белка», или енот-крошка. Росточком он чуть больше белки: пушистый хвост длиной сантиметров 37, все остальное — примерно столько же. Желтовато-серый, ушки большие, а хвост сплошь, от корня и до конца, в черно-белых кольцах. Очень эффектный хвост. Зверек лесной, лазает по деревьям не хуже белки, но живет и в каменистых пустынях, в кустарниках и на холмах. Пуглив, осторожен и только ночами промышляет добычу; поэтому даже там, где «кошачьи белки» немало, люди редко их видят. Более крупный серый кэкомисл обитает в Центральной Америке.

Кроме полоскунов, крабодов и кэкомислов, в семействе енотов числятся еще три вида носух, или коати, кинкажу и три вида олинго (живут кто в Южной, кто в

Центральной Америке, а один вид носух — лишь на острове Косумель, к востоку от Юкатана).

Коати — отважные, игривые и очень деятельные звери. Весь день у них проходит в заботах о пропитании. Небольшими группами, в которых около дюжины самок и детенышей, высоко задрав хвосты, копают они землю длинными мордами с очень подвижными носами. Унюхают в старом пне червя или личинку, сопят, урчат, когтями скребут. Весь лес прочесывают тщательно — одни внизу по земле, другие вверху на деревьях. И все им годится в пищу: ящерицы, птицы, насекомые, моллюски, корни, разные плоды. Лишь заметят что-нибудь подозрительное, сейчас же громко свистят — и вмиг вся стая уже на деревьях. Сверху безопаснее выяснять причины тревоги. Ночью спят тоже на деревьях, растянувшись на толстых суках. Все другие еноты, наоборот, бродят ночами.

У енота-полоскуна, в пушной торговле именуемого также вашбером, странная повадка — мыть и полоскать в воде пищу перед едой.

Плавают хорошо и любят воду. Между пальцами у носух небольшие перепонки. В повадке у них, как и у енота, полоскать в воде и лапы, и разные предметы, и даже свой хвост! (Рассказывают про ручных коати, что курильщики они не выносят. Как хозяин закурит, так норovit сигарету у него вырвать и выбросить!)

Взрослые самцы живут в одиночестве — этих самцов зовут «коатимунди». Лишь когда пора размножаться, приходят они к компании малолеток и самок — каждый к своей. И если заявится сюда другой коатимунди, драки бывают жестокие.

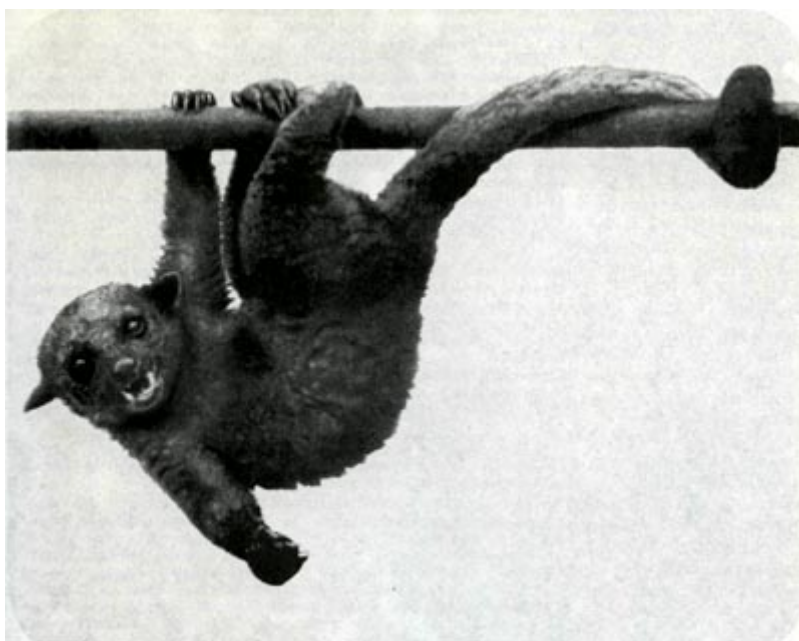
За неделю перед тем, как должны появиться на свет четыре или пять детенышей, уходит носуха из стаи, строит гнездо на дереве и там рождает. Пять недель в

этом гнезде кормит сосунков, а потом ведет их к покинутым на время товарищам.

Кэкомисл, или «кошачья белка», самый миниатюрный из енотов. У калифорнийского кэкомисла, который обитает в западных штатах США и на севере Мексики, подошвы лап поросли шерстью, когти полувтяжные и хвост короче, чем у гололапного и лишённого втяжных когтей центральноамериканского кэкомисла, или гуаяноче.

Кинкажу зверек небольшой, серо-рыжий, с длинным цепким хвостом. Хвост — самая его примечательная черта. Лишь еще у бинтуронга, южноазиатского зверя из семейства виверр, такой же способный прочно хватать ветки хвост. Больше ни у кого из хищных.

Кинкажу очень похож на олинго, но его отличает цепкий хвост. Кинкажу и еще южноазиатский бинтуронг из семейства виверровых — единственные хищные звери, наделенные хвостом, способным хвататься за ветки.

Примечательный у кинкажу и язык, длинный и тонкий. В любую щель тот язык может втиснуться и добыть меда столько, сколько зверек захочет. Мед, фрукты — его лакомство. Но и птичьи гнезда разоряет цепкохвостый енот и при случае ест разных мелких зверьков. Кинкажу добродушен и игрив. К человеку привыкает быстро, в индейских деревнях нередко живут ручные кинкажу. Второе имя этого зверька — потто. Так же, потто, называют в Африке одного лемура, который — странное дело! — немного похож на кинкажу, хотя совсем не родич его.

Олинго, особенно олинго Аллена, похож на кинкажу, и нередко оба они мирно живут на одном и том же дереве. Индейцы и того и другого считают одним зверем. Но олинго — животное иное, и зубы у него иначе устроены, мордочка подлиннее, и

хвост нецепкий; ухватившись им, словно пятой лапой за ветку, олинго не может висеть, как кинкажу.

Вот и все еноты, других нет на Земле.

Кунье племя нашей страны

В семействе куньих звери небольшие, но очень ловкие и хищные. Живут на всех континентах, кроме, конечно, Антарктиды и Австралии. Приспособились ко всем ландшафтам, и хотя появились на Земле, кажется, раньше всех современных хищников, однако вымирать, как видно, не собираются. От Заполярья до тропиков населяют куньи планету. Как еноты, они стопохо-дящи, иные полустопоходящи. Когти у всех невтяжные, так сказать, собачьего, не кошачьего образца. У некоторых под хвостом железы с запахом очень неприятным. Это своего рода химическая защита, их «продукция» используется для пахучих знаков на границах охотничьих участков.

В нашей стране 18 видов из семейства куньих: всем известный соболь, куница, колонок, норка, горностай, хорь, ласка, выдра, барсук, росомаха и другие.

Соболя с куницей легко спутать. Но мех у соболя гуще, шелковистее. Хвост в половину короче тела. Голова седоватая, светлее, чем хребет. А светлого пятна на горле либо совсем нет, либо оно неясное и невелико. У куницы и хвост длиннее, и голова обычно такого же тона, что и хребет, и пятно на горле всегда четкое. У лесной, или мягкой, куницы оно желтое, кремовое или даже оранжевое. Вниз через грудь на брюхо удлинено клином. У горской, или каменной, куницы, которая живет на юге страны, пятно на груди белое и вытянуто не клином к брюху, а двумя полосами к предплечьям передних лап.

«Редкий зверовщик вернется с белковья с' соболем, а другой, прожив на белковье два-три месяца, не увидит и следа соболя» (А. А. Черкасов).

Теряли мы соболя безвозвратно. Почти всюду его еще перед революцией истребили. Мех у него очень дорогой: с каланом и шиншиллой делит соболь первое место среди самых ценных пушных зверей. Одной из первых забот Советской власти было спасение соболя. До 1957 года расселили наши зоологи по таежным лесам шестнадцать областей, краев и республик двенадцать с половиной тысяч соболей. Больше всего труда, умения и энтузиазма отдал этому делу В. Тимофеев. «Теперь в Советском Союзе соболя стало не меньше, а может быть, больше, чем сто лет тому назад» (профессор В. Н. Скалон). Больше того, наши зоологи под руководством профессора П. А. Манютейфеля научились разводить соболей в неволе, а дело это считалось почти безнадежным.

Прежде жил соболь от самых западных наших границ, Белоруссии и Прибалтики, до самых восточных. Сейчас западнее правобережья Печоры его нет. Лишь восточнее соболиные места: таежные леса до самой Камчатки, Приморья и Курильских островов (Кунашир и Итуруп). На юге — Алтай, Кузнецкий Алатау, Саяны, Монголия, Северо-Восточный Китай и Корея.

Темнохвойные, захламленные буреломом, низинные и горные таежные крепи любит соболь. Нор не роет, живет в дуплах, которые от земли невысоко (куница повыше селится). Подлесок, бурелом, коряги, вывороты ему всего милее. Верхом ходит с дерева на дерево реже, чем куница, больше (по земле) низом. Охотится днем и ночью. Куница — ночной зверь. Зимой не спит, как барсук, рыщет по снегу, но от гнезда где-нибудь под корягой или в невысоком дупле далеко не уходит, обычно лишь километра на два-три. У соболя охотничья территория 25, 700, а то и 3000 гектаров. Он ее метит пахучими железами (на брюхе и под хвостом) и пометом, который оставляет на видных местах — муравейниках, пнях и деревьях, брошенных ветром через речки и тропы. Если другой сюда явится, дерутся хозяин с пришельцем отчаянно.

Когда, сильные метели или морозы, соболь вял. День за днем уходит, а зверь сидит в гнезде. И если выйдет, норовит бежать по валежинам, ветровальным деревьям — по всему, что хоть на полметра от земли. Заметили, теплее тут ему бегать. Бывает, в сугроб нырнет и под снегом рыщет. Так и от собак спасается — в сугроб, потом вбок, пробежит изрядно невидимый, выскочит и опять в сугроб, пока не найдет надежного укрытия под корнями, в валежнике, в каменных плитах.

Полевок лесных (и землероек) умело находит соболь под снегом, там же их обычно и ест. За белками охотится не так ловко, как куница. Тут у него больше неудач, чем удач. Нападает на зайцев, глухарей, тетеревов, рябчиков, даже на зверей куньей породы — колонков и горностаев. Горностаи спасаются от соболя в сугробе, а тот его «вытаптывает», в оклад берет. Кругом того места, где горностаи нырнули под снег, сам ныряет, прыгает, снег утаптывает, пока не поймают соседа. Но не всегда ему это удается.

Молодая куница.

К тетеревам и глухарям, спасающимся от стужи под снегом, когда их почует, подходит осторожно, тихо «переступая с ноги на ногу... (но не ползком)». Потом за метр-полтора прыгает на птицу. Но глухарь силен, и бывает, не метр и не два, а двести, а то и версты, как уверяли А. А. Черкасова сибирские охотники, летит с вцепившимся в него сободем. Тут уж кто кого. Но чаще все-таки «с позором для соболя кончается этот полет».

Ест соболь и ягоды — бруснику, землянику, рябину — и кедровые орехи. Зимой разоряет кладовые бурундуков и белок. Сам запасов обычно не готовит.

Побежка у соболя прыжками, галопом. Охотники говорят: «sobоль ходит чисто», «нигде не заденет ногами, не черкнет». Скачет круто, поволок и выволоч на снегу мало. По рыхлому сугробу его след — «двухчетка»: задние лапы ставит точно в отпечатки передних. Весной, по насту, бегаёт резвее, задние ноги выкидывает, как заяц, впереди передних. И тогда «трехчеткой» и «четырёхчеткой» называют его след.

Гон, свадьбы соболиные, летом: в июне—июле. Но странное дело — слишком долго беременны соболиные матки: 253—297 дней! Только следующей весной, в апреле—мае, приносят трех-четырёх (иногда до семи) соболят. Получается так потому, что оплодотворенные яйцеклетки месяцев семь-девять не развиваются, а потом вдруг, за месяц-полтора, быстро нагоняя упущенное время, эмбрионы растут и как раз к весне созревают. Sobоль-самец тут соболюшке помогает, приносит детям всякую добычу. Но семьей живут недолго: в июле подростки уже уходят от родителей.

На Печоре и в Зауралье, там, где sobоль встречается с куницей, бывают между ними помеси. Называют их кидасами или кидусами. Внешне похожи они то на куниц, то на соболей, но хвост у всех скорее куний — длинный и пышно опушенный. Повадки у кидусов тоже, так сказать, усредненные, но больше в них, кажется, соболиного.

Куница лесная похожа на соболя. В Европе, где соболя нет, она занимает его, что называется, «биологическую нишу». Только зверь это больше ночной, больше любит, особенно осенью и в начале зимы, ходить верхом, с дерева на дерево — «грядой». И низом и верхом пробегает куница больше, чем sobоль: 6—10, а то и 17 километров за сутки. Особенно если зима кормом бедная. Редкую ель пропустит, не обследовав, спит на ней белка или нет. Белок куницы хватают нередко прямо в гнездах.

И тут же, в их гнездах, часто и спят (днем). Дупла, которые повыше от земли, гнезда аистов и сорок — временные убежища куниц. Постоянные нужны только самкам с детенышами. А бездетные бродят по лесу. Охотничьи участки у них большие: 500—700, а у самцов и тысяча гектаров, — за одну ночь такие обширные уголья не обойдешь. Вот и спят где придется и где застанет рассвет. В своих владениях куница хорошо знает все пригодные для отдыха и укрытия места — дупла, бурелом, валежины и вывороты.

Разных ягод и плодов куница ест немало — чернику, морошку, рябину, даже вишни, сливы, груши. Много непереваренных семян разносят куницы по лесам и как бы засевают их этими ягодами. На Кавказе, говорит профессор А. Н. Формозов, куница «способствует расселению очень ценной древесной породы — тиса». До двухсот тисовых семян находили в желудках куниц. Едят и мед диких пчел, личинок шмелей, ос, жуков. А если сильная куница поймает зайца, то разгрызет его на куски и все их спрячет на деревьях.

Следы куницы похожи на соболиные, только на ходу она чуть разворачивает лапы, так что пятки у следа немного сближены.

Гон, как у соболя, летом. Детеныши (три-четыре, иногда восемь) рождаются в марте — мае, реже в июле. До осени живут все вместе.

Лесная куница обитает во всей Западной Европе, от Северной Испании, Южной Италии, Сардинии и Балеарских островов до Британии и Скандинавии. Во всей европейской части СССР, за исключением Крыма и некоторых мест Украины, в Западной Сибири — приблизительно до правобережья Оби, на юге — до Северного Казахстана. Ареал куницы-белодушки (или каменной, горской) — Европа, Малая, Передняя, Средняя и Центральная Азия, у нас — Украина, Крым и Кавказ. Встречается и в Белоруссии, Прибалтике, в Ивановской, Рязанской, на юге Московской, в Курской, Орловской областях. Восточнее Алтая ее нет.

Каменная куница живет в высокоствольных лесах, но часто и там, где никакого леса нет: в оврагах, каменистых балках, на склонах гор, в старых каменоломнях, иногда в городских парках. Профессор А. Н. Формозов видел, как ночью приходила бело-душка в сад санатория в Кисловодске, забиралась на скамью, со скамьи прыгала на рябину и с упоением ела замерзшие ягоды. Нередко, говорит он, эти куницы поедают сушеные фрукты, развешанные связками на чердаках домов.

Белодушка ходит низом больше и охотнее, чем лесная куница. Подобно соболю, она охотится и днем и ночью.

Гон у белодушек в июле, беременность — 236—274 дня. Детенышей в помете — от одного до восьми, обычно — три-четыре.

Живет в нашей стране еще одна очень красивая и большая куница — харза (Сихотэ-Алинь, Приамурье и вся Южная Азия). Ростом она больше соболя и всех куниц: длина (с хвостом) самцов харзы — метр и больше, а вес — три, а иногда шесть килограммов. Окраска пестрая. Спина спереди — буровато-желтая, к крестцу постепенно темнее (до темно-бурой). Такие же черно-бурые у харзы и ноги, пушистый хвост, верх головы и шеи. Но брюхо и грудь желтые.

Харза зверь отважный, не по росту сильный. Про нее пишут так: «Является одним из наиболее вредных зверей дальневосточных лесов». Этот суровый приговор вынесен на том основании, что харзы охотятся главным образом на кабаргу, нападают и убивают диких поросят, телят лосей, изюбрей, косуль и пятнистых оленей, зайцев, белок, разных птиц и даже... соболей! Впрочем, едят и моллюсков, насекомых, кедровые орехи и ягоды.

Харза — самая большая куница. У нас обитает на Дальнем Востоке.

Темнохвойные леса по склонам гор дают приют этому интересному зверю. Широколиственные — дубы, клены — растут ниже, и в них харзы спускаются в многоснежные зимы. Харза быстро бегаёт низом и верхом и за сутки проходит 10—20 километров. Охотится ночью, но нередко и днём. В июне — июле самцы харзы дерутся из-за самок, а в мае на следующий год самки приносят в дуплах двух-трех детёнышей.

Зверьки куньего семейства из рода мустела поменьше куниц. Хорьки, ласки, горностаи, колонки и норки. Среди них ласка — самый маленький на Земле хищник. Ареал её — Европа, Северная Африка, Северная и Центральная Азия. В Северной Америке (Канада и северо-восток США) обитает близкий, а возможно, и тот же самый вид.

Ласка, как и горностаи, зимой белая (ласки, которые живут на юге, на зиму не белеют). Но ласка меньше горностаи (длина с хвостом — 17—32 сантиметра). Кроме того, весь недлинный хвостик ласки зимой белый, а у горностаи — хвост почти до половины и зимой и летом темно-бурый либо чёрный, и сам хвост длиннее. (Летом горностаи двухцветный — спина и бока бурые, живот белый или желтоватый.)

Мыши и полевки — обычная добыча ласки. Промышляет она их и в лесах, и в тундрах, в полях и лугах и нередко в деревнях и даже городах. Плавать хорошо, но по деревьям почти не лазает. Забирается иногда, но невысоко.

«Она не пакостлива и, когда мышей много, никогда не тронет съестных припасов... И там, где поселилась ласка, наверняка уж не будет мышей, потому что она их преследует с особым ожесточением и по тонкости своего тела пролезает в самые узкие и тонкие их норки... Отважна до невероятности, смелость в её нападениях доходит до дерзости. Она душит даже зайца... Сибиряки говорят, «что эта гнусина (ласка), поймавшись за шею тетери, так крепко прилипает, что ни за что не оторвется, и так проворна, что на взъеме душит косачей и, перекусив им глотки, падает с ними наземь, и никогда сама не убьётся» (А. А. Черкасов).

Гнезда ласок — в норах мышей, кроликов, под корнями и среди камней; от трех до двенадцати детёнышей приносит с мая по январь. Гон, по-видимому, в апреле —

мае. Какова беременность — непонятно: по одним данным — 35 дней, по другим — 54 и даже 112. Есть ли у нее латентная стадия, как у соболя, пока неясно.

Загадочны отношения ласки с... лошадьми. Всюду в России среди русских крестьян бытовало поверье, будто домовый «играет» по ночам с лошадьми. Сплетает их гривы в космы и колтуны, щечочет, а то и совсем до белого пота заездит коня. Случалось, выйдет утром хозяин в конюшню, а лошадь вся в мыле, перепуганная, словно сам черт ее объезжал! А грива запутана так, что и не расчешешь...

Профессор П. А. Мантейфель, известный наш зоолог, однажды застал этого «домового» верхом на лошади, в перепутанной ее гриве. То была, утверждает он, ласка.

Охотясь в конюшне за мышами, возможно, пристрастились некоторые ласки залезать на лошадей и, прокусив кожу, слизывать капельки лошадиной крови. Ласки, задушив кролика, тетерева, голубя, обычно мясо не едят, а только лижут кровь. Некоторые лошади, почуяв ласку, приходят в такое возбуждение, такая дрожь их начинает трясти, что просто странно все это видеть. У меня жила ласка. И когда я приходил, только что оставив ее, к лошади, один запах ласки приводил ее в ужас. Она шарахалась от меня, задирала голову, закатывала глаза, как это делают лошади, когда ждут удара, и дрожала.

Когда я вспоминаю об этом, то думаю, что ласка — вполне возможный «домовой», которого людская молва обвинила в глумлении над конем. (Хотя известно мне, что есть люди, которые верят в то, что некий «неандерталец», именуемый «снежным человеком», еще живет (или/ жил недавно) кое-где в глухих лесах и горах; он-то будто бы и объезжает ночами коней, а совсем не ласка.)

«Путь ласки на охоте очень неровен, зверек часто отклоняется в стороны, продвигаясь вперед короткими (5—10 метров) волнообразными зигзагами. Горностай, так же как и ласка, бегаёт «челноком», но для его поворотов характерны острые углы, очень редкие у ласки... Охотясь, зверьки то и дело исчезают в кучах колодника, корнях или залезают в кроны елей. В лесу ласка обычно не минует ни одного встречного дерева, обязательно забегая под его крону» (профессор А. А. Насимович).

Если полевков и леммингов много, ласки долго живут оседло — на десятке гектаров. За одну охоту ласка проходит до полутора-двух километров.

У горностая охотничий участок 50—100 гектаров, а суточный поиск три, иногда восемь километров.

Горностай — это тот зверек, мех которого носили как знак верховной власти короли, цари и

владельцы князья.

Ареал: вся Европа, на юге до Пиренеев и Альп. Северная Азия и Северная Америка (Канада и север США). В Северной Америке живет близкий вид — черноногий горностай. Там же и южнее, до северной части Южной Америки, длиннохвостый горностай. Близкие к горностаям виды обитают также в Северной Африке, в Малой, Передней и Южной Азии.

Леса, лесотундры и лесостепи, а здесь берега рек, озер, лесосеки, опушки, колки — места, любимые горностаями. А добыча — грызуны, лягушки, ящерицы, змеи, рыба, птицы, насекомые, падаль, Черника, брусника, можжевельниковые ягоды. Когда всего этого много, запасает горностаи излишки пропитания, чтобы не голодать в бескормное время. Как и ласка, ловок он и отважен: нападает и на зайцев, тетеревов и будто бы даже на глухарей.

Угрожая, горностаи так широко раскрывает пасть, «что нижняя челюсть становится под прямым углом к верхней, и в этом случае голова его походит на змеиную». Когда возбужден, резко и громко стрекочет. Он «может чирикать и шипеть, как змея, и даже лаять».

Охотятся горностаи в одиночку, преимущественно ночью, но поиграть собираются небольшими компаниями. Лазают хорошо и плавают отлично. Горностаи-ха, перенося детенышей в более безопасное место, переплывает с ними порой «порядочные реки».

Детей (8—9, но иногда и 18) самец и самка воспитывают вместе. Беременность 9—10 месяцев, поскольку у горностаев, как у соболей, «в развитии оплодотворенного яйца наблюдается латентная стадия». Возможно, некоторые молодые горностаи уже на первом году жизни взрослеют настолько, что родят детенышей.

Колонки во многом похож на горностаи, но на зиму он не белеет. Только подбородок и губы у колонки белые и отчетливы-во заметны. Иногда и на груди белое пятно. Беременность у самки короткая около месяца, самец выкармливать детей не помогает. Иногда далеко путешествуют, если белки или водяные крысы (точнее, полевки) уходят с тех мест, где кормились ими колонки.

Обитают колонки в Азии; к югу до Северной Индии, Японии и Явы, к западу до Урала. Но в последнее время переселяется колонки и за Урал: встречается теперь в Коми АССР, Горьковской, Кировской, Куйбышевской областях и в Татарской АССР. Расселяется и на юг — довольно обычен в степной и лесостепной зоне Казахстана. Выпущен и прижился в Киргизии.

Солонгой похож на колонки, но меньше его, и мех у солон-гоя покороче и светлее (зимой на хребте серовато-буро-желтый, у колонки — ярко-рыжий). Обитает он в горах, а местами и на равнинах в Средней Азии, Северной Индии и дальше на восток до Забайкалья, Монголии, Среднего Амура, Уссурийского края и Кореи.

Хорь.

Два у нас хоря: черный (или лесной) и светлый (или степной). У первого хвост весь черный, и

брюхо буроватое с черными пятнами на груди и в паху, соединенными узкой темной полоской. Подшерсток на боках и спине беловатый, сероватый или желтый и прикрыт черно-бурыми на концах остевыми волосами. Светлый подшерсток просвечивает сквозь темный ворс, особенно если подуть на него, оттого мех хоря, очень красиво переливаясь разными тонами, играет, как бы «опалес-цирует», желтизной.

У степного хоря лишь половина хвоста (концевая) черная, другая (корневая) светлая, желтоватая. И спина светлая (не черно-бурая, как у лесного), так как редкая

бурая ость плохо прикрывает светлый пух. Нет и срединной темной полосы на брюхе, соединяющей темные пятна на груди и в паху.

Ареал лесного хоря — почти вся Европа, кроме Ирландии, Шотландии, Балкан и Скандинавии. На восток — до Урала, на юг — до Нижней Волги, Правобережья Дона и Азовского моря. Местами сохранился он еще в Северной Африке и кое-где в Передней Азии. Акклиматизирован в Новой Зеландии и Австралии. Ареал светлого хоря — Юго-Восточная Европа, Украина, Крым, предгорья Кавказа. Северная граница в Европе — Ока, Татарская АССР, Горьковская и Пермская области. За Уралом — вся Южная Сибирь (на восток до реки Бурей), Казахстан, Средняя Азия, Северный Китай и Монголия.

Темный хорь предпочитает опушки, вырубки, овраги, захламленные и заросшие кустарником, хотя зверь лесной. Светлый хорь селится больше в степях, лугах, полупустынях. В остальном образом жизни они похожи. Оба, уничтожая массу вредных грызунов, приносят большую пользу. Впрочем, бывает и вред от хоря: когда заберется он в курятник и подушит немало птиц, больше, чем может съесть. Тут рассказывают такую забавную, но, к сожалению, не достоверную историю: хорь, прежде чем взять на abordаж насест, дурманит будто бы кур газовой атакой (у него под хвостом железы, которые пахнут очень резко и неприятно). Так вот, забравшись в курятник, хорь так сильно «воняет», что куры от дурноты падают с насеста, и он душит их без суматохи. Степной хорь, по-сибирски — курна, травит так же будто бы «воньким смрадом» сурков, забравшись к ним в нору.

Гон у хорей ранней весной, беременность — 40 дней. Детенышей — от двух до двенадцати (у степного — даже до восемнадцати!).

От африканского хоря вывели люди (две тысячи лет назад!) домашнего хорька, или фрета. Он белый с красными глазами — альбинос. (Впрочем, бывают и грязно-белые и черно-бурые, почти как дикие хорьки.) С ним охотятся на кроликов: пускают в норы, надев намордник и бубенчик на шею. Намордник затем, чтобы хорь не загрыз и не съел кролика в норе, а лишь выгнал его в натянутую у выхода сеть. А бубенчик — чтобы знать, где под землей, в какую сторону хорь пробирается. В Германии охота с «фреттхеном» довольно популярна.

Норка из того же рода, что хорьки и горностаи. Теперь в нашей стране два вида норок — европейская и американская. Эта крупнее, и у нее только нижняя губа белая, у европейской также и верхняя. мех американской норки ценнее, у нас ее успешно акклиматизировали во многих местах: в Башкирской, Татарской АССР, на Алтае, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, выпустив на волю больше 12 тысяч импортных норок.

Европейская норка — Европа, Западная Сибирь на восток до Иртыша, Кавказ (местами). Американская, или минк, — Канада и США. На Яве водится местная норка.

У норок лапы с перепонками. Образом жизни и немного видом напоминают норки выдр: селятся у воды, плавают и ныряют отлично. Ловят рыб, лягушек, раков, моллюсков, насекомых, грызунов, уток, иногда даже гусей, американские норки — порой и зайцев. Едят ягоды. Там, где встречаются американские и европейские норки, бывают между ними помеси (так же, как и с хорями). Но отношения их в общем-то не мирные: американские вытесняют и даже истребляют европейских норок.

Вопреки названию своему норы роют неохотно: чаще всего их гнезда в дуплах над корнями старых ив, в упавших деревьях, иногда в кочке, из-под которой изгнана водяная крыса (а нора ее расширена).

«Из гнездовой камеры обычно ведут один-два выхода-входа. Близ одного из них уже за порогом жилья расположена уборная. Привычка к чистоплотности у норки

прирожденная... Пол выстлан сухой травой, листьями, мхом, хвоей... Свою постель зверек часто взбивает.. Делает он это мастерски, лапами и зубами одновременно, потом ложится и сворачивается клубком» (В. В. Дёжкин и С. В. Марков).

Гон у норок ранней весной, беременность — около сорока дней (у американской — 36—37 дней, так как у нее бывает небольшой латентный период). Детенышей два — семь (у американской — до двенадцати).

Хорошо акклиматизировалась американская норка в Исландии и Скандинавии. Шведский охотничий союз получил даже от правительства субсидию в 25 тысяч крон, чтобы истребить норку там, где она стала вредной для домашней и дикой птицы. За один лишь охотничий сезон 1959/60 года поймали здесь 18 тысяч американских норок. Попытки акклиматизировать мин-ка и в Чили, но, кажется, неудачно.

Генетики вывели на зверофермах норок самых разных окрасок: сапфировых, жемчужных, топазовых, серебристых, белых, стальных и прочих — больше двух десятков цветовых форм. Цена шкурки новой модной расцветки на мировых аукционах иногда 400 долларов. Столько же примерно стоит и шкура калана, которая очень ноская и много больше, чем у норки.

Южноамериканская гигантская выдра похожа на обрыченную нашу выдру, но больше её: длиной до двух метров с четвертью, а весит до 34 килограммов. Кроме того, хвост у гигантской выдры сильно сжат сверху вниз, как у бобра, а железы под хвостом способны на манер скунса выбрасывать струю дурно пахнущей жидкости. пронзительные крики гигантских выдр часто можно услышать вблизи бразильских рек, но сами зверьки очень скрытны, увидеть и поймать их нелегко.

Перевязка — зверек особенный. Поводками напоминает он и степного хорька и американского скунса. Образ жизни в общем хорьковый, а манера обороняться скунсовая — вздыбленный над спиной пушистый хвост как знак первого предупреждения. Если оно не принято во внимание, летят из-под хвоста брызги дурно пахнущей жидкости. Предупреждая и злясь, перевязка не стрекочет, как хорьки и многие мелкие куньи, а рычит. И масть у перевязки пестрая, вроде как у скунса или африканской зориллы. Общий фон в общем желтоватый, а по нему брошены (весьма вольно и индивидуально, как у гиеновой собаки) неправильных очертаний рыжие и бурые пятна. Брюхо и ноги черно-бурые, а уши белые.

Степи, полупустыни Юго-Восточной Европы, Турции, Ирана, Пакистана, Западного Китая, нашего Причерноморья (на запад до Днепра), Крыма, Кавказа,

Нижнего Поволжья, Казахстана, Средней Азии, Алтая — ареал перевязки. Добыча — грызуны, ящерицы, птицы. Зори утренние и вечерние — любимые часы охоты. Норы, иногда дупла — пристанище для отдыха и сна.

Гон, по-видимому, в августе — сентябре. Беременность месяцев пять. В выводке до четырнадцати рожденных в марте сосунков.

Зверек редкий. Наступление людей на целинные земли, а степных хорей на новые территории совсем не способствует процветанию перевязок. Похоже, они вымирают.

Теперь речь пойдет о самых крупных зверях куньего семейства. И первый среди них калан, или морская выдра: сорок килограммов весят старые самцы. Второе место у росوماхи: вес матерых 32 килограмма (но старых самок — лишь 16).

«Это кудой, шибко кудой, сама последний зверь» — такая, говорит А. А. Черкасов, издавна в Сибири характеристика у росوماхи. «Худой» — она падаль ест, змеями не брезгует. «Она, проклятая, туманит взор, так что собаки после того худо видят и теряют ее из глаз», отвратительна своим зловонием, которое «испускает», когда псы окружат росوماху. Она всякого задавленного зверя и птицу из капканов ворует (сама, однако, умудряясь в ловушку не попасть!). «Сама последний зверь» — харч охотничий, припасы съестные, в лесу оставленные, тоже ворует. А то, что не съест и не унесет, поливает гадкой и вонючей своей жидкостью.

Конечно, эта дурная росوماхина манера проистекает не из зловредного желания напакостить людям, просто заведено природой у росوماх и многих других зверей отмечать своим запахом все, что им принадлежит: добычу и границы угодий. У росوماх они велики — около 150 тысяч гектаров. Прожорлива росوماха и смела. У рыси, рассказывают, без страха отбирает добычу. Лиса ей попадется или выдра, может заесть их росوماха. Косуль, кабарог, иногда бобров, молодых или больных лосей, изубрей скрадывает, нападает и давит.

Крупную добычу тащит «в запятки, не имея силы унести в зубах». Волочит в место поукромнее, по пути ест, опять волочит. Далеко потом не уходит: сразу съесть не может, кормится несколько дней. Иногда к большой добыче собираются и другие росوماхи и сообща пируют.

Вид у зверя довольно странный: неуклюжа она как-то по-особенному, по-своему. Спина выгнута, лапы полустопоходящи, на ходу косолапит — «переплетает ногами». Немного похожа на небольшого медведя. Бурая, такая же лохматая, но хвост довольно длинный, пушистый. А тело с боков как бы сжато.

Много странного про росوماх рассказывают. Местами их дурная репутация подкрашена мистическим страхом: злые духина будто бы живут в этих зверях.

Говорят ещё на крутом склоне нагонят собаки росوماху, так она комом свернется и катится под гору, как мяч, «не надеясь на быстроту своего бега». Иа ровное место скалится или на камни острые — ей ничем: шкура прочная и сама сложена крепко. Вскочит и бежит уже своим ходом. Так же — комом и пряча голову меж передними ногами — падает она будто бы с круч на кабарог и диких коз и «нередко, — рассказывали промышленники А. А. Черкасову, — своей тяжестью или убивает этих животных, или сталкивает с утесов». На правду это мало похоже. Однако чего не бывает на свете... Когда голодна, с большой охотой ей не повезло, ловит росوماха лягушек у рек и озер, молодых уток, рыбу. «Должно быть, хороша и красива выходит она из болота, вымокшая и вымаранная в болотной грязи!..»

Впрочем, шерсть у росوماхи от воды намокает плохо. По этой причине обшивают эскимосы ее мехом свои одежды по краям рукавов и ворота, чтобы на морозе не деревенела впитавшая влагу малица.

Гон у росوماх либо с конца июля, либо приблизительно в сентябре. Пока еще с точностью неизвестно. Беременность около девяти месяцев. Молодых в помете (в феврале — апреле) от одного до четырех. Ареал — север Скандинавии, наш европейский север и Сибирь (на юг до Ленинградской, Вологодской областей и Свердловска, но порой забегают росوماхи в Белоруссию, под Воронеж, в лесостепи Казахстана), Монголия, Канада, Аляска, в США — горы Калифорнии.

Но вот у кого шкура воду, можно сказать, просто отталкивает, совсем ее не принимая, — у выдры. Это и понятно: выдра — водяной зверь. Рыбья гроза!

Выдра при случае и диких утят, зайцев и болотных черепах ловит. Не брезгает водяными крысами, раками и лягушками. Но больше всего любит рыбу. Всякую. И плотвичку, и окуньков, и лещей. Даже таких быстрых, как хариусы и таймени. На Украине в рационе выдр больше двадцати видов разных рыб.

Но выдра не враг рыболову, а друг. В последнее время биологи установили такую парадоксальную зависимость: как только у каких-нибудь водоемов истребят выдр, в них вначале рыбы станет больше. Но потом заметно меньше. Как снова расплодятся в тех реках или озерах выдры — опять в них больше рыбы! Выдры ловят много больных рыб. «Дезинфицируют» тем самым рыби стаи.

Выслеживая добычу, выдра таится на берегу и смотрит. А то и морду опустит в воду, чтобы лучше видеть. Заметит рыбу стайку, осторожно, бесшумно соскользнет в реку. Там, под водой, рванется вперед, и рыба у нее в зубах!

Морские выдры каланы любят спать на спине, покачиваясь на волнах.

Если большую рыбу поймает, тащит ее на берег. Там и ест. А с мелкими справляется прямо в воде.

Выдра с рыбами и в «кошки-мышки» играет! Когда сыта и хочет позабавиться. Отпустит рыбешку и ждет — пусть подальше отплывет. А потом за ней в погоню. Поймает и снова отпустит. Выдра вообще очень любит поиграть. И из всех игр самая любимая у нее — катание с горы. Зимой — с ледяной, летом лучшее место для такой игры — глинистый обрыв.

Семьи у выдр дружные: до глубокой осени и даже зимы живут подростки с родителями или неподалеку. Самец помогает самке воспитывать и оборонять детей.

Летом выдры, по-видимому, живут оседло: далеко от норы (вход в нее всегда под водой) не уходят. Зимой же кочуют: десятки, а то и сотни километров проходят снегами, вязнут в них, так как ноги у выдр короткие. По льду реки или озера иногда, разбежавшись, скользят на брюхе, как на салазках. (Императорские пингвины таким способом путешествуют,

подталкивая себя лапами.) Если полыньи нет, выдра, говорят, «продувает» лед: дышит на него, зубами рвет и пробивает себе отверстие — ход к воде. Конечно, такое возможно (если вообще возможно), когда лед нетолстый.

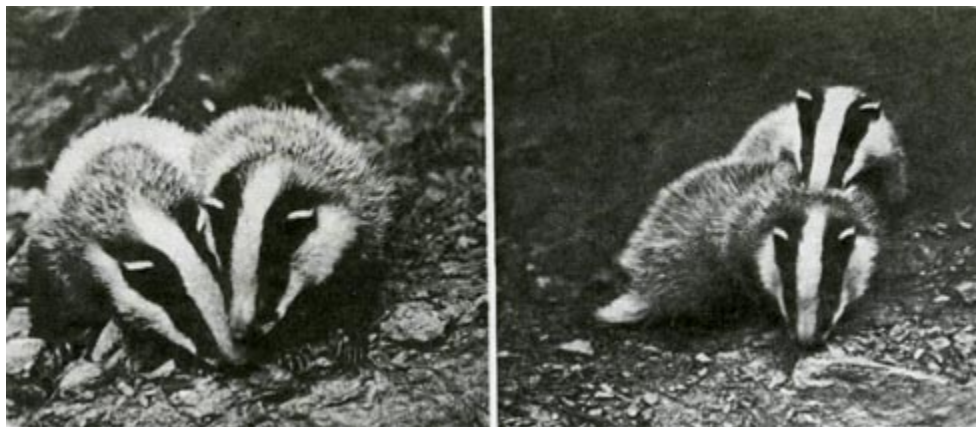
Гон у выдр в разное время, но обычно в феврале — апреле. Как долго ходят самки «чреваты», неясно: одни исследователи доказывают, что 270—300 дней, другие — не больше двух с половиной месяцев. Молодые (от двух до пяти в помете) родятся и в апреле, и в мае, и в июне — августе, и даже в декабре и феврале!

Обитают речные выдры в Европе и Азии у лесных рек «с омутами и перекатами, с не замерзающими на зиму полыньями, с крутыми подмытыми берегами. Вне лесной зоны селятся по берегам рек и озер с зарослями тростника» (профессор Г. А. Новиков).

Выдры того же вида, что и наши, живут в Северной Африке и, как полагают некоторые исследователи, также на Яве, Суматре и в Японии. Если учитывать и близкие виды, то можно сказать, что выдры в известной мере космополиты. Обитают они в Северной (канадская выдра) и в Южной Америке (семь видов, включая гигантскую выдру), по всей Африке (четыре вида) и в Южной Азии — на Суматре, Калимантане, Яве, Филиппинах (по-видимому, три вида). Всего на Земле — 17 видов речных выдр и один вид морских.

Некоторые выдры плывут иногда из рек в море ловить там рыбу. Но этот их морской поход — явление, так сказать, временное и нерегулярное. Однако есть выдра, которая постоянно живет в море и на морских берегах, — это калан. (Командорские и Курильские острова, Южная Камчатка. По ту сторону Тихого океана — Алеутские острова, юго-западное побережье Аляски, местами встречаются каланы на западном побережье США, к югу до Калифорнии.)

Прежде каланов было много, теперь на наших островах их, по-видимому, лишь несколько тысяч (и в Америке около 10 тысяч). Охота на них запрещена. Мех калана очень дорогой.

Обычный барсук живет в Европе и Азии (к югу до Северной Бирмы и Китая). Местами, где барсуков не беспокоят, они поселяются целыми колониями, и их норы ветвятся под землей на пространстве иногда в 25 гектаров. В норах идеальная чистота. Подстилку — сухие листья, мох, траву — барсуки нередко выносят по утрам из норы проветривать и сушить. Есть у них и отхожие места, места для игр и для солнечных ванн.

Каланы — звери миролюбивые и добродушные, «Просто отдыхаешь в их обществе», — говорит С. В. Мараков, который отдал много сил и времени изучению каланов на Командорских островах. Самцы и самки держатся отдельно, в стороне друг от друга. Но те и другие — дружными компаниями. Летним днем каланы обычно плавают в нескольких километрах от берега в море. В сумерках возвращаются к берегу. Здесь полоса прибоя, бухты с подводными и надводными скалами и камнями, заросли ламинарий — обетованные их места. Каланы подолгу лежат в воде на спине. У некоторых каланих на груди, удобно свернувшись, спят детеныши. Матери они очень нежные и заботливые. Но, увы, малодет-ные: только одно дитя в году. Двойни очень редки. Рожают каланихи на берегу или на скалах в море (некоторые американские зоологи утверждают, что иногда и в воде).

Примерно двухнедельного сосунка мать учит уже плавать: положит на грудь и, придерживая одной лапой, плывет на спине в море. С ним, бывает, и ныряет за добычей на дно. А добыча — морские ежи, звезды, рыбы, кальмары, моллюски, крабы.

Каланы, нырнув, собирают иглокожих, кладут их в складки кожи под мышкой и плотно прижимают лапой, чтобы не растерять. (Кожа у каланов свободно к телу прилегает, так что подобную операцию выполнить им, надо полагать, нетрудно.) Бывает, захватят с собой на дне еще и камень и плывут наверх.

Обедать на берегу калан не любит. Волны его покачивают, а он лежит себе на спине. На груди у него вроде как стол обеденный: утвердив на ней камень (или без камня), достает из-под мышки морских ежей или моллюсков и, разбив их о камень (или лапами поломав), ест не спеша.

Поест — и зевает (каланы, говорит С. В. Мараков, любят зевать, и зевают много, с явным удовольствием). Зевают-зевают, а потом уснет. Тут же на воде, лежа на спине. Лапки на груди сложит, уткнет в них мордочку и покачивается на волнах, как в гамаке. Когда детеныши подрастут, так месяцев с шести, матери отдают их на попечение отцам. Те своим примером учат их охоте и превентивной обороне от косаток, хищных зубастых китов. Многим морским животным, от кальмара до усатого кита, косатка — страшный враг. А у каланов там, где люди на них не охотятся, этот враг, кажется, единственный.

Еще один зверь, всем хорошо знакомый, зачислен в одно зоологическое племя с выдрами и куницами — барсук.

Барсуков у нас два вида. Обыкновенный барсук и медоед. У первого ареал — почти вся наша страна (кроме северо-восточных районов Сибири), вся Европа, а в Азии — от Турции до Китая и Японии. Второй у нас живет только в Туркмении, у самой границы, а за ее пределами — в Африке, Передней Азии и Индии.

Обычный барсук — зверь не только лесной: селится и в степи и в пустыне. Лишь тундра ему не по душе. Норы роет в лесу больше всего по оврагам (но не обязательно), а в пустынях — в гладких со-'лончаках, в песчаных буграх. Барсучья нора — это грандиозное для зверя сооружение. В ней много отнорков, входов и выходов, иные в десятках метров один от другого. В норе — полная

чистота.

Барсуки необщительны: близкого соседства даже своих соплеменников — других барсуков — не терпят.

Днем спят в норах, ночью промышляют насекомых, их личинок, лягушек, ящериц, змей, зайчат, птиц, птичьи яйца — всех, кого могут одолеть.

Немало шмелиных гнезд разоряет барсук. Взбешенные шмели его кусают, а он, когда уже не в состоянии, катается по земле, давит их. Потом опять спешит к гнезду, чтобы съесть и мед и детку.

А. А. Черкасов рассказывает, что нападают сибирские барсуки на телят и жеребят и даже будто бы на коров, вырывая когтями и зубами вымя. У нас о таких делах я не слышал.

Весьма впечатляюще рассказывает он и о том, как, удирая от собак по склону горы, барсук катится вниз, свернувшись шаром.

«Он, бедняжка, с перепугу покотившись с крутой и высокой горы, налетает на камни, с маху в них ударяется так сильно, что слышен какой-то особый звук — бут-

бут-бут, — отскакивает от них, как мячик, потом снова летит, снова ударяется, глуше слышится бут-бут, тронутые с места камни тоже летят и подпрыгивают за ним же... 'Наконец догоняющие барсука собаки быстро несутся тем же следом, спотыкаются, кувыркаются — шум, визг, тявканье довершают живописную картину, которая при лунном освещении имеет особый эффект».

В общем, потеха! Но бывает ли так или бывало — не утверждаю.

Барсук почти все солнечные часы проводит в подземелье, а для здоровья это, как известно, вредно. Потому, прервав дневной сон, он выходит погреться на солнце. Лежит, сидит у норы на припеке или бродит вокруг. Когда барсучата родятся, мать их тоже выносит «позагорать». Надо полагать, чтобы рахита не было.

К зиме барсуки сильно жиреют, умножая вдвое свой вес: старые самцы — почти до 32 килограммов.

И там, где зимы холодные, спят эти звери в норах с октября примерно и по апрель.

Барсук для лесного хозяйства зверь очень полезный, много он истребляет личинок хрущей и майских жуков. Где барсуков всех перебили, гибнут от жуков-вредителей деревья. От самого же барсука вред небольшой: разорение шмелиных гнезд, местами овсы портит, бахчи, виноградники. Это его бесспорный пассив. Но в активе у барсуков больше полезных дел.

Иноземные звери куньего семейства

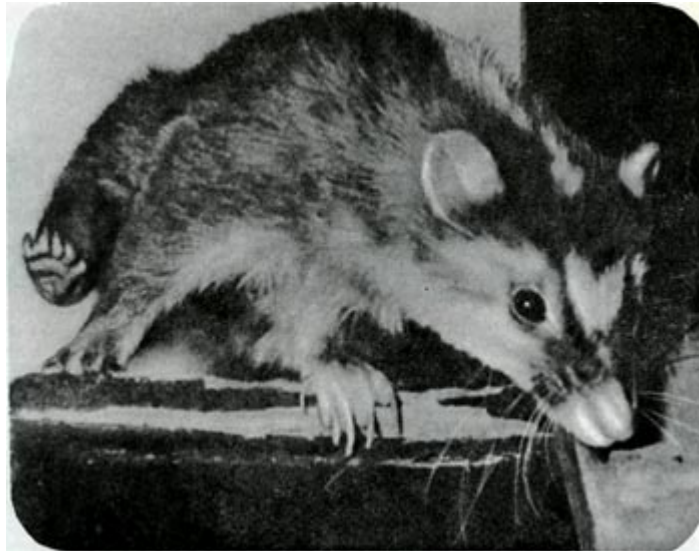
Некоторые исследователи считают, что наш медоед и африканский ратель — один вид. Но если даже это и разные виды, то очень близкие.

Сверху ратель (и медоед тоже) ото лба и до корня хвоста светло-серый, белесый, а снизу без всякого перехода — черно-бурый: словно выкрашен каким-то шутником. По бокам, там, где встречаются светлый и темный цвета, тянется более светлая, чем спина, узкая полоса (у медоеда ее нет). У молодых, неполовозрелых рателей спины рыже-белые и резких контрастов в окраске нет.

Вся жизнь рателя — в постоянной войне с пчелами, которые в Африке часто гнездятся в земле. Густой мех, толстая шкура и жир надежно обороняют его от укусов. Очень интересен этот зверь тем, что живет в «сладкой» дружбе с небольшой птицей — медоведом, или индикатором. Медоед-бортник и медовед-разведчик — замечательная пара. Один находит мед, другой его добывает. Едят вместе. Когда медовед увидит рателя, кричит громко. Сейчас же на его крик с радостным каким-то

«кудахтаньем» спешит ратель. А птица, его друг, трещит не умолкая. Перелетит с куста на куст и опять поджидает барсука.

Три вида хорьковых барсуков обитают в Южной Азии. Китайский древесный барсук самый лучший древолаз, он часто даже спит в зелени ветвей. Местные жители охотно держат этих барсуков в своих домах, так как зверьки уничтожают немало вредных насекомых.

Барсук в туче яростно атакующих пчел разоряет их, ест детку и мед, а медоведу оставляет пустые соты. Но для него и воск лакомство. Эта удивительная птица (с помощью еще одних друзей — симбиотических бактерий и дрожжей, поселившихся в ее кишечнике) способна, оказывается, переварить несъедобный для всех, кроме еще лишь восковой моли, воск.

Воюет ратель (уже без помощи друзей) и со змеями. Даже смертельно ядовитую мамбу убивает и ест. Убивает методом бульдога — вцепится и не отпускает — молодых антилоп, разоряет муравейники и термитники. Но мед в его меню — первейшее блюдо.

Ратель и медоед во всем очень похожи на барсуков. Только черепом и числом зубов отличаются. И тем еще, что нет у них ушных раковин. По этой причине и некоторым другим систематика учредили для медоедов отдельное о. барсуков подсемейство.

В барсучьем подсемействе, кроме обычного нашего барсука, числятся еще семь видов: все, кроме одного — североамериканского, в Южной Азии и на азиатских островах (в Индонезии и на Филиппинах). Американского барсука (живет в сухих равнинах Северной Мексики, запада США и Южной Канады) меньше, чем нашего, прельщают насекомые. Охотится он больше на мелких зверьков и птиц.

Свиной барсук (Гималаи, Южный Китай, Суматра) действительно немного похож на свинью: и телом на высоких ногах, а главное — почти пороссячим, деформированным носом. Рыло у него тоже удлиненное, хвост небольшой и белый.

Теледу, или малайский барсук (Малайя, Ява, Суматра, Калимантан), похож на свиного. Как норкопатель немного знает себе равных.

Древесные, или хорьковые, барсуки ростом невелики: с хорька, даже чуть поменьше. Мордочки длинные, лапки стопоходящие, как барсукам и положено. Их три вида: китайский, бирманский (Бирма, Непал, Ассам, Вьетнам) и яванский (Ява и Калимантан). Все ловко лазают по веткам, даже прыгают с дерева на дерево. Но в общем-то животные эти не древесные — наземные. Древолазанье — лишь вторичное, не главное и временное их увлечение, точнее говоря,

приспособление. Хорьковых барсуков называют также и вонючими, потому что прыскать дурно пахнущей жидкостью у них в обыкновении.

Часто спрашивают, есть ли в Америке соболь. И ответ получают: нет, в Америке истинный соболь не живет. Тогда как понять, что нередко приходится слышать «американский соболь» или (он же) «гудзонский соболь»?

Гризоны, или гуроны, встречаются в лесах и открытых прериях, в горах и равнинах Южной Америки. Правда, малый гризон предпочитает гористые ландшафты. Селятся гризоны в норах обычно небольшими группами, а не в одиночестве, как большинство куньих. Индейцы охотятся с ручными гризонами на шиншилл.

А так: это не соболь, а американская куница. Честь называться соболем присвоена ей не совсем законно. На основании ценности в пушной торговле (однако более низкой, чем у нашего соболя). Как и куница, гудзонский соболь любит жить и промышлять добычу на деревьях (и ловит много белок), любит ходить верхом.

Гризон, тайра и зорилла — звери, наделенные некоторыми особыми чертами.

Гризонов два вида. Ростом они с хоря и повадками ему подобны. Живут в Америке, от Мексики до Аргентины: в тропических лесах, открытых травянистых равнинах и в горах. В Перу гризонов приручают и охотятся с ними на шиншилл, как с белым хорем.

Тайра, или гирара, размером с харзу и, собственно говоря, ее южноамериканский эквивалент. Окрашена, правда, иначе (и видом не очень похожа): черно-бурая, с более светлой головой и шеей. На горле небольшое охристое пятно.

Зверь довольно обычный в Южной и Центральной Америке. Днем тайру видят часто. Живет она на деревьях, по земле бегают редко (у гризона повадки прямо обратные). В открытые степи и прерии тайры выходят редко. Кроме того, от

многих других куньих отличает их известная общительность: живут они обычно парами или семьями. Когда придет пора размножаться, то собирается вместе много тайр.

Тайры плотоядны, но питаются и плодами, набивая ими желудки иногда, что называется, до отвала.

Зорилла — своего рода африканский скунс. Она и окрашена похоже (на полосатого скунса): низ черный, верх белый (с продольной черной полосой на хребте). У зориллы такие же, как у скунса, прыскающие смердящей жидкостью железы под хвостом. И так же, предупреждая о химической атаке, ерошит зорилла шерсть и поднимает пушистый белый хвост.

Полосатый ливийский хорек и африканский белозатылочный хорь — близкие родичи зориллы. Их называют также змеиными хорями: не только за змеевидное, приземистое и длинное тело, но и за вековую вражду со змеями, которых эти звери уничтожают.

Тайра, или гирара, крупнее гризона: длина ее метр или немного больше, а вес 4,5 килограмма. После гигантской выдры это самый крупный зверь из семейства куньих в Южной Америке.

От зориллы к скунсу путь самый прямой, хотя и не близкий: скунсы отделены от зорилл (помимо морфологических барьеров) Атлантикой. Ибо живут скунсы в Америке — Северной, Центральной и Южной. Их восемь видов: четыре в Северной, четыре в Южной.

Эволюция наделила скунсов оружием столь же необычным, как и эффективным: разворачиваясь тылом, они брызжут желтой маслянистой жидкостью. Плотная струя летит метра четыре-пять и метко попадает в цель, хотя скунс стреляет, что называется, не глядя, потому что химические железы у него под хвостом. Чтобы дать залп, он вынужден повернуться к мишени задом. Иногда это, как говорят военные, одиночный выстрел, а то и автоматная очередь из полдюжины залпов, которые поражают цель за несколько секунд.

Основное вещество в химическом оружии скунса — этилмеркаптан. Человек чувствует его (самый отвратительный на свете!) запах, даже если вдохнет только 0,00000000002 грамма! Тот, в кого попала хоть капля скунсовой струи, не рискнет несколько дней показываться на людях, даже если хорошо вымоется и переменит платье. Очень стойкий запах.

Надежно защищенный от недругов, скунс никогда и никуда не

спешит. Даже если его преследует стая гончих, он не ускоряет шага. Как только псы приблизятся до черты, дальше которой их подпускать уже небезопасно, полосатый скунс посылает первый предупредительный сигнал, топает ногами. Потом поднимает хвост, но конец его еще полусогнут: боевой «флаг» полупущен.

Третий и последний сигнал непосредственно предшествует газовой атаке — хвост трубой вздымается к небу, взъерошен весь. Это означает: «Беги скорее, стреляю!» Затем следует быстрый разворот и залп, который если и пролетит мимо, «шибает в нос, словно таран».

Пятнистый скунс, который поменьше полосатого, последний сигнал подает совсем необычно: встает на передние ноги — головой вниз, задними ногами вверх — и наблюдает, приподняв голову, какой эффект произвел на противника его акробатический номер. Если нужного впечатления не произвел, тем хуже тому, кто им пренебрег!

По причине исключительной вонючести у скунсов почти нет в дикой природе врагов. Однако пумы и бобкэты, американские рыси, бывает, идут на риск стать сугубо вонючими и нападают на скунсов.

Скунсы всеядны. Поедают немало гусениц и этим очень полезны. Довольно плодовиты: до десяти крохотных вонючек приносят в одном помете.

Рикки-тикки-тави и многочисленная его родня

«Но вот того орла эта пылища, видимо, нисколько не беспокоит: на бреющем полете он врывается прямо в семейство полосатых мангуст и хватает одну из них... Здесь, в Серенгети, мангусты выглядят очень потешно: полоски у них поперечные, как у зебры» (Бернгард Гржимек).

Мангуста кричала отчаянно, пока орел нес ее в когтях к дереву. Полосатые ее родичи не испугались, не разбежались, а всем сообществом, в полном составе «запрыгали на коротких ножках вслед за птицей, окружили дерево и начали под ним пронзительно кричать и визжать». Нервы орла, потрясенного дикой какофонией, не выдержали: мангусту он выпустил. Она упала на землю, но тут же вскочила и со своими спасителями кинулась в рожицу.

Мангусты отважны, мангусты ловки — нет у змей в тропиках худших врагов и губителей!

Мангусты — достойные представители семейства виверровых. Семейства древнего и весьма многочисленного — в нем 82 вида (по другим данным — 65) — в Африке, Южной Азии и на Мадагаскаре. Здесь, на этом чудесном острове, виверровые — единственные хищники. В Америке и в Австралии виверровых нет. В Юго-Западной Европе — только два вида: малая пятнистая генетта (Испания и близлежащие области Франции) и ихневмон (Южная Испания и Далмация).

Нечто среднее между куньими и кошками у виверр в повадках и телосложении. На планете эти некрупные хищники (с ласку и до размеров харзы) появились рано (но после куниц), в позднем эоцене, сорок миллионов лет назад. От них произошли кошки.

Бинтуронг — единственное несумчатое млекопитающее Старого Света с хватающим хвостом. Этой «пятой лапой», а также густой длинной шерстью и кисточками на ушах' отличается он от своих родичей из семейства виверровых. Чтобы бинтуронг прыгнул с сука на сук, еще никто не видел; по деревьям он путешествует не спеша, будто даже лениво, ища надежные опоры не только лапами, но и цепким хвостом. При этом громко и пронзительно кричит.

Кошачья у виверр и грация, кошачьи у многих и когти — втяжные (фосса, пальмовые куницы, линсанги, генетты), у многих других полувтяжные, у мангуст невтяжные.

Среди виверровых есть звери, которых еще недавно называли карликовыми медведями или медвежьими куницами: бинтуронги. Но есть и такие, как мадагаскарская фосса, а она похожа на кошку.

Шерсть у бинтуронга темно-серая, длинная и довольно лохматая. Уши округлые и поросли по краям длинными волосами. Но главное — у него хватающий хвост. Когда бинтуронг спит на дереве, то, обвив хвостом ветку, страхует себя от падения. Когда спускается с дерева головой вниз, хвостом цепляется за сучья. В Старом Свете это единственный хищный и несумчатый зверь с хватающим хвостом. В Новом — еще енот кинкажу (такие же хватающие хвосты у некоторых американских обезьян, малого и среднего муравьедов, у панголинов, но из хищников больше ни у кого).

Живут бинтуронги в лесах Южной Азии, от восточных Гималаев до Индокитая, Явы, Калимантана, Суматры и Филиппин. Они здесь самые крупные из виверровых — длина бинтуронга вместе с хвостом около полутора метров — и самые голосистые: ночами громкие крики бинтуронгов оглашают джунгли. В гневе верещат они по-птичьи. Из всех хищников, кроме панд, бинтуронг самый нехищный, предпочитает вегетарианскую пищу. Впрочем, при случае ест мелких зверьков и птиц.

Иное дело фосса: мадагаскарские лемуры и разные местные птицы живут в постоянном страхе перед ней. У фоссы шерсть короткая, рыже-бурая. На Мадагаскаре (и в семье виверровых!) она самый крупный хищник — с полувзрослую пуму. По деревьям лазает ловко и на земле таится и крадется незаметно. Единственный ее враг — человек, от которого защита у нее примерно такая же, как у скунса, — воночая струя. Впрочем, у всех виверровых под хвостом есть железы с пахучей жидкостью. По этой причине африканских и азиатских виверр в разных странах Азии и даже в средневековой Германии и Голландии томили неволей в клетках ради только цибета. Его выжимали из анальных желез

пленных зверьков, чтобы приготовить знаменитый мускус для парфюмерных и медицинских целей.

Фосса — самый крупный хищник Мадагаскара. У нее втяжные когти, как у кошки, но она стопоходяща, как медведь. Фосса охотится на лемуров и разных птиц. Много странных, страшных и забавных историй рассказывают про фоссу на Мадагаскаре. Говорят, как и про хоря в Сибири, будто фосса убивает кур в курятниках одним лишь своим отвратительным запахом, который распространяют ее анальные железы.

Мальгаши Мадагаскара фоссу очень боятся, упорно (но ложно) полагая, будто зверь свиреп и силен, как лев, и, случается, убивает ночами их скот.

Еще одна странность приключилась с фоссой: ее именем в науке названа другая мадагаскарская виверра — *Fossa fossa*. Эта последняя представляет особое подсемейство виверровых — полосатых циветт, в котором самое, пожалуй, интересное животное выдровая циветта. Внешне (и образом жизни) она похожа на выдру: морда у нее такая же широкая, ноздри под водой плотно закрывают клапаны, лапы с перепонками. Ловит рыб в реках Южной Азии (включая Суматру и Калимантан).

В семействе виверровых шесть подсемейств — настоящие виверровые (виверры, циветты, генетты, линсанги — 18 видов), пальмовые кунцы (и среди них бинтуронги — 8 видов), полосатые и выдровые циветты (7 видов), мадагаскарские мангусты (8 видов), настоящие мангусты (мангусты, ихневмоны и сурика-ты — 40 видов) и, наконец, фоссы (1 вид).

Три неожиданных прибавления к подсемейству настоящих виверровых — три новых для науки вида — сделаны недавно, уже в нашем веке. В 1919 году в глухих тропических лесах Итури (правый приток Конго) охотничья экспедиция добыла водяную, или рыбающую, циветту. А 8 1960 году зоолог Кун описал генетту Леманна, которую поймали в Либерии. Третий новый вид в том же году был открыт в Сомали.

Три близких вида азиатских виверр обитают в Южном Китае, Индии, Индокитае и один на Филиппинах. Виверры самого крупного вида длиной больше метра и весят 7— 11 килограммов.

Африканская циветта живет в густых кустарниках от Сенегала до Сомали и на юг до Южной Африки. Она отлично плавает, но на небольшие деревья взлезает обычно, лишь спасаясь от врагов. Еще в глубокой древности содержали люди этих циветт в неволе и получали от них мускус. В Абиссинии мускус выжимают из мускусных желез циветт несколько раз в неделю, получая за это время по три-четыре грамма от каждого зверька. В 1934 году Африка поставила на мировой рынок 2475 килограммов мускуса на общую сумму в 200 тысяч долларов.

Россу, или малую индийскую виверру, родина которой Индия, Южный Китай и Индонезия, давно уже завезли на Филиппины, Мадагаскар, Сокотру и Коморские острова. И на старой и на новой родине содержат малых виверр в клетках и добывают из их желез мускус, тщательно выскребая затем ложками опустошенные мускусные мешочки, которые носят под хвостом и самцы и самки виверр.

Группами в десять-двадцать животных кочуют кузимансы по лесам и кустарникам, нигде больше двух дней не задерживаясь, но обязательно возвращаясь на старые, уже пройденные круги своих миграций.

Генетт девять видов. Восемь из них обитают только в Африке, а один — малая пятнистая генетта, — как я уже упоминал, также в Испании и смежных областях Франции, кроме того, в Палестине. По желтовато-серому фону у нее темные пятна, как у леопарда (правда, рождаются в одном помете с пятнистыми и черными, как ночь, генетты). Зверек небольшой — около метра длиной (но высотой в плечах впятеро меньше!), очень грациозный, ловкий, охотится ночью и в сумерках, а днем прячется в дуплах, в расщелинах скал, в густых колючих кустах. Когда генетта крадется, ее тело так гибко, так изящно струится по земле, что, говорят, заглядеться можно. Прыжки ее тоже великолепны: с места — метра два! Хорошо лазает и плавает.

Есть несколько родов и много видов пальмовых куниц, или пальмовых циветт. Мусангом называют обычную пальмовую циветту из рода парадоксурус. Живет в Южной Азии - от Индии и Цейлона до Индонезии, Филиппин и некоторых островов Тихого океана.

Африканская циветта, или виверра, крупнее генетты и более высоконогая: ростом примерно с барсука. Она темно-бурая с черными пятнами. На морде, по бокам от носа, там, где растут усы, по белому пятну (но окраска очень изменчива), сверху на шее и вдоль по хребту небольшая грива, которую зверь взъерошивает, когда сердится. Выгибает и спину на кошачий манер, ворчит и рычит. Циветты — звери ночные. Днем видеть их приходится редко. По деревьям лазают хуже генетт.

В Африке есть еще одна циветта, упомянутая выше, — рыбацкая. Живой еще никто из европейцев не видел ее. Да и местные жители зверя этого плохо знают: у них нет для нее даже названия. В Южной Азии живут циветты четырех других видов. Из них раса самая маленькая и очень похожа на генетту.

Генетта без особого труда пролезет в любое малое отверстие, в которое может просунуть свою узкую голову.

Линсанги (один африканский и два азиатских) внешне и повадками тоже похожи на генетт, так же как пальмовые куницы, или пальмовые циветты. Они причиняют немалый вред плантациям, поедая по ночам плоды и побеги пальм и ананасов. Мусанг, или обычная пальмовая куница, ест даже плоды кофейных деревьев, хотя зерна кофе переваривать не может и в изобилии «сеет» их после такой трапезы по лесам. Все пальмовые куницы живут в Южной Азии, кроме одного вида (и рода) — нандинии двупятнистой. Родина ее — Западная Африка. Два больших светлых пятна на плечах, кроме многих черных на теле, отличают этого зверя.

После беглого обзора всех их родичей пришла очередь рассказать о мунго, или мангустах, — бесспорно, самых интересных в семействе виверровых. Их десятки разных видов, в основном африканских, но немало и азиатских.

На Яве, Суматре и в Индии живет черная, с мелким желтым крапом, словно припудренная золотой пылью, карликовая мангуста: полметра, вместе с хвостом, ее длина. Эта «позолоченная» мангуста и ласка — самые крохотные хищники на нашей планете. Обычная индийская мангуста — знаменитый Рикки-Тикки-Тави — прославлена Кипплингом за доблесть и непобедимость в смертельных схватках с ядовитыми гадами. Поразительно, как спокойно, уверенно, смело и ловко сражается она со смертью. Оскаленная ее морда трепещет в ярости в нескольких сантиметрах от вскинутой над ней пасти кобры. В одно неуловимое мгновение в молниеносном броске вперед преодолевает змеиную голову эти сантиметры. Четверть секунды — атака змеи: выпад вперед, укус и возвращение в исходную позицию. Но мангуста успевает заметить этот бросок и увернуться. Превосходная бдительность и небывалой быстроты реакция. Только это ее спасает. Ведь нет у мангусты ни брони на теле, ни достаточно эффективных противоядий в крови.

Выдровая циветта встречается вблизи рек и на болотах Индокитая и Индонезии. Когда она ныряет, уши и ноздри ее закрывают клапаны. Но перепонки между пальцами у выдровой циветты развиты несильно, а хвост коротковат и слаб для хорошего пловца. По-видимому, она нападает из засады, тихо подплывая (выставив лишь нос из воды) к пришедшим на водопой птицам и мелким зверькам, а в реке охотится больше на раков, чем на рыб.

Ярость в бою и искусство нападать смело и быстро, так быстро, что уследить невозможно, нападать, а не бежать, даже от врага сильного и большого, и кусать, кусать неистово — этим почти все мангусты знамениты. Говорят, если мангуста в ногу вцепится, словно швейная машина прошьет ее иглой!

Но прежде чем напасть, мангуста (во всяком случае, полосатая) врага честно предупреждает. Шерсть взъерошив, изгибается дугой и верещит пронзительно. Была она маленькой, гибкой, длинной и вдруг стала круглой и в мгновение вдвое выросла на глазах! От такого чародейства лучше подальше держаться — решит почти всякий. А если не сразу осторожность подскажет это мудрое решение _и тот, кому направлен ультиматум взъерошенного комочка кипучей ярости, будет медлить, тогда мангуста атакует «со скоростью дротика».

У полосатых мангуст (возможно, и у других) есть еще одна странная угроза — «галоп на месте». Выгнув спину, мангуста делает вид, что быстро бежит к незваному гостю, а сама скачет лишь на месте, выбрасывая вверх то передние, то задние ноги. Все это под вокальный аккомпанемент, который исторгает ее горло и который так пронзителен, что, мы знаем уже, орла способен напугать.

Хищные птицы постоянно угрожают мангустам, и поэтому зверьки бдительно следят за небом. Куда бы ни шли, чем бы ни занимались, то одна, то другая головки поднимут и смотрят вверх. Если увидят в синеве небес зловещий парящий силуэт, кричат «ваук-ваук». Это всем товарищам предупреждение, сигнал воздушной тревоги.

Одна неопытная самка-мангуста, увидев в небе журавля, закричала так, будто орел над ней. Самец-мангуста лишь взглянул на птицу и спокойно отвернулся, занимаясь своим делом: он рыл острыми коготками землю, откапывал гусениц и разных насекомых. Весь вид его, казалось, говорил: «Что ты пугаешь меня таким пустяком!»

Мангусты болтливы. Звуки, которые способно исторгать их горло, очень разные: рычание, визг, некое кудахтанье — предупреждение: «Не тронь меня!», почти собачий лай — сигнал общей тревоги.

Когда они водят за собой подросших детенышей (обычно это семейный выход: папа, мама и детишки следом за ними) и один детеныш отстанет, тогда отец или мать кричат отрывисто, на высоких нотах. И дитя спешит к ним.

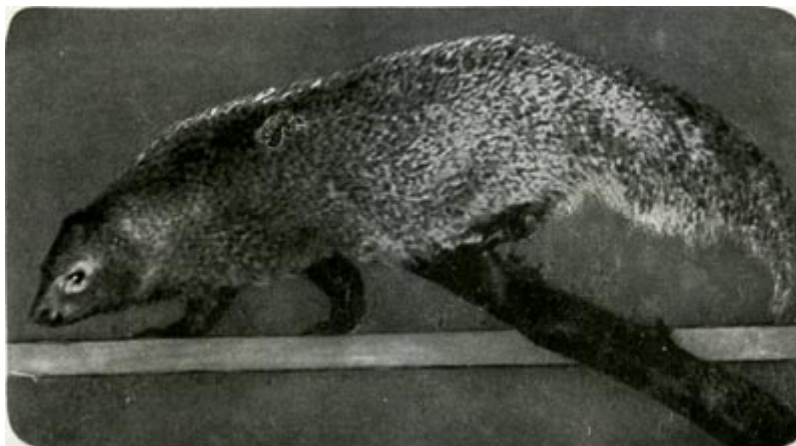
По сигналу тревоги малыши сейчас же бегут к матери и жмутся к ней. Она ведет их туда, где безопаснее, а они ни на шаг, ни на сантиметр не отстают от нее, точно привязанные. Бежит она — бегут они, рядышком, вплотную. Она замрет — замрут и они.

Младенчество, детство и юность полосатых мангуст быстротечны: в девять месяцев от роду приходят возмужание и с ним семейные заботы. Родятся у них обычно четыре крохотных, слепых, почти голых детеныша, весит каждый тридцать граммов. Растут быстро, и скоро молока им становится мало, мясо подавай! Мать тогда жадно вырывает его у самца, но сама не ест, а носит во рту: бегаёт вокруг своих чад, предлагая вырвать у нее из пасти кусок. Как только кто сделает такую попытку, она положит мясо на землю и ждет, чтобы его попробовал малыш. Если дать ей банан, повторится то же самое. Так и вкус к плодам земли воспитывает терпеливая мать у своих несмышленишей.

А отец? Он тут, он рядом. Но дело его прежде всего сторожевая служба. Предупреждения о реальной угрозе исходят главным образом от него. Мать спокойна, когда он поблизости. Она, когда детенышам всего несколько дней, оставив их на попечение бдительного и отважного супруга, может уйти по своим делам. Тот, чем бы он ни был занят, всегда подбежит, посмотрит на малышей, обнюхает их. Все в порядке, тогда только отойдет, ибо дел у него тоже достаточно. Насекомые, гусеницы, птичьи яйца, плоды — все это надо добыть, раскопать. Нору вырыть или подновить ее. Полосатые мангусты прячутся в норах от врагов и зноя. Но и погреться на солнце любят, когда оно не очень жаркое. Любопытствуя, сидят столбиком, посматривая по сторонам и в небо.

Подобно полосатым мунго, ихневмоны, самые крупные из мангуст (до метра длина, но высота лишь 20 сантиметров), живут дружной семьей. Охотятся, когда дети подрастут, так: впереди крадется, прячась в тени кустов, за буграми, травами, папаша-ихневмон, за ним вплотную мать, за ней, тоже вплотную и повторяя все ее повороты, молодые ихневмоны. Кто видел их, казалось, будто большая змея ползет по земле. «Ихневмон» по-древнеегипетски — «сыщик». Тысячелетиями в дельте

Нила строители пирамид свято почитали его за мужество, за истребление змей и крокодильих яиц.

Ихневмон — в Древнем Египте животное священное и неприкосновенное, как кошка и крокодил, — представитель виверр в некоторых странах Южной Европы.

Ихневмон — житель Северной Африки, Малой Азии и Южной Европы (Испания, Далмация).

В Центральной и Южной Африке живет болотная, или водяная, мангуста. Она более высоконогая, чем ихневмон, и почти черная. Плавает и ныряет отлично, а потенциальное, развивающееся под скорлупой яиц потомство крокодилов истребляет еще эффективнее, чем священный «сыщик». Крокодилы самки, в вечном страхе перед ее разбоем, обречены дежурить у своих яиц. Только это спасает их от черных мангуств.

Птица — не крокодил. Не многих из них мангусты боятся и потому воруют птичьи яйца смело. Повадка у них такая: берут яйцо в передние лапы, на задних столбиком вытягиваются и роняют на землю с высоты своего роста. Оно, понятно, разобьется, и тогда мангуста лижет желток и белок.

У мангуств (почти у каждой своя) врожденная манера колоть яйца. Некоторые, зажав яйцо не передними, а задними лапами, бьют его, пятась, о камень или дерево.

К мангустам близки сурикаты — зверьки особенные! Внешне напоминают немного лемурув. В забавных позах (вытянувшись на цыпочках задних ног и подпирая себя хвостом) греются они на солнце или высматривают тревожно врагов в сухих степях Южной Африки.

Живут не в одиночку, а колониями — у каждой семьи своя нора, но все норы неподалеку. Ночью спят в подземельях. Днем сидят у нор по-сурчиному — столбиками, сложив передние лапки на груди, греются, переругиваются. Или, отойдя недалеко, копаются в земле, ищут личинок насекомых, пауков, сороконожек, разные корни и, конечно, если попадутся, птичьи яйца.

С мангустами связана одна поучительная история, которая должна служить примером того, что не всякая акклиматизация априори хороша.

На остров Ямайка (и некоторые другие острова Карибского моря) белые плантаторы завезли в свое время очень ядовитых змей — жарарак. Соображение у них было такое — черные рабы убегают в леса и болота, прячутся там. Так вот, чтобы беглецам жизни от ядовитых гадов на воле не было, привезли

змей из Южной Америки и на островах выпустили. Те вскоре так здесь размножились, что и белым в их гасиендах житья не стало от змей. Тут расплодилось на Ямайке крысы — гибла от них пятая часть урожая сахарного тростника.

Решив теперь покончить и с крысами и со змеями, привезли в 1844 году на Ямайку гигантских жаб: у них была репутация отчаянных пожирателей молодых крыс и змей. Но оказанного им доверия жабы не оправдали.

Наконец, в 1872 году кому-то пришла идея обратиться за помощью к мангустам.

Привезли четырех самцов и пять самок. Они быстро прижились и расплодилось. Через десять лет их потомки съели уже всех крыс (но не всех змей, так как более быстрые в атаках, чем кобры и гадюки, змеи Нового Света из схватки с мангустами часто выходят победителями!). Принялись тогда мангусты уничтожать поросят, ягнят, кошек, водосвинок, щеле-зубов, ящериц, птиц и вскоре стали истинной казнью египетской для всего живого на острове.

Сурикаты живут колониями и днем обычно сидят столбиками у своих нор, подобно сусликам или суркам.

На Фиджи тоже акклиматизировали мангуст, но с пользой для дела или нет, пока не ясно.

Гиена - гермафродит?

Гиен четыре вида: земляной волк, пятнистая, полосатая и бурая гиены. (Земляной волк: равнины Африки к югу от Абиссинии. Пятнистая гиена: Африка к югу от Сахары. Полосатая — Северо-

Восточная Африка, Аравия, Передняя, Малая и Средняя Азия, большая часть Индии и Закавказья. Бурая гиена: Южная Африка.)

Одно время считали гиен родичами собак. Теперь систематики отделили гиен от псовых и соединили в одном надсемействе с виверровыми, кошачьими. Геологически сравнительно недавно, около десяти миллионов лет назад, эволюционируя, развился род гиен, отделившись, по-видимому, от каких-то древних виверровых. Земляной волк до сих пор сохраняет много атавистических черт тех дальних предков. По этой причине некоторые систематики полагают, что лучше зачислить его не в семейство гиен, а к виверровым. Внешне, однако, это гиена, впрочем небольшая (полметра в плечах), буровато-серая с темными полосами.

Самая большая гиена — пятнистая. Некоторые старые самцы весят 80 килограммов. У них мощные мускулы шеи, и плеч: труп осла сильная гиена несет без особого труда. Коренные зубы гиены, когда она грызет кости, развивают давление в пять тысяч атмосфер.

Земляной волк роет норы сам или занимает чужие. Днем в них таится, ночью, нерезво галопируя, рыщет, ищет жуков, термитники. Не падаль, а насекомые и некоторые растения его пища. Зубы у земляного волка недоразвитые: плотоядных нет, а лож-нокоренные и коренные — лишь тупые бугорки, что типично для насекомоядных. Земляные волки бродят ночами в одиночестве либо парами, реже полдюжины их собираются в стаи. Звери пугливые: самая эффективная оборона — вонючая струя из под-хвостовых желез.

Другие гиены образом жизни похожи. Это всем известные трупоеды. Их мощные челюсти развивают давление в 5000 атмосфер и способны раздробить черепа и трубчатые кости буйволов и бегемотов. Поэтому даже с ручной гиеной играть нужно осторожно: шутя, без злого умысла может она начисто отхватить пальцы. Случилось такое однажды в Бернском зоопарке. Когда голодны, охотятся гиены загоном на антилоп. Но бегают плохо, и удача им сопутствует редко. Некоторые охотники утверждают: все дряхлые львы кончают жизнь в челюстях и желудках гиен. Иногда и леопардов загоняют пятнистые гиены на деревья. Дьявольский «смех» гиен (особенно жуткий у пятнистых) похож на дикий хохот умалишенного.

Эволюция наделила пятнистых гиен странным, небывалым и непонятным свойством: их самцы и самки неразличимы даже по тем внешним органам, которые у всех зверей ясно свидетельствуют об их мужской или женской принадлежности. У самок

пятнистых гиен детородные члены самцов (со всеми специфическими их атрибутами!). Лишь немногие знатоки, годами изучавшие и разводившие в неволе гиен, способны, внимательно осмотрев пятнистую гиену, узнать, самец она или самка.

Это поразительное сходство породило немало мифов и легенд: давно утверждалось — гиены гермафродиты, и каждая из них периодически функционирует то как самец, то как самка. На самом же деле зачатие и деторождение у самок пятнистых гиен совершается и происходит через, казалось бы, совершенно непригодные для деторождения ложномужские органы. Рожают гиены после почти четырехмесячной беременности двух щенков, довольно крупных.

Зачем эволюции понадобился этот странный эксперимент с ложным гермафродитизмом, неясно.

Почему льва царём зверей назвали?

Лев — царь. Кто с этим не согласится?

«Достоверные охотники» вроде Тартарена из Та-раскона в «помазанности» льва не сомневаются, но другие, как, например, Джон Хантер, вначале знаменитый истребитель зверья Африки, а затем не менее знаменитый его защитник и автор увлекательных охотничьих рассказов, достоинство льва умаляет, не признавая его самым опасным зверем.

Но Хантеру все можно. Он уничтожил полторы тысячи львов, он однажды за ночь восемнадцать львов убил, он, наконец, один из немногих, живших на Земле, был свидетелем того, как над львами одержали победу... ослы.

Длина львиной шкуры (с хвостом) 2,3—3,5 метра. Весят львы от 100 до 227 килограммов.

Вот короткое изложение факта. Сафари (караван с охотничьими грузами) двигался по Африке. Так получилось, что носильщики-туземцы несли тяжести, а несколько ослов были навьючены бидонами из-под молока. Из-за жары шли ночью. Ослами заинтересовался прайд львов. Готовилось нападение. Чтобы не подвергать превратностям случая людей, Хантер решил пожертвовать ослами. Развьючивать было некогда. Ослов пустили в рыкающую тьму в надежде, что несъедобные бидоны от них останутся. Но очумевшие от страха непарнокопытные, победно грохоча оцинкованной тарой, прорвали цепь ночных разбойников, обратив их в постыдное бегство.

Здесь не предпринимается попытка развенчать львов. Напротив. Незначительные пятнышки на репутации героического зверя — это как пятна на солнце... Кстати, молва утверждает, что льва называют царем за то, что он может не моргая смотреть на это уважаемое светило. Но ведь и многие другие кошки от прямых лучей Феба не спнут: так уж у них глаза устроены.

Лев прежде всего обличьем царь. «Высок» взгляд его. Он смотрит куда-то выше ваших голов, словно не замечая вас. Выражение его морды величественно и сосредоточенно.

У льва грива. У львицы гривы не бывает. Стихи Лермонтова «И Терек, прыгая, как львица с косматой гривой на хребте...» рассматривать как зоологическую информацию нельзя. Литературоведы давно уже оправдали великого поэта: сказали, что тут творческий вымысел, «индивидуальное виденье» и т. д. Хотя, право, лучше было бы объяснить досадную неточность отсутствием в России во времена Лермонтова справочной литературы, да и львов тоже. Подобные львам звери если и водились под Москвой, то значительно раньше — пятнадцать тысяч лет назад. Они в те времена жили на Урале и на Украине. Теперь их называют «пещерными», но не за то, что жили в пещерах, а потому, что лоевние люди рисовали их на стенах пещер.

«Лютый зверь скочил ко мне на бедра и конь со мною поверже» (Владимир Мономах, Поучение детям).

Последнего льва в нашей стране в низовьях Дона убил, по-видимому, киевский князь Владимир Мономах. Но был ли тот «лютый зверь» действительно лев, достоверно не известно. Сейчас львы уцелели только в Африке (общим числом 150 тысяч, не больше) да в Индии, в заповеднике (250 львов).

Но мы отвлеклись. Нас интересует сейчас грива, в общем-то единственный внушительный атрибут, указывающий на власть зверя: он ему и скипетр, и бунчук, и держава.

Гривы бывают черные и светлые. Большие и не очень. То грива растет лишь вокруг шеи довольно скромным воротником, но бывает грива мощна и страшна: венчает спереди, как запущенная стрижка, широкий лоб, а затем окутывает шею и снизу по брюху топорщится. Ученые-систематики главным образом по разнообразным гривам отличают среди львов около 10—12 подвидов.

Черная грива у берберийского и сомалийского львов, у масайского, капского и персидского — гривы темно-бурые, у других — желтые. Самая пышная

грива была у величественного берберийского льва, теперь уже истребленного. Она покрывала густо и плечи и холку и лохматой грядой росла по брюху. У небольшого сомалийского длиннохвостого и длинноногого льва гривы на брюхе нет. Нет ее и у масайского льва. У него вообще грива негустая, короткая, зачесана назад ото лба. Плечи безгривые. Таковы же по части гривы львы Трансвааля и Мозамбика. Сенегальский лев чуть меньше берберийского, более рыжий и без гривы на брюхе. У абиссинского, капского и персидского львов грива и на брюхе и на плечах. А вот у индийского льва (из всех львов наиболее серого цветом шкуры) грива невзрачная, жидкая либо ее совсем нет.

Грива льва представляет. По тому, в каком она у него состоянии, охотники, бывало, определяли и возраст, и болезни, и даже настроение зверя. Шкура с хорошей гривой в начале века в Африке, в Момбасе, стоила... фунт стерлингов. (Львов истребляли множество — «перепроизводство» шкур получилось!)

Если не царствен, то по меньшей мере великолепен и хвост льва. Длинный, тонкий, тугой, он содержит в себе необъяснимую силу: может вдруг стать прочным, как из металла, может ударить, будто это чугунная палка или фантастически мощная плеть. Но самое примечательное — кисточка, а в ней коготь, вернее, шип, пробившийся сквозь кожу последний позвонок. Кисточка — на конце хвоста (у льва и львицы).

У льва не рев — гром небесный! Но чаще львы обходятся рычаньем не в полную силу (тоже весьма впечатляющим) и странными звуками, которые издаются, кажется, не горлом, а зарождаются в брюхе, то есть чревовещательными. То — обычные «разговорчики» в прайде.

Молодой симба! Львята рождаются в любое время года.

Что такое прайд? Пора объяснить... Прайд — это львиная стая, говорят некоторые и тем самым приписывают льву качество, которое ему не свойственно и даже вроде неприлично: нечто вроде стадности. Нет, прайд — это не стадо, не стая, не гурт тем более. Прайд есть прайд, и если уж идти по пути сравнений, то ему ближе другое определение: большая семья.

Несколько зверей: самец (обычно один взрослый, но иногда и два-три), самки, детеныши, молодые львы — в иных прайдах до 18 и даже до 30 львов. Разновозрастные дети — под всеобщим контролем и попечением. Общее руководство осуществляет старый лев — глава семьи. (Видели прайды из одних лишь львиц — своего рода клубы амазонок!)

«Только непонятно, кому принадлежат эти восемь львят. Трое из них примерно вдвое больше пяти остальных. Значит, они не могут быть братьями, у них должны быть разные матери. Но все шесть взрослых львиц одинаково ласковы со всеми малышами. Когда львенок проходит возле взрослой львицы и даже льва, жесткий язык непременно нежно пройдет по его мордочке или спине» (Бернгард Гржимек).

У прайда собственные владения. Обычно это десятки квадратных километров зарослей и открытых мест, и все, кто здесь перебивается травкой, веточками, листочками, принадлежат львам. Если люди им не мешают, львы рационально ведут свое хозяйство: как-то умудряются сочетать рождаемость львят и стабильность пасущихся вокруг стад. Лишнюю антилопу никогда не задавят, добудут мяса столько, сколько могут съесть. Прайд из четырех львов, например, убивает большую антилопу или зебру обычно раз в неделю.

«Один лев за год уничтожает примерно пятнадцать крупных животных со средним весом сто десять килограммов. Естественно, он делит добычу со своими братьями по стае» (Бернгард Гржимек).

Когда придет время позаботиться о продлении рода, случается это в любой месяц года, лев уводит подругу подальше от прайда. Потом в прайд возвращаются. Беременность у львицы — 100—108 дней. Рожать она из прайда уходит. Логово пригладит где-нибудь в гуще колючих кустов, в высокой траве или в расщелине скал. Трех, редко пять-шесть львят принесет она — слепых, пятнистых. Примерно шесть недель живет с ними в уединении, но контакта с прайдом, по крайней мере вокального, не теряет: перекликаются ревом. Время быстро летит, и вот гордая материнством львица возвращается, ведет полуторамесячных резвых и очень на вид симпатичных потомков в большую свою семью.

К вечеру прайд выходит на охоту. Вначале идут важные, даже надменные, не спешат. Торопиться вроде бы некуда. Конечно, антилопы и зебры не жаждут выказать верноподданнические чувства, а, напротив, сообразив, что голодные львы идут по их души, несутся в панике куда попало. Топот, треск ломаемых кустарников. (А ведь, когда львы, лежа в тени, дремали и сибаритствовали, паслись невдалеке без страха.)

Ночь наступает. Странно действует темнота на охотников: они нервничают, движения их порывисты, быстры. Надо полагать, мир, освещенный луной и звездами, кажется им особенно прелестным. Соответственно улучшается и аппетит. Но звери никогда не забывают, что они львы. Подумайте, какому охотнику придет в голову подбираться к дичи с той же стороны, с какой и ветер дует? А лев делает именно так. Он еще и порычит, чтобы сильным голосом своим напугать жертву. Ибо привык, что его подобает бояться.

Пока один пугает, отвлекая внимание, его товарищи заняли место в засаде. Они отлично спрятались. Казачье искусство ползанья по-

пластунски им известно: лев даже в невысокой траве, которая ему по колена, так кроется, что его не заметишь.

Кровавая роль отводится молодым львам и львицам (которые не всегда умело с этим делом справляются). Старый лев обычно только руководит охотой, подавая подчиненным чревовещательные указания. Вот бросок... В первые секунды скорость отличная, добрых километров пятьдесят в час.

Но ведь те, кто обречен быть добычей львов, тоже общепризнанные скороходы. Поэтому иной раз эффектный номер заканчивается лишь холостым шелком огромных челюстей. А какие это челюсти! Они, например, если захватили человеческое плечо, прокусывают его безо всякого усилия насквозь.

К утру, отяжелевшие, отправляются «домой». «Домой» — значит, куда-нибудь на опушку зарослей, чтобы, лежа в тени, прищуриваясь, глядеть вдаль и предаваться лени (на это уходит у них большая часть жизни!). А там, где много носорогов и слонов, чтобы эти толстокожие их покой не нарушали, львы спят даже на деревьях, растянувшись на суках и свесив лапы вниз. Недавно в Танганьике, привязав львам на шею транзисторные передатчики, с удивлением установили, что один лев, например, спал в сутки по 20 часов! За три недели прошел он, охотясь и развлекаясь, лишь 90 километров.

«К шакалам львы, видимо, относятся снисходительно: в то время как львица ест из середины, два из них тянут за конец жертвы» (Бернгард Гржимек).

Львы на шакалов не сердятся. Но гиен... гиен презирают и душат при каждом случае, когда это удастся. Неприязнь понятная: ведь лев, когда одряхлеет, станет добычей гиен... Увы, в лучшем случае — гие-новых собак.

«Однажды мы повстречали такого покинутого всеми «старичка». Он лежал в тени дерева. Губа у него отвисла и обнажила тупые желтые зубы, ребра можно было пересчитать все до одного. Когда животное двигалось, то по горбатой спине и негнувшимся ногам было видно, что это причиняет ему сильную боль... Майлс Тернер однажды видел, как стая гиеновых собак окружила старого льва, они подпрыгивали и плясали вокруг него... «Старик» шипел и замахивался на них лапой, и они вскоре отстали» (Бернгард Гржимек).

Но пока в путь! Новые поиски, новая охота. Вон леопард убил антилопу импалу и, от греха подальше, втащил ее, наверное немало повозившись, на толстое дерево, втиснул между сучьев и приготовило» в уединении отобедать.

Слазь! Как смеешь? — это лев появился внизу. Делать нечего, ощериваясь и шипя, леопард удирает. Массивный лев совсем не изящно лезет на дерево. Застрявшую в ветвях антилопу нелегко стащить. Он, оторвав от нее половину, бросает вниз. Закон сильного соблюден.

«Лев сорвался с места и размашистым, широким прыжком кинулся вперед. Тогда один из юношей, прижав к себе копьё, шагнул навстречу льву и ударил его. Лев упал у ног юноши. Бой вытащил копьё из раны, вытер его о край набедренной повязки и сказал Рэнею:

— Видишь, господин, это дело впору ребенку» (Карл Экли).

Да, права сильного львы уважают: увидев еще издали воинов-масаев, идущих с копьями по степи, удирают поскорее. Масаи ради молодечества, окружив льва, пронзают его копьями так точно и быстро, что львы предпочитают с ними не связываться.

Уступают «цари зверей» дорогу взрослым носорогам, буйволам, бегемотам и слонам, конечно. Уступали бы и большим крокодилам, но те предпочитают места встреч держать в тайне, чтобы схватить и утащить льва в реку, когда подойдет он в жаркий день воды напиться.

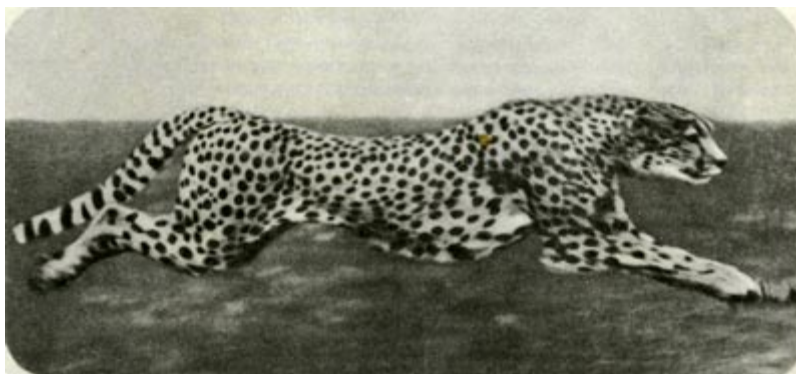
Вот тут и подумаешь — хорош «царь зверей»! Стольких своих «подданных» ему приходится обходить стороной. Но может быть, хотя бы хищных зверей льву остерегаться не надо ^— всех он сильнее? Нет, опять тут неувязка с громким титулом: тигр определенно сильнее льва! Опыт зоопарков и цирков в этом убедил: если подерутся лев с тигром, почти всегда льву больше достается ранений и поражений. А может и насмерть загрызть тигр льва, если вовремя их не разнять.

Весовые категории у них все-таки разные. Львы на воле редко весят больше 125 килограммов (в неволе случалось вырастить львов и потяжелее: питаются они тут лучше, мало бегают, жиреют). А вот тигр весом в два центнера не редкость. Случалось убивать охотникам тигров по 320 килограммов!

Кроме того, тигр, в прайде и товариществе жить не привыкший, лучше умеет постоять за себя в единоборстве: опыта у него такого больше. По всем этим причинам из Азии львов вытесняют не только люди, но и тигры.

Скороход на «шиповках»

Лев высоко вознесся в людском мнении. Царь он лишь по названию или по натуре, спорить не будем, потому что и то и другое реально лишь в воображении людей. У льва 35 разновеликих родственников. Разделить их на категории лучше так: кошки большие, рыси и кошки малые. У всех больших кошек (и рысей) зрачок глаза круглый, у всех малых (кроме дымчатого леопарда) — вертикальная чечевица. Большие кошки (кроме дымчатого леопарда, барса и пумы) мурлыкать не умеют. Малые — наоборот: не умеют рычать.

Гепард — самый быстроногий зверь на Земле: он может скакать со скоростью 110 километров в час.

Крупных кошек 8 видов: лев, тигр, гепард, ягуар, ирбис, пума, пантера (или обычный леопард) и леопард дымчатый.

Средних (рысей) и мелких кошек — еще 28 видов.

Это звери хищные, ловкие, у всех, кроме гепардов, когти втяжные.

Гепард самый быстрый зверь на Земле. Ни лошадь, ни антилопа не обгонят его. И даже не всякий автомобиль: 112 километров в час! Это по официальным данным. А неофициально некоторые охотники с секундомерами в руках измеряли

скорость бега гепарда и говорят: 140 километров в час! Впрочем, едва ли так. Нет в такой резвости никакой биологической надобности: ведь все, за кем охотятся гепарды, скачут не быстрее 60—70 километров в час.

У гепардов-самцов небольшая, едва заметная грива. У детенышей серебристая гривка по всей спине. Через 10 недель после рождения теряют они и гриву и способность вытягивать когти. После южноамериканского гривистого волка гепард самый длинноногий хищный зверь. У него у единственного из всех кошек когти не вытягиваются. Он поэтому бегаёт, как спринтер, в «шиповках»,

Для высокой скорости нужны открытые пространства с твердой почвой. Саванны Африки, степи Ара-вии, южной Туркмении и Индии для гепардов — родная стихия.

Охотятся в одиночку или парами так: издали, а зрение у гепардов отменное, долго приглядывается гепард к стаду газелей или архаров. Копытные, ничего не подозревая, щиплют траву под ярким полуденным солнцем (гепард, понятно, охотится днем). Одна какая-то антилопа почему-то хищнику понравилась. Почему именно она? Да потому, что природа на протяжении всех своих миллионов лет преподавала убедительно: голод штука неприятная, действовать надо наверняка. Гепард, исходя из ее уроков, выбрал животное на вид послабее, чтобы осечки не вышло.

Выбрал и ползет, прижимаясь к земле, невидимый и терпеливый. Подобрался по возможности ближе — и вдруг появился перед стадом, как кошмарный мираж. Лишь вскочил и уже мчится гепард, каждую секунду оставляя за хвостом двадцать метров — просто фантастическое, небывалое ускорение для всего движущегося на рычагах и даже на колесах. Жертва настигнута и получает сокрушительный свинг лапой по хребту или по шее. Удар столь силен, что газель летит кувырком, ведь тут на гепарда работает не только сила, но и кинетика тела.

Конечно, жизнь таит в себе всякие случайности. Поэтому не всегда охота проходит вот так, по писаному. Случается, гепард пролетает стрелой мимо увернувшейся антилопы, и, пока остановится, между ним и ней уже изрядное расстояние. Он тогда не кидается вдогонку, а с равнодушным видом, скрывающим разочарование, следует куда-нибудь, будто лишь забавы ради припугнул газель. Гепард на марафон не способен — он спринтер: больше чем четыреста метров обычно не галопирует.

Гепарда легко приручить. Если к нему по-человечески относиться, он такой же преданный, как собака. И такой же незаменимый на охоте.

«Ростислав позва Святослава к себе на обед, и еха к нему без всякого извета... Да Ростислав Святославу соболями, и горностаими, и черными кунями, и песцы, и белыми волкы, и рыбьими зубьями. На заутрие же позва Святослав Ростислава к себе на обед и тако быста веселясь раче вчерашнего дне. Да Святослав Ростиславу пардус и два коня борза и ковану седлу» (Киевская летопись).

Охота эта старая: Москвы не было, а русские князья уже гоняли с гепардами сайгаков по степному раздолью. На Руси охотничьих гепардов именовали пардусами и очень ценили их в те времена. А еще раньше, пять тысяч лет назад, охотились с гепардами в Древнем Вавилоне и Египте. И теперь охотятся: в Индии. Читой называют здесь ловчего гепарда. А в Родезии охотятся с гепардами полицейские и армейские офицеры: на людей с черной кожей...

Странно, рожденные после трехмесячной беременности

детеныши гепардов не пятнисты. Ведь пятнистость и полосатость — признак более древний, чем однотонная окраска. Поэтому в силу определенных законов атавизма нередко даже у непятнистых и неполосатых зверей (львов, пум, тапиров, кабанов, например) дети нередко пятнисты или полосаты.

Преступление! Преступление!

Преступление! Преступление!

«Цвет — светло-соломенный. Волосы — короткие и хрупкие. Зубы — стертые и желтые, один клык сломан. Раны — одно свежее ранение пулей в правое плечо; одно старое пулевое ранение в подушечку левой задней ноги; на той же ноге не хватает части пальца и одного когтя; несколько глубоких и частично заживших ран на голове; одна глубокая и частично зажившая рана на правой задней ноге; несколько частично заживших ран на хвосте; одна частично зажившая рана на коленном суставе левой задней ноги» (описание сделано 2 мая 1926 года Джимом Корбеттом, англичанином, охотником, подполковником в отставке. Рудрапраяг, Северная Индия).

Это о леопарде, который убил 125 людей. Восемь лет он терроризировал население на площади в пятьсот квадратных миль. «Свежее ранение пулей в правое плечо» оборвало бесконечную цепь жутких преступлений.

Он был неуловим и беспощаден. Иные верили: он — злой дух в образе леопарда. Он был знаменит, о нем писали газеты всего мира. На него ставили капканы и самострелы, в него стреляли из гладкоствольных и нарезных ружей, его травили мышьяком и цианидами. Но он обходил самострелы, вырывался из капканов, носил в себе куски свинца, как талисманы, а яды лишь улучшали его аппетит.

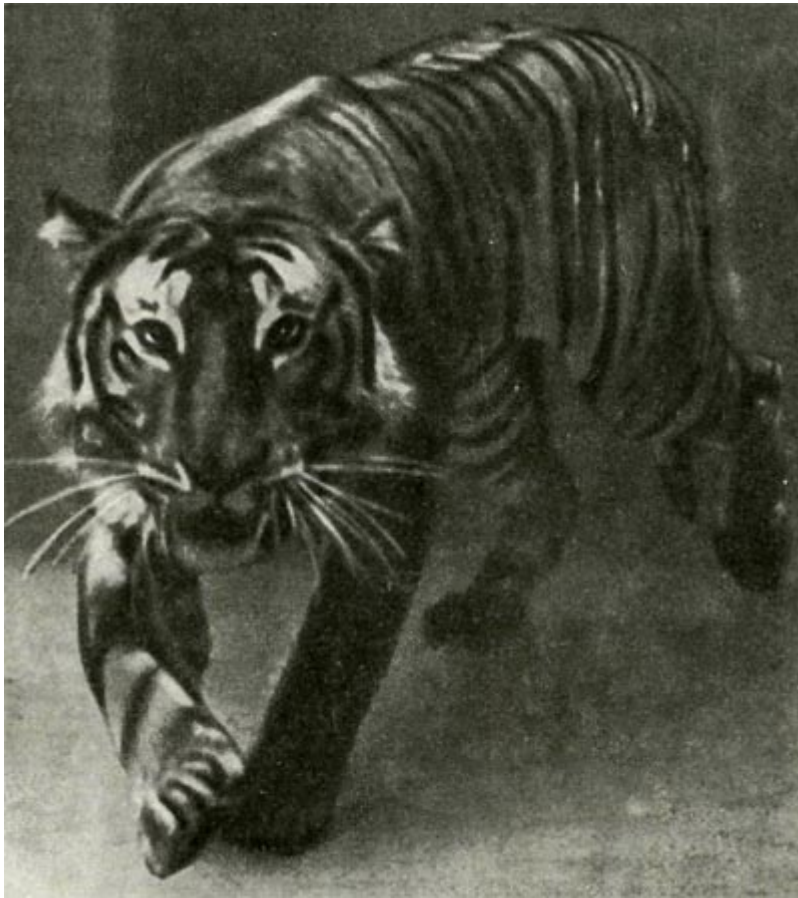
Вначале он подстерегал ночных пешеходов на лесных дорогах. Затем стал врывать в жилища. Двери домов в деревнях во всей округе исцарапал своими когтями. То были результаты бесчисленных проверок: не забыли ли хозяева опустить засовы? Но и засовы не всегда помогали. Однажды людоед ухитрился отпереть хлев, где вместе со скотом ночевал мальчик-пастушонок.

Сила и ловкость этого зверя были таковы, что ему удавалось незаметно выхватить из комнаты одного из двух собеседников! Влезть в крохотное окно и не уронить вазу в его проем. Он с шестипудовым капканом на ноге скакал резво! Он с жертвой весом 70 килограммов в пасти прыгнул с четырехметровой скалы и не выронил того, что нес.

Ему случилось убить женщину и перетащить ее через тела пятидесяти спящих вповалку людей, никого не разбудив.

Ни одно семейство зверей не пролило столько людской крови, сколько кошачьи. Тигры, леопарды, львы...

Да, и львы. На многих кладбищах Африки на надгробиях высечены разноязычные слова: «под камнем сим... покоится... погибший от льва». Правда, даты под текстами старые, примерно времен колонизации и так называемого «начала цивилизации». Строили, например, в 1898 году железную дорогу в Цаво (Кения) для вывоза сырья через саванну и кустарники, где веками прайды львов чувствовали себя хозяевами. Объявились там два льва-людоеда и убили несколько десятков рабочих, остальные разбежались, так что брошенное строительство девять месяцев было во власти львов. Инспектор железной дороги караулил их с ружьем, но тоже попал на обед львам: они вытащили его прямо из закрытого вагона.

Тигр крупнее льва: длина шкуры (с хвостом) 2,7—3,7, редко 4 метра, весит зверь 200—320 килограммов.

В Африке хищнику, потерявшему чувство почтительности к человеку, разгуляться особенно не давали. Две-три жертвы, и он сам становился жертвой одного из охотников, съезжавшихся туда со всего света. В Азии — другое дело. Были такие годы (в конце XIX и в начале XX века), когда редкая газета в Индии выходила без заметки об очередном преступлении, совершенном тигром или леопардом. (Одна лишь тигрица из Кумаона убила 434 человека!)

«Новых достоверных сведений о неспровоцированных нападениях леопарда на людей на Кавказе нет... Достоверных сведений о нападении леопардов на людей в Средней Азии нет. Нет их и для Дальнего Востока... Так обстоит дело с вопросом о «людоедстве» леопардов в нашей стране» (профессор Г. П. Дементьев).

Проста история того, как звери становятся убийцами.

Первая причина. Войны или эпидемии, оставляя на полях стран непогребенные трупы, дают хищникам возможность привыкнуть к человеческому

мясу, и тогда рано или поздно нападают они и на живого человека. «Охота» нетрудная, и... лед сломан. Говорят, старая людоедка и детей своих учит иногда этому занятию, чтобы знали верный способ насытиться. Впрочем, очень редко приходилось убивать молодых здоровых зверей-преступников.

Причина вторая — разнородная, заключающая в себе множество нетипичных случайностей и все же уместная под кратким определением: вина человека.

«Частично зажившая рана» — эти слова звучат как рефрен всех историй о зверях-людоедах. Рана, с нее все начинается. Неумелый охотник осмеливается поднять несовершенное оружие на сильного зверя. Посланная дрожащей рукой пуля лишь ослепляет хищника бешенством. Нападающая и пострадавшая сторона меняются ролями.

Но даже тот случай, когда неудачная пуля послана из укрытия и зверь благополучно ушел, унося ее в своем теле, сулит печальные последствия. Лишенный всякой надежды избавиться от увечья и охотиться с прежней удачей на тех, кто его добыча по праву, зверь, замученный голодом, нападает на человека, поймать которого легче, чем оленя или антилопу.

Часто на разбойную стезю приводит беззубая старость. Часто повинны тут... дикобразы. И тигры и леопарды, когда голодны, нападают на дикобразов. Но леопарды умеют увернуться от их игл и схватить колючего за голову. А тигры почему-то неудачливы в этой охоте: глубоко в мышцах убитых тигров-людоедов находят обломки игл толщиной с карандаш и длиной в четверть метра. У иных было до пятидесяти игл! Конечно, тигр, так отделанный дикобразом, на резвую дичь охотник никудышный. Лягушки, саранча, мыши... безоружный человек и его домашний скот отныне единственно доступная ему добыча.

Таких зверей неписанные и писанные законы всех стран и народов не защищают.

Вы помните, Дерсу Узала из книги В. К. Арсеньева уж на что безмерно, до фанатизма уважал тигров, а когда один из них украл у землепроходцев собаку, то он заявил с уверенностью:

— Такой амба можно стреляй, греха нет.

Понимал старый гольд человеческую ответственность высокой должности — хозяин природы.

Здесь мы закончим о зверях-преступниках. Получилось так, что рассказанным выше мы предварили описание тигров и леопардов. Это повредит зверям в ваших глазах, но ничего не поделаешь, смолчать ведь тоже нельзя.

Леопард, или пантера

Раньше спорили: леопард и пантера — два разных зверя или нет? Ученые доказали: зверь один. То, что пантера черная, — случайное явление меланизма. Иногда черная пантера рождается от вполне пятнистой леопардицы, чья шкура напоминает игру солнца в листе.

«Ступайте прочь, не до вас! У нас графинюшка родила арапчонка, а вы лезете за милостыней» (А. С. Пушкин).

Однако, как ни черна пантера, обычно леопардовые пятна на ней все-таки проступают — едва, правда, заметные в ночной тьме ее меха. Родятся, но очень редко леопарды-альбиносы и так называемые фла-висты: для этих словно не хватило у природы черной краски — пятна блеклые, охристые, в лучшем случае шоколадные. Но и нормально пятнистые леопарды пятнисты не одинаково. У африканских пятна мелкие, у азиатских — более крупные. Фоновый тон у кавказских и среднеазиатских — песочно-сероватый, у дальневосточных — рыжевато-желтый. Очень яркие, сочные тона в окраске леопардов густых тропических лесов. Лесные леопарды самые крупные в своем роду. А самый маленький — сомалийский леопард.

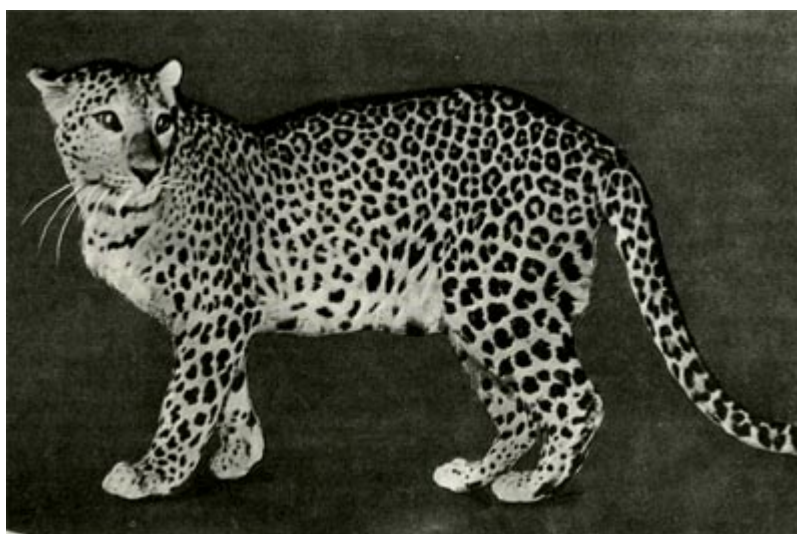
Итак, пантера, или леопард, — называйте как хотите.

Это, пожалуй, самые красивые звери Африки и Азии. (У нас живут на Кавказе, на юге Средней Азии, в Приморье и Приамурье.) Яркие, как вспышка. Черные, как тень под луной. Зубы у них белоснежные. Причем клыки размером с лезвие финки (десять сантиметров!). И острые, как положено.

Тем, у кого шкура получилась черная, выгоднее держаться в лесах погуще — там и держатся. У пятнистых леопардов богаче выбор мест, но вообще те и другие любители нескучного разнообразного пейзажа: чтобы скалы были с удобными расщелинами и пещерами, чтобы рядом высились труднопроходимые леса или заросшие густым кустарником склоны и ущелья и, главное, чтобы протекала поблизости какая-нибудь речка или непересыхающий в жаркое время ручей. Последнее условие соблюдается обязательно, но не из-за любви к купанию — в воду, особенно холодную, леопарда можно загнать только силой, — а из соображений более практических: ведь разные копытные на водопой ходят...

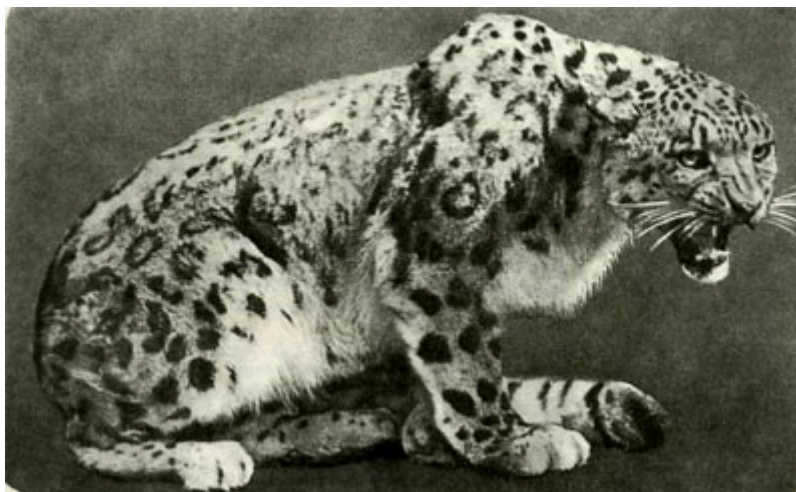
В своей «вотчине» леопард — как добросовестный ревизор. Никакими проторенными маршрутами не пользуется, появляется то тут, то там, прекрасно понимая преимущества фактора неожиданности. Если сосед, нечаянно или намеренно, пожалует на угощение, которое ему никто не предлагал, встреча будет приготовлена жаркая. Ключья черной или желтой шерсти полетят, кровь польется.

У леопардов самец и самка не только в пору размножения, но и в другое время живут нередко неподалеку и весьма почтительны и нежны друг с другом. Любят и поиграть и порезвиться.

Леопард.

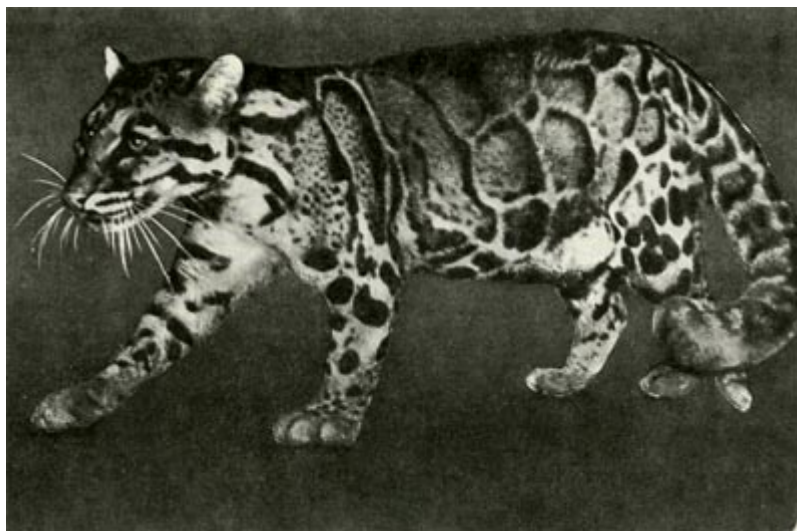
«Тем временем два леопарда поймали чепрачного шакала и теперь играют мертвым животным, как кошки с мышью. Один делает бросок, хватая шакала за загривок и ударяет его лапой так, что он отлетает в сторону. В это время второй леопард, притаившись в траве, выскакивает и, как живого, ловит мертвого шакала» (Вернгард Гржимек).

Барс.

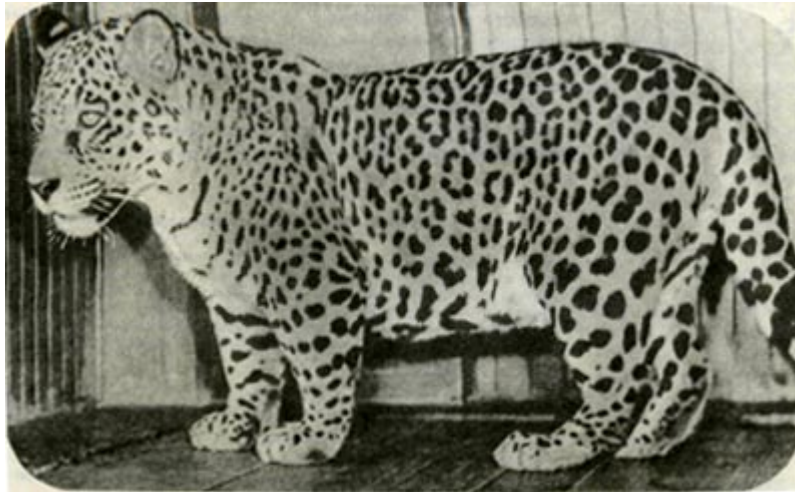
Но папаша из леопарда, мягко сказать, неважный. Он, случается, не прочь съесть своих деток. Самка поэтому втайне от него строит логово (чаще всего в какой-нибудь пещерке).

Дети растут всем хороши: пушисты, пятнисты, игривы, драчливы. Один у них недостаток — обжоры. Никакой не знают меры; не останови их, наедятся так, что едва могут шевельнуться.

Дымчатый леопард.

И наконец выросли. Живучи, сильны. Веса в каждом от 20 до 80 килограммов. И соответственно столько же мяса могут припрятать на высоком дереве, причем ступеньки в виде сучьев не требуются — и так поднимут нелегкий груз. Имеют привычки. Некоторые переняли у мамы, другие наследственны. Не любят воду и дождь: прячутся, если с неба капает (тигр и в дождь бродит). Помет свой, как кошки, зарывают, а тигр и лев — нет. Умеют спать на деревьях, укрываясь в листве так, что их и не заметишь. Правда, иногда хвост убрать забудут — висит он, предупреждая, что ходить здесь опасно. Спят днем, охотятся по ночам (африканские леопарды обычно этот нередко нарушают). Многие, особенно под старость, не брезгают падалью (как и львы).

Ягуар.

Великолепный слух и зрение. Обоняние очень слабое. Изумительные мастера подкрадываться! Чаша, лес, тьма, а зверь ни на сухой шуршащий листок не наступит, ни на ветку, которая может хрустнуть.

Леопард, если не голоден, не обидит и козленка, но есть у него слабость, которая ставит его на путь особого рода вражды с человеком. Собак не любит и душит их, как только это удастся. Был случай: унес леопард собаку прямо из-под стола на веранде на глазах у людей!

А в остальном зверь хороший и обязательно должен жить. Д. Хантер, о котором здесь было сказано вначале и чьи наблюдения были ощутимой подмогой для главы, писал так:

«В дни моей молодости мы придерживались того взгляда, что леопард хорош только в виде шкуры, вытянутой для просушки. Но теперь мы обнаружили, что леопард играл немалую роль в поддержании равновесия в природе. Леопарды, оказывается, убивали каждый год тысячи бабуинов, а теперь, когда леопарды почти полностью уничтожены, бабуины стали во многих частях колонии довольно серьезной проблемой».

Обнаглевшие обезьяны бабуины нападают теперь не только на овец, но даже и на людей.

Пришлось закону в тех местах взять леопарда под свою опеку.

В горных лесах Непала, Сиккима, всего Южного Китая и Индокитая, также на Тайване, Суматре, Калимантане (по некоторым данным — и на Яве) живут леопарды особого рода — дымчатые. Окрашены они очень красиво: черный мраморный рисунок по ярко-желтому или желто-серому фону. Ростом с небольшого обычного леопарда (вес — 20 килограммов).

Много было споров, к какому роду причислить этих леопардов; наконец решили, кажется, выделить их в

особый род. Дело в том, что дымчатые леопарды совмещают в своей анатомии некоторые черты как больших, так и малых кошек, занимая промежуточное положение между ними. Например, зрачок у них не круглый, как у больших кошек, а яйцевидный. Кроме того, и гортань устроена как у малых кошек, поэтому хоть и велики ростом дымчатые леопарды, однако способны мурлыкать, как малые кошки.

Об их образе жизни известно немного, потому что видеть их в густых лесах, где они живут, почти не слезая с деревьев, мало кому приходилось. Днем спят на деревьях, охотятся ночами на крупных птиц, нападают иногда и на оленей сика.

Мраморная кошка обитает в тех же лесах, что и дымчатый леопард: это его миниатюрная копия! Так же окрашена, так же длиннохвоста, близка к нему и происхождением, но почти вдвое меньше и охотится не столько за птицами, сколько за мелкими довесны-ми зверьками, лягушками и ящерицами.

Тигр — джентельмен

«Тигр — джентельмен, пантера — невежа», — говорят охотники. Правда, иногда к великолепной этой характеристике прибавляют словечко «удачи», которое сильно изменяет смысл. Получается с ним, что тигр «джентельмен удачи». Каждому ясно, куда намек направлен... Жители Забайкалья, где в старину тигр нередко появлялся, называли его «лютый». Твердо верили даже, что если набредешь на весьма внушительный след куда-то идущего зверя, то необходимо со следа не сходить, а двигаться задом в обратном направлении. И непрестанно класть поклоны. Иначе беды не оберешься.

Тигр благороден тем, что перед атакой рыком предупреждает охотника (пантера нападает молча, обычно сзади). Тигр падаль ест редко (пантера не так разборчива). Тигр чистоплотен: и в логове у него чистота, и добычу с потрохами обычно не ест, вытащит их и отнесет в сторонку. Шерсть сдирает так тщательно, что, говорят, даже кролика или утку может ошипать, не повредив кожи. Оставив несъеденную Добычу до следующего дня, почти всегда прикрывает ее листьями, ветками от мух, ос и других расхитителей покрупнее. Иногда прячет ее в воду. Он воду любит, как никто из больших кошек (кроме ягуара). Много пьет, погрузив всю пасть и морду в прохладные струи, любит нежиться, лежа у воды, а то и в воде. Плавать хорошо и охотно. Большие реки, например Ганг, тигры переплывают без труда (как и ягуары Амазонку), и нередко случалось, выхватывали тигры, быстро подплыв, людей прямо из лодок.

Но ни уважение, ни почести, воздаваемые тигру охотниками, ему не помогли. Его, можно сказать, почти истребили всюду. Редок он теперь в Индии (323 тигра — так думают), в Китае, Иране (около 80 тигров) и в Бирме. В Закавказье последнего тигра застрелили в 1932 году (за десять лет до этого убили тигра около Тбилиси)! Лишь недавно в Ленкорани и Астаре стали изредка появляться тигры из Ирана. В Средней Азии уцелело немного тигров в низовьях Амударьи, откуда заходят они (довольно далеко) в Таджикистан. В Туркмении тоже нет-нет и

встретятся заграничные иранские тигры. В Приморском и Хабаровском краях (от Еврейской автономной области до Владивостока) живут только 100 тигров. Думают так, но сосчитать точно трудно.

«Сохранить тигра как уникальный памятник природы есть обязанность нашего поколения» (профессор А. Г. Банников).

Что ж, попробуем... Уже давно запрещена охота, все меры приняты, но браконьер существует, и как от этого татя избавишься? Правда, на Дальнем Востоке у нас за последние десять лет тигров стало немного больше.

Было время, водились тигры даже на севере Сибири: до Якутска доходили. А десятки тысяч лет назад жили и на Новосибирских островах: нашли там кости древних тигров, которые от современных мало чем отличались.

Амурские тигры самые большие, зимой мех у них густой и жира под кожей много (до пяти сантиметров толщина его на брюхе!). Морозы им не страшны, но в глубоком снегу тигры вязнут и потому любят ходить зимой по звериным тропам и по льду рек. Самые мелкие тигры — зондские, именно те, что жили прежде на острове Бали и ныне еще живут на Суматре. На Цейлоне и Калимантане тигров нет, а леопарды есть: на первом острове — обычные, на втором — дымчатые.

Бродит тигр и днем и ночью — личные владения у него велики: сотни квадратных миль, и, чтобы все обойти, проходит зверь иногда 80—90 километров за сутки!

Он идет по джунглям, и птицы (фазаны, дикие куры, сороки), олени и обезьяны лангуры кричат тревожно, увидев его. В его большом теле, медлительном и величавом, 300 килограммов. В нем дикая сила и напряжение страстей. Недаром даже человек, еще не видя тигра, не ожидая его появления, чувствует особое странное беспокойство. Его называют интуицией. Возможно, сдержанно бушующие эмоции зверя подсознательно волнуют человека.

Золото сверкает между темных полос его шкуры. На шее муфта длинных волос, небольшая грива. На морде бакенбарды.

«Его мелодичный, гортанный, протяжный стон с незабываемым «уу-уу-уунг» в финале далеко разносится под мрачной тенью гигантских деревьев» (Кеннет Андерсон).

Он охотится. Идет против ветра к известным ему зодопоям, пастбищам оленей. А если притаился в засаде, то обязательно под ветром. Это несколько странное внимание к обонянию своих жертв: ведь у самого тигра нюх никудышный. Глаза и уши замечательные — видят и слышат отлично. В Индии говорят: тигр самый умный (после слона) зверь в джунглях. Он будто бы, подражая криком оленю, подманивает его. Но когда гоняет обезьян, рычит страшно. Они, пугаясь, прыгают с дерева на дерево и часто, ослабев от страха, падают на землю. Тут тигр не зеваает и хватает их.

Убивает тигр смело, открыто, не таясь, часто при свете дня. Как убивает — до сих пор споры: многие утверждают, что, прыгнув на спину коровы, свиньи или оленя, лапой хватает их за морду и, рванув к себе голову жертвы, ломает шейные позвонки. Иногда, сжимая на горле могучие челюсти, душит зубами.

«В среднем за год взрослый тигр пожирает около 30 крупных зверей. В случае недостатка обычной пищи питается падалью, ловит птиц, мелких зверьков, рыбу, черепах, насекомых. Летом ест траву, кедровые орехи, фрукты, ягоды» (профессор Г. А. Новиков).

За год съедает тигр мясной и растительной пищи около трех тонн (почти вдвое больше льва!).

Свадьбы у тигров как у львов: в любое время года. Это в тропиках; у нас на Дальнем Востоке обычно в декабре — январе, в Средней Азии — немного позже. После трех с половиной месяцев беременности удаляется тигрица куда-нибудь в расщелины скал, в чашу тростников или кустарников, чтобы родить (случается это лишь раз в 2—3 года!) двух-четырех, редко пять-шесть тигрят. Растут они быстро, и уже через месяц мать выводит их «в свет».

«Детенышей, несомненно, впервые вели к добыче, и было чрезвычайно интересно наблюдать за стараниями матери внушить им, какая опасность таилась в том, что они делали... Они ступали только по следу матери, ни разу не сделал

попытки обогнать друг друга, обходили каждое препятствие, которое обходила тигрица... неподвижно застывали всякий раз, как она останавливалась...

Тигрица... улеглась на землю так, что добыча оказалась прямо перед ней на расстоянии тридцати ярдов. Это послужило, по-видимому, сигналом для тигрят, и они направились туда, куда она указывала взглядом... По-прежнему, соблюдая осторожность, тигрята приступили к поискам, всем своим видом показывая, что ищут нечто вполне определенное. Я всегда утверждал, что тигры лишены обоняния, и поведение тигрят лишней раз подтвердило мою правоту... Погода стояла невероятно жаркая, и именно запах помог нам с Маком в конце концов обнаружить труп животного. А два голодных тигренка сновали взад и вперед, десятки раз проходили в ярде от добычи и не могли ее найти... Тигрица следила за тигрятами не менее внимательно, чем я, и только однажды, когда в поисках добычи они ушли слишком далеко, издала какой-то звук. Как только добыча была найдена, мать перевернулась на спину и уснула» (Джим Кор-бе т т).

Тигр-отец о детях не заботится. Говорят, даже может съесть их, если найдет, а тигрицы не будет рядом. Но в зоопарках некоторые тигры-самцы не только мирно жили в одной вольере со своим потомством, но и показали себя неплохими отцами. Наверное, и на воле, может быть, и не часто, но такое бывает.

Снежный барс, или ирбис

В старые времена у нас барсом называли леопарда. И сейчас его так зовут на Кавказе. Но снежный барс не леопард, хотя и похож на него. Те же черные пятна на дымчато-серой шкуре (иногда встречаются и черные барсы). Но мех длинный и пушистый, особенно на брюхе, сантиметров до двенадцати длиной. Барс — житель гор (Алтая, Памира, Тянь-Шаня, Тибета, Гималаев и высокогорий Монголии). Высоких гор — до двух-трех тысяч метров. А летом, следуя за горными копытными, поднимаются барсы еще выше — до шести тысяч метров. В горах, как известно, и летом не жарко, а зимой и вовсе прохладно.

Барс (или ирбис, что одно и то же) часами караулит где-нибудь на скале или под скалой горных индеек или баранов. Но вообще охотник он универсальный: берет всех — от мышей до яков иногда. Людей

не трогает, и нрав у него, по-видимому, более добродушный, чем у пантеры и тигра.

Барсы любят играть и валяться в снегу. Развеселившись, съезжают с утеса на спине, а внизу быстро переворачиваются и падают в сугроб на все четыре лапы. Изрядные сибариты. После утренней охоты, после игр устраиваются где-нибудь поудобнее и греются на солнце.

Обычное местожительство — рододендроновые кустарники, а местами альпийские луга и голые скалы у границ вечных снегов. Здесь живут парами — самец и самка.

Весной рождаются у них два-четыре котенка. Логово — в уютной расщелине (бывает и в гнезде грифов на невысоком дереве!). Мать шерстью утепляет логово, вырвав ее у себя с живота. Другие кошки, кроме еще камышового кота, на такое самопожертвование, кажется, не способны. Молоко у барсов жирное, впятеро питательнее, чем у коровы.

Барс — хороший отец, помогает самке воспитывать детей.

В старом барсе 75 килограммов, крупным ростом и другими чертами близок он к большим кошкам, но есть у него и кое-что от кошек малых. В хорошем настроении барс, например, мурлычет (пума и дымчатый леопард тоже), но и рычать может. Некоторые зоологи дымчатого леопарда, барса и пуму называют гигантскими малыми кошками.

Большие кошки Америки - пума и ягуар

Жизненное пространство ни одной кошки не раскинуто так далеко вдоль по меридиану, как у пумы: от Южной Аляски до Магелланова пролива. Так было, во всяком случае, еще в начале нашего века. Теперь во многих местах пума истреблена полностью или почти полностью. Нет уже, кажется, пум на Аляске, выбили их всех полвека назад и на востоке Канады и США (этих пум и называли кугуарами — имя, которым иногда и по сей день награждают всех пум вообще). В Канаде и в США уцелели пумы только на западе и кое-где в устье Миссисипи во Флориде.

Одно время числилась пума в близком родстве со львом. Ныне приметы этой старой теории видим еще в названиях пумы: «горный лев», «серебристый лев», «лев Анд». Некоторые зоологи полагают, что генетически, я уже упоминал, пума близка к малым кошкам.

Самые мелкие пумы (весом около 30 килограммов) живут в сырых тропических лесах Южной Америки. Шерсть у них короткая и красно-бурая. Самые крупные (до 110 килограммов), серебристо- или темно-серые — в Скалистых горах Северной Америки и на крайнем юге своего обширного ареала — Огненной Земле.

Охотничьи владения пумы велики: до ста миль в окружности. Даже если ее не тревожат, кочует пума в пределах этих миль, нигде долго не задерживаясь.

Какими-нибудь пятнами или полосами природа пум не наградила, хотя котята ее пятнисты. С первой же линькой этот атавистический дар исчезает. Лишь у

некоторых вполне взрослых пум тропических лесов на шкуре едва заметны следы белой младенческой пятнистости.

«Пума — бедное дитя, ступившее, однако, на неверный путь» — эта туманная характеристика произнесена подлинным трампеадором Франсиско в книге А. Арлетти «Трампеадор» («Охотник»), Франсиско Гарридо часто общался со зверьем, и поэтому его характеристику, как она ни загадочна, интересно расшифровать. Почему «бедное»? Почему «дитя»? Почему, наконец, «неверный путь»?

Трампеадор любил природу, и поэтому в сказанной им фразе звучит, видимо, сочувствие к подлинным бедам пумы. А такие есть. Беда первая обычна для всех зверей: вооруженный человек. Вторая — не совсем понятная ненависть соседа-ягуара.

Ну, а почему «дитя»?

Пума любит позабавиться: резвясь, прыгает (а прыгун она феноменальный: 5—6 метров в высоту, э с высоты вниз — иногда и 14 метров!). Скачет за бабочками, как малый котенок, кувыркаясь, ловит свой хвост, если не с кем больше поиграть. Ее большие спокойные глаза глядят ласково до наивности. Индейцы уверяют: пума — друг человека, сама не нападает на него никогда. А если встретятся эти двое в пустынных местах, она подбежит, подпрыгивая и роя лапой землю, словно приглашая человека поиграть. Увы, люди таких шуток не понимают и отвечают выстрелом.

Пума. В роде фелис, к которому относят пуму многие систематики, это самая большая кошка. Ее вес 35—105 килограммов.

На вопрос, что подразумевать под словами «неверный путь», ответить, кажется, нетрудно. Пума — крупный зверь. В Канаде она гоняет по глубокому снегу оленей, а в знойных прериях Аргентины охотится на страусов нанду. Человек, как известно, смотрит на все, что ему может зачем-либо пригодиться, как на свою собственность. Притом пума, к несчастью, не всегда разбирает, какой зверь или птица пользуется пока свободой, а какой для удобства человека «прописан» в загоне, хлеву или курятнике. Она иной раз нарушает относительный покой «цивилизованных» животных, чтобы ввергать их в покой окончательный и безвременный. А уж это и совсем непростительно.

Итак, «пума — бедное дитя, ступившее, однако, на неверный путь»...

У ягуара жизненное пространство, если измерять его в географических категориях, меньше, чем у пумы: от юго-запада США (Техаса и Аризоны, где он уже, кажется, истреблен) до Северной Аргентины. Ягуара от леопарда не всякий отличит. Очень похож, и пятна почти такие же: только покрупнее и некоторые их розетки с маленьким черным пятнышком в центре. Голова у ягуара больше (череп массивный, почти как у тигра), хвост короче, и сам зверь тоже относительно короче, но выше леопарда. (Весит в среднем больше 100 килограммов.)

Ягуар бегаёт, лазает и плавает отлично. Воду, как и тигр, очень любит. Амазонку легко переплывает, и был случай — напал ягуар на людей в лодке, они в воду попрыгали, а он сел в лодку и поплыл, поглядывая по сторонам. Любит плавать, лежа на бревне, вниз по реке, так иной раз замечается, что течение выносит его в океан. Рыболов ягуар искусный, часами караулит рыб у воды. У реки охотится на водосвинок, тапиров. Даже на крокодилов, которые поменьше (а большие крокодилы охотятся на него!). У моря ловит черепахи. Вскочит из кустов и кидает вверх брюхом одну черепаху за другой. Черепахи перевернутся и уползти сами не могут, но и не умирают, не портятся. Потом ягуар приходит и когтями вырывает из панциря тех, которые устали лежать вниз спиной и высунули головы. Живут ягуары и в степях и в сырых болотистых лесах (и нередко рахит там наживают!).

Просто кошки!

Египтяне еще раньше, чем начали строить пирамиды, приручили дикую кошку. И вот живет она в нашем доме: вроде бы и с нами, но и сама по себе. Иной раз и не знаешь, чем лучше угостить ее, что ей больше по душе — мясо, молоко, свежий огурец или капли валерьяновые...

Одни кошки обожают сырую рыбу, другие — сырую... картошку! Есть такие, которые от сырой рыбы воздерживаются, а если им предложить сырую картошку, только фыркнут.

Кто из диких котов любит сырую картошку, не известно. Но никто не запрещает нам предположить, что любительница поесть рыбку имеет в себе кое-какие качества кота-рыболова, занимающегося своим ремеслом на берегах рек, впадающих в Индийский океан, да и на берегах самого океана, в мангровых зарослях. По деревьям лазает эта крупная кошка неохотно, но плавает великолепно. Говорят, даже ныряет за рыбой, как выдра, но это наукой еще не доказано, хотя и не отрицается.

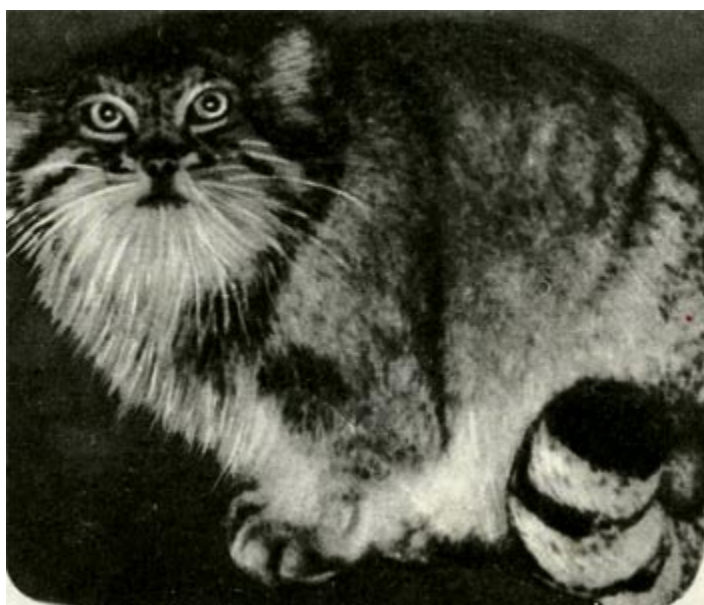

Камышовый кот хаус — одна из немногих кошек, которая устилает своей шерстью гнездо.

Есть кошка плоскоголовая — ростом меньше кота-рыболова и похожа на виверру. В непроходимой гуще кустов и тростников Индокитая, Индонезии охотится на рыб, лягушек и крабов. Есть золотые кошки (в Африке и Южной Азии) — у них только на морде яркие белые пятна и полосы, а все тело однотонное, серое или рыжее. Довольно крупная (120 сантиметров общая длина), горная кошка пушиста, как снежный барс, и обитает так же высоко в горах (Анды Южной Америки), у границ снегов. Пятниста, но пятна не черные, а ржаво-оранжевые! Несколько похожа на нее окраской кошка пампасов. Она в Южной Америке как бы заменяет нашу дикую степную кошку, а он-силла — нашего лесного кота. Видом онсилла — миниатюрный ягуар.

В тех лесах (и даже еще севернее — вплоть до Мексики и Техаса) живет дикий кот маргай, похожий на онсиллу (он лишь чуть покрупнее и длиннохвостее). Онсилла предпочитает прятаться и охотится на земле, в кустах, а маргай — на деревьях.

Он и плавает отлично. Бразильцы называют маргая малым оцелотом. К сожалению, о жизни этих кошек мы почти ничего не знаем. Лишь оцелот и ягуарунди изучены лучше.

Некоторые специалисты полагают, что манул был предком домашней персидской, или ангорской, кошки. Его мех очень длинный и пушистый, потому что зимы там, где живет манул, весьма холодные.

Оцелот после ягуара и пумы — самая большая дикая кошка Америки (до полтора метров в длину). Мексиканское имя оцелота — тигрилло. Он довольно массивен, голова тяжелая, шея и хвост короткие. Охотятся всюду на оцелота из-за его красивого меха, который высоко ценится на мировых пушных рынках. Раньше обитал оцелот и в США (Аризоне и Арканзасе), сейчас там, кажется, полностью истреблен. Но в Мексике, Боливии, Гвиане, Бразилии и Северной Аргентине еще

живут оцелоты: в тропических лесах, пампасах и в нагорьях, поросших кустарником. По деревьям лазают и плавают отлично. Нападают даже на двухметровых удавов. По ночам, в декабре — январе, когда у оцелотов свадьбы, их громкие крики, похожие на мартовские концерты наших котов, оглашают леса Южной Америки.

Самые большие кошки Африки — лев, леопард и гепард. Сервал меньше их, но крупнее всех других африканских кошек.

Ягуарунди — кошка во многих отношениях особенная. Коротконогая, длиннохвостая, голова маленькая и ушки тоже. На деревья ягуарунди залезают редко и невысоко. Несмотря на короткие свои ноги, бегают быстро и преследуют убегающую дичь долго — целую милю, что для кошек необычно. В Панаме в одной компании с обезьянами разоряют они плантации, забираясь на деревья и поедая зеленые фиги. В зоопарках охотно едят бананы и виноград.

В одних местах, в одних лесах живут ягуарунди и ярко-рыжие, лисьего цвета, и серые. Рыжих прежде считали особым видом и называли эйрами. Оказалось: эйры и ягуарунди — кошки одного вида, разные лишь цветом шерсти, как леопарды черные и пятнистые. Некоторое старые исследователи утверждали, что эйры охотятся небольшими стаями. Новейшие наблюдения, кажется, с этим не согласны. Знаток кошек А. Денис в книге «Кошки мира», изданной в 1964 году, пишет, что ягуарунди живут в одиночестве все время, кроме сезона размножения: тогда парами.

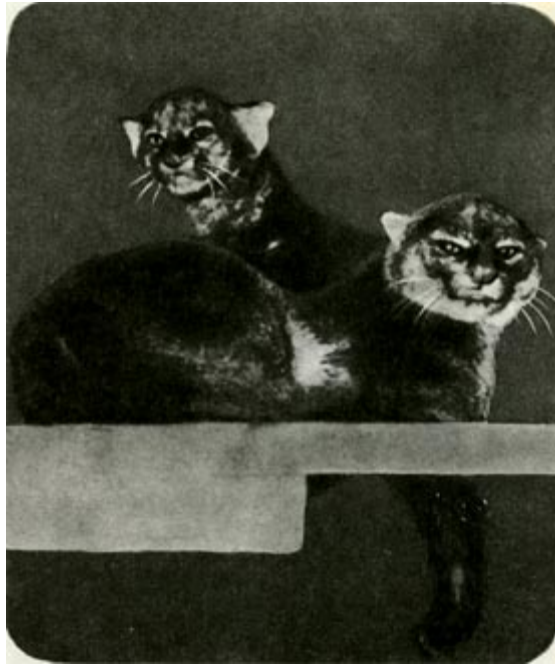
Некоторые систематики полагают, что бенгальская дикая кошка и наш дальневосточный лесной кот — географические расы одного вида.

Кошка-рыболов ловит рыбу не только с берега, как многие кошки, но и ныряет за ней в воду.

По-видимому, два раза в году (в марте и августе) рождаются у ягуарунди котята.

Пума и, ягуарунди — единственные кошки Америки, окрашенные однотонно, без пятен. В одном помете у ягуарунди рождаются котята двух основных цветовых фаз — красно-бурые и серые, а иногда еще и черные. Красно-бурых и серых ягуарунди считали еще недавно разными видами.

С ручными, каракалами охотились древние персы на разную дичь. У некоторых народов Азии и сейчас еще каракал ловчий зверь. Эта степная рысь очень проворна и стремительна в нападении.

«Рысь пестра снаружи...»

Может быть, с легкой руки Александра Александровича Черкасова слово «рысь» утвердилось в русской литературе как слово женского рода? Это он писал: «рысь довольно велика», «голова ее чрезвычайно сходна с кошачьей», «уши у ней коротенькие», «одарена крепкими и мускулистыми ногами с довольно большими

ступнями», «тонка в животе» и т. п. А между тем старые словари рекомендуют слово «рысь» в мужском роде, как «барс» или «волк». И в иностранных языках оно обычно мужского рода.

В народе, впрочем, еще задолго до Черкасова наделили слово «рысь» женским родом. «Рысь пестра снаружи, а человек внутри», — говорили. И правильно делали! «Рысь пестр» — не звучит как-то. Слово «рысь» близко слову «рыснуть», то есть бежать, «рыскать». Оно прямо связано с качествами зверя, потому что за ними видишь и быстрый бег, и лазанье, и прочее «рысканье» по лесам.

Рысей на свете четыре вида. От других кошачьих отличают их короткие, словно обрубленные, хвосты, кисточки на ушах и иногда бакенбарды на мордах. (Зрачки у всех рысей почти круглые.)

Северная лесная рысь живет в Европе, Азии и Северной Америке: Аляска, Канада и США у границ Канады. Рыжая рысь, или бобкэт (у нее кончик хвоста белый, у лесной рыси — черный), — в США и Северной Мексике. Каракал — зверь равнинный, обитает в пустынях и степях Африки, Аравии, Турции, Сирии, Ирака, Ирана, Северо-Западной Индии, а у нас — в Туркмении, Бухарской области. И наконец, африканец сервал — тоже степной зверь.

Пожалуй, самая ловкая и быстрая из рысей — каракал. Даже птиц ловит на лету! Подкрадется к сидящей на земле стае и прыгает над ней высоко вверх. Птицы с криками взлетают, и тут зверь цапает их в воздухе когтями. Прирученные каракалы на состязаниях, некогда очень любимых персами, хватили в одном прыжке несколько голубей сразу. В Азии местами с ручными каракалами охотятся на зайцев, фазанов, павлинов и даже на мелких антилоп и оленей. Теперь такая охота — редкость, но в древности была очень популярна на Востоке. Шерсть у каракала рыжая, без пятен, но детеныши пятнистые.

Наша северная рысь тоже ловка: и на деревьях и на земле. Плавать хорошо. Смела: нападает даже на лосей, изюбрей, молодых свиней. Когда добычи много (главным образом зайцев), далеко от привычных мест не уходит. Когда мало, рыщет по округе, проходит десятки километров. Зимой волки, нападая стаями, рвут рысей. Я видел (по следам), как волк и волчица загнали в мелком осиннике рысь на дерево. Под тяжестью ее осинка согнулась, волки, прыгая, стащили рысь на землю, ранили ее сильно, она вырвалась, успела залезть на другую осинку, но повторилось прежнее: волки достали в прыжках рысь, стащили на землю и загрызли. Сама рысь живет в такой же вражде с диким лесным котом. Если встретит и поймает его, загрызет.

Охотится рысь скрадом и из засады. Если первое ее нападение неудачно, она упорно преследует, выслеживает жертву и день и два.

Мясо у рысей, говорят, вкусное. Прежде в Европе лишь людям высокого ранга разрешалось его есть. Это было лакомство владетельных князей, графов и баронов. В наш демократический век привилегии такого рода отменены, но и рысей в Европе почти не осталось, так что воспользоваться рыцарским лакомством по-прежнему не каждый может.

Еще встречаются рыси в Испании (особый ярко-пятнистый подвид — пардовая рысь), в Скандинавии, Сардинии, Греции, Болгарии, Польше, Чехословакии, Турции, на Кавказе, в таежных лесах нашего Севера и Сибири (на Камчатке, однако, рысей нет, а на Сахалине есть!) и в горах Средней Азии.

Сервал с рысями в близком родстве, и, наверное, по этой причине мясо его всюду в Африке, где он живет, очень ценится. Сервал — кошка средней величины, длинноногая, больше-ухая, короткохвостая и пятнистая. Обитает и в сухих степях и в сырых тропических лесах.

Лесные сервалы более коротконогие, темные, и пятна у них мельче. Прежде лесных сервалов считали особым видом и называли серваловидными кошками, или сервалинами. Теперь доказано, что лесные и степные сервалы — лишь разные расы и экологические типы одного зоологического вида.

Хоть и длинноноги сервалы, однако за антилопами, подобно гепардам, резвым аллюром долго не скачут. Охотятся, как мелкие кошки, скрадом в высокой траве и кустах. По деревьям лазать умеют, но не особенно любят это. Только от диких собак ищут спасения над землей, в ветвях акаций и баобабов.

Манул внешне на рысей не похож, но в строении его черепа замечены некоторые рысьи черты (у него и зрачки такие же: почти круглые). Поэтому систематики говорят, что законное место манула — в подсемействе рысей. Другие сближают его с европейским диким котом, на которого манул похож и повадками, и внешностью, и рядом анатомических свойств. Хвост у манула длинный, уши маленькие, без кисточек, а мех... мех такой густой и длинный, как ни у кого больше из кошек. На спине несколько поперечных полос (но бывают манулы и без полос), а хвост украшен темными кольцами.

Обитают манулы в степях и нагорьях Закавказья, Средней Азии, Забайкалья, Монголии, Северо-Западного Китая, Ирана, Афганистана и Кашмира.

Камышовый кот хаус — тоже своего рода переходное звено от малых кошек к рысям. Он похож на рысей больше манула (опять-таки внешне). Высоконог, хвост недлинный, а на ушах небольшие черные кисточки. Цветом рыже-серый, ростом с небольшую рысь, весят старые камышовые коты около пуда (рыси бывают и двухпудовые).

Хаус — житель тугаев, густых камышей и кустарников по берегам рек и озер. Открытых мест избегает, да и по камышам ходит не тропами, а чаще непролазной. Охотится на фазанов, уток, лысух и других птиц. Гнездо строит из сухих стеблей тростника прямо на земле (и выстилает его шерстью), иногда в старых норах барсуков, лисиц и дикобразов.

Низовья Нила, Палестина, Восточная Турция, Закавказье, низовья Волги, поймы рек Дагестана и Средней Азии, Ирана, всей Индии и Индокитая — места, где живут дикие коты хаусы.

Мелкие кошки (не рыси!) еще четырех видов обитают в нашей стране: степная кошка (Закавказье и Средняя Азия), барханный кот (поросшие саксаулом пески Средней Азии), европейский кот (Закарпатье, Полесье, плавни Днестра, Кавказ) и дальневосточный лесной кот. Всего в фауне СССР 12 видов больших и малых кошек. Перечислю всех в порядке убывания их величины (длины тела): тигр, леопард, барс, гепард, лесная рысь, дальневосточный лесной кот, камышовый кот, каракал, европейский лесной кот, степная кошка, манул, бархатный кот.

Непарнокопытные

У непарнокопытных ось ноги (продольная) проходит через третий палец. А пальцев по три на каждой ноге (носороги), или четыре на передних и три на задних (тапиры), либо на каждой ноге лишь по одному пальцу (лошади, зебры, ослы). Желудок простой: однокамерный, как и у нас, но не как у коровы. Печень без желчного пузыря, а на черепе нет костяных выростов — основания рогов. Рог носорога — кожного происхождения, сложен из многочисленных вертикальных, плотно прижатых друг к другу фиброзных волокон. Индийские носороги периодически сбрасывают старые рога, и у них вырастают новые. Все непарнокопытные рожают только одного детеныша, очень редко (малайские тапиры) двух.

Непарнокопытные

Обитают на всех континентах, кроме Австралии и Антарктиды, и на некоторых больших островах: Суматра, Ява, Калимантан (тапиры и носороги). В Южной и Центральной Америке — только тапиры. В Северной Америке жили в доисторические времена древние лошади, но все вымерли (мустанги — это одичавшие потомки лошадей, которых привезли в Америку люди). В Восточной и Южной Африке — носороги, зебры и дикие ослы. В Азии — дикие ослы и лошади.

Зебра

Только 15 видов (и пять родов) диких непарнокопытных сохранилось на Земле. Но прежде, в доледниковое время, и многочисленнее и разнообразнее была фауна непарнокопытных. Лишь ископаемых их родов известно палеонтологам 152.

Дикая лошадь

В 1877 году Николай Михайлович Пржевальский вернулся из Джунгарии и привез шкуру дикой лошади. Он и раньше, во время первого своего путешествия в Монголию, в 1870—1873 годах, много слышал о диких лошадях, «которых монголы называют «дзер-лик-аду» («дикий табун»)». Немного позднее Пржевальский в новых путешествиях в Центральную Азию прошел через пустыни Джунгарии, и там он увидел своими глазами неуловимых дзерлик-аду.

Пржевальскому не удалось приблизиться «на меткий выстрел» ни к одной дикой лошади, но череп ее и шкуру он все-таки добыл. Их подарил ему А. К. Тиханов, начальник Зайсанского поста. А к Тиханову шкура попала от киргизов-охотников, промышлявших в Центральной Джунгарии.

Днем дикие лошади обычно держатся в глухих, пустынных местах, а ночью, чутко принюхиваясь и тревожно всхрапывая, выходят на пастбища и водопои. Ходят гуськом друг за другом по протоптанным ими же тропинкам. Кочуют обычно небольшими стадами, от пяти до двадцати

лошадей. Водит косяк старый жеребец. Он очень смел и дик, но предан своему косяку.

К началу нашего века лишь три дикие лошади (две кобылы и жеребец) были благополучно доставлены в Европу: в Асканию-Нова, в имение Фридриха Фальц-Фаина. Они паслись в просторных загонах в украинской степи, вызывая зависть всех владельцев зоопарков.

В конце концов герцог Бедфорд уговорил Карла Гагенбека, известного ловца зверей, поймать диких лошадей для основанного Бедфордом парка Воберн-Аббей, в котором жили редкостные животные.

Посланные Гагенбеком люди привезли в Гамбург 28 жеребят диких лошадей. Они, по существу, были последними, которых удалось привезти из Монголии. От некоторых из них произошли те лошади Пржевальского, которые живут сейчас в зоопарках, всего мира. На воле, в Центральной Азии, почти не осталось диких лошадей. Несколько десятков их доживают свой век в пустыне Гоби, в Монголии и в соседних районах Китая. Несмотря на запрещение охотиться на диких лошадей, пишет профессор В. Г. Гепт-нер, они обречены, вероятно, на скорую гибель.

Дикие ослы и зебры

У зебр отличие от лошадей ясное: четкие черные полосы. У ослов таких ярких знаков нет, но знаменитые длинные уши и хвост с кисточкой на конце представляют осла достаточно хорошо. Кроме того, тот, у кого останутся еще сомнения — осел перед ним или лошадь, — может взглянуть на задние ноги животного. Если на их внутренней стороне нет каштанов, то это осел. У лошади каштаны на всех четырех ногах. Каштаны — рудименты, очевидно, каких-то кожных желез: округлые, безволосые бляшки сморщенной, словно запекшейся, кожи.

Что касается ушей, то по-настоящему длинные они только у африканского дикого осла, родоначальника ослов домашних. У него и крик похож на неблагозвучный рев домашнего осла. Азиатский дикий осел кричит иначе, и уши у него короче.

Африканские дикие ослы крупнее азиатских (иногда называют их серыми, а азиатских — желтыми). Живут в таких бесплодных глинистых и каменистых полупустынях Южной Нубии и Сомали (и в ближайших районах Восточной Африки), что просто удивительно, чем сыты бывают! Мимозы, разные жесткие и колючие травы, которые ни один копытный зверь не стал бы есть, кормят этих длинноухих спартанцев.

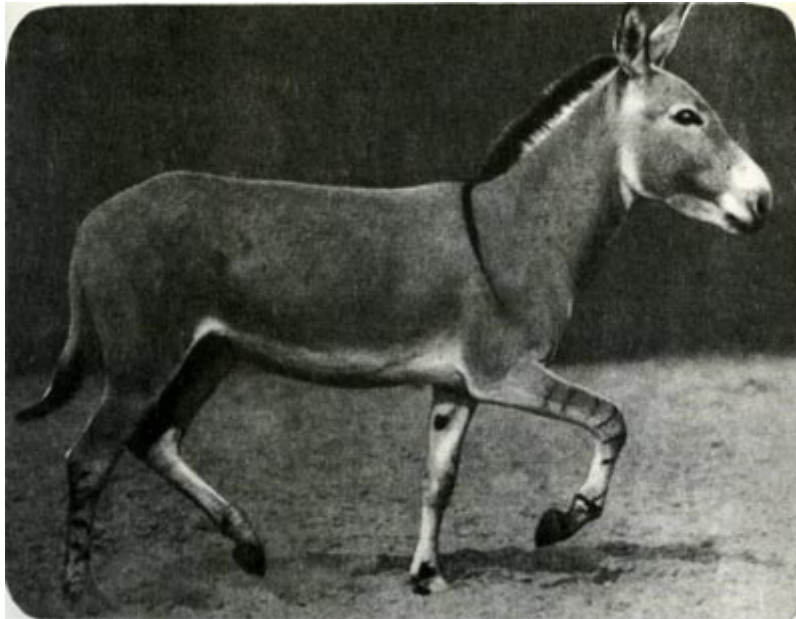

Последняя дикая лошадь! Немногие, по-видимому, лошади Пржевальского уцелели еще в степях и предгорьях Монголии.

Азиатские ослы также нетребовательны к еде и питью (пьют даже соленую воду!), и одно время, в III тысячелетии до нашей эры, древний народ Нижней

Месопотамии — шумеры — приручили этих ослов, возили на них грузы. Но потом одомашненные лошади, более пригодные для этой роли, вытеснили ослов из сферы, так сказать, труда, оставив за ними лишь сферу гастрономическую: все века, с древности и по наши дни, мясо диких ослов считается весьма вкусным (римляне его особенно ценили).

По этой и другим причинам азиатский дикий осел всюду редок, почти истреблен, хотя территория, на которой он жил и местами еще живет, очень обширна: полупустыни и пустыни, равнинные и горные, от Северной Аравии, Сирии до Монголии и Тибета. В Монголии и Средней Азии дикого осла называют куланом или джегетеем, в Тибете — киангом, в Иране и Передней Азии с древности его имя — онагр. Впрочем, разница здесь не только в названиях: они обозначают три разных подвида диких ослов. Кианг самый крупный, темный и высокогорный: по кручам и склонам ущелий кианги лазают не хуже диких коз. Онагр мельче кулана и кианга и светлее их.

Дикий африканский осел — родоначальник всех ишаков мира.

Когда-то табуны куланов скакали по степному раздолью Украины, Крыма и Закавказья. В прошлом веке много было диких ослов в Казахстане, Узбекистане, Туркмении. Но ряды их быстро поредели, и теперь сохранились у нас куланы, как полагают, лишь семьсот голов, только на юге Туркмении, в основном в Бадхызском заповеднике. В 1953 году акклиматизировали куланов на острове Барса-Кельмес в Аральском море.

Дикий осел кулан — одно из самых быстрых (если не самое быстрое!) копытных животных: напуганные, скачут их табуны с резвостью, которую не каждая скаковая лошадь способна показать, — 70 километров в час!

Первое упоминание о зебрах в античной литературе появилось во II веке нашей эры, когда историк Кассиус Дио писал о «лошадях солнца, которые напоминают тигра».

Разные исследователи описали много видов зебр, но современная систематика признает наиболее реальными из них четыре: квагга, обычная зебра равнин, горная зебра и зебра Гриви.

Квагга внешним видом спереди вроде бы зебра, а сзади — лошадь, потому что полосы у нее были только на голове, шее, и менее ясные на холке. Вся задняя часть туловища, от холки и до хвоста, без

полос, однотонно бурая или песочно-бурая. Ноги и хвост белые.

Многотысячные стада этих забавных полузебр до того как европейцы появились в Африке, кочевали в бескрайних степях, простиравшихся от мыса Доброй Надежды до реки Оранжевой и дальше к северу почти до самого Лимпопо. Квагги (как и зебры сейчас) обычно паслись в компании с белохвостыми гну и страусами. Страусы лучше видят, а квагги и гну — чувствуют. Отличное получалось сочетание: львов и людей объединенные таким образом животные замечали скорее, чем в стадах, в которых соблюдается видовая сегрегация.

Но и дружеский альянс с гну и страусами не спас квагг от гибели. Бурам, голландским поселенцам в Южной Африке, потребовались шкуры для бурдюков: в них хранили зерно. А мясом квагг голландцы кормили негров, которых заставляли обрабатывать свои поля. Говорят, что вначале квагг было так много, что бурам не хватало свинца, чтобы в них стрелять. Из трупов они вырезали пули, заряжали ими ружья и снова палили в беззащитных животных, которые не успевали далеко разбежаться.

В результате через семьдесят лет после приобщения к науке квагги уже стали достоянием палеонтологических музеев: две последние квагги в Капской провинции были убиты на горе Тигерберг в 1850 году. В Оранжевой Республике несколько животных в глуши полупустынных степей дожили до рокового 1878 года, когда последние дикие квагги навсегда расстались с жизнью.

Еще лет за сто до этих трагических событий шестнадцать квагг привезли в Европу. Квагга, которая двадцать лет пробыла пленницей Лондонского зоопарка, дожила даже до времен Дагера и была сфотографирована четыре раза. Это единственные фотографии единственной сфотографированной в живом виде квагги!

Но и лондонская квагга не была последней в своем роде. Последней была амстердамская. К тому времени ни у кого уже не осталось сомнения, что эта квагга последняя, в Африке ни одной, в Европе их тоже не было. Полосатая лошадь в зоологическом саду Амстердама меланхолически доживала свой век, а натуралисты и те люди, для которых бурдюки не олицетворяют лучших ценностей мира, в бессильном отчаянии смирились с мыслью, что будущие поколения людей никогда уже не увидят этих прекрасных животных, что через год, через два наступит смерть вида и эволюционные ресурсы нашей планеты понесут еще одну значительную потерю.

Это случилось 12 августа 1882 года: последняя на земле квагга, старая кобыла, умерла.

Горные зебры готовы разделить судьбу квагги: только около 150 последних типичных их представителей живут под охраной закона на западе Капской провинции. Небольшие табуны зебр Гартманна, которых считают подвидом горных зебр, пасутся еще в горах Юго-Западной Африки и Анголы.

Горные зебры равнинам предпочли возвышенности, с поразительной ловкостью бегают они по скалистым склонам и ущельям. Этим зебр (и зебру Гриви) называют ослоподобными. Уши у них большие, голова тяжелая, копыта узкие — стаканчиками. Но странное дело: при всей своей внешней ослоподобности ржут горные зебры почти как лошади, но на высоких нотах. Есть какие-то птичьи звуки в их ржании.

От других зебр отличить их легко. Полосы более узкие и «нарисованы» ближе одна к другой, однако до самого брюха не доходят, как у обычных зебр. Зато ноги отчетливо разлинованы до самых копыт. Примерно такого же типа полосы и у зебр Гриви, но рисунок их на бедрах и крупе иной. (На рисунках: в красном контуре — обычная зебра, в голубом — горная, в зеленом — Гриви.)

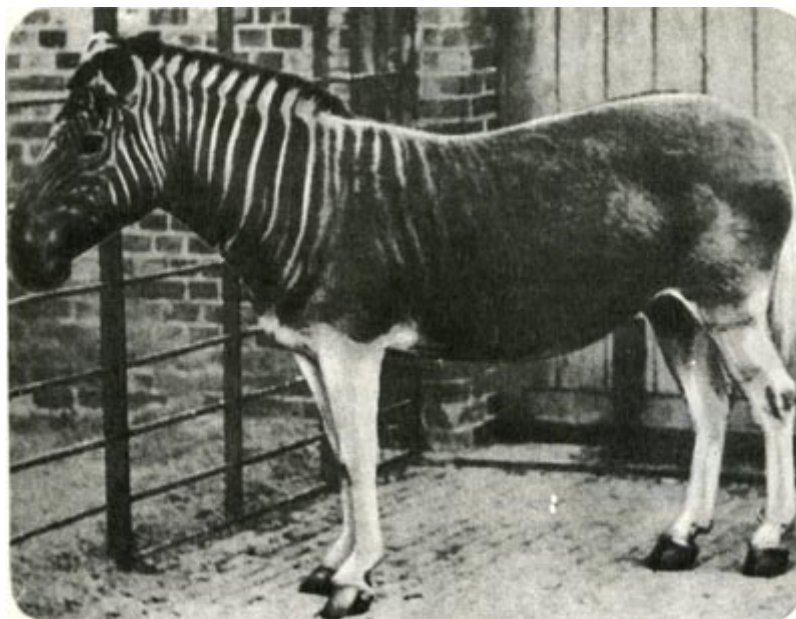

Но самое приметное, что отличает горных зебр от всех других, — отчетливый «кадык» снизу на шее.

Зебра Гриви живет в Южной Эфиопии, Сомали и в соседних областях Восточной Африки. Из всех зебр у нее на единицу, так сказать, живой поверхности наибольшее число полос: они еще уже и ближе одна к другой, чем у горной зебры. Это самая крупная из зебр, самая, по-видимому, древняя и наиболее ослоподобная: голова у нее массивнее, чем у других зебр, шея и хвост короче, уши шире, на концах округлые и красиво оторочены черными полосами. Крик ее — рев, скорее даже отрывистое рычание. Горная зебра, как уже говорилось, ржет, а обычная будто лает, но очень ритмично. Жеребята зебр Гриви рождаются с гривой по всему хребту — от холки до хвоста. И побежка у зебры Гриви иная: не кэнтер (короткий галоп), а трот, то есть мелкая тряская рысь. (Но, спасая бегством жизнь, переходят зебры Гриви на более резвый аллюр — карьер, то есть очень быстрый, стелющийся галоп.)

Зебры экваториальных и приэкваториальных равнин, или обычные зебры, полосатую расцветку носят не унифицированную: у разных подвидов и рас (даже у разных особей!) она своя и чем-то отлична. Однако все ее варианты объединяют и соединяют нерезкие промежуточные переходы. В общем, чем севернее обитают зебры этого вида, тем отчетливее и ярче у них полосы.

Редчайшая фотография — квагга!

У самого южного подвида, ныне, как и квагга, истребленной бурчелловой зебры, которая обитала в Южной Африке по соседству с кваггой, ноги были совсем без полос, полосы на теле более тусклые, основной фон шкуры не белый, а желтовато-бурый.

Второй подвид — зебра Чэпмана — живет севернее. На ногах полосы у нее нечеткие, до копыт не «дорисованы», а посередине вдоль некоторых белых полос проведены желтые штрихи. У еще более северных подвигов (Восточная Африка, Судан), например у зебры Гранта или Бема, ноги отчетливо полосатые до самых копыт, а белые полосы без всякой желтизны.

В Африке обычных зебр еще довольно много. Но, как ни странно, мы мало знаем о них: травоядны, пасутся стадами, часто смешанными (в содружестве с другими степными животными), игривы: скачут, лягаются, кусаются незлобно. Львы — их главные враги.

Недавно выяснили, что стада зебр состоят из отдельных семей, члены которых очень дружны и годами не расстаются, что память у зебр отличная: разные геометрические фигуры различают они без труда и помнят их почти год. Нет одинаково полосатых зебр даже в одном стаде, поэтому жеребята находят своих матерей по неуловимой разнице в их полосатости. Долголетие у зебр немалое. Одна прожила в Дублинском зоопарке 46 лет.

Скачут зебры резво: 50 километров в час без особого напряжения.

Самая поразительная и довольно загадочная особенность зебры — ее полосатость. Споры о ее смысле и значении было много, и до сих пор вопрос этот не для всех исследователей решен окончательно. Суть спора в том: для лучшей заметности или незаметности разлинована зебра, как верстовой столб. Именно эта аналогия заставляет некоторых зоологов утверждать: зеброидность не средство особой хитрой маскировки, а, напротив, «афиширование», помогающее их стадам лучше ориентироваться на пастбищах, лучше и равномернее рассредоточиться, не толпиться всем в одном месте, оставляя пустующими другие годные для прокорма участки степи. Полосатость их стад — будто бы своего рода пограничные знаки, отмечающие территорию каждого табуна.

«Я с этим совершенно не согласен. Как часто мы не могли отличить с самолета стадо ослов от зебр. Из окна автомобиля это тоже трудно сделать. С известного расстояния черные и белые полосы начинают сливаться, образуя однородный серый тон» (Бернгард Гржимек).

Смысл исключительной полосатости зебры вернее всего разъясняет, по-видимому, теория расчленяющей окраски. Ведь не только зебра полосатая: в природе принцип расчленяющей окраски осуществлен на многих живых моделях.

Резко контрастирующие черные полосы или пятна на светлом фоне шкуры (либо белые на черном) есть и у тигра, леопарда, ягуара, оцелота, жирафы, у антилопы куду, бонго, рыб, змей, бабочек. Словом, у многих животных.

Обычно полосы и пятна идут рядами более или менее поперек тела; достигая границ силуэта, они внезапно обрываются. Сплошная линия контура расчленяется чередующимися белыми и черными полями расцветок, и животное, теряя свои привычные глазу очертания, сливается с фоном местности. Этого добиваются и люди, когда раскрашивают военные объекты светлыми и темными пятнами, расчленяющими контуры маскируемого сооружения.

Если же черные и белые полосы идут не поперек, а вдоль контуров тела, то они не расчленяют, а, наоборот, подчеркивают их. Хорошо заметная окраска выгодна ядовитым или дурно пахнущим существам, чтобы хищники не хватали их по ошибке. Например, саламандре, скунсу, зорилле: у них действительно полосы продольные.

Того же оптического эффекта добиваются стрелки, раскрашивая мишени концентрическими черно-белыми полями: чередующиеся круги как бы подчеркивают черное яблочко в центре, усиливая его видимость. А разрисуйте круг поперечными (радиальными) полосами контрастных цветов, и вам трудно будет разглядеть такую мишень даже на близком расстоянии.

Носорог — «Кузен» коня

С незапамятных времен рог носорога славился на Востоке как лучшая панацея от многих бед.

Эта странная, ни на чем не основанная вера в магические свойства рога и погубила носорогов. Когда-то их было очень много во всех странах Южной Азии, а теперь осталось лишь несколько сот голов.

И, несмотря на охрану, носорогов продолжают уничтожать. Целые отряды хорошо снаряженных охотников прорываются через кордоны заповедников и убивают, убивают рогатых толстокожих, бьют сколько могут. В 1958 году, например, большая банда браконьеров пришла в долину Рапти, последнее убежище непальских носорогов, и устроила здесь кровопролитную бойню: стреляли всякого носорога, которого только видели, и убили пятьсот животных.

Дело в том, что до самых наших дней, которыми человечество открывает космическую эру, еще очень многие люди верят в чудодейственную силу носорожьего рога и платят за него большие деньги. (Он, кроме всего прочего, будто бы возвращает и молодость! Поэтому и цена такая большая: многим кажется еще, что юность можно купить за деньги.) На Суматре, например, большой рог стоит тысячу фунтов стерлингов, как первоклассный автомобиль. Когда речь идет о таких деньгах, некоторые люди теряют голову и покой, пока не раздобудут их, эти деньги, гуляющие в джунглях. Поэтому никакая охрана не помогает.

На земле уцелело еще (пока!) пять видов носорогов: два африканских, белый и черный, и три азиатских — индийский, яванский и суматранский, или двурогий азиатский. Азиатские носороги отличаются от африканских тем, что у них только по одному рогу на носу, а у африканских по два. Но у суматранского тоже два. Кроме того, кожа у азиатских носорогов в крупных складках: впечатление такое, будто

животное одето в панцирную броню. У индийского носорога даже хвост, когда прижат, вмещается целиком в оставленное для него углубление брони. Как у черного носорога Африки, у него заостренная небольшим хоботком верхняя губа. Но самая замечательная его черта — заостренные и удлиненные резцы нижней челюсти. Атакуя, он обычно их пускает в дело, рогом бьет режёт. Это крупное животное: весит две тонны и больше. Предпочитает уединение. У каждого своя строго охраняемая территория, свои тропы на ней и пастбища, даже специально избранные места для грязевых ванн.

Еще несколько столетий назад индийские носороги водились всюду в Индии, а сейчас уцелели только в Ассаме, Бенгалии и Непале. В начале века в Ассаме (провинция Казиранга) их было около дюжины, а в Бенгалии и того меньше.

В 1908 году в Казиранге учредили заповедник. Размеры его невелики: 30 километров в длину и около 13 в ширину. Но успех дела превзошел всякие ожидания: число носорогов за двадцать лет увеличилось вдесятеро, а в сороковые годы их было уже четыреста! Затем они стали гибнуть от каких-то заразных болезней, занесенных домашним скотом. Так что теперь в Казиранге около 260 носорогов, а во всей Индии их около четырехсот.

Кроме Индии, большой азиатский носорог сохранился лишь в Непале: одни специалисты утверждают, что там около тысячи этих животных, другие — только... пятьдесят. Но скорее всего их триста, так полагают эксперты Международного союза охраны природы

У черного африканского носорога верхняя губа узкая, заострена небольшим хоботком или клином. У белого носорога широкая.

Разные зоопарки мира получили молодых носорогов из Казиранги. Они начали размножаться в неволе. До этого времени, по существу, ничего не знали о размножении носорогов, теперь ясно стало: браки они заключают ранней весной, и после этого еще восемнадцать месяцев самки носят детенышей в своем чреве.

Яванский носорог внешне похож на индийского, но поменьше его. Есть, правда, некоторые различия и в форме передних складок их кожи и в том, что рогом на носу вооружены обычно только самцы. Его называют яванским, потому что сейчас он живет только на Яве, на маленьком полуострове, которым кончается западная окраина этого острова. А когда-то, сотни лет назад, обитал на территории очень обширной: от Северной Индии и Южного Китая до

Суматры и Явы.

В начале тридцатых годов на полуострове, единственном месте, где, по-видимому, уцелели теперь яванские носороги, был учрежден заповедник, в котором, кроме носорогов, особенно охраняли еще и тигров. Носорогов здесь сейчас, как утверждают, либо две дюжины, либо пятьдесят голов (последнее вероятнее). Численность их близка к критическому уровню: слишком мала вероятность их встреч в пору размножения, и поэтому опасаются, что, возможно, животным не удастся пополнить естественную убыль за счет новорожденных и поголовье их будет не возрастать, а уменьшаться.

Третий азиатский вид, суматранский двурогий носорог, — самый маленький из всех: обычно не выше 120, реже 150 сантиметров. Он тоже обитает не на одном лишь острове, именем которого назван. Раньше жил двурогий носорог и в Индии и в Китае, а сейчас, кроме Суматры, — в Бирме, Таиланде, Камбодже, Лаосе, Вьетнаме, Малайе и на Калимантане. Но всюду — только в очень небольшом числе. В Бирме, например, как полагают, в 1959 году было лишь 40 носорогов этого вида, а всего их на Земле около 150.

В Африке дела с носорогами обстоят несколько лучше. Во всяком случае, с черным носорогом, который довольно еще обычный здесь зверь (во всей Африке их 12—13 тысяч) и на него до недавнего времени разрешали даже охоту.

Белого носорога называют так не потому, что он белый: у него шкура грязно-серая, как и у черного носорога. Одни знатоки утверждают, что имя «белый» носит он по той причине, что по обычаю всех носорогов любит валяться в грязи, и когда уходит после «ванны» и грязь на нем подсыхает, то выглядит издали светло-серым, почти белым. Черный же носорог будто бы живет в более лесных районах и либо цвет грязи там другой, либо он меньше валяется... Одним словом, черный носорог не так часто подкрашивается.

Другие говорят, что грязь здесь ни при чем: слово «белый» появилось в зоологической литературе о носорогах из-за созвучия английских слов «уайт» (белый) и «вайд» (широкий). Буры, голландские поселенцы, называли белого носорога *Wijd*, что значит «широкий»: у него верхняя губа очень широкая, оттого и ноздри расставлены значительно шире, чем у черного носорога. Голландское *Wijd* превратилось в английское *Wide*, а затем в *White*.

В 1900 году зоологи с большим смущением узнали, что белые носороги водятся не только в Южной Африке, к югу от Замбези (так думали), но и в трех тысячах километров к северу — в болотах Верхнего Нила, в Судане.

Белый носорог — второй по величине (после слона) сухопутный зверь: метр восемьдесят — его рост (но бывают и повыше!). Вес — три тонны и больше. Один лишь рог у него длиной с небольшого человека!

Но зверь этот очень редкий. В 1920 году на Земле жило всего лишь три тысячи белых носорогов: двадцать шесть в Южной Африке, остальные в Судане. Сколько их сейчас?

«Red Data Book» — издание, в котором ведется учет исчезающих животных, — утверждает, что почти четыре тысячи: в Южной Африке — 925, в Конго — 900, в Уганде — 100 и в Судане — 2000. Если это так, то второй тяжеловес сухопутного мира, пожалуй, спасен. Но надолго ли?

Выживанию белых носорогов не благоприятствуют некоторые биологические и экологические обстоятельства. Уж очень малая у них плодовитость. Рождают одного лишь детеныша (как, впрочем, и все непарнокопытные). Это бы еще ничего, но беременность рекордно, после слона, большая — 18 месяцев. Год кормит самка новорожденного молоком, а потом еще несколько лет не покидает его. Белые носороги всяких зарослей избегают, предпочитая открытые саванны, и корм их — в основном трава (по этой причине будто бы и губа у них плоская: чтобы лучше траву щипать. Черный носорог ест много веток и листья, и удлиненной небольшим хоботком губой срывать их легче). Из открытых степей изгоняет носорогов человек: и огнестрельным оружием и распашкой полей.

Издалека, как страусы, не способны носороги заметить охотников, потому что видят плохо (хотя обоняние и слух у них отличные). Некоторую пользу в смысле сторожевой службы получают они от дружбы с зоркими красноклювыми птицами буфагусами, которые любят сидеть на их широких спинах. Заметив врага, буфагусы кричат, и носороги принимают немедленные меры предосторожности.

Как и другие большие и сильные звери, у которых в природе не было врагов, носороги оказались совершенно не приспособленными к эффективной обороне против новой опасности, явившейся на Африканский континент в виде белого стрелка со смертоносным оружием в руках. Особенно не тревожась, они подпускают стрелка шагов на тридцать — на верный выстрел — и падают, метко сраженные в голову или сердце. Если промах или рана не смертельная, обычно удирают, но бывает и атакуют. Впрочем, довольно неточно: видит носорог плохо, на бегу неповоротлив, и стоит на два шага отскочить в сторону, как вся махина из мяса, костей и толстой кожи с фырканием «промчится мимо, а затем остановится и будет удивленно озираться, куда же девался охотник». Тут уж и вторую и третью пулю нетрудно послать в носорога точно в убойное место.

И сон у носорогов крепкий, нечуткий. Масайские мальчишки в Серенгети, рассказывает Гржимек, учитывая эту малую бдительность спящего носорога, играют в такую игру. Один тихо подкрадется к носорогу и положит ему на спину камень. Второй должен подойти и этот камень забрать. Третий и четвертый начинают все сначала, и так до тех пор, «пока носорог не проснется. Игра эта отнюдь не безопасная, но и масаи не трусливы».

Губит носорогов и врожденная их привычка держаться одних и тех же мест, их исключительное «домоседство» (индивидуальная территория у черного носорога — около десяти квадратных миль). На пустующие земли, где перебиты все носороги, эти толстокожие из соседних равнин не переходят по своей доброй воле. А когда обитаемые ими земли поражает засуха и все другие копытные животные и, главное, слоны уходят искать лучших пастбищ, носороги остаются, даже если в округе нет уже ни капли влаги.

Слоны — единственные в саванне звери, способные, терпеливо и умело рыть в земле глубокие впадины. В них набегают постепенно вода. Ее пьют потом все степные четвероногие и пернатые. Так что там, где естественных водоемов нет, жизнь возможна в значительной мере благодаря слонам.

Носороги добродушны, уверяет Гржимек, хотя многие до него утверждали обратное, наивно полагая (как поведал о том Хемингуэй), что исключительная раздражительность носорогов проистекает по причине вечных запоров, которые мучают толстокожих.

Доктор Гржимек рассказывает: молодые львы любят, играя, дразнить носорогов. Окружат толстокожего, то один, то другой подбежит сзади и, увесисто шлепнув носорога «по заднему месту», отскочит. Тот, естественно, возмущен такой фамильярностью, круто и грозно разворачивается, но... сзади никого нет: львы притаились.

У львов отношения с носорогами взаимоуважительные и довольно мирные: зла друг другу обычно они не делают. Слон и носорог тоже соблюдают нейтралитет. Если встретятся на узкой тропе, то после несерьезного предупреждения с обеих сторон в виде угрожающих поз мирно расходятся. Обычно носорог первым уступает

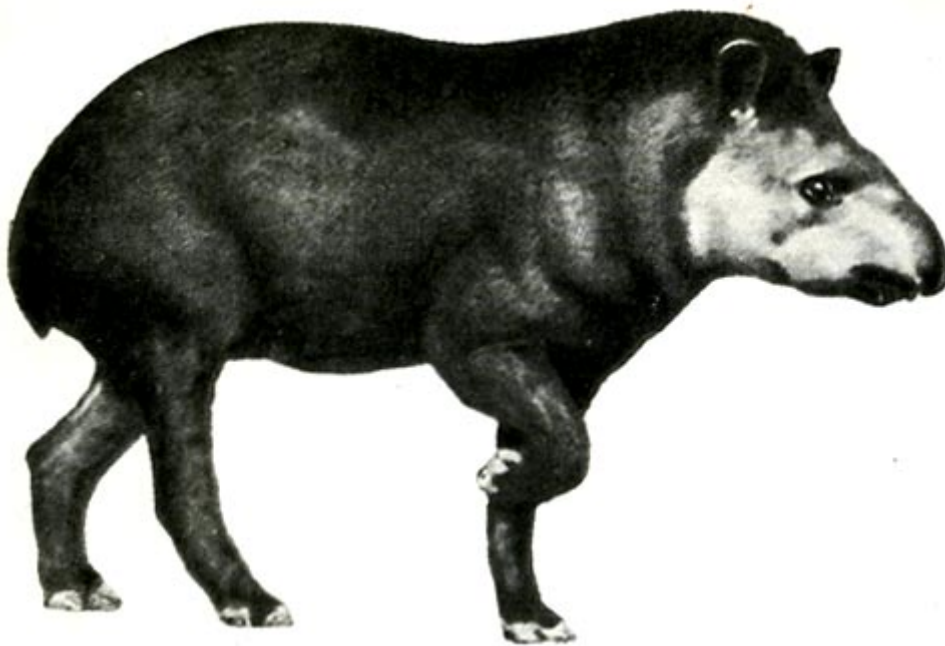
слону дорогу. Но бывает, что и слон.

Еще о таком интересном происшествии с носорогами рассказал Гржимек (правда, с чужих слов): заметили трех носорогов, «не совсем обычным образом выходящих из леса кратера Нгоронгоро. Они тесно прижимались боками друг к другу». Это были три самки, и та, которую, поддерживая с боков, вели подруги, должна была скоро родить. «Когда носороги заметили, что за ними наблюдают, они остановились и стали настороженно озираться. Но одна из самок все же продолжала растирать головой и рогом бок роженицы».

Тапир — реликтовый зверь

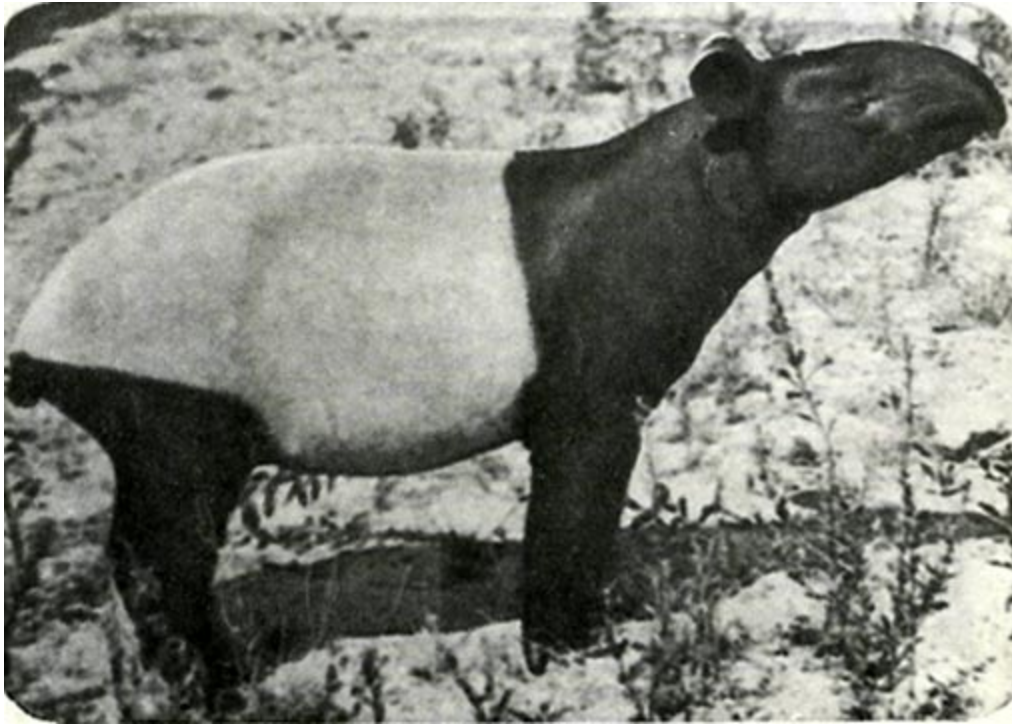
За последние тридцать миллионов лет внешность тапира почти не изменилась, и в наши дни он очень похож на древних прародителей — своих и лошадиных. Чем-то напоминает он носорога, но чем-то и лошадь. У тапира копыта на трехпалых (задних) и четырехпалых (передних) ногах — почти лошадиные (похожи даже микроскопическими деталями). И мозоли есть на ногах, ниже локтевого сустава, схожие с каштанами лошадей. У американского тапира небольшая грива на шее. Более подвижная, чем у лошади, верхняя губа вытянута в небольшой хоботок. Родятся тапиры в наряде, в котором расхаживали, по-видимому, предки многих зверей: светлые прерывистые полосы тянутся по темному фону шкуры вдоль от головы к хвосту. Так же расписаны и ноги.

В доледниковое время водились тапиры в Европе, в Северной Америке и в Китае. Но ныне уцелели лишь в Южной Америке (три вида) и в Южной Азии (Малайя, Бирма, Таиланд, Суматра) — один вид.

В Америке три вида тапиров: мексиканский (от Южной Мексики, до Эквадора), бразильский (от Колумбии до Парагвая) и горный, или шерстистый (Анды Колумбии и Эквадора), У двух первых небольшая стоячая грива на шее, как у диких лошадей и ослов.

Тапиров много еще в низменных, заболоченных лесах Южной Америки. Густые заросли, проходимые только по запутанным тропам тапиров, скрывают этих пугливых животных. Больших рек они не боятся и плавают хорошо. Но в воде крокодилы портят им жизнь (и хищные рыбы пирайи), а на берегу — ягуары и охотники из индейских племен.

У азиатского тапира словно белый чепрак на спине. Родина его — Бирма, Индокитай и Суматра. В пред ледниковое время тапиры водились и в Европе.

Одетый более густой шерстью горный тапир живет высоко в Андах Колумбии, Эквадора и Перу. Кое-где там же, а также в горах Центральной Америки еще не истреблен центральноамериканский тапир.

В 1919 году отец палеонтологии и некоторых других биологических наук, знаменитый французский исследователь Жорж Кювье опрометчиво заявил, что, по его мнению, уже все крупные животные наукой открыты. А через несколько лет ему пришлось добавить в свою «Естественную историю» описание нового вида крупного зверя — чепрачного тапира, которого совершенно неожиданно нашли вдруг в лесах Юго-Восточной Азии. До этого зоологи знали только южноамериканских тапиров.

Окрашен чепрачный тапир на первый взгляд слишком! заметно и ярко. Голова, шея, холка и ноги черные, а вся спина, бока, брюхо, круп и бедра в верхней половине чисто белые — словно белоснежный чепрак накинут на зверя. Маскирующий эффект такой окраски разъясняет аналогия с зеброй: контрастирующие тона как бы расчленяют зверя на бесформенные пятна, и привычные для глаз очертания четвероногого сливаются с другими цветовыми пятнами окружающей природы. Особенно действен этот оптический обман в лунном свете, ночью, когда тапиры (и американские тоже) в основном и бродят по лесам, кормясь листьями, ветками и сочными стеблями болотных трав.

В таком полосатом наряде рождаются тапиры.

Воду тапиры любят, много плавают и просто лежат, прохладаясь, на мелких местах. Беременность у тапиров больше года (13 месяцев), а новорожденных — один и очень редко два. Встав на крепкие ножки, полосатое дитя тут же бежит за матерью.

Парнокопытные

В отряде парнокопытных девять семейств и 194 вида. У парнокопытных ось ноги проходит между третьим и четвертым пальцами, а пальцев на ноге два или четыре (в последнем случае два боковых недоразвиты). Концы пальцев «обуты» в копыта. Только у верблюдов нет копыт. Желчный пузырь есть у всех, кроме оленей, желудок у всех, кроме свиней, многокамерный: в нем два, три или четыре разных отдела. Четырехкамерный желудок у жвачных: олени, оленьки, жирафы, вилороги, кабарги и полорогие. Жвачные (172 вида) вегетарианскую свою пищу сначала не жуют, а лишь срывают и быстро глотают: она попадает в первые два отдела желудка. Затем, отдыхая где-нибудь в укромном месте, в полудремоте отрыгивают малыми порциями непережеванный «силос», не спеша жуют его и опять глотают. Теперь уже попадает он в два задних отдела желудка. Эта интересная особенность жвачных позволяет им не задерживаться долго на пастбищах, где обычно караулят их хищники и охотники.

Парнокопытные

Свиньи, пекари и бегемоты представляют подотряд нежвачных, а верблюды — мозо-леногих. У многих парнокопытных на черепе костяные выросты — основания рогов. Рога четырех разных моделей. У оленей они сплошные (без полостей внутри), ветвистые и каждый год заменяются новыми. Растущие рога покрыты кожей и шерстью, потом кожа лоскутами с них сходит, обнажая костяную основу. У жирафов рога короткие, неветвистые, постоянные и всю жизнь покрыты кожей. У полорогих — полые внутри, как показывает название, неветвистые, никогда не

сбрасываются и никогда не покрыты шерстью. У вилорогов тоже полые, но вильчатые и ежегодно, как у оленей, старые рога отваливаются и вырастают новые.

У оленей и окапи рога только у самцов (за исключением северного оленя), у жирафа и вилорогов — у самок и самцов, у полорогих, как правило, тоже оба пола рогатые.

Все парнокопытные, кроме свиней, которые всеядны, кормятся только растениями. По происхождению близки они, однако, к злейшим своим врагам — хищным зверям.

Кабан

Мгновение назад он готов был броситься вслед за всполошившимся от его тревожного «уханья» стадом, но выстрел грянул, и, почувствовав в себе смерть, он повернулся к врагу. Ощетинился. Трехгранные клыки торчали из длинного рыла, как боевые ятаганы.

Дикие кабаны весят иногда 190 килограммов.

Видел плохо. Но запах, ненавистный человеческий запах — соннице, собранное из прогорклости табачного дыма, ужасающей вони порохового заряда — указал ему направление.

Они были один на один. Почти убитый вепрь и охотник, смотревший сквозь прицельную прорезь карабина.

Ноги кабана напряглись, как стальные пружины, и, вдруг распрямившись, метнули массивное тело. Шелестя опавшей листвой, оно, словно шипящая торпеда, устремилось через поляну.

Секунда разделяла их. Новая пуля, посланная навстречу вепрю, не заставила его даже дрогнуть. Он просто не заметил этой своей второй смерти. Его клыки опустились, чтобы поддеть человека. Но охотник отпрянул в сторону. Кабан пролетел мимо.

Он не успел ни остановить, ни изменить, ни замедлить своего движения. Черное тело, несшее в себе две смерти, встретило третью на другом краю поляны в путанице корней вывернутого грозой дерева. Столб взметнувшихся листьев был прощальным салютом леса.

Так на восьмом году из отведенных ему природой двенадцати лет жизни погиб дикий вепрь, родиной которого могли быть и джунгли Явы и Суматры, и север Африки, и Индия, и Цейлон, и Япония, и Тайвань, и вообще вся Азия градусов на пятьдесят к северу, а также и Европа.

«При локальных подъемах численности вредителей леса кабаны их настолько подавляют, что устраняют вспышку.

Взрыхляя большие площади земли, кабан способствует заделке семян, а тем самым возобновлению древесных пород. В этом отношении велика роль кабана в моховых ельниках, кедровниках и дубовых лесах» (профессор А. Г. Банников).

Их было десять. Почти столько, сколько сосков у матери. Старой свинье никогда не приходилось выкармливать так много поросят. Она еще задолго до родов по-своему начала к ним готовиться: в сучьях и прошлогодней листве вырыла великолепное логово со стенами и даже с крышей.

Это были дети — надо ли их расхваливать? В каждом верных граммов шестьсот, а один, пожалуй, потянул бы и на килограмм (если бы кто-нибудь изловчился взвесить). Они лежали, плотно сбившись, из-за палевых полос, продольно разрисовавших их шкурки, походили на матрац (если бы кому-нибудь удалось взглянуть). Вообще же постороннее внимание к логову почти исключалось: свинья соорудила его в лесной чаще, пробравшись сквозь которую могла лишь она: ее крепкое коническое рыло обладало пронизывающей энергией снаряда. Когда мать уходила искать пропитание, она для лучшей маскировки накрывала поросят подстилкой.

Десять пятачков не давали соскам покоя. Поросята сосали с таким сокрушительным аппетитом, что свинья буквально таяла. Особенно ненасытен был тот, килограммовый.

Однажды (прошло уже около двух недель) мать, возвратясь, увидела, что ее «любимец» (слово, может быть, и слишком сильное, но он чаще других появлялся у ее рыла) расковырял в земле возле логова приличную ямку и, поймав дождевого червя, с наслаждением его ест. Это послужило свинье сигналом: скоро на подножный корм.

Дня через два она, соблюдая величайшую осторожность, повела свое полосатое семейство через завалы к большому дубу — месту, которое ей было хорошо знакомо. Но именно по этой причине желудей там осталось мало.

Тогда мать, решив, по-видимому, что грех устраивать бесцельные прогулки, стала учить поросят рыть под дубом — этому замечательному занятию, восславленному басней И. А. Крылова; Поросята весело принялись за дело и мигмом наковыряли вокруг дерева множество ямок. Работа показалась увлекательной: то червяк, то жук, то старый желудь попадались.

На земле и в ней самой оказалась пропасть разных вкусных вещей!

Длинный уж куда-то не торопясь следовал, на него наступили и съели. Оказалось, вполне приличная пища. На берегу речки, куда ходили на водопой, нашли дохлую рыбу — попробовали: прелесть! Лягушки, ящерицы — все годилось. О зелени и говорить нечего, она была кругом! Но самые изысканные деликатесы скрывались все-таки в земле: нежные корешки, незрелые клубни, луковицы.

Тут откуда ни возьмись появились три бодрых молодца, по-юношески стройных и, что называется, среднего роста. Они имели порядочные клыки и поэтому ринулись в смелый бой, в исходе которого все семь сосунков были оттеснены от матки. Возмутительное беззаконие! Обездоленные поросята подняли истощный визг и носились вокруг как полоумные. А подсвинки, точнее, дети прошлогоднего опороса, несказанно обрадованные полузабытому уже угощению, затеяли небольшое междоусобие возле двенадцати кранов с манной небесной. Но мать сразу уяснила обстановку, и поросята смогли убедиться: есть справедливость на земле! Свинья гоняла подсвинков по кругу, по прямой и по всем мыслимым диагоналям. Они, бедняги, уже напустившие на себя чванливость взрослости, визжали, как обыкновенные домашние поросята, иначе добрая мать их бы не пожалела.

Однако полосатым малышам злорадствовать не следовало: в самом недалеком будущем их ждала такая же участь, ведь не вечна лактация, молочное материнское обеспечение, — три месяца.

Некому было спросить у трех пришельцев: где четвертый и где пятый? Поэтому осталось неизвестным, чьей добычей стали двое из пяти подсвинков, которым мать по обычаю своей природы предоставила полную самостоятельность, удалившись для нового опороса. Где они шатались? Чем кормились? Маленькие клыки и слишком маленький опыт, как видно, были слабой защитой от лесных случайностей...

Пришельцы оказались неплохой компанией. Их резвость, неутомимость расширили стаду горизонты — уже на километр и на два осмеливалась мать отдалиться от защитной чащи, где скрывала гнездо.

Летняя жара заставила семью резко изменить распорядок суток: теперь жировали ночью, а днем старались отоспаться — типичный режим для диких свиней.

Однажды мать привела их к затерянной в глуши бочажине. Укромное тенистое место, но странно — все вокруг носило следы загадочной деятельности. Влажная черная земля изрыта так, что на ней не росло ни травинки. Молодые березки, слишком рано почерневшие, без нижних ветвей, выглядели обреченными сиротками. Деревья, что потолще у комлей, начисто освобождены от коры и даже отполированы. О них, видно, терли чем-то, не жалея сил. Кто? Чем? Запах, насытивший здесь влажный воздух, частично отвечал на эти вопросы: то был крутой родственный дух.

Мать и подсвинки немедля показали, что надо делать: бросились в жидкую грязь, блаженно похрюкивая. За ними — поросята. В черном месиве они резвились и радовались так, будто достигли всего в жизни. Подражая старшим, временами вылезали на рыхлую сушу и терли бока о стволы.

Здесь, возле благодатной купальни, произошло воссоединение описываемого семейства с другим стадом. Встретились две мамы и не смогли расстаться: в компании веселей. Всем гуртом они произвели ужасную сумятицу, не обошедшуюся без стычек. Брызги грязи летели кругом.

Гурт, взбивая пыль звериной тропы, с глухим топотом следовал в направлении, хорошо известном старым свиньям. Прогулка, впрочем, не была дальней и утомительной, ведь с поросятами особо не попутешествуешь. К тому же дикие свиньи вообще предпочитают держаться в знакомых местах. Летом они (даже без

ненадежного в пути молодняка) лишь иногда (и только за хорошим угощением) решаются преодолеть пяток-десяток километров. Тридцатикилометровые марши — редкость.

В пути было много развлечений, но недосчитались одного поросенка. Выказав задатки будущего аутсайдера, главный герой нашего рассказа решил продлить прекрасное мгновение и, когда родня его удалялась, еще нежилась в благоуханной жидкости. Лишь только затих вдали шум свинячьей компании, смелый любитель одиночества замер — это была врожденная детская реакция на опасность и пугающую тишину.

Так бы, возможно, и сидел он, коченея, но вдруг перед ним возникло мрачное взъерошенное клыкастое видение. Оно, вздернув пяточок, с шумом вдохнуло воздух, но в обилии оставленных гуртом запахов не различило такой мелочи, как живой поросенок. Огромное (килограммов на двести, а может, и триста) тело плюхнулось в жижу. И конечно, согласно законам физики вытеснило из нее начинающего аутсайдера, который тут же со всех ног бросился наутек.

Нарушение тишины и субординации (приветствовать старого вепря тылом — неслыханная невоспитанность) привело кабана в действительную (а возможно, показную) ярость, и он, выбравшись на берег, поскакал в погоню.

Впрочем, набитый желудями желудок склонял его к благодушию, так что минутный гнев обернулся тем, что, припугнув молокососа, кабан вернулся к прерванной процедуре.

Это была встреча отца с сыном.

«В течение нескольких лет численность кабана может упасть в десятки раз и возрасти в два-три раза» (профессор А. Г. Банников).

Другая произошла в ноябре...

За лето и осень гурт потерял четырех поросят и одного подсвинча. Две слабенькие и, видно, чем-то больные самочки (они вечно отставали) и слишком резвый подсвинок, который сломал ногу, достались на прокорм волчьему семейству. Два других поросенка пропали без вести. Эти, возможно, и не погибли, а заблудившись, пристали к чужому стаду, где их приняли как своих. Правдивые охотники (А. А. Черкасов называет их «достоверными охотниками») рассказывают, что возле одной матки кормятся иногда по шестнадцати поросят. Вряд ли все они ее кровные.

Подсвинки-кабанчики ростом почти догнали матерей, и малыши-сеголетки, навсегда простившись с по-лосатостью, уже не были малышами. «Наш» поросенок далеко обогнал в необъявленном соревновании за лучшие нормы прироста братьев и сестер. Но даже самая плохонькая свинка потянула бы не меньше пуда.

Снег не выпадал. Приступы морозов сковали землю — явление весьма неприятное, затруднившее роющую деятельность свиней. В поисках желудей, орехов, опавшей дикой груши и яблонь и прочей подоспевшей снеди гурт рыскал ночи напролет, а при возможности и утром, и вечером, и днем. Опыт старших и врожденный инстинкт стимулировали великолепный темп в деле подготовки к зиме. Есть побольше и жиреть для свиней действительно дело. И очень важное. Жир под кожей — первая линия обороны против зимнего холода и голода.

Холодным утром в конце ноября старая свинья, возглавлявшая гурт, наткнулась на разлитое по тропе нечто желтое. Она шарханулась, странно возбужденная. Стадо, ломая сучья, понеслось прочь с привычного пути.

Но желтые, пенистые «любовные письма» попадались все чаще и в разных местах. Стадо, словно то, библейское, в которое вошли бесы, будто обезумело и блуждало, взбудораженное неведомым волнением, по самым бессмысленным и опасным маршрутам.

Поросята, ничего не понимавшие, тем не менее были заражены всеобщим беспокойством. Похоже, какие-то новые законы меняли привычное течение их жизни.

И вот явился гость, правда, пока лишь обыкновенный молодой секач, такой же, как и те, что и прежде нередко приходили к стаду на летних жировках, не вызывая при этом никакой встречной помпы. Но теперь он выглядел несколько страшновато. Шерсть на хребте топорщилась, глазки воинственно горели. Секач попытался отогнать от гурта кабанов-недорослей. Но, конечно, никто не хотел расставаться с семьей, все жались к бокам матерей.

События развивались на болотистой поляне: по ее краям возвышался неплотный лес могучих деревьев, а в центре торчал небольшой островок кустарника, к которому преследователю удалось прижать стадо. Но только этим и ограничился его успех.

Вдруг откуда-то вынеслась темная ошестиненная туша. Молча летела она прямо на молодого секача, но тот словно ждал нападения, про себя удивляясь, почему оно до сих пор не свершилось, и, не медля ни секунды, не протестуя ни звуком, умчался.

Загнав молодого кавалера в лес, матерый вернулся к стаду. То был настоящий хозяин. Его деспотическую власть все тотчас почувствовали и приняли. Молодые кабанчики при первом угрожающем наскоке покинули поляну (отлучение постигло и свинок-сеголеток, хотя и не всех: те, что покрупнее, остались).

Так начался гон. Не день и не два предстояло молодняку маяться поодаль. Восьмерых избранниц на это время ожидала перспектива полуголодного существования: свирепый вепрь не позволял им отлучаться далеко от поляны, пищевая ценность которой не была, к сожалению, неисчерпаемой.

В 1954 году ниже Лонг-Пезо переправлялось столько кабанов, что первые животные уже достигли противоположного берега, где их убивали охотники, а находившиеся в хвосте стада все еще продолжали входить в воду. Избиение длилось несколько недель, и тысячи уносимых Каяном кабаньих туш, с которых было обрезано сало, скопились перед Танджунгселором, где река расширяется и заметно замедляет свое течение. Но этот город населен малайцами-мусульманами, для которых свинья нечистое животное; поэтому они отказались купаться и потреблять речную воду, загрязненную тысячами разлагавшихся на солнце трупов,

а их негодование было так велико, что они объявили войну даякам — виновникам резни (П. Пфеллер).

Нескончаемые снегопады — то тихие и мягкие, то вьюжные и колючие. Голод и холод... Гурт уходил от зимы. Секачи, утратив вкус к одиночеству, прельщавшему их летом, воссоединились с малолетками и самками. Самый сильный шел впереди: задние ноги тащил волоком и ими пропахивал глубокую борозду. Все цепочкой следовали за ним.

Разве уйдешь от зимы?! Она повсюду. Она оставалась сзади, в пройденных за день десяти-двадцати километрах, но была и впереди, в глубоких сугробах и в тоске голодных волчьих глаз.

Чтобы, ослабев, не стать чьей-нибудь пищей, надо найти пищу себе. А как? Если земля цементно-крепкая, если сквозь холодный снег не пробиваются запахи? Когда попадался шелестевший над замерзшим болотом тростник или камыш, его начисто обгрызали. Стог сена — находка: под ним ночевали, его же и ели. Не очень, впрочем, он вкусен.

Но лишь два стога разорили безнаказанно; третий... Когда приблизились к нему, встретили вспышки и гром выстрелов. Законное возмездие унесло обеих маток и одного секача: охотники целили в тех, кто покрупнее.

С этой минуты наше овечье грустью повествование, задумай мы его вести, не опуская подробностей, должно и вовсе стать печальным, потому что зима еще только начиналась и осиротелых поросят поджидали волки, глубокий снег, рыси, гололедица, одичалые собаки, голод, морозы и охотничий сезон. Но при всем уважении к жанру трагедии не будем вдаваться в подробности, которые неминуемо нас в него втянут. Не сделаем попытки как-нибудь приукрасить, смягчить события или ввести сюда прелестные литературные случайности, выручающие зверей из самых затруднительных положений. Поищем повод для оптимизма в реальности.

Весна... На буграх черные проплешины, в низинах со вздохами оседающий снег. Молодой кабан пришел на родное пепелище. Мало чего осталось после зимы от логова, которое покойная мать строила с таким усердием. И от семьи тоже никого не осталось. Он один — кабаненок.

Но он вернулся! И значит, не все потеряно! — вот источник нашего оптимизма.

...Прошло три года. За это время обширная площадь, по которой ходил и бегал наш герой, была объявлена государственным заповедником — причина того, что ни одному из нажимающих указательными пальцами на спусковые крючки не посчастливилось больше воскликнуть: «Вот обрадуется старуха, секача положил!»

И в этом тоже реальная причина оптимизма для тех, кто ценит в диких животных не только волнительную мишень для стрельбы и мясо для шашлыков.

Он, «наш» поросенок, уже настоящий секач, крепко стоял на мускулистых ногах, каждая из которых упиралась в землю всеми четырьмя пальцами. И боевые клыки содержал в постоянной готовности. (У него были еще клыки, поменьше, в верхней челюсти. О них он и оттачивал свое оружие.)

В тот день (стоял июль, и припекало изрядно) пораньше отправился он на жировку, чтобы успеть до жары перекопать опушку, где, как он чуял, много дождевых червей и лесных мышей. Ветра не было, и поэтому не было никакого смысла искать подветренную сторону, чтобы от нее приближаться к нужному месту. Кабан бежал напрямик и, лишь выскочив на опушку, разглядел небольшого медведя.

Тот ел тухлого, никому, кроме сорок, не нужного подсвинка, павшего здесь от неизвестной болезни дней пять назад. Сороки с березы поодаль с понятным вниманием следили, как исчезали в ненасытной пасти куски мяса. Этих голодных непосед заморозило чужое обжорство, они казались черно-белыми плодами, которые вдруг взрастила береза.

Сороки заметили кабана до неприличия поздно, и тем нелепей и неожиданней спугнул тишину их предупреждающий тарарам. В нем они выразили испуг, досаду, которую до этого терпеливо хранили про себя, и главное — большую радость от представившейся возможности угодить косолапому хозяину леса.

Медведь зарычал, вздыбясь на задние лапы, а затем сделал вид, что хочет броситься на кабана. Но тот стоял перед ним и не отступал (он именно тут собирался рыть своих червей). Его клыки мелко-мелко дрожали — угрожающий жест, показавший, что он их точит. Медведь вяло двинулся в атаку, однако, вместо того чтобы держаться прямого направления, забирал все левей и левей.

Когда он (на безопасном расстоянии) обогнул кабана, оказываясь тем самым у него в тылу, секач сдвинулся с места. Он тоже затрусил влево, пробежал мимо падали и, сделав крюк, ступил на след медведя. Медведь надал, и вследствие этого оба зверя оказались бегущими на противоположных краях круга — так что было неясно, кто кого преследует.

Поглядев немного на эту карусель, сороки сделали правильный вывод и ринулись вниз, на подсвинка, ставшего беспризорным. Они клевали торопливо, перессорились. Медведь не вынес безобразия и сошел с круга.

Кабан преисполнился гордости. Как-никак это ведь была победа, хотя всего лишь моральная. Случилось даже, что дождевые черви, вещь, без спору, высококалорийная и приятная на вкус, исключились из гаммы владевших им желаний. Теперь как бы в награду, которая положена истинному герою, захотелось чего-то посушественней. И кабан углубился в лес по тропе, не однажды хоженной. В наступившей темноте вышел на кукурузное поле...

Морща пяточок, он долго принюхивался. Запах далекой деревни принес ветерок — слишком слабый, чтобы опасаться людей. Изумительно пахла кукуруза, шелестевшая вот тут, рядом. Кабан ринулся, хмелея от ее аромата. Высокие стебли под ним смялись, он нащупал рылом упакованный в зелень початок. Зерна хрустели и таяли во рту. Кабан ел и ел, вертя хвостом.

В конце августа или в сентябре (счет дням никто не вел) он почувствовал, что на боках под кожей у него наливается тугой тяжестью калкан — кабаньей латный доспех, не из металла кованный, а фиброзный, которым природа защищает бока секачей от ранений.

(Кстати, А. А. Черкасов и, по-видимому, многие из старинных «достоверных охотников» не раз убеждались, что пуля, посланная в бок осеннего кабана, отскакивает. Они обвиняли в этом слой смолистых веществ, который якобы «так собьется и так облепится», что станет непробиваемым панцирем. Но, конечно, были не правы. Именно калкан — не смола — выручал кабаньи бока: пули ведь были тогда не те...)

«Конь убежал домой один, а кабан, увидав своего врага на дереве, но не имея возможности сдернуть его на землю, лег под тем самым деревом и только яростными глазами посылал месть и проклятье несчастному охотнику. Мусорин смекнул, что дело плохо, дело дрянь, кабан не отходит, видимо, дожидается его, а дострелить зверя ему нечем и спуститься на землю невозможно, значит, явно идти на верную смерть; сидеть же на дереве и дожидать смерти кабана тоже невозможно — холодно. Он начал кричать, перекричал голос, охрип, не знал что делать, к чему прибегнуть!..» (А. А. Черкасов).

Кабану открывается многое. Он не кормится там, где все стадо. У него сильные ноги. Он знает, где кончается лес, куда течет река, кто живет в горах. Ему знаком мерзостный вид домашних свиней, он помнит, каков запах у отправившегося на охоту человека, он видел автомобиль, трактор, комбайн. Но без стада он жить не может. Он его оплодотворяет и хранит, а во время тяжелых переходов, рая ноги, пробивает для него путь в снегу.

Семь лет миновало, как родился он. Клыки пожелтели и не так остры теперь, но зато велики (у кабанов растут они постоянно), а крепкое рыло способно разрывать норы запасливых грызунов даже в пору, когда земля звенит, стиснутая свирепой силой мороза.

В тот год зима не торопилась овладеть лесом. Выпал снег, но, не пролежав и недели, растаял под натиском теплых ветров. Нет-нет и солнце проглядывало — обманчивое солнце ноября, располагавшее жирных вальдшнепов благодушно откладывать перекочку на юг. Да и кабанов оно вводило в заблуждение: им пора было искать место для зимовки, но как уйдешь от великолепного шуршащего ковра дубовых листьев, который достаточно копнуть, чтобы найти свежееповашие желуди?

Широкие круги, которыми ходил кабан вокруг жирующего стада, натолкнули его на охотников-браконьеров. Он остановился как вкопанный, услышав за деревьями человеческую речь. Большие уши напряглись, повернувшись в сторону страшных звуков.

...И вот тут он встретил три свинцовые смерти.

Свиньи настоящие и ненастоящие

На Земле восемь видов диких свиней. Три из рода обычных кабанов: карликовая свинья (Южная Азия), яванский кабан (Ява, Целебес, Филиппины) и калимантанский кабан (Калимантан, или Борнео, и Филиппины). В Азии (на Целебесе) живет баби-руса. В Африке — бородавочник, кистеухая и гигантская лесная свинья.

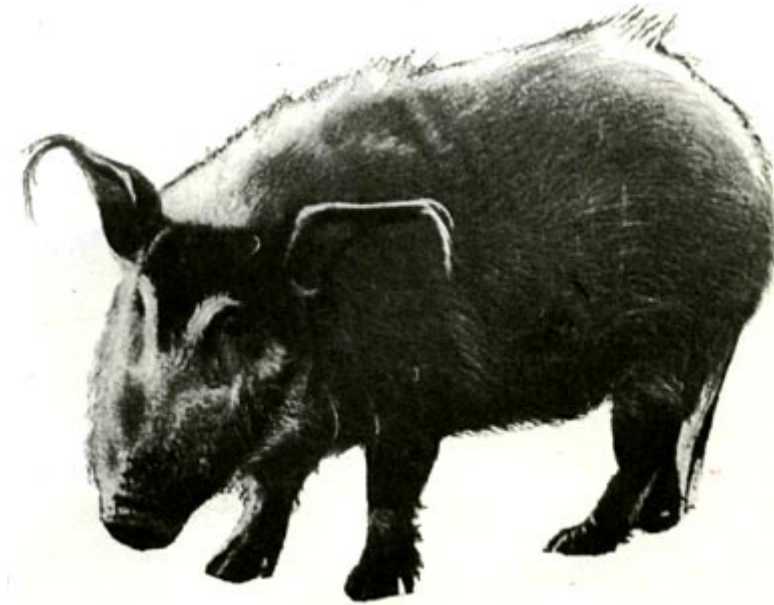

Африканские бородавочники не так массивны, как европейские и азиатские кабаны, но верхние клыки у них как сабли: длиной бывают до 63 сантиметров.

Азиатские родичи нашего кабана (кроме бабирусы) во многом на него похожи. Африканские дикие свиньи в общем похожи тоже, но ряд морфологических и биологических черт говорит о известной их самобытности.

Бородавочник необычен тем, что его длинное рыло изуродовано (или, возможно, украшено, если взглянуть на сей предмет другими глазами) буграми и шишками, похожими на бородавки. По всей спине, от затылка до корня хвоста, тянется по хребту довольно длинная рыхлая грива. На морде светлые бакенбарды. А клыки у секачей очень велики — до 30 сантиметров и больше (рекорд — 67 сантиметров). У свиней, которые менее бородавчатые, чем секачи, только четыре соска, потому что поросят больше четырех обычно не бывает.

Гигантская лесная и кистеухая, или речная, свинья, изображенная здесь, — два других вида диких свиней Африки. Оба крупнее бородавочников: вес кистеухих свиней до 135, а гигантских лесных — до 275 килограммов.

В тропической Африке еще довольно много бородавочников, живут они на заросших кустами равнинах. Пасутся обычно днем, склонны к большему вегетарианству! чем другие свиньи. Ночью прячутся (от львов) в норах. Когда удирают, то высоко, как знамя, несут вздернутые вверх хвосты. Лев и леопард — вековые и злейшие их враги.

«Жилая нора бородавочника состоит из просторной камеры, в которой спят отец, мать и подросшие дети. Отсюда полого вниз идет ход в следующую камеру, где осенью, с сентября по ноябрь, появляются на свет хорошенькие поросятки. Если преследовать самку с поросятами, то малыши зачастую бросаются на землю и притворяются мертвыми. Но попробуйте поднимите хоть одного! Он завизжит как резаный, и тогда matka сейчас же бежит к нему... Леопард преследовал самку бородавочника с поросенком. Matka внезапно повернулась и напала на леопарда: он тут же удрал. В другой раз бородавочник чем-то прогневил слона. Слон громко затрубил и бросился в атаку. Бородавочник обернулся и пошел прямо на слона. Тот от неожиданности даже отступил» (Бернгард Гржимек).

Кистеухая свинья — ночное животное, избегает открытых пространств, селится в густых лесах (обычно у воды), плавать отлично. Клыки у нее меньше, чем у бородавочника: сантиметров до пятнадцати. На кончиках ушей кисточки из удлиненных светлых волос. Окраска очень разнообразна — от ярко-рыжей (у западного подвида) до черно-бурой и черной, но на морде, на щеках и на лбу большие светлые пятна. В норах прячутся обычно только свиньи с поросятами. Кабаны живут поодиночке в гуще леса.

Мадагаскарский подвид кистеухой свиньи, прежде считавшийся отдельным видом, — единственное копытное животное на этом острове (обитавшие здесь раньше бегемоты истреблены).

Гигантская лесная свинья открыта была в начале нашего века, в 1904 году, в сырых, горных по преимуществу лесах Кении и Конго. Из диких свиней она, пожалуй, самая крупная, у нее буро-черная щетинистая шерсть, редкая, довольно длинная, а пяточок очень широкий. Отличают эту свинью также выпуклый лоб и большие бугры перед глазами.

Кормятся лесные свиньи ранним утром и вечерами. Охотно пожирают мелких зверьков и птиц, умело их подстерегая и загоняя всем стадом.

Бабируса, которая обитает только на Сулавеси и некоторых малых островах (Буру, Сула, Согиан), весит не больше 90 килограммов, но у нее парадоксальные верхние клыки: они не только чересчур велики, но и растут не сбоку от губы, как у других свиней, а пронзают насквозь верхнюю челюсть. Местные легенды рассказывают, что, уцепившись этими невероятными клыками за сук, бабирусы спят будто бы на весу.

У бабирусы, дикой свиньи Целебеса, немало странностей. Прежде всего клыки: огромные, до сорока сантиметров, изогнутые вверх и назад. Причем клыки верхней челюсти пронзают верхнюю губу! Зачем такое украшательство? Может быть, чтобы в гуще зарослей не поранить морду о ветки: клыки образуют своего рода решетчатое забрало над глазами. Тогда почему у самок нет такой защиты? Скорее всего нелепые клыки бабирусы — один из известных примеров (как и хвост павлина) адаптивной ненужности и нецелесообразности некоторых морфологических признаков животных.

Далее: бабируса совершенно бесшерстна, у самок только два соска и небывало малая для свиней плодовитость: один или два поросенка (неполосатых!) в год. Живут бабирусы в густых лесах, на болотах, у рек и озер. Прибрежная растительность — их корм. Плавают много и отлично.

Пекари — ненастоящие свиньи. Внешне похожи на свиней, но есть у них ряд черт, которые побудили зоологов выделить пекари в особое семейство. Например, клыки верхней челюсти растут не вверх, как у свиней настоящих, а вниз. На задних ногах не четыре, а три пальца, желудок устроен более сложно, а на спине большая железа. Когда пекари чем-либо возбужден, шерсть, вздымаясь, обнажает железу, и сильный запах распространяется вокруг. В густых зарослях, у воды и на мелких местах в воде железа оставляет на ветках и камышах свой специфический

«аромат», который служит путеводной нитью для других пекари. Так что размещение ее на спине вполне оправдано жизнью в болотах: чем выше будут пахучие пометки, тем лучше сохранятся они, вода не зальет их в половодье.

Ошейниковый пекари. В Мексике и Южной Америке обитает еще белогубый пекари. Пекари похожи на свиней и близки им по крови, но отличаются, например, тем, что верхние клыки растут у них не вверх, а вниз.

Два вида пекари: воротничковый (с широкой желтоватой полосой в виде воротника на плечах) распространен от юга США до Аргентины, и белогубый пекари, более крупный и живущий более многочисленными стадами в лесах Америки — от Мексики до Парагвая.

Гиппопотам

Странно, что за всю историю человеческой цивилизации гиппопотам (он же бегемот) не стал домашним животным. У него на это есть права, и, пожалуй, не меньшие, чем у буйвола, слона, верблюда или кабана, с которым он в довольно близком родстве. Они дают людям молоко и мясо, несут через пустыню поклажу, таскают на стройках бревна, а тот, кого по ошибке нарекли когда-то «речной лошадь», был вынужден всего лишь подставлять под выстрелы свою шкуру.

Комментарии тут, как говорится, излишни...

Справедливо ли это? Семья гиппопотамов голов в пятнадцать — это передвижной (или, сказать лучше, в меру подвижный) мясокомбинат, способный накормить небольшой город.

Вот некоторые цифры: высота в холке до 1,5 метра, длина до 4,5 метра, вес взрослого самца до 4 тонн, самки — до 3 тонн. Б. Гржимек опубликовал данные Ветеринарного управления Кении касательно веса частей, из которых состоит бегемот. «В туше оказалось 520 килограммов чистого мяса и 33 килограмма жира, 27 килограммов весила печень, 7,8 — сердце, 5 — язык, 9 — легкие, 280 килограммов — кости. Кожа весила почти столько же, сколько кости, — 248 килограммов». Но разделанный гиппопотам был, по-видимому, «юношей» своего вида. Общий вес его — лишь 1456 килограммов. Каковы же будут цифры, если разделать четырехтонного зверя? Надо еще добавить, что зверь только с виду не в меру разъевшийся толстяк — жир у него внутренний, а вся масса — мякоть, вкусом напоминающая телятину. Причем богатая белками (24,8 процента), что очень важно, потому что белки гораздо нужнее чело-веку чем—жир. И долголетие у бегемота подходящее — по 40-50 лет жили некоторые в зоопарках.

Лет сто назад почти все тропические лесные водоемы Африканского континента кишели бегемотами. Явившийся к ним белый стрелок редко сдерживал себя, увидя торчащее из воды глянцевитое чудовище. Нуждающиеся в мясе города далеко, а самому куда такую уйму? Бегемот оставался там, где был убит, и просто-напросто гнил, отравляя воду.

Еще в древности римляне обратили внимание на гиппопотамов. Однако на что были умники, а настоящего значения зверя не поняли: на арену Колизея волокли толстых страшилищ и там убивали их для веселья почтенной публики. Зрелище получалось впечатляющее: крови лилось как раз столько, сколько надо, чтобы удовлетворить самых кровожадных.

Когда бегемот спустился почти два тысячелетия был

принят в зоопарки Европы, то за свой нрав, который в этой роли, естественно, был виден лучше, сразу же попал в общие любимцы. И директора, и служители, и даже дети его полюбили)

И тут вдруг узнали: есть у милого гиганта «меньшой братец», размером с крупную свинью. Он описан англичанином С. Мортонем в 1849 году по черепам, которые подарил ему один приятель-путешественник.

Нечего и говорить, что сразу же нашлись неверующие: «Нет!», «Не может быть!», «Не бывает!» Но знаменитый король зоопарков Карл Гагенбек поверил слухам и послал в 1910 году экспедицию в Либерию. Ее возглавил Г. Шомбургк, и весьма успешно: в том же году он нашел следы бегемота-карлика, а на будущий год поймал шестерых мве-мве (так называли этих бегемотов туземцы, другое название — нигбве).

«Меньшой» показал себя существом покладистым[^]. Одному пойманному в ловчую яму нигбве Шомбургк протянул наколотый на палку корень кассавы. Он ожидал ярости зверя, лишённого свободы. «Но произошло чудо: словно обычная домашняя корова, гиппопотам спокойно обнюхал угощение и стал уплетать его».

Нигбве по многим приметам напоминает свинью. Длина 170 сантиметров, рост 75, вес 180 килограммов. На нижней челюсти лишь пара резцов. Самки нигбве детей своих кормят, как наша домашняя хавронья, лежа на боку. И наклонностями нигбве напоминает свиней: любит рыть корни и клубни, бродить по ночам (обычно в одиночку). Днем отсыпается в чаще кустов на суше или в норах, которые роет сам. В общем, вполне милый зверь. Живет в густых лесах Либерии и Сьерра-Леоне.

У больших гиппопотамов нижних резцов две пары. И клыки — какие клыки! До 75 сантиметров! А в ненормальных случаях они достигают (так как растут всю жизнь!) метра восьмидесяти сантиметров — величина несколько даже странная. Он в толстой коже, как в броне, и этот жуткий «кровавый пот», выступающий на ней, — когда гиппопотаму жарко...

Почему животноводы не заинтересовались таким зверем? Не могли они

усмотреть за столь «неблагообразной» внешностью характер «благонадежный». К тому же и случаи из жизни бегемотов, которые удавалось наблюдать людям, вели к весьма категоричным мнениям.

«Однажды на берегу озера я увидел, как встретились гиппопотам с носорогом. Оба были зрелыми самцами. Столкнувшись, они убили друг друга. Гиппопотам, по всей видимости, вышел на берег, чтобы попасть в роскошной траве. Здесь он повстречал носорога, спустившегося попить. Ни один из них не пожелал другому уступить дорогу.

Произошло ужасное сражение. Спина носорога была порвана огромными челюстями гиппопотама. Гиппопотам же был в нескольких местах сильно пропорот рогом носорога. Оба зверя лежали в нескольких футах друг от друга, погибнув в результате совершенно бессмысленной дуэли. Несомненно, здесь был затронут вопрос чести» (Джон Хантер, охотник).

Или вот. Два безрассудных льва решили полакомиться нежным гиппопотамчиком. Его мать, рассвирепев, утопила одного из хищников в вязком иле.

«Грузовик угодил прямо на спину бегемоту. Перепуганный водитель прибавил газу, но не мог сдвинуть машину с места, потому что животное весом тридцать центнеров подняло задний мост грузовика и его колеса не касались земли» (Бернгард Гржимек).

Но грузовику, так сказать, легче. Велосипедист, налетевший во тьме на гиппопотама, был перекушен почти надвое.

В свете этаких фактов (а читатель, конечно, понимает, что они в своем роде не единственные) вопрос о том, как гиппопотаму стать домашним, может показаться нелепым и наивным. Однако не торопитесь с выводом.

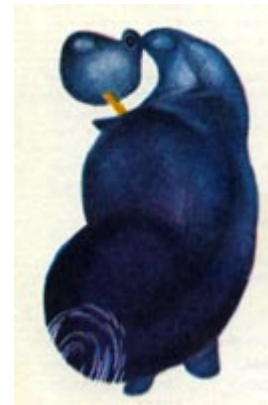
Первые животноводы мира, имея возможность богатейшего выбора, ведь не остановились же перед тем, что у вепря секущие (и весьма опасные!) клыки, у буйвола рога, у собаки зубы, у слона хобот, бивни и ноги, которыми можно шутя совершить любое убийство!

Теперь животный мир оскудел. Гиппопотам часто живет в вольных только с виду условиях. Люди давно уже владеют местами его обитания. Добродушные, вполне домашние голоса бегемотов раздаются поблизости от прекрасных асфальтированных дорог, туристских пансионатов, гостиниц. С открытых веранд, завтракая или пируя, можно наблюдать за тем, как живут эти звери. Они держатся на мелководье охраняемых для них водоемов. Лежат или прогуливаются по дну, а спины и головы — снаружи, как бы для удовлетворения любопытства туристов. «Нежная» кожа покрыта слизистым веществом красноватого цвета, что предохраняет от буйного воздействия воздуха, солнца и воды. И вовсе этот пот не кровавый, как думали раньше, а просто красный.

Гиппопотамы домоседы. Целый день нежатся в воде, часто ныряют — 5 минут не дышат под водой. Плавают прекрасно. Даже по морю: пролив в двадцать миль между Занзибаром и Африкой они переплывали не раз.

Лишь ночью решаются отдалиться от берега. Размяться надо, да и рацион больше чем вполовину состоит из трав, растущих на твердой земле. Для ночных прогулок у каждой семьи свои, строго определенные маршруты — небольшие (но иногда и 20—30 километров), которые, если нанести их на карту, напомнят абрис кое-как нарисованной груши: острый конец в воде, а расширяющийся овал или окружность — в прибрежных зарослях. Тропы служат годами и в результате превращаются в борозды и рвы (глубиной до полутора метров!). И вот замечательное достоинство гиппопотамов: эти тропы — единственный ущерб, который они наносят поверхности земли. Там, где пасутся, земля не превращается в пыльную полупустыню, как это бывает от воздействия копыт домашнего скота.

Некоторых бегемотов временами одолевает странное желание путешествовать по суше: не десятки, а сотни километров проходят они. Один (Хуберт) прошел 1600 верст!

«Он был в пути два с половиной года, проходя без особых затруднений в среднем полтора километра в день. Из-за того, что появление Хуберта несколько раз случайно совпадало с дождем, местное население стало его считать «богом дождя». Поэтому во многих районах ему устраивали самый торжественный прием, потчуя сахарным тростником и овощами. Газеты и радио непрерывно сообщали о месте его нахождения и где его можно ожидать в ближайшее время. Как-то в большом городе Дурбане ему приготовили пышный прием. Он наелся там дорогих экзотических цветов, затем побродил по Вест-стрит, милостиво принял угощение от хозяев овощных лавок, а кое-где угостился и сам. Затем он обнаружил открытый городской бассейн для питьевой воды, в котором и решил выкупаться.

Спустя некоторое время он отправился в Ист-Лондон, расположенный на триста пятьдесят километров южнее Дурбана. Он прошел уже триста двенадцать километров, когда был прямо посреди дороги застрелен фермером-буром» (Бернгард Гржимек).

Наверное, европейскому крестьянину, умаявшемуся в заботах о пропитании коровы, покажется невыполнимой задача прокормить огромного гиппопотама.

Но, как ни странно, аппетит гигантов сильно уступает аппетиту Гаргантюа. Лишь 40 килограммов корма в день нужны для того, чтобы поддержать жизнь и нормальное развитие туши. И какого корма? Гиппопотам удовлетворяется самой жесткой растительностью.

Такой у зверя желудок. Три больших и одиннадцать малых его отделов, как цехи химического комбината, извлекают из грубого сырья соки жизни. Кишечник у бегемота длинней, чем у слона. Таинственные процессы! Подобно заводской трубе, выбрасывающей в воздух ненужные газы, работает пасть зверя. Знаменитое звание гиппопотама, умиляющее посетителей зоопарков, — это выход газообразных «отходов производства». Они не зловонны и поэтому не отпугивают людей, которые норвят положить на огромный язык что-нибудь вкусненькое. В Познани в зоопарке однажды положили даже гранату (к счастью, она не взорвалась), и бегемот Бонго ее проглотил. Правда, переварить гранату ему не удалось, но и вреда особого она не причинила.

Другое весьма удивительное приспособление, по-своему завершающее пищеварительный процесс, — это хвост. Его сравнивают с пропеллером: он с уплощением, как упомянутая деталь самолета, и приспособлен для быстрого вращения. Но если кабан вертит своим хвостиком в минуты чрезвычайного увлечения едой, то гиппопотам делает это, когда выбрасывает экскременты. Он «пропеллером» измельчает их и рассеивает по сторонам. Они, как и газы, выходящие через пасть, не зловонны, но отличное удобрение для прибрежной растительности, а в воде содействуют развитию планктона — незаменимого корма рыб.

Как бы сознавая неотразимую эффективность этого действия, гиппопотамы пользуются им и в самых торжественных случаях своей жизни. Встретив на пути прелестную незнакомку, самец приветствует ее веселым и лихим разбрызгиванием. И незнакомка не обижается и, если рада видеть, приветствует его так же. Когда два соперника оказываются друг против друга, то этот же самый «жест» может стать выражением устрашения, вызовом на бой.

Гиппопотамы, однако, дерутся не часто. Обычно самка, когда приходит ее пора, покидает стадо своих подружек и детенышей и направляется к группе самцов, собравшихся по-приятельски вместе где-нибудь в отдалении, и сама выбирает себе «суженого». Но не всегда это мирно кончается. Бывают и драки. Два громадных рыла-ковша, вооруженные гигантскими клыками, с треском сшибаются (бывает, и клыки не выдерживают). Конечно, слабый удерет и скроется где придется, но равные бойцы скоро не разойдутся...

В мир бегемот появляется странным и необыкновенным образом. После семи-восьмимесячной беременности самка рождает в воде. О появлении новорожденного вначале знают только рыбы, но недолго: словно катапультированный пилот, вылетает он на поверхность. Мать ловко подхватывает его на голову, чтобы не захлебнулся, и — вот она, жизнь!

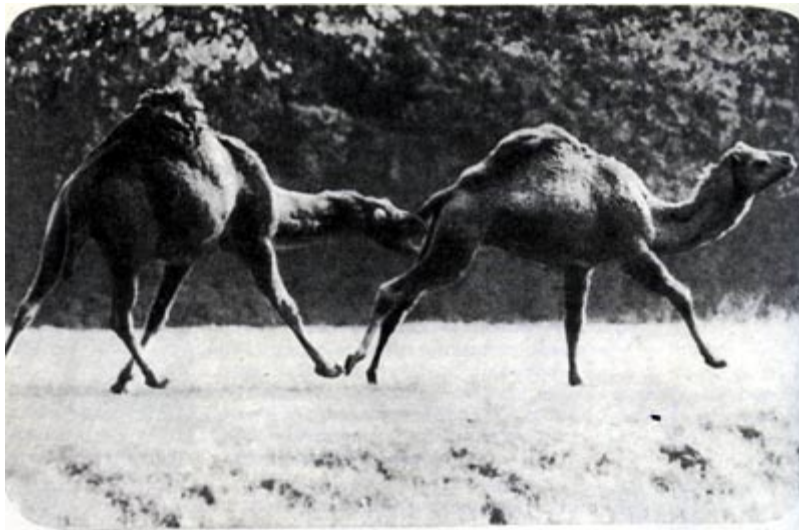
Вода — любимая родина. Малыш даже сосать умудряется в воде. Здесь же и единственный, в сущности, враг — крокодил. Взрослым он не страшен, но пока мал — смотри в оба. Утащит, а там — не в гостях у хорошего знакомого. Гиппопотамы ненавидят крокодилов. Случается, бросаются на рыбацкие лодки, сгоряча приняв их за своих исконных неприятелей. Однако, перевернув лодку и увидев, что из нее выпали лишь люди, гиппопотам отплывает пристыженный. Он, когда в воде, осознает свою силу и не злоупотребляет ею.

На суше — другое дело. Но, сколько люди ни наблюдали, все непорядки, которые ему случается там учинить, происходят не из-за какой-то особой агрессивности зверя. Как правило, они результат того, что он чем-то, часто неопасным, напуган. Наткнулся на него неожиданный велосипедист — кляцнул с испугу пастью. Самке показалось, что хотят обидеть ее детеныша, результат — неприятность. Но это все случайности.

Гиппопотамов в Африке осталось мало. Но, кажется, об их судьбе наконец-то заботятся. Кто знает, может быть, у них большое будущее?

Корабли на корале

В 1856 году экспедиция лейтенанта Портера (он командовал кораблем) и майора Вэйна (на его попечении были верблюды) купила у турецкого правительства три десятка дромадеров (одногогорбых верблюдов). Через год американцы приобрели еще четыре десятка. Верблюды предназначались для военных надобностей, и оные через пять лет появились, когда Соединенные Штаты стали «разъединенными». Равным образом поработав на северян и южан, после окончания гражданской войны некоторые животные продолжили службу в цирках и зоопарках, а некоторые разбежались.

Где родина диких одногогорбых верблюдов, не известно. Одни ученые считают, что диких дромадеров никогда не было: это особая порода двугорбых верблюдов. Мнение других знатоков — родина диких дромадеров Аравия, но они там давно уже все истреблены.

И произошло то, от чего упомянутая экспедиция на корабле «Сэйлай» стала событием в истории животного мира: дромадеры, разбежавшись, одичали. Ведь вернулись они на пепелище отцов. Когда-то водились в Америке древние верблюды — камелопсы. Возможно, еще тысячу лет назад они бегали по Калифорнии. У Сьерра-Невады раскопали «свежую» стоянку какого-то охотничьего племени и среди давно потухших углей нашли обглоданные черепа камелопсов — вероятно, последних. Говорят, даже теперь кое-где по пустыне в Аризоне бродят одичавшие дромадеры (потомки тех, что привез лейтенант Портер из Турции).

Кому не приходилось, проснувшись утром, высунуть нос из спального мешка, стеганного на верблюжьей шерсти, и убедиться воочию, что весь ты полузанесен

выпавшим за ночь снегом, тот вряд ли способен по-настоящему удивиться потрясающим свойствам волос, которыми природа покрыла и дромадеров, и бактрианов (двугорбых азиатских верблюдов), и лам — их американских родичей. Представьте, снаружи вас терзает колючая поземка, а вы спите спокойно, как в городской квартире: сухо, тепло, нигде не дует, и воздух свежий.

На ощупь шерсть верблюда обыкновение — шерсть как шерсть. Но при внимательном рассмотрении можно заметить, что не совсем она обычная: вокруг длинного волоска толпятся волоски поменьше, и они не подпушь, какая вырастает для тепла у большинства зверей, они деталь совершенно необыкновенной конструкции, к сожалению, еще не исследованной учеными.

Так что примите как очередную тайну природы тот факт, что спина верблюда, которого сильно припекло в полдень, нагрета снаружи на восемьдесят градусов, а под шерстью — на сорок. Верблюд, так сказать, одет в тайну с ног до головы.

Впрочем, и внутри у него тайн порядочно. Лишь немногие из них разгаданы, да и то недавно. Скажем, знаменитая верблюжья «засухоустойчивость». Почти тысячу километров пройдет по жаркой пустыне — и ни капли в рот! Отчего?

Ряд причин уже выяснен. Вот они:

1. Пить умеет. Уж если дорвался до воды, то столитровую бочку осушит. А один верблюд на глазах у заинтересованных наблюдателей выпил два раза (через малый срок) по 92 литра да плюс еще два литра.

2. Почти не потеет. В этом ему помогают превосходная шерсть и умение «держат язык за зубами», то есть зря рта не раскрывать, чтобы влага не испарялась. Даже в самую жару он дышит лишь шестнадцать раз в минуту, а когда попрохладней, то хватается ему и восьми раз. Это ведь в сравнении, например, с дыханием запарившегося пса — самая малость, пес тогда по 300—400 раз дышит в минуту.

3. Легко переносит колебания собственной температуры. Ночью у него 34 градуса, днем — 40. И ничего, не лихорадит его с такой «гриппозной» температурой, а идет себе вперед, даже не потеет, экономя 5 литров воды, которые потребовалось бы испарить для охлаждения тела на шесть градусов.

4. Имеет горб (или два). Это сооружение не представляет собой запасной цистерны с водой в прямом смысле этого слова (как некоторые городские жители считают). Но в переносном смысле — да. В горбу — жир, «перегорающий» в пути и превращающийся в воду: из 100 граммов жира—107 граммов воды.

5. И последнее, очень важное свойство: верблюд, если уж он воду теряет, то не слишком о том печалится, — может до 30 процентов своего веса израсходовать на жизненные процессы, потребляющие воду, и все же кровь его не загустеет и он не умрет, как это случится в такой ситуации с любым зверем и с человеком.

Вольному — воля

Все, что говорилось выше, почерпнуто из «интервью» с одомашненными верблюдами, и если эта книга сейчас в руках у охотника, то, конечно, душа его, не

унесшись ни на минуту в безлюдные просторы дикой природы, не насытилась. Что поделаешь, вольных верблюдов на земле мало. Очень мало. Лишь двугорбые кое-где в Монголии. Дикие дромадеры давно все вымерли (если вообще существовали, так как некоторые исследователи полагают, что одногорбых, как особую породу, люди вывели от двугорбых верблюдов).

Охотник — человек, как известно, с воображением, может составить компанию такому же, как и он, труженику «дикого поля», покинувшему родной аймак (лет пятьдесят или сто назад).

Сухая, холмистая, выжженная солнцем земля Гоби. Цепочка дзеренов, живым пунктиром опоясавшая далекий холм, не интересует одинокого наездника. Хабтагай — желанная, почти недоступная добыча. Крутые склоны, узкие ущелья — места, кажется, пригодные лишь для цепких копыт архара, но хабтагаи обитают часто именно в таких угодьях. Пржевальский, первооткрыватель хабтагай для науки, в 1878 году восхищался «альпинистскими» способностями дикого двугорбого верблюда.

Стадо в десять (а бывало, и до пятнадцати) красновато-песчаных серомордых животных замечено вдруг охотником на фоне щебнистой осыпи. Хабтагаи, не в пример своему домашнему собрату, весьма изящны, легки. Горбы у них меньше и не вызывают мысли о чудачестве природы, использовавшей для отливки одного из своих созданий испорченную матрицу.

И открывается состязание! С одной стороны в нем участвует терпеливый, сообразительный и выносливый охотник на выросшем вблизи от юрты верблюде, а с другой — естественное вольнолюбие, подкрепленное быстротой ног, отличным слухом, зрением и обонянием: хабтагаи даже воду чует за несколько километров. В беспримерном марафоне силы равны, а судья — солнце, для поддержания жестоких правил иссушившее влагу и все эти ковыли, полынь, горный лук, саксаул, караган — «горькую» и все же необходимую пищу верблюдов.

Они почти всегда на виду друг у друга. Если преследуемым удастся оторваться от преследователя, то охотник, спешившись, разыскивает на твердой почве следы — почти гладкие отпечатки (из-за мозольной подушки на пальцах зверя, за что и называют верблюдов мозолоногими). Следы, оставленные хабтагаем, отличны от следов домашнего бактриана, они более узкие, как бы устремленные.

Охотник оттесняет косяк от водопоев. Утром и вечером — в часы привычной кормежки — усиливает свой натиск. В полдень и ночью, когда верблюды обычно лежат, заставляет их подняться. Силы у вольных верблюдов иссякают.

Заалайские хабтагаи летом держатся в высокогорьях, на альпийских сочных лугах, но преследователь гонит их оттуда в южные пустыни (их зимние «квартиры»), где растительность уже высохла, где ни капли воды. День за днем. Тысячекилометровый марафон. Каким одержимым надо быть, чтобы решиться на лишения, которые неизбежны! Вот последний глоток воды остался... Но сдались и хабтагаи.

Верна старая пословица кочевников: «Лег верблюд, так приехали». Верблюд ляжет лишь тогда, когда встать не может.

Выстрелы — один из ответов на вопрос: «Почему диких верблюдов на Земле мало?» Однако выстрелы в этом случае, пожалуй, не единственное зло.

Верблюды выносливы. Почему же именно они, а не звери понежней, столь малочисленны?

Лама, единственное вьючное животное приручённое в Америке. Ещё до завоевания испанцами перу триста тысяч домашних лам перенесли вьюки на серебряных рудниках этой страны.

Они могут долго жить без воды. Их корм — такая растительная дрянь, которую никто из травоядных есть не хочет. У них, таким образом, мало конкурентов. И опять: почему же тогда их самих мало?

- Они умеют переносить страшную жару и страшный холод. Да, и холод. В дореволюционное время на приисках Якутии, там, где стынут теперь моторы МАЗов, бактрианы по замерзшим рекам таскали для людей грузы. Почему же?..
-

Для начала надо, конечно, исследовать, не таится ли причина малочисленности диких верблюдов в самой системе их размножения. Возможно. Верблюды полигамы, а у полигамов, как известно, процент яловости самок всегда повышенный. Между самцами бывают жестокие драки — это, понятно, тоже влияет на численность (на Востоке специально выводят «бойцовых» верблюдов и заставляют их драться с таким же ожесточением, как бойцовых петухов!). Самки редко приносят двойни. И ко всему, время развития плода у бактриана 411 дней! У дромадера 388. А при таком сроке от силы раз в два года самка принесет по верблюжонку. Так что прирост весьма замедленный.

И еще: выносливейший из выносливейших, оказывается, очень боится сырости, чуть что — и плеврит, а то и туберкулез с трагическим концом.

По Панамскому перешейку потомки некоторых древних предков верблюдов Северной Америки прошли в Южную Америку, и здесь от них произошли четыре разновидности безгор-бых «верблюдов», а точнее, четыре вида из семейства мозоле-ногих: ламы, гуанако, альпаки и викуньи.

До недавнего времени думали, что лама — прирученный людьми потомок гуанако, а альпака — потомок викуньи. Однако теперь многие зоологи

склоняются к тому, что и лама и альпака, ныне известные только как домашние животные, имели когда-то своих диких предков, давно истребленных, но не гуанако, не викуний, поскольку некоторые очень специфические черты поведения у них разные (например, манера ухаживания самцов — весьма консервативный, мало изменчивый признак).

Гуанако крупнее всех других мозолоногих Нового Света. И в высоких Андах и в равнинных прериях (но не в лесах) пасутся их небольшие стада: несколько самок с детенышами и один взрослый самец. Молодые самцы, которых старый не подпускает к своему стаду (плюет, кусает очень сильно), объединяются в более многочисленные стада.

Викуньи также (самые мелкие из четырех безгорбых «верблюдов») живут разделенными стадами: старые самцы с десятком самок, молодые самцы — своей компанией. У каждого стада — охраняемая вожаком территория. Когда на нее вторгается чужой самец, хозяин скачет навстречу и плюет в него полупереваренной травой. Тот плюет в ответ, но обычно старается не попасть в противника, если видит, что враг его силен. Иначе дело дойдет до зубов — плевки лишь предупреждения, а зубы острые!

Викуньи пасутся высоко в горах, у границ снега, в Андах Перу, Боливии, Чили и Аргентины. Шерсть у викуньи по тонине и легкости превосходит шерсть любого другого копытного, которого люди когда-либо стригли. Впрочем, самих викуний стригли редко: домашними они никогда не были. Однако индейцы в Андах умудряются, заманив стадо в загон, остричь одну дикую «овцу» за другой. Потом, стриженных, выпускают на волю.

У альпака шерсть качеством почти так же хороша, но несравненно более густая и длинная. Весьма шерстистой шкурой альпаки похожи на баранов-мериносов. Ради шерсти (и мяса) альпак и разводят сейчас в Южной Америке. Только в Перу их два миллиона!

Лам разводили (еще инки) и разводят (горные индейцы) из-за многих их незаменимых в примитивном хозяйстве ценных свойств.

«Они ткют одеяла и плетут веревки из их шерсти, шьют сандалии из кожи, мясо идет в пищу, жир — на свечи, а помет — на топливо» (Десмонд Моррис).

И еще: возят вьюки на спинах сильных лам — трехлетних самцов. Больше пятидесяти килограммов лама нести решительно отказывается. Никакими силами заставить ее нельзя! Ляжет и не идет. А понукать будут — плюется, лягается, кусается. Лучше сбросить с ее спины несколько лишних килограммов — меньше хлопот. По двадцать-тридцать километров в день проходят вереницы вьючных лам по крутым горным тропам, где другого транспорта пока нет.

Олени

Семейство оленей — драгоценное ожерелье, которое носит природа Земли. Каждый олень, и малютка пуду (он величиной с зайца), и лось-гигант из Аляски, каждый красив. Любое движение оленя, любая его линия кажется нам вершиной гармонии. Даже названия оленей, как правило, благозвучны. Вы только послушайте: «марал»! В нем слышатся перекаты горного эха Алтая и Саян, где обитает этот вид. Его американское название — «вапити» — слово, исполненное чуткости. «Изюбрь»! Сколько уважительной нежности! «Кабарга» — и ваше ухо воспринимает стук маленьких копыт в головокружительной высоте сибирский гор. Синонимы «лось» и «муз» вызовут у вас представление о могучести, и оно не исчезнет, если вы прибавите к ним эвенкское «МООТ», означающее в переводе «древоед». Слово «косуля» элегантно-скользящее, а в имени северного оленя — «карибу» — тихий вскрик восторга. К эпитету «благородный» комментарии, согласитесь, не требуются.

«Лани», «замбары», «мунтжаки», «мазамы», «гуэмалы»... 36—40 ныне живущих видов, разделяющихся на множество рас, часто несут еще и географические имена, тоже весьма звонкие, но главным образом ценные тем, что указывают на ареалы их обладателей. «Бухарский олень» — каждому ясно, где его искать. «Новоземельский», «гренландский», «лабрадорский», «баргузинский», «ньюфаундлендский», «охотский», «шпицбергенский», «сибирский тундряной», «сибирский лесной» — такой букет без лишних слов способен рассказать о расселении северного оленя.

Это об именах, а ведь бывают еще и отчества, причем вполне человеческие. Например, «карибу Пири» («папаша» — американский полярный исследователь, в 1909 году на собаках достигший Северного полюса). Или: «олень Пржевальского», называемый еще «беломордым тибетским оленем». Его точное и подробное описание занесено в научные анналы при содействии казака Калмынина, добывшего для Пржевальского в 1876 году старого самца.

По разным соображениям я опускаю здесь все великолепие латыни в применении к оленям, хотя и не могу о нем не упомянуть. Вместо него великолепие другого рода, так сказать, истинное, вещное — полезность, которую дарит олень человеку.

Больше лося нет в мире оленя: рост самых крупных лосей — 190 сантиметров, а вес 825 килограммов.

Снимите шапку перед этим зверем! Она... пыжиковая и выделяется из шкуры северных оленят — неблюев и пыжиков. Малицы, дохи, рукавицы, одеяла, ковры и даже стены жилищ — все это от оленя. В век синтетики, конечно, снизилось значение таких товаров, но раньше без них просто не могли обойтись. Знаменитые лосины, в которые рядились некоторые полки русской армии со времен Петра I, — штаны и камзолы из лосиной замши. Для ее изготовления приходилось снимать шубы с десятков тысяч лосей, что едва не привело к их полному уничтожению. К концу всех царствований лишь один гвардейский полк, отдавая дань традициям, носил лосины, да и то не в расхожей, а в парадной форме.

Впрочем, замша — паритет для всех видов оленей. И благородный, и косуля, и северный, если только можно так выразиться, имеют на себе некий ее потенциальный запас. Правда, шкура северного оленя бывает иногда сильно попорчена личинками оводов, продукция кабарги не отличается прочностью, да и летняя лосина из-за свищей довольно неважная.

Мех оленей не обладает той стойкостью, какой хотелось бы. Доха из косули служит не больше пяти лет, а из других — и того меньше.

Лишь камус — мех, снятый с ног лося и северного оленя, — выдерживает высокие требования людей. Звери с его помощью борются с настом и глубоким снегом, а человек шьет из него обувь, рукавицы, им же подбивает лыжи.

Но какими бы тeneвыми качествами ни «страдал» олень (а таковые у него имеются и кроме перечисленных), его положительная роль в этом мире настолько значительна, что, право, я не погрешу против истины, если присвою ему почетное имя «благодетель человечества».

Потому что северный олень — это до 130 килограммов мяса (на крупе у самцов жира до 8 сантиметров); выход мяса у лося до 300 килограммов. А от лосихи можно надоить за год 430 литров молока, такого жирного, что оно эквивалентно 1290 литрам коровьего. Косуля, которой в конце прошлого века только в Амурском крае добывали по 150 тысяч за сезон, дает лишь 20 килограммов мяса, но ее даже в наши годы в азиатской части СССР можно добывать по 60 тысяч в год без угрозы полного истребления.

И скажите, не самую ли жизнь сохранял олень так называемым «малым народам», расселенным по холодным окраинам Америки, Европы и Азии? Вот что Фердинанд Врангель писал в 1841 году:

«Время переправы оленей через Анюй составляет здесь важную эпоху в году, и юкагиры с таким же боязненным нетерпением ожидают появления сего животного, с каким земледельцы других стран ожидают времени жатвы».

И эта «жатва», кроме «хлеба насущного», приносит хорошее противоязвенное средство — кровь. Ее и по сию пору с величайшим наслаждением пьют жители Севера. Полупереваренное содержимое желудка — просто лакомство, хотя это уж, конечно, для кого как...

У кабарги мясо невкусное: постное, жилистое, а у самца — с резким неприятным запахом. Но этот запах... Сколько горячих контрабандистских голов положено ради него на опасных горных тропках! Кабарожья струя! — сорокаграммовый мешочек на брюхе, которым наделен

самец кабарги для привлечения самки во время гона и пометок на границах своих владений. Мешочек наполнен красно-коричневым студенистым веществом — мускусом, из него китайцы изготавливают тонизирующее лекарство, а парфюмеры, добавляя в духи, сообщают им необыкновенную стойкость. Мечеть, построенная в Иране 600 лет назад на растворе с добавлением мускуса, «благоухает» и сейчас. Вот за эти-то качества фунт мускуса кабарги на международных рынках ценится, как автомобиль «Москвич-408»!

И наконец, позвольте взять быка, то бишь оленя, за рога. Эти фантастические украшения уместны не только на голове марала или там косули, но и на стене квартиры. Их привлекательность таинственна.

Рога служат для разных художественных поделок, из наиболее дешевых выходят отличные пуговицы. В начале века Дания, например, импортировала для этих целей по 30 тысяч рогов северного оленя в год. И хотя прекрасные безделушки и роговые пуговицы всего лишь предметы нерегулярной моды, моду эту следует благословлять: ведь для добычи сырья не надо убивать оленей: рога они ежегодно сбрасывают сами, только берите!

Хуже обстоит дело с пантами — неокрепшими рогами пятнистого и благородного оленей (из них вырабатывают пантокрин или хаулокрин). В конце солнечного июня у зверей нет никакого желания с ними расставаться. А приходится. И чаще всего вместе с головой.

Главным потребителем пантов всегда была изворотливая китайская медицина.

Мунтжак — один из немногих примитивных оленей, у которых и рога и клыки. Мунтжак, кусая клыками, наносит довольно болезненные раны собакам, атакующим его.

Итак, вот какими нужными предстают перед нами эти парнокопытные.

Многочисленное семейство часто мало похожих друг на друга зверей на самом деле в высокой степени гомогенно, то есть однородно, по своим признакам. Поэтому, если взглянуть на некоторых из них, станет понятной и общая картина.

Кабарга (горы Восточной Сибири и Центральной Азии). Бедняжка кабарга! Она и не знает, что постоянно живет под угрозой одинокого сиротства, потому что ученые еще спорят, отнести ее к семейству оленей или не относить.

Действительно, у нее странный вид. Передние ноги короче задних, и, вероятно, поэтому она горбатенькая. И ведь на кенгуру похожа! (А кто был свидетелем того, как ловко она встает на задние ноги, чтобы достать растущие высоко листья, тот и по-прежнему так скажет.)

Четыре вида оленей в роде аксис. Обитают они в негустых джунглях и на лугах с невысокой травой в Индии, на Цейлоне, в Индокитае и один вид на Филиппинах. Свиновидный аксис — самый мелкий из них.

Длиной кабарга не больше метра, цвета приятного — шоколадного (иногда рыже-бурая, иногда черно-бурая). Маленькая голова светлее — сероватая, а сверху бурое пятно, как бы намечающийся берет. Снизу на шее пара белых продольных полос, а на боках и на спине разбросаны светлые пятна. Весьма ее красят! (Но у старых иногда их не бывает.) К тому же она, можно сказать, без хвоста (хвост вообще-то есть, сантиметров этак в пять, но он так плотно прилегает, что его и незаметно). Шерсть в основном из остевых волос (пуха мало): в воде — отличный «поплавок», на снегу — теплый матрац. Когда кабарга лежит, снег под ней не тает, как под лосем или косулей.

Рога? Рогов не ищите, их у кабарог не бывает. Зато есть клыки, да какие! Когда рот закрыт, наружу торчат (у самцов, не у самок). Говорят, у старых кабарог — в десять сантиметров длиной.

Мунтжаки, аксисы, замбары не очень похожие друг на друга олени.

Мунтжак, несмотря на мощно звучащее имя, маленький олень (в плечах не больше 60 сантиметров. Он каштаново-бурый, белобрюхий, и рога у него простенькие, десяти-тринадцатисантиметровые шпильки с небольшим зубцом вместо развилки. Их «корни», покрытые шерстью, тянутся двумя резко выступающими длинными буграми по сторонам морды над глазницами до носовых костей. У самцов — клыки, острые и длинные, и видны из-за края верхней губы. Голос у мунтжака, которого в Индии называют каркером, резкий, похожий на лай.

Для охотников на тигров и леопардов каркер незаменимый осведомитель: как только увидит большую кошку, кричит, оповещая джунгли и всех, кто смыслит в их голосах, резким, как треск кастаньет, лаем.

Каркеры, или мунтжаки, рога сбрасывают в мае — июне. В сезон дождей рожают их самки одного или двух пятнистых детенышей.

Аксис, или читал, вполне приличного роста (в плечах до метра) и замечателен сходством с пятнистым оленем. Он, можно сказать, пятнистей пятнистого. Рога у него всего лишь трехконечные, но не малые.

Замбары разные. Некоторые чуть больше мунтжака, а некоторые так и до 163 сантиметров в холке — роста, так сказать, выше среднего. Пятен на шкуре нет совсем (за исключением одного вида), хотя в детском наряде пятнисты, как почти все.

Прежде стада этих оленей паслись на равнинах Северного Китая, но давно уже все вольные олени Давида истреблены. Уцелели только в императорском парке в Пекине. Здесь увидел их сто лет назад аббат Давид и привез две шкуры редкостных оленей в Европу. Во время боксерского восстания все олени императорского парка погибли, но еще до этого герцог Бэдфорд стал разводить оленей Давида в своем имении Вобурн-Аббей, и, это спасло их от полного вымирания. В 1960 году олени из герцогского парка были привезены в Пекин и разводятся теперь и там.

Подобно северному оленю, замбар щеголяет гривой, которая топорщится вокруг шеи, как жабо испанского вельможи XVI века. Грива, по-видимому, лишь украшение, потому что там, где живет замбар, особых холодов не бывает.

А живет он поблизости от мунтжака и аксиса: их ареал хотя и не всюду совместим, но если вы на маленькой книжной карте ткнете в него пальцем, то палец ваш прикроет и сам ареал и несовместимые места. Это нижняя часть Юго-Восточной Азии и кое-какие острова Индийского океана.

Мунтжак — один из самых древних оленей на Земле.

Он, как и мы, сын кайнозойской эры, но значительно старше нас. Пятьдесят миллионов лет назад, в эоцене, благодатной эпохе, которую называют «зарей новой жизни», жило небольшое копытное, по прошествии указанных лет названное архиомериксом. Оно было безрогим и обладало клыками. Такими же, как у кабарги и мунтжака.

Вот от этих симпатичных зверюшек, может быть, и ведут свое начало олени. Развивались они быстро. Уже через несколько десятков миллионов лет, в середине четвертичного периода, когда разные антропоиды, весьма похожие на человека, разгуливали по планете, олени были оленями.

Они словно на парад к рождению первого человека готовились и достигли к этому знаменательному дню больших успехов: стали крупны, изящны и красивы, словно понимая, что наконец-то их кто-то оценит.

И человек разумный их оценил...

Но о мунтжаках. Их судьба сложилась не так уж и плохо. Еще до четвертичного периода они развились почти повсюду. Но затем вымерли, оставив потомство, от которого, по-видимому, произошли все виды современных оленей. Сами уцелели лишь в Индо-Малай-ской области. Здесь флора и климат всегда были стабильными, и поэтому мунтжаки мало чем изменились. Если вы захотите нарисовать оживленный пейзаж, скажем, третичного периода, натура у вас под рукой.

Но не забудьте о пятнах! Современный мунтжак лишь в молодости пятнист, предок его был, как полагают, пятнист и в зрелом возрасте.

Живут на Земле и оленьки, близкие к прародителям всех оленей. Их четыре вида: три — в Южной Азии и один — в Африке. Ростом они с зайца (и, как зайцы, сигналият об опасности топотом ног!). Прячутся в зарослях. Рогов нет, но клыки есть (как у безрогих кабарги и китайского водяного оленя). Индийский оленек пятнистый. Яванский, или канчил, без пятен.

Олень Давида, или милу, по многим причинам очень странный олень. Прежде всего — диких оленей Давида нет. Французский миссионер Арман Давид, которому зоологическая наука обязана рядом крупных открытий (милу, большая панда, загадочный лебедь — утка-гусь Давида, или азиатская коскороба, и пр.), еще в конце прошлого века увидел небольшое стадо милу в императорском парке под Пекином. Позднее герцог Бэдфорд, известный коллекционер редких животных, получил из Китая несколько таких оленей, и теперь в его имени Вобурн-Аббей пасутся они под охраной. В зоопарках мира (есть и в Московском) около трехсот оленей Давида. Прежде, по-видимому, обитал этот олень в болотах Китая и Японии.

Хвост у милу для оленя необычно длинный (53 сантиметра), с кистью на конце. Отростки рогов направлены не вперед, как у других оленей, а назад. Кроме того, обычно меняет он их два раза в год — в ноябре и в конце января — феврале. Ворс на спине и шее направлен в сторону, обратную отросткам рогов, — не назад, как положено шерсти зверя, а вперед! Копыта широкие, а «копытца» (боковые пальцы) длинные. Это выдает в нем ходока по трясине, зыбкой почве болот. Очень длинные и глубокие у милу подглазничные ямки: сходите в зоопарк (Московский), посмотрите — и эти ямки, и многое другое поразит вас в этом олене.

Только у лани и лося рога расширены небольшими лопатами.

Лось (Канада, север Скалистых гор США, Европа, Северная Азия). Простите, что представляю его при свете пасмурного зимнего дня. Этакую громадину все равно разглядеть нетрудно: в холке, бывает, и больше двух метров, а длина — три! Зато вы станете свидетелями волшебного зрелища: великолепное черно-буроватое тело с горбоносой головой будто плывет по воздуху. Это впечатление происходит оттого, что высокие ноги лося цвета почти белого, и в плавных движениях теряются на фоне снега.

Большие уши встрепенулись в нашу сторону. Вздрагивает «серьга» — кожный вырост на шее лося. Он красоту зверя не портит, хотя, достигая иногда 40 сантиметров, болтается, как сосулька, а практического смысла, кажется, никакого не имеет, разве что к старости станет внушающей почтение бородой.

Он смотрит: глаза с мягкой печалью, верхняя губа пухлая, нависшая — добряк! К сожалению, раз уж зима — лось без рогов (он их скинул, наверное, в декабре), и мы их пока не увидим...

«Глаза большие, зрачки косо поставленные (отсюда и название «косуля»)» (К. К. Флеров).

Косуля (Европа, Передняя Азия — на юг до Израиля, Северный Иран, Кавказ, горы Средней Азии, Сибирь, Северный Китай) лишь ненамного покрупнее кабарги. (Правда, самая рослая — сибирская косуля — в плечах до метра.)

Самец большеглазый, с белым подбородком, украшен рогами, про которые .писать бы не прозой, а стихами, ибо они лирообразны. Понятно, струн на них нет, да и обработаны грубовато — усеяны шишечками, как срезанными сучками. На концах обычно три затейливо расставленных отростка. Он сбрасывает их в октябре — декабре, а в апреле — мае у него уже новые рога. Рога и у самок редко, но бывают.

Передние ноги у козули тоже короче задних — кстати говоря, признак того, что животное предпочитает передвигаться прыжками. И прыжки весьма примечательны — до 6 метров!

Сзади у козули светлое пятно, так называемое «зеркало». Детеныши ее (обычно два) видят, как мелькает оно впереди, и не теряют мать в зарослях.

Кроткие видом самцы козули нрава, однако, крутого. До смерти, случалось, забивали самок в тесных вольерах зоопарков, где бежать тем было некуда.

Китайский водяной олень обитает в речных камышах Китая и Кореи. Некоторые эти олени убежали из парка Вобурн-Аббей и живут на воле в Англии. Водяной олень уникален тем, что его самки рожают не одного-двух оленят, как другие олени, а четверых-семерых.

Северный олень (тундры и северные леса Аляски, Канады, Европы и Азии). Глухой гул копыт, специфичное сухое щелканье. Плавная, текучая масса, ошетиленная невообразимым лесом рогов.

Северный олень самый стадный из всего семейства и, кажется, самый демократичный в распределении внешних признаков: рога здесь разрешено носить и самкам.

Идет стадо. Величественная и впечатляющая картина. У каждого оленя — грива, муфта снизу на шее. Теплоизолятор. К тому же и волос у северного оленя особый: в

нем много пустот с воздухом. Уж тут ангине не подобраться! И на плаву держит хорошо — как надувной костюм. А северные олени переплывают немало рек, когда осенью уходят из тундры на юг, в тайгу, а весной бредут табунами обратно. Путь немалый.

Летом тундра может побаловать своих обитателей высокой плюсовой температурой, и это не на радость оленю: мало у него потовых желез. Приходится держать рот открытым и язык высовывать, как собаке, чтобы остудить себя испарением влаги изо рта.

Дикие лани уцелели лишь в лесах Северо-Западной Африки и в Турции (южное побережье Мраморного моря и Малой Азии). Но в заповедниках и парках лани содержатся во многих странах Европы, у нас — в охотничьих хозяйствах Литвы, Белоруссии, Украины. Есть еще персидская лань, живет местами в Юго-Западной Азии: у нее рога не уплощены на концах лопаточками. А у европейской лани рога с «лопаточками», этим напоминает она лося. А всем видом — вроде бы пятнистый олень. Ибо лань пятниста. Зимой пятна, впрочем, почти незаметны. В парках люди развели белых, черных, серебристых, голубых ланей.

Китайский водяной олень (болотистые, тростниковые берега рек, стариц и озер Северо-Восточного Китая). Странный олень! Рогов нет ни у самок, ни у самцов, но есть клыки, как у кабарги. Однако родством ближе к косуле. Желтовато-бурый, без пятен (даже новорожденные пятнисты неясно). Ростом невелик — полметра в плечах. Кормится прибрежной травой и тростниками, спасение ищет не в быстрых ногах, а в гуще тростников. Самки рожают трех и больше детенышей. Они не бегут за матерью, а прячутся, как зайчата, — каждый поодаль в своем укрытии. Мать, напивав себя, приходит и кормит их по очереди.

Американские олени. В Северной Америке, кроме карибу (северного оленя), вапити (местного благородного оленя) и лося, есть еще два вида оленей — олень-мул (запад США, Канада и Северная Мексика) и белохвостый, или виргинский, олень (юг Канады, почти всюду в США, кроме Дальнего Запада, Центральная и север Южной Америки). Кроме того, в Южной Америке 10 (по другим данным — 16) видов оленей, среди них горбатенькие, как кабарга, низкорослые (70 сантиметров в холке) мазамы и пуду-крошки (их рост всего 40 сантиметров). У тех и других рога — простые, неветвящиеся шпильки.

В Африке, кроме ланей на северо-западе и благородных оленей, чудом попавших в Сенегамбию, оленей нет. В Азии же около трех десятков видов.

Проделайте теперь мысленное путешествие по ареалу японского пятнистого оленя по имени сика и хуа-лу («олень-цветок»), столь славного высокой ценностью своих пантов. От Уссурийского края вы проследуете по многим восточным провинциям Китая, посетите Корею, Тайвань и Японские острова.

Но только мысленный взор покажет вам хуа-лу, а не природа. Потому что повсюду этот олень истреблен. Статистика с посильной точностью утверждает, что за последние сто лет численность пятнистого оленя сократилась «в несколько раз». Сколько сие обозначает, станет понятней, если принять во внимание, что на территории СССР, «даже при наблюдающемся возрастании поголовья к концу пятидесятых годов», можно было насчитать лишь около 1000 этих оленей (лишь половина из них — в прежних местах обитания, прочие — переселенные в заповедники Закавказья, Карельского перешейка и в другие районы СССР). По другую же сторону границы, где возрастания поголовья не наблюдается, голос цифр, вероятно, и совсем унылый.

Несколько оживленней выглядит ареал благородного оленя, хотя далеко этому оживлению до толчеи прошлых времен.

В Подмоскovie на него не поохотишься, потому что он уничтожен там еще до основания Москвы. (В царских угодьях, правда, появлялся и в более поздние времена, но то был завезенный.)

В Вологодской, Костромской, Горьковской областях засмеют, если спросите, есть ли в местных лесах олени. А ведь еще в восьмидесятых-девяностых годах прошлого столетия они там водились.

Редкостью стал карпатский благородный олень. Мало кавказских и крымских оленей. Мало маралов и бухарских оленей. Немного изюбря на Дальнем Востоке и в Забайкалье. В Китае благородный олень уничтожен полностью, если не считать немногих наиболее находчивых, которые догадались поселиться в священных рощах. В Америке ареал вапити (близкий вид или подвид благородного оленя, как и марал, изюбрь и прочие названные здесь) какую-нибудь сотню лет назад представлял внушительную площадь, а теперь от него остались три небольших «куска» в Канаде и на западе США, отделенные друг от друга сотнями миль. На Британских островах, Корсике, Сардинии, в Скандинавии всех благородных оленей пересчитать можно...

Но и те олени, о которых упоминают сегодня без страха за их будущее, по сути, малые остатки былого великолепия. Говорят, северный олень в Киевской Руси водился. Две тысячи лет назад он упомянут в текстах Цезаря как обитатель Герцинского леса (в Средней Германии и Чехословакии), а еще в прошлом веке прекрасно вписывался в переславльские и новгородские лесные пейзажи. За последние сто лет и в тундрах северных оленей стало меньше в... 15 раз. Упомянутый здесь Ф. Врангель видел стада длиной в 50—100 верст. Где они теперь?

Где кавказский лось? Еще в прошлом, жутком для диких зверей веке (таком же, впрочем, как и этот век), когда с недопустимой силой загрели на земле ружейные выстрелы, он жил на Кавказе. Теперь того лося нет. И никто, конечно, не помнит даже, какой масти он был.

Когда «как зубья выпадают из гребешка» (тут к месту патетика Маяковского) лучшие из «наших меньших братьев» (весьма точное выражение Есенина), надо бить тревогу!

Охота!

«Король проворно спешился с охотничьим ножом в руке, ловко обошел дуб и сзади подрезал коленки у оленя. Олень испустил какой-то жалобный свист и тотчас осел. В ту же минуту штук двадцать собак бросились на него. Они вцепились ему в горло, в морду, в язык, не давая пошевелиться. Крупные слезы текли из его глаз.

— Пусть приблизятся дамы! — воскликнул король» (П. Мериме, Хроника времен Карла IX).

Эпитет «королевская» издревле прирос к охоте на оленя. В переносном смысле его оправдывают красота, ценность и вес добычи, в прямом же — тот факт, что оленя всегда берегли исключительно для монарших забав.

Медведь, проснувшись на заре весны, высматривает, кого бы съесть. Не лося, так косулю. Не поймав ее, смиряет аппетит и готов проглотить хоть мышь. После его охоты на оленей часто можно сказать: «Убил время и ноги».

Волк лосю летом не страшен. Известно даже такое: лосиха с телятами преспокойно пасется в ста метрах от логова, и волки не трогают. Но признано, что четвероногие хищники (как серые, так и красные, полосатые и пятнистые) — главные враги оленя. Они губят косуль и благородных оленей, угрожают заповедному благополучию пятнистых, а за северными стадами волки следуют, как нанятые пастухи.

Однако я позволю себе привести здесь две цифры потерь северных оленей в Лапландском заповеднике. Когда там не было волков, отход составлял 5 процентов; когда волки появились — 7. Вывод: добыча хищника — в основном больные и старые олени.

Бежать, как олень, значит бежать очень быстро. Догнать оленя — дело не простое даже для волка. Тигр, бывало, ловил изюбрей из засады (теперь они слишком редко встречаются друг с другом). Гепард сумеет догнать пятнистого оленя Индии — аксиса.

На мелких оленей охотников, конечно, больше. Тут и харзы, и лисы, и гиены, и росомахи. Небольшая германская косуля, например, весьма слаба даже перед лисой. Около половины погибших (молодняк в основном) — ее жертвы. Но остальные (больше половины) падают от болезней, причиненных паразитами (в основном носоглоточным оводом). И невольно возникает сомнение: вполне ли здоровы были те из меньшей «почти половины», в гибели которых обвиняют лисиц?

Росомаха рискует гоняться за стельной лосихой и иногда достигает цели: лосиха абортирует, и охотнице достается плод. Но случается такое редко. Следует ли

причислить беркута и филина к гордому племени охотников на оленей лишь за то, что в их гнездах находили кое-какие остатки оленей?

Это у нас в руках ружье — «зауэр», «тулка», «ижевка», «винчестер», «маузер». Мы главные губители оленей.

Впрочем, ружья недавно стали главенствующим компонентом «королевской» охоты. Карл IX, например, охотился на оленей с собаками и кинжалом. Такая охота, любимая в прошлом, была именно той спортивной охотой, о которой теперь столько говорят. Много оленей брали другими способами. Устраивали многоверстные загоны, рыли ямы, ставили на звериных тропах самострелы, капканы, ловили сетями. Кабаргу снимали со скал, куда она, спасаясь, залезала «на отстой», длинным шестом с петлей на конце. Во время кочевок на переправах через реки гудела весельем человеческая охотничья забава — «поколка на плавях» — били столько оленей, что об утонувших даже не жалели. На зиму готовили тонны мяса: не то что самим, а и собакам съесть не под силу. На Амуре на переправах через лед каждый мало-мальский охотник убивал по 50—100 косуль за сезон, а умножьте полтора-два пуда на сто...

Огнестрельное оружие облегчило охоту. Скрады, подходы, выслеживания — все приносит успех, когда ружье в руках.

К дикому северному оленю подбираются, прячась за домашних или толкая перед собой белый щиток. Если нужно, чтобы олень подошел сам, привязывают одного или нескольких «манчиков» (домашних оленей), и осторожный дикарь, повинувшись стадному инстинкту, приближается — только верней стреляй, чтобы не испортить шкуру на своей же собственности!

Самок косуль и кабарог подзывают «на пик»: подражают голосу косуленка и кабаржонка. Когда гон у лося, самца подманивают «на вабу», подражая реву другого самца. Лось идет на зов соперника и слишком поздно убеждается, что «соперник» ему не по рогам. Такую охоту почему-то называют чисто спортивной, но я думаю, что это просто убийство из-за угла.

Плата за смерть

Осторожность, ловкость и быстрота не спасают. Безвременной смерти олень может противопоставить только жизнь. В осеннюю пору звучит сигнал ее продолжения:

— Ёох-ёох-ёох, — сдавленные отрывистые вздохи, и вдруг, словно прорвав застоявшуюся в горле хрипоту, далеко несется трубный протяжный крик: — О-а-ууу!..

Призыв самке. Угроза сопернику.

Гон. Торжественное и безудержное проявление страстей в природе. Его время в разных странах и у разных оленей неодинаково, но, как правило, сходится в одном: гон происходит в ту пору осени, когда до весеннего тепла остается срок, равный беременности.

Самка половозрела в полтора-два года. Самец — тоже. Но если самка сразу же признается полноправной, то самцы не допускаются к гону до трех, а иногда и до шести лет. Старый самец не даст им и близко подойти к самкам, и, наверное, правильно делает, потому что они еще не показали себя достойными продолжать род и вдруг окажутся от природы неполноценными, слабыми.

Матеря, молодой с каждой осенью все настойчивей заявляет о своих правах. Выбрав место, откуда его хорошо слышно, ревет, призывая самок и выражая готовность тотчас за них сразиться. Ломает сучья, трется рогами и шкурой о деревья, роет копытами землю и валяется в грязи.

Видя, что рев его напрасен, претендент устремляется на розыски. Ищут олени преимущественно нюхом. Осторожность забыта, и так злы, что могут напасть на человека. Свиреп тогда и самец кроткой косули: носом вниз он рыщет в поисках самок многие версты, бодает кусты и деревья и тут любого из нас может боднуть.

Представьте двух маралов: нагнувши головы (а на головах-то у них от 7 до 20 килограммов рогов!), выпучив налитые кровью глаза, не признавая никаких препятствий, они сближаются, и, если силы равны, ни один не свернет. Бывает, сцепившиеся рогами бойцы не могут разойтись и медленно умирают от голода. Бывает, но редко.

Сила старого оленя сохраняет жизнь другим самцам. Убедившись в несокрушимости этой силы, они держатся подальше, а исход несмелых (с их стороны) столкновений чаще ограничивается небольшими ранами и небольшой полумкой рогов.

Козел гуран (так в Сибири называют самцов козули) обычно долго и злобно преследует одну самку. Он бьет ее рогами, и иной раз до смерти. Она боится своего кавалера и, удирая, не раз обежит вокруг дерева или куста. В результате на месте гона образуется сильно выбитая круговая тропа — «точка».

Похожи повадки и у кабарог. Самец сутками по самым недоступным местам, распространяя запах мускуса, гонится за своей возлюбленной, и напрасно она пытается затаиться где-нибудь или забраться повыше — преследователь не утомим.

Безгаремные самцы, чуть отдохнув, вновь рыщут в поисках. А тем, у кого гарем, и вообще не до отдыха: вокруг бегают, «рехкая», соперники. «Паша» в конце концов сам на себя не похож: с набухшей шеей,

с взлохмаченной шерстью, с пеной на морде и баках. Он в непрерывном лихорадочном движении. Ничего не ест, лишь пьет — откуда силы берутся для любовного марафона?

Гон обычно прекращается с наступлением холодов. Три-четыре недели напряжения дорого стоят самцам: 17, 20, 25 процентов веса потеряны, иной раз олени просто с ног валяются от усталости и истощения, а впереди зима. Впереди бескормица, глубокий снег, мороз, может быть, пятидесятиградусный. Хищные звери и голод вступают в свои права, а они умеют распорядиться! Вот почему соотношение полов у оленей далеко не равное. Лишь у лося, в некоторых ареалах склонного к моногамии, оно с натяжкой 1:1. А у других оленей самок в несколько раз больше, чем самцов, и это как правило.

Почувствовав, что скоро станет матерью, самка ведет себя осторожно: без надобности не побежит и на высоту зря не полезет. На горных пастбищах всегда заметно, что самки держатся несколько ниже самцов. Такие любительницы попрыгать, как козуля и кабарга, слишком резво прыгать теперь опасаются: а ну как случится что? На пастбищах ищут и находят травки, в которых много витаминов (это экспериментально проверено!). И вот примерно в мае в укромном месте (и желательно, чтобы вода была поблизости) появляется на свет новорожденный. У лосихи он весит до 16 килограммов, у пятнистой оленухи — 7, у козули... просто страх говорить: заморыш — килограмм всего! Но эта козуля молоденькая, ей простительно; зато пожилая соседка трех козулят принесла. И удивляться все равно нечему: близнецы у козуль — обычное дело. Вот у благородных оленей — редкость. " Кабаржата и козулята, спрятанные в чащобах, вроде как не рады новому положению: трясутся — то ли от страха, то ли от холода. Беспомощны, смотреть жалко. Чтобы их кормить, мамашам даже приходится опускаться на колени.

Зато лосенок через 10—15 минут уже на ногах. На второй день он — приличный пешеход, на пятый — чтобы его догнать, надо быть рекордсменом по бегу, а на десятый он уже и от родительницы своей не отстанет.

«Пыжик» в первый день едва-едва стоит на мягких еще копытцах. Но уже через неделю способен переплыть такую реку, в которую мы с вами и вообще не полезли бы купаться.

Но, конечно, разговор о мужественности и силе новорожденных оленят не может быть серьезным, потому что на самом деле комочек жизни (пусть даже и в пуд весом) первые дни в весьма трудном и опасном положении. Ведь, в сущности, он беззащитный.

Косуля и кабарга (и мунтжак-самка), заметив врага, рискуя жизнью, отваживаются на опасную хитрость: притворяются немощными и больными и увлекают за собой погоню, отводя ложным маневром от малыша.

Но самая надежная защита олененка — умение прятаться. Он замирает, распластавшись, и терпение его феноменально. Он и не дышит почти, и хищнику, даже вооруженному хорошим нюхом, найти его не легко.

Пятна на шкуре — адаптивный камуфляж олененка. Ведь ювенильный наряд почти всех оленей пятнист. Лишь теленок лосихи и, как правило, «пыжик» без пятен.

Дети, пока на одном молоке, растут медленно, хотя он* и жирное, как сливки. Но вот, глядя на мать, попробовал олененок вкусного кипрея. По случаю не миновавшей еще весны повсюду много цветов — отдал и им должное. Гриб-подосиновик поторопился высунуть красную свою голову — просто тает во рту! Ветки молодых деревьев, в особенности осины, тоже вкусные. Важенка показала сыну самое что ни на есть замечательное: ягель. Пятнистая оленуха повела свое чадо в дубраву, и там они нашли множество желудей.

И весь этот мир оказался чудо как съедобен! 200—300 (местами до 400) видов растений поедают олени, причем иногда и ядовитых. Пострел, например, домашнему скоту противопоказан, а для оленя съедобен. Любят они и водоросли. На берегах морей собирают выброшенные прибоем водоросли и, случается, лезут за ними и в воду. Лось, заметили американские зоологи, ныряет за пищей в озеро на пятиметровую глубину.

На подножном корму дитя-олень растет буквально не по дням, а по часам. (Лосенок прибавляет в день по два килограмма — вот темп!)

Когда олененок немного окрепнет, он неотлучно идет за матерью, повторяя все ее движения, что в общем-то и есть учеба жизни. Мать ест — и он ест, мать насторожилась, услышав крик кого-нибудь из лесных «сторожей» (сойки, сороки, каркера или лангу-ра), — замер и олененок. Мать побежала — он рядом. Тропинки к водопою, хорошие пастбища, крепи, где можно спрятаться от врагов, — словом, все, что было достоянием опыта матери, день за днем передается и малышу. А отец-олень? Он в этих делах не участвует. Впрочем, возможно, это не совсем верно, потому что «на пик» (когда охотник

подражает крику олененка) под выстрел иногда выходит большой рогатый олень. Какое чувство его может вести, кроме родительского?

У видов, более или менее приверженных к коллективности, самки с оленятами сбиваются в стада (самцы ходят отдельно). Ну, а раз дети собрались вместе, значит, должны быть и игры!

А рога? Рожки... Не скоро увенчают они молодого оленя. У лосенка только месяцев через пять набухнут на голове «шишки». Но лишь на втором году, весной, прорастают из них «шилья» или «спички» — рога самые элементарные, просто детские. К концу лета они твердеют, и оленята получают право именоваться «шилниками» или «спичаками». Но нет правил без исключений: у «пыжика» северного оленя к концу второй недели жизни уже маленькие рожки на голове!

Рога у оленя — признак силы, мужества, успеха. У истощенного самца они к гону еще не твердые, и какой из него боец? А у слишком дряхлого деградируют вплоть до превращения в нелепую костистую массу, свисающую на глаза.

У оленьих предков рогов не было. Были длинные клыки: направление их роста эволюция словно бы изменила на противоположное, и вот выросло нечто твердое и боеспособное из лба. Чем меньше от поколения к поколению становился клык, тем больше вырастали рога. И теперь, стоит нам взглянуть на оленя, мы сразу можем определить степень его эволюционной «молодости». Для этого нужно лишь сопоставить размеры рогов и клыков. У мунтжака (да и у косули тоже) клыки порядочные, а рога не очень. У лося и северного оленя клыки едва намечены (попросту говоря, рудиментарны), а рога большие. Значит, как живая модель мунтжак архаичен, а лось — современен.

Рога растут весной по сантиметру в сутки (немного больше, немного меньше), растут несколько месяцев. Вначале мягкие, насыщенные кровью, покрытые шерстью бугры, весьма чувствительные к укусам комаров, и изуродовать их, задев за твердое, очень легко. Трудное для рогоносцев время! В одной художественной книжке, которая недавно попала мне в руки, автор живописал... весенние бои самцов-косуль. Вероятно, косуль с котами спутал, те действительно дерутся весной, а оленям в эту пору не до драк: они держатся подальше от возможных эксцессов. У косуль, в частности, гон и бои с середины июля и весь август, а потом, второй раз, в ноябре (в иных местах и в сентябре — октябре).

За лето рога твердеют, и олень трется ими о стволы, чтобы сбросить кожу (у косули в мае они уже без кожи). Но гон прошел, лось, косуля и северный олень сбрасывают (вполне еще приличные!) рога и до весны ходят безрогие или с молодыми растущими рогами (косули). Но самки северных оленей теряют рога лишь после отела, в мае. благородные и пятнистые олени — ранней весной, примерно в апреле. Аксис, житель Индии, расстаётся с рогами в любое время года. А олень Давида — дважды в году. Так что у всех по-разному.

Олень должен жить!

Жизнь оленя — непрерывное преодоление трудностей.

Помните грозу? Молнии одна за другой рвались с неба на землю, словно пытаясь ее расколоть. Гром

грохотал.

На нас, под крышей, как говорится, не капало. Но подумайте о косулях с малышами. Они сбились под большим деревом. Адский грохот, и животные испуганно вылетают под дождь, несутся напролом неизвестно куда. Еще удар, и они поворачивают, в панике натываясь на кусты. Случается, что обезумевшие от страха гибнут. А отставшие от матерей и тем обреченные малыши?

Северный олень на диво приспособлен к суровым зимам. Но холода на Севере бывают такие, что мех против них бессилён. И гибнут олени.

Глубокий снег помогает от холода: лось и северный олень дают себя засыпать и лежат под его спасительным прикрытием. Но снег жестокий враг, если слой его велик. Ни пропитания не достать, ни убежать, когда надо. Критическая высота сугробов для косуль — 40 сантиметров, для северных оленей и марала — 70, пятнистому оленю снег глубиной в 60 сантиметров — серьезная угроза.

К климатическим и погодным неприятностям прибавить надо еще напасти, именуемые общим словом «гнус». Комары в кровь поколют растущие под кожей рога. Мошка набивается в шерсть, выискивая доступные для укусов места. Слепни, оленья кровососка, мокрец, власоед — это далеко не полный список «мелких», но страшных невзгод, донимающих зверя. До дыр портят шкуру. Носоглоточный овод в ноздрях и во рту откладывает личинки, которые затем, проникнув в мозг, убивают оленя. И все-таки жив курилка!

Лось в жару, погрузившись в бочажок где-нибудь на болоте, держит нос над самой водой, раскидывая дыханием брызги, через которые оводу не пробраться. Северные олени бегают взад-вперед по тропам, и гнус, тучами вьющийся над ними, отстает. Утомительно, но что же делать? Поднимаются на высоты, обдуваемые ветром. Пасутся возле снежников, где комарам холодновато.купаются, чтобы смыть с себя насекомых.

Ведут по возможности разумный образ жизни. В жару никто не пасется. В холод и бескормицу стараются больше лежать, чтобы зря энергию не расходовать. Когда не жарко и не холодно, пасутся почти круглые сутки с перерывами через 2—3 часа. Но для большинства все-таки сумерки привычнее и желаннее.

Кабарга на день прячется где-нибудь возле осыпей, угрожающих неприятностями всем, кто ее тут захочет искать. Косуля спит обычно днем и, утомившись, спит очень крепко. Благородные олени тоже порой крепко спят, и иногда... стоя. Лось в жару выбирает для лежки сырое место и, когда оно под ним нагреется, переходит на другое.

При такой судьбе неплохо быть жвачным. На утреннем холодке нахватался травки или там еще чего и — в укрытие. Залег и пережевывай, что второпях съел.

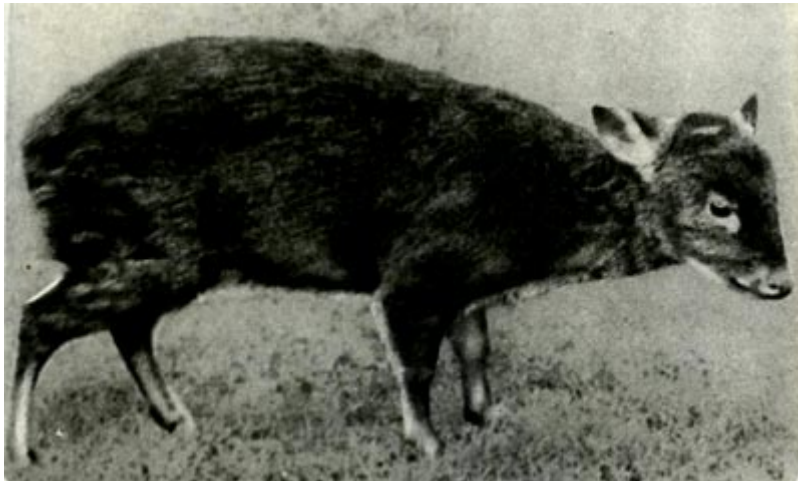

Все это происходит на определенной, обитаемой территории, которую олени без нужды не покидают. Конечно, размеры ее разные, да и разное число оленей на ней проживает. В тундре площади большие, и держатся там олени стадами. Склонный к оседлости лось устраивается где-нибудь в путанице стариц, в молодом сосняке на верховом болоте. Кабарге положен участок в 200—300 гектаров. Его можно узнать по своеобразным «уборным»: аккуратистка, ходит за нуждой в одно и то же место (как гуанако, бегемот и носорог!).

Границы владений обычно «маркируются» запахами особых желез. Делают задиры на деревьях, поливают на границе мочу, что означает недвусмысленное заявление всем и вся, чтобы тут никакого гостеприимства не ждали. Злые косули особенно щепетильны: требуют от нарушителей сатисфакции. Лось — добряк и терпит посетителей спокойно, лишь лосиха в первое время после отела не выносит соседей.

Но есть у оленьего семейства и места, так сказать, общественного пользования. Не говоря уже о тропах, по которым ходят все, у кого в этом необходимость, и водопоях, где встречи самые разнообразные и неожиданные. Есть места особого назначения — солончаки.

Превращение всеядных археомериксов в олений-диетиков удалось не без некоторого ущерба: в растениях не хватает натриевых солей. Именно по этой причине все травоядные неудержимо стремятся на солончаки. Если таковой есть поблизости, на него наведываются по нескольку раз в день, но если путь дальний, до 10—15 километров, олени остаются на солончаках подолгу.

Пуду — самые крохотные из оленей, меньше их только некоторые оленьки. Пуду два вида: один обитает в Боливии и Чили, второй — в Эквадоре. Рост эквадорского пуду не больше 35 сантиметров.

Забавную картину субординации внутри оленьего семейства можно наблюдать на солончаках. Представьте: на несколько десятков гектаров прекрасной местности солончак (или солонец) один. И на нем два матерых лося. Пришли благородные олени. Увидев лосей, в нерешительности остановятся. Будут томиться в сторонке, ожидая, когда лоси уйдут. Те, конечно, не торопятся «населиться» и даже не снисходят до внимания к пришедшим. Но вот лоси ушли, олени заняли место, и тут приближается небольшое стадо косуль. Вся сцена повторится вновь, теперь уже с новыми участниками.

Соляной голод — жестокий голод. Он гонит оленей из надежно укрытых мест на берега морей пить невкусную морскую воду, заставляет выискивать гари с остатками золы, наледи с едва приметной примесью солей, минеральные источники.

Лось втягивает в себя жидкую солоноватую грязь болот, иногда по целому часу без роздыха — велик ли в ней процент соли! — и после запивает такое лекарство чистой водой. Северный олень, у которого долгую зиму рацион очень скудный, а вместо воды — снег без всяких соляных примесей (замороженный дистиллят!), вынужден поедать леммингов, птенцов, яйца, рыбу (а как ее поймаешь?), мышей, глотать сброшенные рога. Важенка иногда даже обкусывает рожки у олененка.

Жизнь животных взаимосвязана. Куропатка бесстрашно суетится возле ног копающего в "глубоком снегу северного оленя, и это помогает добраться до земли, где и ей есть что поклевать. Благородный олень ходит кормиться тонкими ветками к плотинам бобров, и те это терпят. Лось позволяет вороне выбирать со своей спины линялую шерсть для гнезда. Это избавляет его от излишнего чесания о деревья.

Оленя ноги кормят. Они не умеют хватать, рвать, но способны преодолевать расстояния. Кто в горах, у того два боковых пальца (паноготки) растут высоко и земли не касаются: так удобнее ходить, по горным склонам. Кому приходится иметь дело со снегом и болотами, у того копыта широко раздвигаются, а паноготки приближены к основным копытам — служат дополнительной опорой. У северных оленей, для которых снег и расстояния уготованы самые изрядные, под копытом еще и подушечка из жестких волос.

Бухарский олень может прокормиться в любое время года на территории небольшой, уходить недалеко его заставляют лишь паводки. Мунтжаки тоже не стремятся в дальние путешествия. Кочевки кабарги ограничены обычно пятью километрами.

При первых снегопадах стада северных оленей начинают поход под защиту гор и лесов. Из тундры — в тайгу, с севера — на юг. Идут проторенными за века путями. Поднимаются в высокогорья, где меньше снега. (Кавказские олени, наоборот, спускаются с гор, где похолодней, в долины.)

Идут в погоне за летом. Скорость такая же, как и у надвигающейся зимы. Месяц-два длится переход, если зима не торопится, а бывает, что за сутки проходят больше сотни верст. В Арктике и Субарктике

осенний поход их 500—750 километров, но чем южнее, тем миграции короче. В пути стараются держаться против ветра (чтобы вовремя почуять запахи опасности). Если вдруг оттепель, то день уходит на отдых и кормежку, а идти приходится ночью, когда снег замерзнет коркой.

Весной направляются обратно, лишь только почуют начало тепла. Самки неудержимо стремятся к местам отела, самцы следуют неторопливо сзади. Но не только зима бывает причиной миграции. В 1951 году в засуху из Беловежской Пуши ушли в Польшу косули.

Олени приносят вред! Они обламывают вершины молодых деревьев, ветви, сдирают со стволов кору. Они не прочь отведать продукцию сельского хозяйства.

Лоси уродуют посадки сосен.

Косули грызут осину, и от этого в ней возникает сердцевидная гниль.

Если зверей слишком много, постраивает ростом деревьев.

Но тысяча гектаров может безо всякого ущерба для своей флоры прокормить 10 благородных оленей. На одном гектаре тундры не во вред никому может прожить один северный олень. Поэтому человеку нет никакого смысла оставаться на Земле одиноким. Поэтому меры приняты. Почти все виды охоты, описанные выше, запрещены. Охотничьи хозяйства служат не для истребления, а для сохранения зверей. В парках, лесопарках и других местах культурного ландшафта оленям созданы условия для размножения и жизни.

И вот некоторые результаты.

В РСФСР в двадцатые годы лосей осталось немного — наверное, лишь несколько тысяч. Теперь их в СССР более шестисот тысяч. В Швеции — 120 000, в Канаде — 300 000. В Швеции, чтобы не было ущерба лесу, добывается ежегодно более 20 тысяч голов.

В 1929 году в РСФСР средняя плотность популяции косуль в местах обитания составляла 0,67 головы на тысячу гектаров. Теперь в некоторых районах на такой же площади — 50 косуль! Вред, который они наносят осинам, компенсируется их собственной ценностью.

Других цифр приводить не буду. Они менее успокоительны. Но эти обнадеживают: олени будут жить!

Самое длинношее животное

В апреле 1901 года лондонская «Тайме» об одной зоологической сенсации писала примерно так: «В Конго живет хелладотериум».

Хелладотериумы и близкие к ним звери когда-то обитали в Европе, а в Африке — от Ливии до Трансвааля — еще совсем недавно, если судить по наскальным рисункам. Это были «жирафы», но с шеями не очень длинными. Жили и все вымерли...

И вот «Тайме» оповестила мир, что вымерли не все: губернатор Уганды Джонстон прислал зоологам в Лондон шкуру и два черепа хелладотериума. Шкуру и черепа внимательно изучили: оказалось, не хелладотериум, но зверь, близкий к нему. Назвали его «окапи».

Пигмеи бамбути в лесах Северо-Восточного Конго веками кормились мясом этого, по-ихнему, «о'апи» и одевались в его шкуры. Впрочем,

последнее неточно сказано: в тропиках шкуры на одежды не нужны, там и так жарко, но красивые пояса из шкур окапи пигмеи носят. Цветом окапи буршоколадный, а на ногах у него поперечные белые полосы очень прихотливого рисунка. У каждого зверя свой индивидуальный их порядок, и бывает, что на обеих сторонах тела полосатый рисунок не одинаков.

Большие, настоящие жирафы живут в местах более или менее открытых, в саваннах, где акации, баобабы и другие деревья растут не густо. А окапи предпочли леса тропические, непроходимые. Не стадами, а в одиночку бродят они в чаще листвы и лиан, но всегда недалеко от воды — лесных рек и проток. Воду любят, по утрам обычно купаются: с разбегу прыгают в реку. Потом на берегу долго лижут и массируют свою лоснящуюся шкуру. Язык у окапи почти в полметра длиной и шея не короткая, поэтому, занимаясь туалетом, зверь может дотянуться языком до любого места своего тела.

Окапи довольно обычен в густых лесах Восточного Конго, но открыли его только в 1900 году.

Языком же рвут с веток листья. Растения, которые окапи предпочитают всем другим (эвфорбиации), довольно ядовиты, но, видно, их яд зверю не опасен. Вокальные способности у окапи, как и у жирафа, невелики: фыркают, когда сердятся, и глухо кричат, а крик похож на кашель с хрипловатым свистом. Детеныш, которого мать первые дни прячет в зарослях, когда ее увидит, негромко мычит. Чужих детей самки окапи усыновляют охотно. В неволе эти звери быстро привыкают к людям, смиренны, послушны, и их так же спокойно можно чистить щеткой, как лошадь. Первый окапи своим странным видом развлекал публику в Антверпенском зоопарке еще в 1919 году. Сейчас они живут во многих зоопарках Европы и Америки.

Рога — вернее, небольшие рожки — только у самцов окапи. У самок лишь маленькие бугорки под кожей на лбу. У самцов, впрочем, рога тоже почти полностью покрыты кожей, но самые их кончики обнажены. По мере того как они снашиваются, нарастают новые.

У больших настоящих жираф рога (у самок и самцов) сплошь одеты кожей и шерстью. Их обычно два, но бывает и три. У масайской жирафы два рога на своем месте, а третий, небольшой, — посередине перед ними. В Уганде у старых жираф нередко пять рогов! (В современном мире это рекорд.) Три рога, как у масайской жирафы, и еще пара небольших перед третьим рогом.

Нужно ли говорить, что жирафа (или жираф, как вам будет угодно) — самое длинношеее животное на планете? (Позвонков в ее длинной шее, однако, только семь, как у всех млекопитающих.) Жирафа и самое высокое животное на Земле. Старые самцы способны вознести голову на пять метров восемьдесят сантиметров! Обозревая окрестности с высоты своего превосходного роста, жирафа далеко видит врагов. Поэтому зебры, страусы, антилопы любят держаться поближе к таким наблюдательным «вышкам». Только голодные львы и люди опасны жирафам, других врагов у них нет. Львов, защищаясь, бьют они копытами задних ног. Удар очень силен: весит жирафа тонну! Между собой жирафы, когда дерутся, никогда не лягаются, а бодаются или же бьют друг друга длинными шеями, раскачав их. Это потрясающее зрелище, стоит его посмотреть (хотя бы в фильме «Барабаны судьбы»). В зоопарках, если жирафа невзлюбила сторожа, может его и лягнуть, а это смертельно опасно. Если же к нему благоволят, но чем-то он ей не угодил, то бодает.

Жирафы, как и все на земле, тоже спят. И спят лежа. Тут возникает интересный вопрос: куда девает жирафа свою длинную шею, когда спит?

Сейчас армии многих стран вооружены хитрыми приборами, испускающими инфракрасные лучи. С их помощью в темноте можно видеть, как днем. Зоологи с такими приборами подкрались ночью в Африке к стаду жираф, чтобы посмотреть, что делают они, когда засыпают, со своими нескладными шеями.

Оказывается, «нескладные» шеи отлично складываются: изогнув их дугой жирафы кладут голову назад за свой круп, упирая морду в него (молодые) или в землю за ним (старые жирафы). Но некоторые вытягивают шею прямо в небо, как каланчу, и так дремлют. Особое устройство шейных костей и мышц позволяет им держать ее над собой без особого напряжения.

Жирафы, как известно, пятнисты, но попадаются и чисто белые! Белая жирафа в саванне — зрелище, говорят, фантастическое, неземное, волнующее.

Невероятно длинную шею жирафы, поддерживают только семь позвонков, как почти у всех зверей.

Про жирафа иногда рассказывают (даже печатать!), будто они вовсе не пьют и совсем немые. Но нет, пьют жирафы, и голос у них есть, хотя и редко приходится его слышать, он негромкий, свистящее какое-то ворчание.

Полорогие

У полорогих и самцы и самки (за редкими исключениями) носят по паре, а то и по две пары рогов. То, что рога у них полые, то есть пустые внутри, вроде бы не должно вызывать сомнений, и, однако, это не совсем так: рога как бы «насажены» на стержни, выпирающие из лобной кости.

Форма и размер? Тут, как говорили в старину писатели, «перо выпадает из рук». Бугорчатые, складчатые, граненые, гладкие, витые, баранкой скрученные, просто прямые — в общем, всякие. Длина и ширина тоже различные: от миниатюрных шпилек до огромных рапир. Обхват рогов аргали у основания, например, около 50 сантиметров.

Рога полорогих растут всю жизнь, но никогда не ветвятся. Они состоят из вещества эпидермического происхождения, прекрасного материала для изготовления клея (китайцы, как водится, делают и из них лекарства). Сильно цивилизованные охотники (например, те, что оскудили фауну Африки) применяют полые рога для... Ну, на этот вопрос ответил одному африканцу Э. Хемингуэй: «Скажите ему, что по обычаям нашего племени мы дарим рога самым богатым друзьям. Еще скажите, что это очень волнующее событие и порой за некоторыми нашими соплеменниками гоняются люди с незаряженными пистолетами».

Полорогих животных некоторые зоологи называют «рогатыми». Рога — у всех. Рога всякие: прямые и острые метровые штыки; изогнутые, как сабли, извитые штопором; скрученные в «бараний рог»; маленькие, как шпильки, — разнообразие великое. Рога у самок и самцов, реже только у самцов. Одни рождаются с зачатками рогов, многие комолы при рождении.

А зачем нужны рога? Казалось бы, праздный вопрос: для обороны и нападения. Всегда так думали. Но в последнее время появились сомнения.

Если для обороны, то почему у самок, которым в таком случае рога больше всего и нужны, часто их совсем нет или они небольшие? Прежде само собой разумелось,

что самок с детенышами защищают сильные и рогатые самцы. Но самцы многих полорогих и не думают защищать своих самок и детей. Если хищник силен и драться бесполезно, обычно они удирают первыми. Но даже если хищник невелик и рога могли бы пригодиться, чтобы отогнать его, замечали даже такие на первый взгляд странные вещи: самец бросается не на помощь самке, а на нее! Когда, например, самке газели Томсона случится ранить и прогнать шакала от своего детеныша и она кинется в погоню за хищником, самец тут же бросается за ней и заставляет повернуть обратно. Зачем? Да потому, что боится, как бы она не убежала из его гарема. Этот собственнический — точнее, сексуальный — инстинкт и подавляет у самца инстинкт заботы о потомстве.

Так поступают не все, но многие. Правда, у овцебыков и американских снежных коз при угрозе волчьего нападения самцы всегда объединяют свои усилия для отражения хищников. Крупные быки, буйволы например, не пасуют и перед львами. Это верно. Но вот что интересно: и у буйволов, и у овцебыков, и у снежных коз, то есть у тех, кто наиболее активно действует рогами, они совсем не лучшего устройства. Либо малы, как у снежной козы, либо слишком изогнуты. А здесь были бы нужны прямые, острые, как шпаги.

Но, может быть, рога необходимы для борьбы с сородичами за самок и территорию? Действительно, самцы газелей, например, и многих других полорогих раз десять на день бодаются друг с другом. Но рогами пользуются с большой осторожностью, не для нанесения увечий, а для противоборства ритуального. Конечно, бывает, и нередко, когда наносятся смертельные раны ударом в бок, в самое незащищенное место. Но это скорее исключение. Обычно самцы перед борьбой по правилам, которые эволюция заложила в их инстинкты, встают в определенную позу: голова к голове. Тут удары наносятся рогами плашмя. Такое фехтование, лучшего слова и не надо, в обычае у антилоп. При этом некоторые даже встают на колени (чалые антилопы и нильгау) и, напрягая силы, стараются оттолкнуть или повалить противника. Чалые антилопы упираются в этой силовой борьбе серединой изогнутых назад рогов, а нильгау — лбами. Нильгау, переплетая шеи, пытаются повалить соперника. И все это стоя на коленях!

Кстати, борьба шеями — одна из первоначальных ритуальных форм. Так же, как и укусы. В ходе эволюции у многих видов она была заменена фехтованием и противоборством сцепленными рогами. Интересно, что у самок и детенышей, у которых рогов нет или они небольшие, как своеобразный атавизм сохранилась более древняя ритуальная тактика борьбы: укусы, удары ногой, обхват шеи, удар лбом в бок.

Именно безрогие самки бьют чаще не в лоб, а в бок. Самцы почти никогда: иначе бы они в первых же стычках перебили друг друга. Ритуальные правила борьбы (конечно, не сознательно соблюдаемые, а инстинктивные), выработанные за миллионы лет эволюции, призваны уберечь бойцов от тяжелых увечий и гибели в стычках. Это замечательно!

Дуэли баранов на первый взгляд довольно опасны: они разбегаются и с треском сшибаются лбами.

Но это развлечение они могут себе позволить, потому что и рога, и шеи, и лобные кости у них прочные и хорошо выдерживают такие удары. Но вот лбы козлов для тарана не годятся. Они дерутся, ударяя рогами по рогам сверху, и

поэтому перед ударом встают на задние ноги. Нельзя держать козла в одной вольере с бараном. Козел заносчив, плохо рассчитывает свои силы, а у барана бронированный череп. И если баран, разбежавшись, ударит козла прямо в лоб, то может убить, сломать ему шею или пробить череп.

Помимо определенных правил борьбы, ограничивающих увечья, у всех животных и у полорогих тоже есть особые позы подчинения и умиротворения, которые позволяют слабому избежать драки. У газелей Томсона — лежащая, с вытянутой по земле шеей. У некоторых — падение на колени. Поэтому бык на арене замирает и не кидается на матадора, когда тот, стоя на коленях у самой морды быка, проделывает свои трюки. Здоровые инстинкты животного парализуют его агрессивность, а человек со шпагой, нарушая мораль природы, поступает в данном случае как садист: продолжение ведь всем хорошо известно.

Вот о рогах пока все. Теперь о тех, кто их носит на голове.

Это обширное семейство. Все в нем жвачные, все парнокопытные: 128 видов. Их делят по-разному и на разное число подсемейств. Возьмем для примера подразделение, пожалуй, наименее сложное:

Африканский, или каффрский, буйвол для охотника в Африке самый опасный зверь. Он нередко нападает сам, не ожидая выстрела.

1. Бычьи: 13 диких и одомашненных видов быков (буйволы, зебу, гаур, гайал, коупрей, бизон, зубр, як и пр.); 9 видов африканских винторогих антилоп (куду, ньяла, ситатунга, канна, бонго и др.) и 2 вида азиатских антилоп (нильгау и четырехрогая).

2. Дукеры: самые мелкие из антилоп, 17 видов, все африканские.

3. Лошадиные антилопы: водяные козлы, ридбоки, ориксы, бейзы, саблерогие и лошадиные антилопы, коровьи антилопы (топи, конгони, гну) — 24 вида, все африканские, кроме арабского орикса, почти истребленного.

4. Газели: импалы, дик-дики, ориби, бейры, геренук (жирафовая газель), газель Томсона, джейран, дзе-рен — 37 преимущественно африканских и частично азиатских видов.

5. Козлиные: козы, бараны, серны, горалы, сайгаки, такины, мускусные быки — 26 в основном азиатских, европейских, частично североамериканских и африканских видов.

В Южной Америке — диких полорогих нет, так же как и в Австралии.

Итак, о быках. Но прежде чем начать, немного отвлечемся для одного необходимого уточнения. Оно касается слова «антилопа», которое скорее литературное и обиходное, чем зоологическое в строгом научном значении. В общем, антилопами обычно называют таких полорогих, которые не быки, не бараны и не козлы. Среднего роста антилопы именуются еще газелями, а самые маленькие — дукерами.

Большие куду обитают в Африке — от Эфиопии до Анголы и реки Замбези на юге. Малый куду встречается только в Сомали и на востоке Африки.

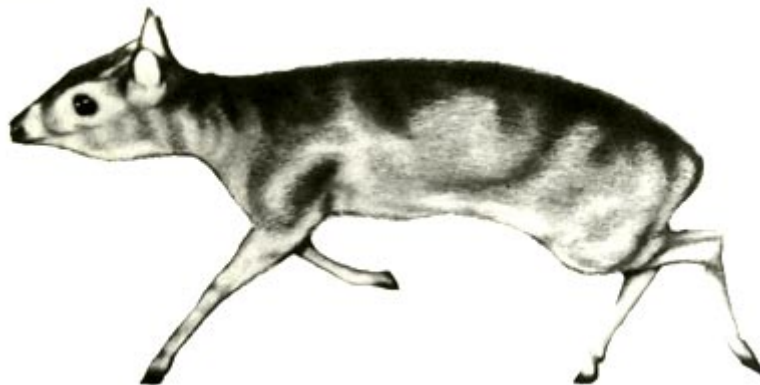

Большие куду обитают в Африке — от Эфиопии до Анголы и реки Замбези на юге. Малый куду встречается только в Сомали и на востоке Африки.

«Зверь подобен есть коню, страшен и непобедим, промеж ушью имать рог велик, тело его медяно, в розе имать всю силу. Подружия себе не имать, живет 532 лета. И егда скидает свой рог вскрай моря и от него возрастает червь; а от того бывает зверь единорог. А старый зверь бывает без рога не силен, сиротеет и умирает».

Так русские азбуковники рассказывали об единороге, слишком вообще-то «литературно» рассказывали, ведь прообразом единорога, как выясняется, был... бык.

Археологи, производя раскопки на месте древних городов Среднего Востока, нашли ассирийские и вавилонские барельефы и письмены, из которых выяснилось, что древнееврейское слово «реем», переведенное составителями греческой библии как «единорог», в действительности обозначало дикого быка тура, вполне двурогого.

Королевская, или карликовая, антилопа — самая крохотная из антилоп: рост лишь 25 — 30 сантиметров. Прыжки ее великолепны — почти три метра в длину. Обитают королевские антилопы в Западной Африке (Либерия, Нигерия). Второй, несколько более крупный вид — в Нигерии и Камеруне.

Итак, тур. Ростом он (в холке) до двух метров, весом в тонну! Мастью черный, коровы и телята — рыжие. Но о цвете можно и спорить... Помните былины: «Обернула Добрыню гнедым туром», «Где ходят гнеды девять туров»... Не были же наши предки дальтониками, чтобы путать черное с рыжим! И все-таки тура принято считать черным, вернее, «был он черным», где коротенькое «был» начисто лишает нас возможности узнать истинную правду.

Ибо быков этих сейчас уже нет. Их истребили. И хотя случилось это совсем недавно, тура основательно забыли всюду. Остался он в былинах, пословицах, некоторых старинных обрядах (например, на святках наряжались туром) и в названиях мест и фамилиях: Турово, Туры, Туров лог, Турова выть, Туржец, Туров. Кантон Ури в Швейцарии, гражданином которого назывался Ставрогин Достоевского, тоже обязан именем дикому быку: «урус» по-латыни, «ур» по-германски — названия тура.

Но все же утверждение, что бык был черным, имеет серьезные основания. До нас дошли разные изображения тура, и лучшее из них — знаменитая аугсбургская картина. Ее нашел в лавке антиквара английский зоолог Смит. Нарисована она была в начале XVI века каким-то польским художником (и как раз около трехсот лет назад исчез с лица Земли тур). Этот, выходит дело, «посмертный» портрет (он пропал, сохранилась лишь копия, которую сделал Смит) изображал тура черным — надо думать, не ради траура.

Но, конечно, какое бы оно ни было, изображение не может служить достаточно серьезным доказательством, ведь художники и во все века были весьма склонны в своих работах к разным вольностям (ассирийские и вавилонские барельефы, например, на которых туры однороги, и лошадей «сдвуноживают»: у них лишь по две ноги).

Доказательство в другом. В 1921 году немецкие зоологи братья Лутц и Хейнц Хек, объехав Европу в поисках «туровидных» быков и коров (и найдя подходящих), начали замечательный эксперимент: методами обратного скрещивания они решили возродить тура.

У «восстановленных» туров все как у вымершего: черная масть, большие острые рога. А коровы и телята гнедые — значит, генетики добились самого трудного: полового и возрастного диморфизма, то есть разной окраски и внешности самок, самцов и детенышей. И наконец: «восстановленный» тур так похож на изображенного на аугсбургском рисунке, что кажется, будто и рисовали с него.

А ведь еще в прошлом веке даже некоторые серьезные натуралисты не верили, что был на Земле такой

Дукеры — их, вероятно, семнадцать видов — встречаются по всей Африке к югу от Судана. Рост в плечах у разных видов от 35 до 50 сантиметров, а вес от 5 до 65 килограммов. У всех, кроме серого дукера, у которого самки обычно безроги, оба пола носят небольшие рожки.

бык — тур. Все, что древние рассказывали о нем, приписывалось зубру. Даже В. И. Даль слова «тур» и «зубр» отождествляет, хотя мог бы этого и не делать, потому что к тому времени, когда он составлял свой знаменитый словарь, французский анатом и палеонтолог Жорж Кювье уже доказал, что некогда жил длиннорогий крупный бык — тур.

Полосатый дукер.

В историческое время туры водились по всей Европе, даже в Англии и Южной Швеции, в Северной Африке, Сирии, Палестине, Месопотамии, Турции. У нас — в Литве и Белоруссии, по всей Украине, на Дону и в Предкавказье. А на севере — вплоть до Новгорода и южного берега Ладожского озера, в нынешних Ярославской, Московской и Рязанской областях.

Хохлатый дукер.

Давно уже нет тура, а его потомки — везде, куда только их могли занести собственные ноги, товарные вагоны, корабли и даже самолеты. Обычная наша корова и бык-производитель с железным кольцом в носу — прямые потомки того, про кого говорили: «Зверь подобен есть коню, страшен и непобедим».

Целебесский карликовый буйвол аноа. Рост в плечах не больше метра.

Поучительная история зубра

Зубр в тура нравом не вышел, хотя ростом, силой и быстротой не уступал ему. Если тур, как рассказывают, встретив человека, не уходил с дороги, то зубр в таких ситуациях всегда пасовал: увидев двуногого, спешил скрыться.

И между собой зубры дерутся не часто. Обычно поединок начинается и кончается лишь демонстрацией силы. После первых затрещин слабый соперник предпочитает не доводить дело до крайностей и ретируется.

Держатся зубры небольшими группами: коровы, бычки и телки — по шесть-восемь голов. А быки бродят отдельно и тоже компаниями, по три-четыре

быка. Только в августе — сентябре, когда приходит пора отдать дань Гименею, быки присоединяются каждый к излюбленному стаду, изгнав из него для начала всю молодежь своего пола.

Зубр. Он не менее горбат, чем бизон, и голову носит выше.

Телята рождаются весной и в начале лета; через час встают на ножки, а еще через полчаса бегут, спотыкаясь, за мамкой.

Питаются зубры пищей простой и здоровой: травы, ветки и листья, кора грабов, осин, пихт, елей, рябины, сосны. Подбирают на земле желуди, дикие груши, яблоки и грибы.

На заре истории европейских наций зубры обитали повсюду: на родине галлов, германцев, шведов, румын, славян. Только в Греции, Северной Испании и Англии зубров истребили уже в доисторическое время.

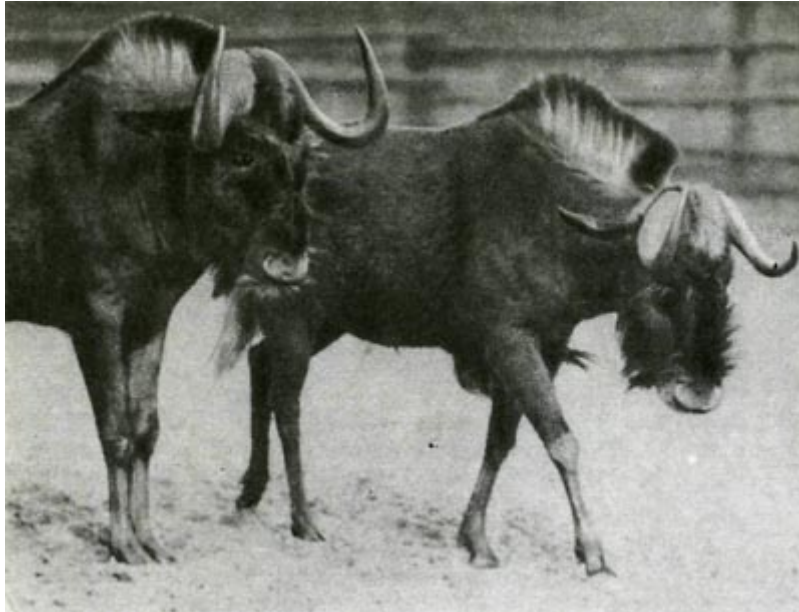
И вот опять это неприятное слово — «истребители»! Оно, так сказать, «не отставало» от зубров многие века. Уже царь Петр I, приказавший воронежскому вице-губернатору Колычеву поймать и прислать в Петербург пяток зубров, получил ответ: зубров на

Дону последний раз видели в 1709 году. Но это был еще не конец. На Северном Кавказе и в Беловежье зубры охранялись для царских охот. К началу первой

мировой войны зубров в Беловежской Пуще было 727 голов. На Кавказе — около 500 зубров.

Затем зубры стали исчезать с головокружительной быстротой. Пущу оккупировали немцы. В 1916 году зубров было там лишь около двухсот, а через год — 120, еще через два — всего... девять. До конца 1920 года дожила только одна корова. Ее пристрелил бывший лесничий Пущи Бартоломеус Шпакович. На Кавказе зубров не спасло и учреждение здесь в 1924 году государственного заповедника. В 1926 году на горе Алоусе пастухи встретили трех — вероятно, последних— зубров. И убили их.

Но уже начало работать Международное общество сохранения зубра. В его распоряжении было 56 живых зубров в парках и зоопарках пятнадцати стран, 80 чучел и 120 черепов в музеях. С этого и начали.

В Африке два вида гну: голубой и белохвостый. Последний почти истреблен. Небольшие его стада находятся под охраной.

В первой племенной книге (в 1932 году) числилось только 30 чистокровных зубров во всем мире! Но тут решили, что самым надежным и быстрым методом спасения зубра должно стать поглотительное скрещивание с американским бизоном. Время показало: гибриды, зубробизоны, к которым от поколения к поколению приливалась кровь зубра, неотличимы от настоящих зубров.

Вторую мировую войну зубры перенесли довольно легко. В 1947 году их было около 100, а через восемь лет — 200.

В 1940 году пять зубробизонов завезли в Кавказский заповедник (из Аскании-Нова). Через четыре года их стало тут 11, а еще через двенадцать лет — 106. Под охраной конных пастухов звери каждое лето поднимаются высоко в горы в альпийские луга, а зиму проводят в

пихтовых лесах на склонах, где люди заготавливают для них сено.

С 1946 года зубров стали разводить на нашей территории Беловежской Пуши, а еще через два года — в Центральном зубровом питомнике под Серпуховом. В 1955 году они появились в Хоперском заповеднике, в 1956-м — в Мордовском.

По подсчетам Михаила Заболоцкого, который много сил отдал спасению зубра, в январе 1958 года в разных зоопарках и заповедниках Союза жило: 79 чистокровных зубров, 182 зубробизона и других зуб-рометисов.

Итак, плодитесь и размножайтесь!

Бизон — союзник краснокожих!

Дорогой древнейших переселенцев пришли бизоны в Америку: с Чукотки на Аляску и дальше на юг. Они нашли там обширные нетронутые степи и леса. Когда здесь объявились европейцы, бизонов в Америке было столько, что даже не верится: по-видимому, шестьдесят миллионов!

Бизоны — путешественники. К зиме они брели к югу, на лето возвращались в более северные страны. Миллионными армадами переходили замерзшие реки, и лед под ними не выдерживал. Говорят, будто многие острова на Миссисипи и Миссури образовались вначале из куч бизоньих скелетов. Тропы, проложенные бизонами, использовали топографы, прокладывая маршруты железных дорог, потому что не было удобней перевалов, обходных путей вокруг озер и рек.

Но железные дороги принесли бизонам смерть. В шестидесятых годах строилась трансконтинентальная Тихоокеанская железная дорога. Отряды строителей, охотников, бродяг, авантюристов устремились в прерии. За два месяца здесь убили двести десять тысяч бизонов. И еще сто тысяч — за зиму 1877 года. «Буйвол-Билл», небезызвестный Вильям Коди, за полтора года застрелил 4280 бизонов. Другой «чемпион» убил за «рабочие» сутки 250 бизонов.

Животных, кочевавших к югу от центральной магистрали, именовали южным стадом, тех, кто к северу, — северным. Когда поезд приближался к пасущимся у полотна бизонам, машинист замедлял ход, и пассажиры начинали пальбу из всевозможного ору-

До европейцев в Америке жило 60 миллионов бизонов. Сейчас их не больше 20 тысяч.

жия. Некоторые любители-«спортсмены» даже нарочно ездили через равнины, чтобы пострелять. Поезд уходил, на съедение шакалам оставались сотни трупов. Подсчитано, что за неполных три года было убито 5 373 730 бизонов.

К началу девяностых годов прошлого века американский бизон как вольный зверь перестал существовать в США (в Канаде еще жили лесные бизоны). В наступившей тишине стал слышен крик немногих защитников: «Пощадите!» Тогда в США решили учредить законы, защищающие бизонов.

Собрались законодатели Техаса. Выступил генерал Шеридан. Охотники за бизонами, сказал он, заслужили награды. Им надо выдать медаль с изображением умиротворенного индейца: «Охотники на буйволов за несколько месяцев сделали больше для умиротворения индейцев, чем вся наша армия за тридцать лет». Ведь племена индейцев кормились бизонами.

Закон не прошел. И не только в Техасе. В конгрессе США была сильна партия, разделявшая мнение Шеридана.

В 1873 году индеец по имени Бродячий Койот поймал бычка и телочку. Он ухаживал за ними, прятал от бродяг и ретивых охотников. Через 23 года у него было стадо в 300 голов. Правительство США купило его и переселило в Йеллоустонский парк. Купили бизонов и у других людей (многие содержали их тогда на фермах и полувольных выпасах).

У саблерогих и близких к ним чалых антилоп метровыми, а иногда и полутораметровыми рогами наделены и самцы и самки. Обитают эти антилопы в саваннах Африки, к югу от Сахары.

При Теодоре Рузвельте активную работу развернуло Общество спасения бизона. К 1910 году число бизонов увеличилось вдвое, а к 1933 году их было 4404. Сейчас двадцать тысяч, может быть, уже и больше.

Нильгау — самая крупная антилопа Индии.

«Серый бык»

Еще в начале тридцатых годов до Европы дошли слухи, что в лесах Индокитая обитает совсем не известный науке дикий бык. Мало кто верил этим рассказам. Местные же охотники могли назвать все приметы загадочного быка. Они называли его коупрей — «серый бык».

Их спрашивали:

- Этот бык — бантенг?
- Нет, мы зовем его коупрей. Это бык-великан — выше самого высокого человека, и сзади нет у него белого пятна, как у бантенга.
- Может быть, это гаур?

— Нет, не гаур. Другой бык. У гаура почти нет подгрудка, а у коупрея — большой подгрудок. Он без-горбый. У гаура горб. У гаура быки и коровы темно-бурые. Коупрей-быки — черные, а коровы — серые.

И вот в 1937 году живой коупрей попал в Европу, в Парижский зоопарк.

А все началось с того, что профессор А. Урбен, директор зоопарка в Париже, путешествуя по Индокитаю, увидел в доме местного ветеринара, где он остановился, великолепные бычьи рога. Но рога не буйвола, не гаура, не бантенга и не гаяла — это ему было ясно. Но тогда чьи? Его любезный хозяин, ветеринар Р. Совель, организовал охоту на этих быков. Поймали молодого серого бычка и застрелили взрослого быка. Исследовав трофей, А. Урбен решил, что «серый бык» — новый бык. Он назвал его в честь Р. Совеля.

Но на этом история «серого быка» не кончается. Молодой коупрей, привезенный в Парижский зоопарк, погиб во время второй мировой войны. В оккупационной неразберихе потеряли бесценные для науки кости и шкуру коупрея.

Но ученые теперь знали, что таинственный лесной бык не миф. На охоту за ним в горные леса Бирмы и Индокитая еще в начале войны отправились новые энтузиасты. В 1940 году в Камбодже добыли еще одного коупрея. Его кости и череп, вновь основательно изученные специалистами, хранятся теперь в Гарвардском музее сравнительной зоологии.

Коупрей выше азиатского буйвола, бантенга и других быков своей родины. Рост в холке — 1 метр 90 сантиметров. У него длинные лировидные рога и высокие, стройные ноги. Шерсть атласная, черная, а ноги от копыт до колен белые. Почему же называют его серым?

Серые только коровы и молодые бычки и телки. Один или два черных быка сопровождают обычно эту «серую компанию». Естественно, что чаще всего именно серые, а не черные животные в стаде обращают на себя внимание.

Живут коупрей в густых лесах по склонам гор Камбоджи, Лаоса и, по видимому, других соседних стран.

В 1940 году нашли в Индокитае стада коупреев общим числом примерно в тысячу. Последнее время их никто не встречал; возможно, что война во Вьетнаме принесла гибель и коупреям.

В Южной Азии обитают еще пять видов настоящих быков: гаур, гайял, бантенг, як и зебу.

Гаур ростом, пожалуй, даже больше коупрея: в холке старые быки до двух метров двадцати сантиметров и весят тонну. Быки и коровы темно-бурые, почти черные, с белыми ногами. На холке у гауров горб, не такой большой, как у зебу, однако изнутри его поддерживают длинные остистые отростки спинных позвонков (у зебу горб без костных, так сказать, подпорок). Стада гауров утром и вечером пасутся в густых горных лесах Индии, Бирмы и Малайи. В дневную жару отдыхают в гуще леса. Гауры отважны и сильны, умеют постоять за себя против тигра и человека.

Гайял — домашний бык Бирмы и Ассама. Диких гайялов нигде нет. Возможно, гайял — одомашненный потомок гаура. Рога у гайяла толстые, раскинуты прямо в стороны, не лировидны, как у гаура. Сам он приземист (ростом около полутора метров), широколоб, черно-бурой масти, с белыми ногами и белой кистью на хвосте.

Бантенг — дикий лесной бык Бирмы, Малайи, Явы, Борнео и Бали. От всех быков его отличает большое белое пятно под хвостом, похожее на «зеркало» оленей. Ростом он примерно с гайяла, темно-бурый, без подгрудка, без горба на плечах, и рога у него не изогнуты лирообразно. Ноги ниже колен белые. Стада бантенгов в засушливый сезон года спускаются в долины. Когда муссоны прольют дожди, поднимаются в горные леса. Они обитают в более сухих районах, чем гауры, и могут подолгу не пить. Пасутся по ночам, днем прячутся в гуще леса. Когда бантенги отдыхают, то, говорят, ложатся кругом, головами наружу, а в центре стоит на страже какая-нибудь корова. Ударом копыта предупреждает она об опасности, и стадо тут же уходит подальше от подозрительных шумов и запахов. Бантенги осторожны, пугливы, далеко не так отважны и опасны, как гауры. На Яве и Бали есть домашние бантенги.

Як — высокогорный бык. Дикие яки живут еще в Тибете на безлюдных плоскогорьях. Дикая як почти вдвое больше домашнего: в холке до двух метров, весом в полтонны. Черно-бурая шерсть яка свисает с боков вниз длинной бахромой. Телята, которые рождаются осенью, прячутся от непогоды под брюхом у матерей, спасаются под защитой этого шерстяного полога. Зебу — «священные коровы» Индии. Они бродят по дорогам и улицам деревень и городов, и никто не смеет их беспокоить. Убивать и есть мясо зебу религия запрещает. У зебу большой горб на спине и большой подгрудок, масть палевая, серая, рыжая или черная. В Индии более тридцати разных рас и пород зебу. Некоторые из них завезены в США, здесь их скрещивают с шортгорнами, герефордами и другими поро-дистами потомками тура. Зебу и их гибриды легко переносят зной и укусы насекомых. Диких зебу нет, и предки их неизвестны.

Аноа, карликовый буйвол Целебеса, — самый маленький из быков и буйволов: метр в плечах. Мастью черно-бурый, рога короткие. У телят густая желтовато-бурая шерсть, но взрослые быки и коровы почти бесшерстны. Две расы (возможно, два разных вида) аноа обитают в густых низинных и горных лесах, обычно у воды, любят плавать и валяться в грязи. Тамарау — близкий родич аноа, живет в горных лесах острова Миндоро (Филиппины), но он воды не любит, не купается, в грязи даже не валяется, а в дождь прячется под деревьями. По утрам тамарау пасутся в одиночестве (аноа — тоже поодиночке или парами), но в жару, после полудня, собираются небольшими группами в тени густого леса. Тамарау вымирающий вид, их осталось, как полагают, не больше 250.

Настоящих буйволов два вида — азиатский и африканский, которого называют часто каффрским. Домашних азиатских буйволов можно встретить во многих южных странах от Египта до Филиппин, от Кавказа до Индонезии. На них пашут, возят грузы, молоко у них высокого качества, но мясо — не очень. Из шкур выделывают отличную кожу. Буйволы любят хозяина, очень послушны, и даже дети легко управляют огромными быками. До самозабвения любят воду, плавают отлично, прохладжаясь, часами лежат в воде, часто выставив из воды лишь ноздри. Так спасаются от насекомых.

Буйволы ненавидят тигров и, почуяв запах полосатого зверя, кидаются на него всем стадом. Из схватки с тигром буйвол-бык обычно выходит победителем.

Дикие буйволы живут еще в Непале, Бенгалии и Ассаме. Однако некоторые зоологи полагают, что это не дикие, а одичавшие домашние буйволы. Рога у азиатского буйвола огромные, длиной больше метра, лирообразно изогнуты назад.

У африканского буйвола рога короче, но изогнуты сильнее, на лбу расширены и уплощены пуленепробиваемым «шлемом». Африканский буйвол ниже азиатского, полтора метра в холке, но массивнее, весит больше 600—900 килограммов (азиатский — около 800). Он темно-бурый или черный, шерсть у молодых густая, у старых ее почти нет. Уши очень большие, вислые и лохматые. Хоть и массивен кафрский буйвол, но бегаёт очень резво: до 60 километров в час. В Африке охотники считают его самым опасным зверем: он часто первым кидается в атаку, а раненный, почти всегда нападает, топчет, бьет рогами. Ни выстрелами, ни новыми ранениями его не остановить, и спрятаться за деревом или в кустах трудно, потому что взбешенный, наделенный отличным нюхом буйвол не успокоится, пока не найдет и не убьет врага.

Стада буйволов, в которых бывает от десятка до двух тысяч животных, еще пасутся в саваннах Африки к югу от Сахары. Днем отдыхают в перелесках и кустах, утром и вечером идут туда, где есть трава и свежая листва. Буйволы много пьют и отлично плавают.

Более мелкий подвид кафрского буйвола — карликовый лесной буйвол живет в лесах Центральной и Западной Африки.

АНТИЛОПЫ

Разных антилоп, больших и малых, газелей и дукеров, около девяноста видов. Большая их часть обитает в Африке. Несколько видов в Азии и один вид из группы древних антилоп на западе Северной Америки. Это вилорог. Хоть и называют его антилопой, однако он принадлежит к особому семейству, не к полорогим, как другие антилопы (сайгаков, горалов и серн тоже иногда именуют антилопами, хотя систематики относят их к подсемейству козлообразных).

В отличие от настоящих антилоп Старого Света рога у вилорогов (самок и самцов) вильчатые, как у оленя. Каждый год (в октябре) зверь их сбрасывает, и к июлю вырастают новые. Они как чехлы, сидят на костных стержнях — вырастах лба. Зрение у вилорогов отличное: видят врага за несколько километров, но не убегают, пока не почуют его, поэтому к ним можно близко подойти. Испуганные взьерошивают белую шерсть на «зеркале», да так, что их зады выглядят как пышные шары.

Из азиатских антилоп нильгау, или нильгаи, самая крупная: до полутора метров в плечах. «Нильгаи» — значит «голубая антилопа». Самцы действительно голубовато-серые, но самки рыже-бурые. Короткие рожки носят только самцы, и еще отличает их от самок пучок длинной шерсти снизу на шее. У нильгау интересные правила дуэли: самцы бодаются, встав на колени. В центральных районах Индии еще немало нильгау: пасутся они в холмистых и низинных негустых лесах, заходят в джунгли, а иногда в открытую степь.

В Азии нет у нильгау близких родичей, кроме четырехрогой антилопы. В Африке есть: куду, ньяла, бонго, канна.

Гунтада — единственное четырехрогое животное в семействе полорогих. Цветом буроватая, ростом небольшая: 60 сантиметров. Живет (в одиночестве или парами) в негустых лесах на Индийском полуострове. Два небольших рожка на темени и два поменьше на лбу носят только самцы.

Куду и еще восемь других африканских видов (малая куду, бонго, ситатунга, ньяла, горная ньяла, канна, гигантская канна

и бушбак) из группы винторо-гих антилоп. У большинства из них белые полосы на боках, у бушбака — белые пятна. Большие куду обитают в каменистых кустарниковых вельдах. Рога у них носят только самцы. Малые куду живут на северо-востоке Африки.

Канна — самая большая антилопа: в плечах около двух метров, а вес быков до тонны. Почти метровые, спирально извитые рога носят и самцы и самки. Еще крупнее обычной канны гигантская канна из Судана и Западной Африки, которая живет в более лесных районах Канны незлобивые, легко приручаются. В Африке такие опыты делались не раз, а у нас в Аскании-Нова канн доят, как коров. Молоко очень питательно и как лечебный препарат «молкан» применяется уже против некоторых кишечных и кожных заболеваний.

Конгоны из группы коровьих антилоп, в которой, кроме двух гну, шесть живых и два уже истребленных вида (каама из Южной Африки и бубала из Северной Аравии). Топи похожи на кенгоны, но у них желтые ноги с иссиня-черными пятнами на ляжках. Самцы топи любят играть и бодаться, у каждого своя вытоптанная площадка для игр, на которую он других не пускает, а они именно это и норовят сделать. Про кон-гоны рассказывают, что стада их, когда пасутся, выставляют сторожей, и те, чтобы лучше видеть, забираются на высокие термитники. Сасасаби, другая коровья антилопа, считается самым быстроногим после гепарда зверем.

У антилопы гну есть что-то бычье, гривой и хвостом похожа она на лошадь, а странным и несуразным своим видом — на фантастического фавна. В Африке два вида гну — белохвостый, почти истребленный, уцелело их немного в Юго-Западной Африке, и полосатый, или голубой. У этого два подвида: чернобородый (Южная Африка) и белобородый (Восточная Африка). Гну, как и сайгаки, природные иноходцы.

В группе лошадиных антилоп шесть видов: три орикса, североафриканский аддакс и (в Восточной и Южной Африке) саблерогая и чалая антилопы. У саблерогой и самцы и самки черные, у чалой — рыжие. У ныне редкого подвида из Анголы — гигантской саблерогой антилопы — рога длиной до полутора метров! Саблерогие антилопы сухим саваннам предпочитают богатые водой леса, весят до трех центнеров.

Ориксов три вида: белый аравийский орикс почти истреблен, саблерогий орикс (пустыни Северной Африки) и обычный орикс (Восточная и Южная Африка). У последнего два подвида — белоногая бейза (с узкой черной полосой на боках) и южноафриканский орикс (черноногий, с широкой черной полосой

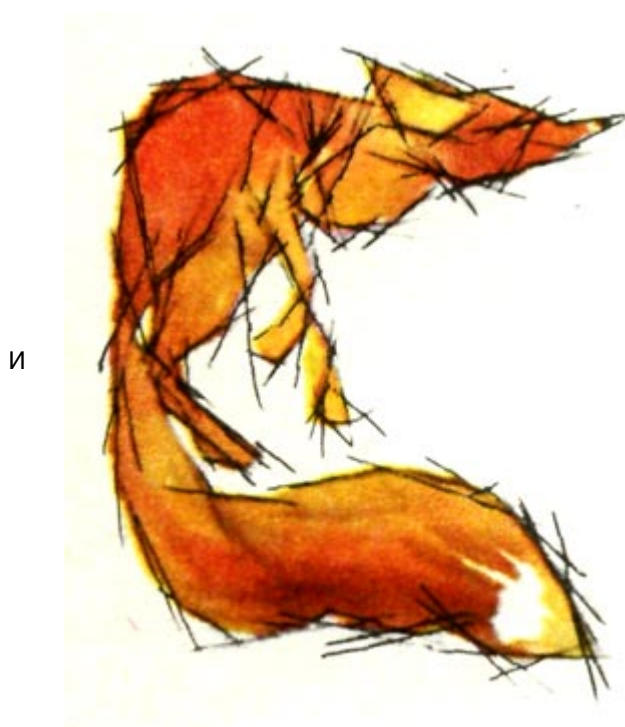
на боках). Воду ориксы почти не пьют, довольствуясь соками клубней и корневищ. Их самцы, сражаясь друг с другом, строго соблюдают рыцарские правила: не колют острыми рогами, а только фехтуют ими.

Неотрагусы — самые мелкие антилопы, а из них королевская антилопа, или неотрагус-пигмей, самая крохотная, ростом с зайца: 25—30 сантиметров в холке. Ножки у нее не толще мизинца, а копытца с ноготь. Дюймовые рожки носят только самцы. О жизни королевских антилоп почти ничего не известно. Пасутся они по ночам в одиночестве или парами в густых лесах Западной Африки. Карликовая антилопа Бейта и сунни — ближайшие ее родичи. Крошка дикдик и антилопа бейра тоже из группы нео-трагусов.

Дукеры, как и неотрагусы, маленькие антилопки, обитают в зарослях по берегам рек. Очень скрытны, и на открытое место их можно выгнать только силой. Кроме листьев и ягод, едят также насекомых, улиток и лягушек. В Африке 16 видов дукеров, и один вид на Занзибаре.

Антилопа бонго внешне похожа на куду и канну, но живет не в саваннах, а в густых тропических лесах Западной Африки и Кении. Это одна из самых красивых антилоп: яркого красно-каштанового тона с белыми поперечными полосами.

Прежде в тропической Африке, в местах с густой и высокой травой, водилось много антилоп ориби, которых систематики разделяют на три вида. Сейчас ориби всюду редки. Живут парами, реже собираются в небольшие группы. От врагов таятся, распластавшись по земле и вытянув шею и голову с длинными ушами перед собой. хотя антилопы не маленькие (80—90 сантиметров в холке), заметить их почти невозможно. Рога носят только самцы.

Газели

Последняя зима Великой Отечественной войны принесла дзеренам Монголии тяжелые испытания. На тихую страну, защищенную от непогоды плотными грядами гор, обрушились снегопады. Жители центральных аймаков увидели в декабре стада истощенных дзеренов, пробиравшихся сугробами на север. На пути животных встали леса, и дзерены, не задумываясь, вошли в них.

Это необычайный случай. Лес и дзерен несовместимы. И вообще, все газели, азиатские и африканские, не признают тесноты лесов.

Газели Монголии в том трудном году проделали длинный путь. Их летние пастбища — на востоке страны, на зиму же они обычно передвигаются к югу, в широкие, поросшие ковылем степи. Они и на этот раз поступили так же, но в степях их встретили неожиданные снегопады, пришлось повернуть вопреки вековым традициям миграции.

Все черты газелей обличают в них обитателей открытых твердопочвенных мест. Окраска чаще всего однотонная, буроватая или желтоватая — «пустынная». Никаких поперечных или продольных полос, лишь иногда мордашки разрисованы белым узором. У многих сзади светлое «зеркало», в частности у газелей, обитающих у нас в Средней Азии, Закавказье (джейран), Забайкалье, Чуйских степях и Тувинской АССР (дзерен). У джейрана это «зеркало» только от корня черного хвоста и вниз, у дзерена на крупе — выше корня светлого хвоста.

Копытца у газелей чрезвычайно малы. Газель на них как на цыпочках. Бегуны на короткие дистанции отлично знают, что высокую скорость не разовьешь, если будешь бежать, отталкиваясь всей ступней. Так и газель, если уж помчалась, то касается земли кончиками копыт. А результаты такие: дзерен — 65 километров в час, джейран — 62. Причем дзерен, например, настолько вынослив, что может пробежать в таком темпе километров пятнадцать.

Такие качества немаловажны для того, чей дом — открытые пространства. Слух у газелей прекрасный: они узнают о приближении врага даже по колебаниям земли — конечно, частенько слишком поздно. Поэтому приходится бросаться с места в карьер. Отбежав метров на триста, газель останавливается и уточняет: не зря ли она испугалась? Если опасность реальна, рысит прочь, стараясь двигаться по кругу.

Местожителство большинства газелей — Африка. А между тем их родина — Азия, точнее, Передняя Азия. Но оттуда они миллион лет назад, в нижнем плейстоцене, начали двигаться на запад.

Как бы там ни было, совсем еще недавно некий Тимурленг (в XIV веке его многие знали) кормил своих солдат отменным газельим мясом; охотники убивали для этого 40 тысяч животных в год. Монгольский «рог изобилия» долго не истощался: в недавних сороковых годах потомки перещеголяли Тимура, добывая по 100 тысяч дзеоенов ежегодно.

Одинокий кустик среди полыней и солянок. Казалось бы, кто тут, под этим бедным растением, может укрыться? Однако вмятинки в земле и кучки «орешков» по краям укажут, что именно здесь лежка газелей. Животное может только голову спрятать под тенью редких веток, но и этого, видимо, достаточно: оно по мере передвижения солнца перебирается вокруг куста. Здесь джейран «прохлаждается» 7—10 самых жарких часов, часто здесь же и ночует. Так же газели предохраняют себя от перегрева и солнечного удара — в тени деревьев, камней и развалин.

Взбитая копытами пыль — скачками удирают газели. Хвосты (у джейранов черные) вздыблены торчком, но не от радости нежданного свидания. Поднятый хвост — сигнал опасности. Между прочим, дзерен хвоста не поднимает (и он у него темный лишь на самом конце). Зимой и осенью джейраны сбиваются в крупные стада. Весной же под каким-нибудь кустом, видимым издали, вы, возможно, увидите джейраненка.

Он лежит на голой земле и незаметен даже в нескольких шагах — такая у него окраска. Предосторожности не лишни. Потому что угрозу таит даже небо: беркуты, грифы, орлы-курганники, хищные птицы всех мастей, — те, что покрупнее, рвут даже взрослых газелей. Четвероногие искатели мяса, конечно, не уступают крылатым. Правда, взрослых животных спасают быстрые ноги (догони!). Но для детенышей и лиса несет гибель.

Самое опасное время — первые дней пять. Потом газели-дети быстроноги. Два месяца кормят их мамы молоком. А затем — самостоятельность. Двухмесячный джейраненок гуляет уже где хочет.

Гон у джейрана в ноябре — декабре. Самцы предварительно устраивают так называемые «тонные уборные». Соискатель выроет небольшую ямку, насыплет в нее «орешков» и закопает. Это означает, что тут он наметил границу своих владений и тут ожидает самок (он полигам, у него их до пяти). Но другой самец, найдя «уборную», в ярости ее разгромит, раскопает и «орешки» раскатает по пустыне. Дескать, я не согласен! Ну и, понятно, драки.

В Африке много разных газелей.

Томми (газель Томсона) отмечены яркой черной продольной полосой на песчано-бурых боках (и на морде от глаз к носу — черные полосы). Хвост тоже черный, и, когда возбуждены, том-ми энергично крутят хвостами — сигнал «внимание!». Томми часто пасутся вместе с более крупными газелями Гранта и импала. В засуху уходят иногда и за сто -миль, в места, где есть водопои и зеленые травы.

Такие же, как у томми, черные широкие полосы, ватерлинией отделяющие белое брюхо от песочных боков, у более крупной, южноафриканской антилопы — горного скакуна. Эпитет «горный», которым наделили эту антилопу в некоторых изданиях А. Брема, — чистое недоразумение: не в горах, а в открытых степях и пустынях пасутся скакуны. Да и это последнее название тоже нехорошо: скорее не «скакун», а «прыгун», ибо спрингбок, неудачно названный в русском переводе горным скакуном, знаменит великолепными прыжками. Обычный его прыжок в длину — семь метров, в высоту — три!

На спинах у этих антилоп кожа с белой шерстью собрана гармошкой в складки. При тревоге скакуны растягивают свои «гармошки». Они белыми гребнями вздымаются над их спинами. А чтобы сигнал был виден издали, антилопы прыгают метра на три над землей, и саванна приходит в возбуждение. Зебры и гну, газели и буйволы прислушиваются, принимают и спешат подальше от того места, где машут «белыми платками» скакуны.

Герб города Самары

Дракон, охранявший «золотое руно» Колхиды, был, по-видимому, страж все-таки ненадежный. Досадная утрата бдительности, в результате которой экипажу «Арго» удалось оную драгоценность похитить, впрочем, простительна, если учитывать всю предшествующую добросовестную службу. Не дракону ли обязан Евразийский континент тем, что дикие козлы и бараны не разбежались по "всему свету? Лишь очень немногие из 22—25 нынешних видов этого подсемейства живут в Африке или в Америке. Большинство же — в Европе и Азии.

Некоторые исследователи полагают, что муфлоны и архары лишь географические расы одного вида диких баранов.

Впрочем, на одомашненных потомков утверждение не распространяется. С легкой руки аргонавтов 150 пород овец рассеяны ныне повсюду. Не отстали и козы. Но их движение повернулось, кажется, вспять. Вредная привычка выдергивать растения с корнем, превратившая многие ареалы козоводства в бесплодные пустыни, вынуждает людей все чаще прибегать к решительным мерам сопротивления. За дикими козами такого варварства по отношению к флоре Земли не замечено.

Итак, 22—25 видов. Этого вполне достаточно, чтобы на страницах книги образовалась порядочная толкучка. Чтобы ее не было, воспользуемся похожестью некоторых зверей друг на друга и разделим подсемейство на четыре трибы (как советуют нам современные систематики).

Триба первая: оронги и сайгаки.

Триба вторая: горалы, сернокозы, снежные козы, серны.

Триба третья: полукозы (тары), козлы (винторогие, безоаровые, козероги, туры), нахуры, гривистые бараны, бараны.

Триба четвертая: овцебыки и такины.

Прямо сказать, когда смотришь на сайгачат, невольно ступаешь на путь сравнений и фантастических догадок. У них мордочки вытянуты с явным намерением превратиться в хобот. Кажется, задайся они (где-нибудь в третичном периоде) навязчивым вопросом: «А чем завтракает крокодил?», и это удобное хватающее приспособление им было бы обеспечено, как и любопытному слоненку из сказки Киплинга.

Однако ничего такого не произошло. Зато у сайгаков (только у самцов) выросли рога. (Китайские лекари добывают из рогов сайгака тонизирующие лечебные препараты.)

Странная горбоносость сайгака — результат особого устройства его носа: носовые кости, высоко изогнуты, образуя весьма вместительную полость, в изобилии выстланную изнутри слизистыми железами. Рога сайгака, истертые в порошок, китайская медицина включает во многие лечебные смеси, и потому цена пары рогов на мировом рынке 250 долларов.

Раньше водился сайгак во многих местах. Считают, что ареал его простирался на всю Центральную и Западную Европу (даже в плейстоценовых слоях Темзы нашли кости сайгаков), на востоке — до Аляски. Ныне уцелел сайгак лишь в Монголии, в

Китае и у нас (от степей Предкавказья, низовьев Волги до полупустынь Средней Азии).

Современный запрет охоты привел к тому, что в 1958 году сайгаков в стране стало больше двух миллионов — приятная цифра! Лишь Астраханское промысловое хозяйство на правом берегу Волги без ущерба для роста стад добывает теперь по 200 тысяч голов в год.

Но вернемся к сайгачатам. По-видимому, начало истории о них следует отнести месяцев на шесть назад, то есть на тот самый срок, который понадобился их матери для вынашивания. Мы, таким образом, окажемся перед значительным в жизни сайгачьих стад событием.

Десять дней декабря. Метров на сто в диаметре утоптана степь плененным стадом самок. Их много (бывает что и пятьдесят). Самец один. Впрочем, вокруг несколько повергнутых соперников.

При рожденьях самцов-сайгаков столько же, сколько и самок, а после первого же гона на 80—90 процентов меньше! Рвут истощенных самцов волки, но немало, наверное, гибнет и в драках.

Гаремные стада не рассеиваются, не разъединяются, когда приходит время родов. Они не таятся, не ищут укромных местечек. «Роддом номер такой-то» расположен обычно на гладкой, открытой со всех сторон равнине, и благо для малышей, если тут найдется небольшое понижение почвы, чтобы хоть немного укрыться от неумолимого весеннего ветра. От прочих опасностей защищают лишь дальние расстояния.

15—20 минут священных страданий, и мир приветствует своих новых обитателей. Сайга, еще не чувствуя себя матерью, поскорей убегает. Но она вернется: зов природы заставит ее стремглав примчаться назад и быть нежной.

Как она их находит, именно своих малышей? К ней со всех сторон тянутся одинаковые головки, но собственные дети ждут! И ведь найдет безошибочно, даже если они непоседы.

И вот время завидно стремительного роста. Пятидневными щиплют траву. Месячными к трем килограммам своего веса прибавили еще шесть и, если мужского пола, уже имеют рожки. Через шесть месяцев весят чуть ли не тридцать килограммов. В семь месяцев, но большинство в двенадцать, — уже взрослые (самцы несколько позже, месяца на четыре).

Перед вами взрослый сайгак. У него рога длиной в 30 сантиметров — почти прямые, лишь изогнуты некрутой волной. Он в холке до 80 сантиметров. Рыжеват (изредка, однако, встречаются черные мела-нисты и белые альбиносы). Говорят, что сайгак похож на овцу на тонких ножках, но, пожалуй, это мнение слишком субъективное. Ранняя склонность к хоботе-образованию (если так можно сказать) оставила на нем неизгладимый отпечаток — он горбонос, как грек: вздутую морду венчает спереди небольшой хоботок «с широкими, трубкообразными, тесно сближенными ноздрями».

Его «следует считать животным степного ландшафта». В пустыню сайгак был загнан человеком. Таково мнение профессора Верещагина. Он считает также, что в доисторическое время, в плейстоцене и голоцене, сайгаки старались держаться поближе к лесу или по меньшей мере в зарослях и камышах, подобно некоторым африканским антилопам.

Но все в современном сайгаке выдает жителя широких просторов. Скоростные качества сайгака еще выше, чем у джейрана (70 километров в час). Зрение великолепное. За версту сайгак видит разные не слишком мелкие предметы (например, крадущегося браконьера). А слух слабый. Такого рода способности (и неспособности!) хороши только в пустыне. И потому сайгак, оказавшись в местности с ограниченным обзором, старается в ней не задерживаться. И еще: стада у сайгаков, особенно зимой, велики — не для зарослей, где трудно сохранять их монолитность.

У склонов монгольского Алтая, в Джунгарии, в низменности Зайсана мчится быстрый сайгак. Удивительная, редкая у него поступь-иноходь! Тело вытянуто струной, голова опущена, как у мотогощика: чтобы уменьшить сопротивление встречного воздуха.

Таким жители Самары начертали его в гербе своего города.

Жил-был...

Жил-был у старушки Земли нубийский, пиренейский, альпийский, винторогий, сибирский, кавказский и безоаровый... Ну конечно, козел!

По поводу того, что «вздумалось козлику в лес погуляти», на этих правдивых страницах утверждать не следует: все восемь видов козлов характерны для мест горных, у многих из них есть даже общий эпитет высокого научного (не литературного) значения: каменные.

Правда, обладая исключительной подвижностью, козлы регулярно спускаются вниз. Причины однообразны: неодолимые заносы снега, поиск пищи, воды, соляной голод.

«Козероги, гонимые неудержимым соляным голодом, мчались по ночам туда, куда бегали из года в год их предки, — в степь, на солончаки» (К и я с Меджидов, лезгинский писатель).

Тут необходимо одно небольшое уточнение. Профессор В. Гептнер считает, что астрономические «козероги» — название неверное: «Не козероги, то есть некие животные с рогами козла, но самые настоящие козлы».

Так вот, если даже и случается козлам обитать на лесистых склонах, то они, как правило, держатся вблизи крутых скальных обнажений: уверенней чувствуют себя,

когда под копытами камень. У них пальцы, заключенные в твердый роговой башмак, эластичны, шероховаты и чутки в прикосновениях с твердыми предметами, как мозолистая ладонь слесаря.

Снежный козел Скалистых гор — единственный дикий козел Америки. Но это не настоящий козел: в его анатомии много черт, сближающих его с антилопами. Новорожденные снежные козлята через десять минут уже встают на ножки, через двадцать — сосут, через полчаса резво прыгают по скалам.

Очевидно, постоянному соседству с жесткими «шрамами планеты» обязаны козлы и своей окраской: одноцветны, коричневатых и серых тонов, в тон камню.

История этих зверей проста и опять же определилась как результат их сердечной склонности к горным местам. Родиной козлов считают Азию. Оттуда весьма медленно, стараясь держаться поближе к вершинам, двинулись на восток и на запад. Новые земли осваивали столь неторопливо, что успевали по пути эволюционировать, образуя новые виды и подвиды. Впрочем, ухитрились даже расселиться в Англии (где их впоследствии уничтожили), а часть козерогов, то есть горных козлов ибексов, перебралась и в Африку. Так и по сей день осталось: одни живут в Евразии (в Пиренеях, Альпах, Центральной и Средней Азии, в Сибири), а другие там, на Африканском континенте, в Нубии.

Конечно, теперь, когда столько времени прошло, нарисованная картина расселения горных козлов может быть только гипотетической, но она удобна для того, чтобы провести цепь сравнений между остальными видами.

Прежде несколько слов о чертах общих.

Сходны весом (матерые самцы — 80—100 килограммов), ростом (до метра или несколько больше). Сложения плотного. Голого «носа», как у коровы, на конце морды нет. Самцы носят под хвостом железы, издающие запах, который называют «специфичным», но он просто-таки невыносим. (Эти железы — «по бокам анального отверстия» или «на нижней поверхности хвоста», как пишут другие специалисты. Где именно — предоставим им самим разобраться.)

Безоарового козла (Крит, Турция, Кавказ, Южная Туркмения, Иран) принято считать родоначальником домашних коз. У него рога длиной в человеческую руку, круто загнуты назад, как полозья старинных саней. Переднее ребро рога острое и усажено зубцами. Темно-бурая полоса по хребту и густая, поистине «патриаршая», борода дополняют облик зверя. Борода, кстати, принесла ему и дополнительное прозвище — «бородатый».

Но раз уж о прозвищах, то нельзя не сказать и о первом — старинном, книжном. Слово «безоар» означает нечто вроде шара из слипшихся волос, попавших в желудок копытных вместе с пищей (чем-то подобен он амбре из переработанных в кишечнике кашалота клювов кальмаров). Этот побочный продукт пищеварения копытных (в частности, у козлов) раньше считали чуть ли не волшебным, столько за ним числилось разных лечебных свойств. И от бесплодия он помогал и от болезней желудка. На Руси, говорит профессор В. Гептнер, его называли «безуй-камнем». Мнительный Никон жаловался царю Алексею Михайловичу, когда его, кажется, пытались отравить: «Едва безуем отлизался».

А Гекльберри Финн вот что рассказывает о «бе-зуге»:

«У Джима, негра мисс Уотсон, был большой волосяной шар, величиной с кулак; он его вынул из бычьего сычуга и теперь гадал на нем. Джим говорил, что в шаре будто бы сидит дух и этот дух все знает. Вот я и пошел вечером к Джиму и рассказал ему, что отец опять здесь, я видел его следы на снегу. Мне надо было знать, что он собирается делать и останется здесь или нет. Джим достал шар, что-то пошептал над ним, а потом подбросил и уронил на пол. Шар упал, как камень, и откатился не дальше чем на дюйм. Джим попробовал еще раз и еще раз, получалось все то же самое. Джим встал на колени, приложил ухо к шару и прислушался. Но толку все равно никакого не было. Джим сказал, что шар не хочет говорить. Бывает иногда, что шар без денег ничем не станет говорить».

Если следовать принятой нами примитивной схеме распространения козлов, то получится, что от какого-то древнего бородача к востоку отделится сибирский горный козел ибекс (самый крупный, но в той стороне и прочие звери всегда вырастали лучше), а к западу — альпийский и нубийский козлы (тоже из под-рода ибексов). Рога у них, так же как и у безоарового козла, сильно загнуты назад, однако вместо острых зубьев — округлые поперечные выступы, отчего сравнивать

такой рог можно, по-видимому, с вальком, которым в старые времена баба белье катала на речке.

Винторогий козел, как полагают, никуда от своего «посаженного» (палеонтологами) предка не двигался. Он, может, и сам «предок»: очень у него стариковская внешность — бородища и, главное, большая грива снизу по шее, на груди и плечах. Рога — штопоры больше метра. Правда, одно из названий козла — «мархур» — трактует такую витиеватость рогов весьма романтично: «мар» в Кашмире — «змея». А по-персидски «маркхор» — «поедающий змей». Но никто еще не доказал, что этот козел, хоть изредка, ест змей.

Мархуры живут на севере Индии, в Афганистане, в горах Средней Азии (но не на Памире!). Немного их.

По нашу сторону границы козлов этих сейчас около тысячи, причем пятьдесят лет их охраняли, а они своего поголовья увеличить почти не смогли.

У винторогого козла мархура рога — гигантские штопоры, как раз по руке Гаргантюа: длиной до метра с четвертью.

И наконец, туры. Они (дагестанский и кубанский виды или подвиды быку-туру лишь тезки) водятся только на территории Советского Союза, ареал их узок (лишь Главный Кавказский хребет с отрогами). Туры внешне немного похожи на баранов, рога раскинуты в стороны, издали смотреть — как будто два лепестка геральдической лилии на голове зверя. По производству молока турица на первом месте среди диких коз: почти литр в день. Туренка на следующий день после рождения не поймать и спринтеру.

В меню туров 130 видов растений (у сибирского козла только 80). Они пасутся и в нагорьях и в низинах. Причем с гор спускаются иногда весьма забавно: садятся на зад и катятся, как сорванцы. Кроме того, копытят корм из-под снега — уменьше редкое среди козлов.

В 1917 году в Крыму после четырехлетней не°оли в загоне небольшое стадо муфлонов, эмигрантов с Корсики (у трех была примесь крови домашней овцы), получило свободу. Конечно, не манна небесная ожидала баранов, а ответственная борьба за существование. Звери, однако, смело углубились в горы, чтобы через 23 года обратиться в солидную отару (500 голов) почти чистокровных муфлонов.

Но это произошло потом. А вначале их изредка встречали на горных тропах и на яйлах (высокогорных лугах). Они держались вместе, вожаком была самка... дагестанского тура.

Заметьте, тура — значит, козла, а не барана!

Перед лицом столь многообещающего факта можно по меньшей мере предположить, что жизнь и повадки козлов и баранов весьма схожи. Нахур (он же куку-яман), давнишний обитатель Центральной Азии, столь равно похож на тура и барана, что подтверждает былую родовую связь обоих.

Семь видов диких баранов разделяют систематики на четыре группы, или подрода: настоящие бараны (архары, муфлоны), снежные бараны (они же толсто-роги и чубуки), гривистый баран (похож немного на тура, живет в горах Северной Африки) и упомянутый уже нахур, или голубой баран.

Чубуки водятся в Северной Америке и Северо-Восточной Азии. Муфлоны (два вида — европейский и азиатский) — в Центральной, Средней и Передней Азии, а также в Закавказье и на островах Средиземноморья. Муфлоны, кроме того, акклиматизированы во многих странах Европы, а у нас — в Крыму и Ас-кании-Нова.

Архары — горы Центральной и Средней Азии, а также Алтая и Тувы.

В последнее время некоторые зоологи предлагают муфлонов и архаров объединить в один вид с множеством подвидов. Разногласия в классификации происходят вовсе не из-за каких-то важных различий между баранами. Нет, их удивительное, беспримечное разнообразие лишь в области весовых категорий. Например, самый маленький из этих баранов может весить 40 килограммов, а самый крупный — 200. Рога тоже не одинаковые: от 67 до 190 сантиметров. Это разница лишь в длине, а по объему рог одного больше, чем рог другого, в 12 раз!

Бараны — звери горные. Они любят сглаженные мореной долины, гладкие травянистые плато, округленные слоем почвы и растительностью сопки — в общем, места такие, чтобы было где пробежаться на хорошей скорости, чтобы далеко было видно. Чубуки привычны и к скалам и к осыпям. Питание себе они часто находят там, куда не всякий альпинист полезет. Муфлоны — соседи людей. Чубуки — обитатели краев, долгое время не обжитых.

Оттого, видимо, чубукам не довелось принять участия в гигантской селекционной работе, которую вели скотоводы на протяжении тысячелетий.

Архары-муфлоны — родоначальники 150 пород овец.

Государства охраняют горных баранов. Их генетические задачи еще не исчерпаны. Ведь совсем недавно прилитием крови архаров вывели породы архаромериносов, которым не надо подкормки: пасутся круглый год на горных пастбищах. Когда приходит время, дают мясо и шерсть высокого качества.

Чубук — копытный зверь, для которого Полярный круг не магический круг. Чубук во многих отношениях очень «экономичен». Обходится сорока видами растений, причем лишайники, ветки карликовых березок, разные мхи отлично его кормят. Живет на горнотундровых пастбищах, но хорошо себя чувствует и на уровне моря. С непогодой справляется. Американские ученые скрещивали снежных баранов с домашними овцами. Результаты благоприятны.

Отряды животных

